

84Кс37
7128

Максут НАРИКБАЕВ
Ораз ИСМАИЛОВ

ТРУДНЫЕ
СТУПЕНИ
СЧАСТЬЯ

1210
N 468

Нарикбаев и
Журачные ступени
счастья
Алматы, 2006

84/037
4128

МАКСУТ НАРИКБАЕВ
ОРАЗ ИСМАЙЛОВ

АБОНЕМЕНТ

ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ СЧАСТЬЯ

Книга диалогов

“Қазақ гуманитарлық-
заң университеті” АҚ
Алматы заң академиясы
КІТАПХАНАСЫ

ПОГЩЕНО

Алматы
2006

ББК 84 Каз 7
Н 28

Нарикбаев М., Исмаилов О.
Н 28 Трудные ступени счастья: Книга диалогов. — Алматы, 2006. — стр. 576.

ISBN 9965-27-975-6

Основой этой книги послужил жизненный путь двух друзей, ставших известными в стране людьми. Они родились в одном краю, учились в одной школе, вместе провели сладостную пору отрочества, поначалу вместе делали первые шаги во взрослую жизнь во времена горячей молодости, а позже каждый выбрал свою профессиональную стезю.

Один из них стал очень крупным общественным деятелем, другой получил признание за мастерство своего пера. Делясь в свободной и откровенной беседе собственными мыслями о справедливости и честности, о добре и полезных начинаниях, авторы переходят к глубоким размышлениям относительно человечности и здравого смысла в сфере управления государством и судьбами людей. А также рассуждают о счастье, открывая друг другу сердечные тайны о пережитых некогда радостях и печалях.

Что касается природы предлагаемого читателю произведения, то это беседа, своеобразное собрание диалогов. Красивый, сочный язык, свойственный лексике обоих авторов, придает особую яркость этому литературному творению и, переплетаясь фактами жизненных биографий, становится подлинным украшением книги.

Думаем, этот труд будет весьма интересен для широких кругов интеллигенции, а для поколения будущих правоведов и других молодых читателей станет замечательным уроком и хорошим жизненным ориентиром.

Н 4702250200
00(05)—06

ББК 84Каз 7

ISBN 9965-27-975-6

© Нарикбаев М., 2006
© Исмаилов О., 2006

ПРОЛОГ

Посвящается Касие Кадыровне

А в т о р ы

Часть первая

ПРОЛОГ

Мы — старинные друзья. Правда, наша дружба завязалась не в детстве, а в раннюю пору юности. Случилось это так: окончив седьмой класс, я перешел в Жетысуйскую среднюю школу, которая тоже находилась в нашем районе, чтобы продолжить учебу в восьмом классе. Не зря говорят, что хороший человек притягивает к себе. В первый же учебный день я познакомился с Орекеном — Оразом Исмаиловым, в первый же день сблизился с ним и сел за одну парту. Так мы и просидели вместе до конца учебного года. Наше место оказалось счастливым, а отношения — прочными. Никогда дружбу между нами не омрачала даже тень размолвки. К тому же оба с честью завершили восьмой класс. С началом летних каникул я засобирався домой — в свой аул Еркин. Провожая меня, Ораз сказал напоследок:

— Смотри не вздумай перейти в другую школу, обязательно возвращайся к нам. В какой бы класс нас ни посадили в следующем году, я займу для нас парту и никому не позволю сесть рядом с собой!

Я согласно кивнул в ответ головой. Но разве ты порой волен противостоять властному напору своей судьбы? Так сложилось, что в девятом классе я был вынужден пойти учиться в другую школу — в Талдыкоргане.

Как узнал позже, Ораз остался верен своему обещанию: никому не разрешил сесть рядом, все отговаривался: “Максут приедет”, “завтра появится”, “на следующей неделе будет”, “письмо написал, привет вам передает”. Так, скучая по мне, он провел первую четверть, потом томительно ожидал моего приезда всю вторую четверть, надеялся на встречу и в третью, и в четвертую четверти. Завершился учебный год, а меня все нет.

В конце концов Аллах над нами смилостивился, и в 1957—1958 учебном году мы снова встретились. Я вернулся в аул Ораза и в десятом классе вновь стал учащимся Жетысуйской средней школы. Эти два года, которые мы проучились вместе (восьмой и десятый классы), укрепили нашу дружбу навечно. Естественно, в последующей жизни мы не всегда были рядом. Поначалу разбрелись в разные стороны, чтобы получить дальнейшее образование. Потом ушли в армию, дабы исполнить свой гражданский долг. Наконец, женились, растили детей. Однако, куда бы ни заносила нас судьба, друг о друге мы не забывали. Никогда не предавали и бережно хранили верность светлым мечтам своей юности, возникшему в ту пору взаимному искреннему расположению и желали друг другу только добра. По возможности виделись. Когда наше общение, наши встречи становились особенно редкими, мы, как и когда-то в далекой молодости, скучали в разлуке и тосковали друг по другу.

Время промчалось незаметно. Ораз сформировался как писатель, я — как правовед. Если он на протяжении последних тридцати лет своей жизни трудился в одной организации, продемонстрировав завидное постоянство, я, сталкиваясь со всевозможными сложными обстоятельствами, переходил с одной работы на другую, попробовав себя и на ответственных должностях разного уровня. Видно, Аллах посчитал мой путь праведным — впоследствии я даже исполнял обязанности генерального прокурора республики и председателя Верховного Суда страны.

Одно плохо — последние тринадцать лет мы с Оркеном, чисто в силу занятости, практически не общались. И вот, соскучившись по друзьям той медовой поры, когда все мы вместе резвились и озорничали, подобно жеребяткам, когда вкушали молоко одной матери — нашей родины, я на крыльях радости спешу в отчий край, в родную округу, в любимый город. Бог даст, се-

годняшним вечером состоится долгожданная встреча со многими моими друзьями и сверстниками, с кем прошли незабываемые годы отрочества и юности. Сердце громко бьется в груди. Моя конечная цель — ресторан “Жетысу” в городе Талдыкоргане, где будет праздноваться 60-летие Шакербая Буршакбаева, дорогого наперсника, с которым мы вместе росли. В этом ресторане я не раз сиживал за одним столом со своими закадычными друзьями и старшими товарищами, с которых во всем брал пример, здесь же мне довелось отдыхать и со многими уважаемыми людьми. Эти стены словно навечно вобрали в себя пережитые мною счастливые дни, забавные истории и даже песни, что я иногда сочинял. Именно поэтому они мне особенно дороги, кажутся по-особому теплыми.

Что скрывать, едва примчавшись на место, я, пробежавшись взглядом по скопищу собравшихся гостей, стал в первую очередь искать Ораза. Мой верный друг — он уже устремился ко мне, будто орел, распахнувший крылья. Заключив друг друга в крепкие тиски, мы радостно обнялись. “Как здорово вот так истоскаться!” — шепнул я про себя. Все мое тело наполнила какая-то особенная сила. Не знаю, то ли она передалась от моего доброго и преданного друга Ораза, то ли вошла вместе с пламенным огнем неизбывной тоски по далекой, полузабытой поре, только с каждым мгновением я становился все бодрее и бодрее, ощущая необыкновенный приток энергии. Стискивая друга, я не умолкая спрашивал: “А помнишь это?”, “Помнишь, как мы тогда?..”, “Не забыл, как в тот раз?..”

И в самом деле, много веселых, смешных и суматошных историй случалось с нами, особенно после того, как мы, благополучно расставшись со сладкой порой отрочества, раскрыли свои объятия навстречу молодости. Ораз молодец, ни одну из этих историй не забыл, наоборот, одну за одной напомнил мне уйму других.

Моя супруга Касия (Касиет), радостно наблюдавшая за тем, как мы на глазах у всех, счастливые, бурно обмениваемся впечатлениями, неожиданно предложила:

— А почему бы вам не написать обо всем этом книгу, не спеша, с толком рассказать о том, что вы пережили за ушедшие годы?

И в самом деле, почему бы не написать?

— Ораз, ты уже тридцать лет работаешь собственным корреспондентом Казахского радио в Семиречье — у стольких людей брал интервью! Готовь-ка свой микрофон заново и задавай вопросы мне. Я постараюсь ответить, а остальное сам вспомнишь. Если потребуется, можем и Касию с Хадийшой разговорить! — решительно предложил я.

— Куда нам деться от истории собственной жизни, если уж нас так переполняют воспоминания, давай попробуем! — ответил, искренне улыбаясь, Орекен.

— Да, воистину, в нашей жизни было и хорошее, и плохое, и горькое, и сладкое. Вот и к шестидесяти подошли. Пусть знают наши дети, наши друзья и коллеги, пусть знает народ, какую беспокойную и полную событий жизнь мы прожили!

Слава Богу, никому не причиняли зла и никого не унижали. Никому не переступали дороги. Не покушались, забыв о чести, на чужое. Не лгали младшим, не пытались околдовать обманом старших. Правда, бывали моменты, когда в силу необходимости и нам приходилось прибегать к разным хитростям и уловкам. Но разве это предосудительно? Долг каждого человека — устремленность к высокой цели, усердие в ее достижении. Давай и напишем об этом!

— В таком случае, не посвятить ли нам будущую книгу Касие, ведь это она подарила нам идею?

— Замечательно и очень уместно. Приступим как можно скорее!

— Самый близкий после Бога человек для Касии — это ты, поэтому сам и начнешь разговор на нашей завтрашней встрече. Начинай издалека. Не спеши!..

Вот так и было принято решение.

Уважаемый читатель! Эта книга теперь в твоих руках. Прочти ее и дай справедливую оценку. Но сначала хотим предупредить: мы не собирались никого поразить, написав длинную книгу размышлений о жизни, нашей единственной целью было лишь вспомнить и рассказать о том, что мы пережили. Если тебе понравятся наши откровения, будем считать, что этот труд озарился светом. Да пребудет с нами Аллах! Ауминь!!!

Максут

* * *

*Кто юности своей забудет шумный пир
И образ той, с кем расцветал весь мир?!
О, сколько радости в тех сладостных годах,
Что словно дар великий ниспослал Аллах!*

*Был полон счастья каждый наш беспечный день,
Не ведали, как нас накрыла ночи тень,
Под гомон птиц встречали мы порой рассвет,
Дарили милым собранный в горах букет...*

*Под дымкой миража играет добрый свет
Тех озорных, веселых и прекрасных лет,
И в памяти всю жизнь храним их яркий лик,
Как будто не года промчались — только миг.**

Образ

* Перевод М. Жанузаковой.

*Я песней сердца о тебе пою
И славлю щедрость, широту твою.
Тобою вскормлен и тобой храним,
О степь, ты моя мать, а я — твой сын.**

Ильяс Джансугуров

МОЯ БАБУШКА ГИЗАТБАНУ

Максут: Люди называли ее Ризатбану. Близкие родственники звали просто Изат. Но настоящее имя моей бабушки — Гизатбану. Она родилась в семье зажиточного татарина, купца первой гильдии, на богатство которого с завистью взирали все уйсун и найманы местности Шубарагаш-Ойжайлау, одного из самых крупных и красивых районов Семиречинского края.

Главное, на чем хотелось бы заострить внимание, так это то, что природа Шубарагаш-Ойжайлау изумительно прекрасна, а сыновья и дочери, родившиеся и выросшие среди этой красоты, взлелеянные в старинных ивовых колыбелях, щедры и отзывчивы душой, отличаются необыкновенными способностями и особенным характером. Если вспомнить речи древних старцев и свидетельства старинных летописей, то, похоже, эта земля подарила миру множество знаменитых батыров, которые всегда были гордыми знаменосцами на своих резвых тулпарах; она вскормила целый сонм непревзойденных акынов, талантливых танцовщиц, лихо кружащихся в стремительном вихре танца, одаренных кюйши** **, от чьего мастерства в близлежащих горах умолкало все живое,

* Перевод М. Жанузаковой.

** К ю й ш и — исполнитель кюев, музыкант.

певцов, голоса которых могли поспорить с соловьиными трелями.

Как рассказывают согбенные очевидцы давней истории:

— Батыры были такие, что, когда они спешивались с коней в том месте, где происходило состязание борцов, им тут же, не дожидаясь их вступления в единоборство, преподносились главные призы. Если певцы затягивали песнь, по телу человека пробегала невольная дрожь, а весь мир вокруг разом затихал. Ну а стоило только увидеть мастерство танцовщиц, как глаза твои начинали постреливать искрами, а сердце на протяжении семи дней само готово было пуститься в пляс!

Почва в Шубарагаш-Ойжайлау плодородная, вода — все равно что мед. Здесь не бывает неурожая. Воткнешь палку — через несколько лет она вытянется стройным тополем. Рассыплешь горсть — получишь мешок зерна. Этой земле даровано в равной степени счастье и изобилие, она благословенна.

Человек, который не глотнул пряного воздуха этой земли, не попробовал здешней воды, может лишь мечтать об этом.

Человек, который, сорвав пучок жусана* с этой земли, не вдохнул его горьковатого полынного запаха, может лишь мечтать об этом.

Человек, который ни разу не нырнул в глубину просторных озер и степенных рек этой земли, может лишь мечтать об этом.

И ветер, и люди этой земли поведают вам сокровенные тайны.

Эта земля неистощима на песни, мелодии, легенды и предания.

Священный край, святая обитель.

Если, мой друг, попадешь сюда, сам невольно склонишь перед этой землей голову!

* Ж у с а н — вид полыни.

Шубарагаш-Ойжайлау — историческое место, ставшее во второй половине XIX века свидетелем присоединения Великого жуза казахов к Российской империи. Вот как описывает этот край в своей книге “Дневники и письма” Адольф Янушкевич — наблюдательный и образованный сын польского народа, сосланный сюда, на окраину царской России, вместе с другими поляками, и долгие годы неустанно трудившийся здесь:

“19 июня 1848 года.

Встав ранним утром, мы увидели Ойжайлау, сияющий всем своим дивным великолепием. На поверхности травы посверкивает роса. Чистый, свежий воздух ни с чем не сравним...

После полудня прогремел гром, и пролился ливень. Немного погода утих, а потом зарядил с новой силой. Эту землю нельзя сравнить ни с одной другой, чтобы передать вам ее красоту, признаюсь: даже если бы я пришел сюда пешком из самого Омска, нисколько не пожалел бы о пролитом поте. Ни один из королей мира никогда не жил в таких прекрасных и романтических местах, как эти, которые облюбовали для себя казахи. Голубые высокие горы, поросшие лиственницей, березой, тальником и тополями, словно нависают над нами с небес. В ущельях и на горных склонах встречаются заросли дикой яблони, джиды, бузины и других кустов, густо усыпанных плодами. Выше, над ними, растут хвойные породы деревьев, а еще выше, даже там, где вершины гор упираются в облака и лежит вечный снег, тоже произрастает растительность.

Прямо перед нами, разветвляясь на несколько рукавов, прыгает с камня на камень речка Лепсы. Куда бы ни пошел, трава везде выше пояса. Повсюду на холмах косяками и табунами пасутся лошади, верблюды и коровы. Наверно, это и есть земной рай, жаль только, что я не в состоянии описать его лучше!..

Действительно, трудностей в здешних путешествиях сверх головы. Кругом камни, островерхие скалы и утесы, по этим крутым склонам и обрывам могут вскарабкаться лишь местные лошади, привыкшие сдерживать свой пыл. Если конь ненароком оступится, и сам он, и всадник на нем скатятся в глубокую пропасть и могут навсегда распротиться с белым светом. Зато какая чудная панорама открывается перед тобой сверху! Если взберешься на какую-нибудь гору, преодолев сотню опасностей на своем пути, то с высоты вершины сможешь с наслаждением увидеть, как у ее подножия лежат другие горы, поменьше, а у твоих ног раскинулся замечательный пейзаж, свойственный Альпам или Апеннинам...

Я с радостью простился с казахскими Альпами, где провел несколько удивительных дней, каждую минуту вспоминая свои путешествия по Швейцарии и Италии". (А. Янушкевич "Күндөліктер мен хаттар" — "Дневники и письма", "Жалын", Алматы, 1979, стр. 99, 100, 124, 128.).

Шубарагаш-Ойжайлау стал одним из первых освоенных колонистами поселений царской России в краю Семиречья, и это историческая правда. Его административный центр — Лепсы. Здесь был основан большой одноименный уезд. Если вспомнить, что Лепсинский уезд организован гораздо раньше Капальского и Верненского, становится ясным, что в известной степени он являлся и центром культуры того времени. Здесь еще в сороковых годах XX века действовало Лепсинское учебно-просветительное училище, открытое в дореволюционный период. Если взглянуть на этот факт с точки зрения давно ушедших времен, то существование такого учебного заведения можно расценить как один из знаков заметного цивилизационного прогресса.

Моя бабушка, родившаяся в этих счастливых местах с их удивительной природой и древней культу-

рой, еще с малых лет обучилась грамоте в местном медресе и освоила игру на различных музыкальных инструментах.

Я с раннего детства, пока не подрос, всегда спал рядом с ней. И привык к тому, что к стене, которая была в нашем изголовье, прислонена маленькая черная однорядная гармонь. Когда я ложился спать, мой взгляд всегда упирался в эту гармонь. Я неотрывно смотрел на ее потертые кожаные меха, и постепенно мои глаза слипались. Иногда бабушка брала ее в руки и залихватски, с задорными переливами наигрывала на ней казахские, кыргызские, уйгурские и татарские песни. Слушая ласковые, мелодичные и игривые напевы кыргызов, грустные, таинственные песни татар, ритмичные, необыкновенно музыкальные мелодии уйгурского народа и красивые, раздольные, уносящиеся в заоблачную высь мотивы любимых казахских песен, я окунался в реку грез. Эти напевы, эти песни, эти мелодии, которым я внимал изо дня в день, со временем настолько угнездились в моей душе, что я не находил себе места, пока не научился наигрывать их сам. С тех пор я неотступно ходил хвостом за своей старенькой бабушкой и надоедал ей просьбами: “Научите меня, покажите, пожалуйста, как сыграть эту песню!”

Надо сказать, моя бабушка была очень благодушным, учтивым и отзывчивым человеком, она никогда не отталкивала людей и никогда ни на кого не поднимала голос. Любое обращение ко мне она начинала со слов “вороненок ты мой!” и всегда с какой-то особенной, жалостливой добротой нюхала мой лоб.

Эта светлая, золотая моя бабушка в один из дней и научила меня первой песне — казахской “Елімай” (“Родная земля”). Когда я ее как следует выучил, бабушка показала мне одну за другой такие несложные для запоминания песни, как татарские “Галия-

Бану” и “На берегах Сармана”, казахские “Еркемай” (“Моя баловница”) и “Сәулемай”, так что уже в четвертом-пятом классе я стал выступать с музыкальными номерами перед соседями и родственниками. Не преминул продемонстрировать свое умение и перед приятелями, с которыми вместе играл в асыки, ловил рыбу и гонял юркий мяч. Стоило лишь кому-нибудь вымолвить: “Сыграй”, как я тут же садился и радостно наяривал на черной однорядке. С другой стороны, видимо, в силу трудной и нищенской жизни послевоенных лет, пока не перешел в 10-й класс, большой гармонии или баяна я даже в руках не держал — они были в наших краях огромной редкостью. Все мое богатство — так это та самая старая маленькая черная гармошка, которую бабушка в итоге подарила мне. Ее я вскоре полностью освоил.

Игре на трехрядной гармонии я научился от своего соклассника Кулмана Шалимбетова, в тот год, когда пришел учиться в 8-й класс в вашу Жетысуйскую среднюю школу, а секреты баяна открылись для меня уже в 10-м классе, благодаря нашему замечательному другу, старшекласснику Ибраиму Туганбаеву.

Ораз: Максут, одной только последней фразой ты воскресил в моей памяти те далекие годы. О, удивительная пора нашей юности, какие счастливые были времена!

Вспомни-ка, на наше гражданское и человеческое становление повлияли три разные основы. В первую очередь мне хочется немного рассказать о главной — о школе, нашем “золотом гнезде”. Она открылась в 1929 году как четырехклассное учебное заведение, то есть по уровню это была начальная школа. После окончания Великой Отечественной войны стала семилеткой, а позже была преобразована в восьмилетнюю. И только в 1955—1956 учебном году получила статус десятилетней средней школы.

В это время мы, окончив седьмой класс, благополучно перешли в восьмой. За послевоенное десятилетие социально-экономическое положение страны по-настоящему еще не выправилось, поэтому в объеме всего района число десятилетних школ было невелико. Такие учебные заведения, дающие полное среднее образование, стали потихоньку открываться лишь в единичных крупных хозяйствах с быстро поднимающейся экономикой, да и то только в тех селах, где председателями колхозных правлений были новаторы, прогрессивно мыслящие люди.

Наш колхоз возглавлял участник Великой Отечественной Абдикадыр Даиров, который и до войны был председателем колхозного правления. Пожилой крепкий мужчина, кавалер многих орденов и медалей, на груди его поблескивала и Золотая звезда Героя Социалистического Труда. Да упокоится его душа! Весной 1955 года этот человек создал в колхозе специальную строительную бригаду (в ее составе работал главным каменщиком и мой отец Исмаил) и начал строительство новых зданий сельсовета, школы и колхозного правления. Лето сложилось благоприятным, да и строители с особым рвением и усердием отнеслись к этому доброму почину, тем более, что одно из сооружений предназначалось детям, — все стройки были полностью завершены уже к концу августа того же года. Традиционный звонок первого сентября торжественно, словно в пределах царского дворца, прозвенел во дворе новой школы.

Мы, дети, прежде учившиеся отдельно, по классам, в покосившихся ветхих домах, готовых вот-вот рухнуть, которые к тому же находились в разных концах колхоза, впервые собрались вместе в прекрасном здании, крытом листовым железом. Нашей тогдашней радости не было предела!

Пришедшие на церемонию торжественного открытия новой школы представители районного комите-

та партии и отдела народного образования, председатель колхоза, директор школы и наши родители, выступая с напутствиями в адрес учащихся, один за другим подчеркивали, что наш единственный долг теперь — хорошо учиться, добиваться успехов в спорте и искусстве, быть лидерами среди сверстников района и области. Выстроившись перед ними стройными рядами, мы внимали словам старших как священному завету, адресованному каждому из нас. А когда все выступили, отдав пионерский салют, искренне, от всего сердца дали хором клятву:

— К борьбе за дело коммунистической партии всегда готовы!

Сдача в действие новой школы, воздвигнутой в кратчайшие сроки, стала знаменательным событием не только для нашего аула, лежащего у самого подножия Алатау, но и в жизни всего края. Дети из некоторых хозяйств, где отсутствовала десятилетка и не было возможности в ближайшие годы ее построить, потоком хлынули в нашу школу. Мы ведь казахи, народ, который в каждом знакомом видит родича: почти все находили в нашем ауле каких-то родственников, близких и пристраивали к ним на жительство своих детей школьного возраста. А отдельные семьи даже стали перебираться к нам на постоянное местожительство. Одним словом, пополнялось и число взрослых колхозников, и число детей, население села заметно увеличилось.

Среди новых учеников нашего класса оказался и ты. Как потом выяснилось, приехал к нам из нищего колхоза со слабой экономикой “30 лет Казахской ССР” и устроился в доме своей тетки Жамал, которая вышла замуж за кузнеца Сагымбека — нашего аулчанина. Ты мне сразу приглянулся своим спокойным и серьезным характером. Мы тут же подружись и сели за одну парту.

В ту пору среди местной аульной детворы распространялась одна, зловердная привычка. Любого

новенького, пришедшего в какой-нибудь класс или прибывшего по разным причинам в наше село, они начинали преследовать, не давали проходу, то и дело задевая словами или намеренными тычками. Наши одноклассники собрались проделать то же самое и с тобой: решили подкараулить, поиздеваться, а возможно, и поколотить. Но я не позволил. Кто знает, может, ты это почувствовал, во всяком случае, тоже потянулся ко мне.

Ну а у меня поводов для того, чтобы я искренне восхищался тобой, было предостаточно. Например, мне понравилось, что ты очень сообразительный и склонен к искусству. Таким оказался способным, что мигом мог что угодно изобразить, хоть карандашом, хоть красками. Однажды даже — помнишь, усадил меня напротив себя и меньше чем за час набросал мой портрет. Пусть и не точь-в-точь, но в общих чертах похож — не представляешь, как я обрадовался!

Свободное от занятий время мы всегда стремились проводить вместе. Однажды ты меня научил писать портреты при помощи клеточного метода: надо было начертить на “оригинале” густую сетку, а потом не спеша скопировать каждую клетку. Для меня это было как “открытие Америки”. Поупражнявшись несколько дней, я приступил к созданию портрета любимого русского писателя Гоголя. Видимо, не зря я пыхтел, старательно, клетку за клеткой перечерчивая карты социалистических стран Европы, — настолько набил руку, что портрет известного писателя “успешно” завершил за каких-то пару-тройку дней. Ты тоже так за меня порадовался, что щедро подарил несколько мягких карандашей, которые, вообще-то, приобрел для себя.

У тебя была явная тяга к музыке и к игре на музыкальных инструментах, особенно на гармонии и баяне. Но мне они не дались, поэтому я махнул рукой

на все свои неудачные попытки и с увлечением переключился на то, что нравилось мне самому: читал книги, писал стихи, играл в шахматы.

Если подвести итог, мы, учащиеся старших классов, давшие клятву на той памятной торжественной линейке 1 сентября, с честью ее сдержали. Уже первая четверть выявила значительные успехи в нашей учебе. Если вспомнить поименно, то из числа десятиклассников достойно оправдали веру учителей Ибраим Туганбаев, Немеребай Нурахметов, Кулахмет Идрисов, Жебеген Оналбаев; эту эстафету подхватили учащиеся 9-го класса Едил Ергожин, Дамели Болекеева, Кунсая Оспанова, Нургамила Естибаева, Ултай Жаутикова и Гульсум Нургазина, которые стали призерами районных и областных олимпиад.

Ну а группа отличников из наших 8-х классов (их у нас было два — “А” и “Б”), в том числе Сайлау Естибаева, Енлик Игенова, Хадиша Зиятдинова и другие, наряду с остальными предметами, добились особых достижений в немецком языке: все они так хорошо исполняли песни и читали стихи по-немецки, что удивляли не только школьников, но и педагогов.

Названные выше ученики своей успешной учебой и активностью в общественно-воспитательной работе подавали пример всей школе и стали ее гордостью. Глядя на них, вместе с отличной учебой начали проявлять целеустремленность и разносторонность талантов ребята, учившиеся ниже — в седьмых, sixth и пятых классах. Например, семиклассники Марфуга Кадирбекова, Жахан Абдрахова, Кульдари Оспанова и Саян Стамкулов слыли не только “круглыми отличниками”, но и самыми активными участниками художественной самодеятельности. К ним примкнули и ученики шестого класса Жуматай Жакипбаев, Аманбол Бектенов, Агайша Шермухан-

бетова и Кобес Акылбаев, представлявшие костяк талантливой группы школьных артистов — певцов, музыкантов и танцоров.

Той осенью 1955 года, когда распахнуло двери новое здание нашей школы — “золотого гнезда”, из которого мы вылетели, исполнилось 38 лет Великой Октябрьской революции. Тогда день 7 ноября был в календаре красным и пышно отмечался как большой государственный праздник. К концерту, посвященному этой дате, усердно готовился и наш класс. И не зря — отличились на всю школу! Ты сам (Максут Нарикбаев), Кулман Шалимбетов, Толек Жакаев и Арыкбай Канапиянов по очереди сыграли: один — на гармонии, другой — на баяне, третий — на мандолине, четвертый — на домбре, — да так лихо, словно родились с музыкальными инструментами в руках. Кулян Нурхатова, Кунжума Идрисова, Мамиля Аязбекова сплясали на школьной сцене красивые и задорные танцы “Ұлы көш” (“Великое кочевье”), “Киіз басу” (“Валяние войлока”), “Қамажай”, “Жайдарман”, “Светит месяц”, “Яблочко”, а потом исполнили очень популярные в то время песни “Қарлығаш”, “Ақ мақта” (“Белый хлопок”), “Алма ағаштар гүлдеді” (“Яблони расцвели”), “Уа, жеңгелер, жеңгелер!” (“Эй, тетушки-снохи!”), “Тракторшы қарындас” (“Сестренка-трактористка”), “Таңсәриден” (“С утра пораньше”), “Су тасушы қыз” (“Девушка-водовоз”), “Қырманға кел, қалқатай!” (“Приходи на гумно, милая!”) и знаменитую грузинскую “Сулико”. Сексенбай Мухамедшин, Бекет Меирманов и Калан Сайбекова сплясали “Лезгинку” и испанский народный танец “Ночная серенада”. Остальные — кто не умел танцевать или солировать, всем составом участвовали в хоре.

В общем, просторный зал, считавшийся одновременно и спортивным, и актовым, начиная с того года, стал подлинным очагом искусства, наполняясь 7 но-

ября и в преддверии Нового года звуками мелодий и песен.

Со стороны представителей райкома партии, районо, правления колхоза и наших родителей, которых мы специально приглашали в гости на такие культурные мероприятия, сыпались одни благодарности. Радостные и довольные, они нас искренне нахваливали:

— Молодцы, молодежь! Вы держите свое слово! Поднимайтесь еще выше и всегда вот так нас радуйте!

Ради справедливости надо особо отметить, что честь и слава, которой добился в этом смысле наш класс, связаны, прежде всего, с организаторскими способностями известной троицы: тебя, Кулмана и Толека. Ты же вообще показал себя как замечательный дирижер и режиссер.

После Нового года ученики нашей школы активно занялись такими видами спорта, как прицельная стрельба из малокалиберной винтовки и лыжи.

Возможно, потому, что сам от начала и до конца прошел сквозь огненные годы войны в рядах боевой армии, наш покойный председатель колхоза, кавалер Золотой звезды Абдикадыр Даиров оказал школе огромную помощь в значительном развитии этих двух видов спорта. Для нас за счет колхоза были приобретены 40 пар новеньких лыж и несколько ящиков с патронами для малокалиберной винтовки. Должно быть, именно благодаря такой поддержке со стороны руководства колхоза, воспитанники нашей школы Султан Байбеков, Сартай Тлепалдинов, Танирберген Копесбаев, Болеген Битуев и Сейтжапар Сейтбаев на ежегодных общерайонных школьных соревнованиях по лыжам и стрельбе из винтовки, проводившихся в начале марта, всегда становились обладателями районных призов.

В конце 1955-го колхозники, для которых год выдался особенно урожайным и успешным, заслу-

женно пожинали плоды своего тяжкого труда: амбары ломались от зерна, а карманы вспухли от денег. И вот тогда, когда можно было спокойно передохнуть перед очередным сельскохозяйственным сезоном, все помыслы, забота и надежды родителей обратились на детей — не жалея средств, они принялись тратить честно заработанное во их благо. Так что, когда на календаре обозначился 1956 год, у всех наших земляков заметно улучшился материальный уровень, поднялось настроение и заладились дела. Весной каждый второй ребенок в нашем селе гордо восседал на личном велосипеде, а некоторые подростки даже примерили на себя роль хозяев мотоциклов.

Резкое увеличение количества велосипедов “на душу населения” положило начало развитию нового вида спорта. Василий Иванович Кривоzubов, учитель физкультуры из нашей школы, собрав всех ребят, поодиночке бороздящих на велосипедах аульные улицы, несколько недель усиленно их готовил, а потом повез на соревнования в райцентр. Что греха таить, труд нашего тренера не пропал даром. На районных велогонках в дистанции 15 километров победителем стал выпускник Жетысуйской школы Нурпазил Сыдырбаев.

Эх, какое славное было время! В 1955—1956 учебном году наша школа занимала в колхозной жизни особое место. Удивительная пора, когда в ее стенах проявилось столько непревзойденных способностей, усердия, прилежания, энергии и упорства!

Видимо, все это сконцентрировалось в мощную вспышку успеха благодаря добрым пожеланиям и светлым надеждам наших вернувшихся с войны живыми дедов и отцов, которые только вчера, не щадя своих жизней, храбро сражались с германским фашизмом, наших матерей, старших сестер и тетушек, что не зная ни сна ни отдыха работали в тылу, отдавая все силы трудовому фронту, наших мудрых ста-

риков, а также еще по-настоящему не возмужавших, но все-таки старших братьев. Наравне с искренне пекущимися о нас родными достойный вклад в наше становление внесли и выдающиеся педагоги, которые сеяли в нас семена знаний, разъясняли тайны и скрытые грани этики, эстетики, культуры, приучали к добру, человечности, возвращали в нас дух патриотизма и гражданственности, стали подлинными полководцами в нашей учебе и воспитании.

НЕУГАСИМЫЕ “МАЯКИ” И КАЛДЫКЫЗ

Максут: Если вспомнить наших наставников, с чего бы ты начал разговор?

Ораз: Не знаю, как кому, а лично мне, когда я мысленно вспоминаю своих учителей, на память тут же приходит знаменитая песня композитора Аблаха-та Еспаева (на стихи Аманжоло Шамкенова) “Мой учитель”. Красивая мелодия и замечательные слова у этой песни. Что скрывать, все мы мечтали быть похожими на своих наставников, их пример невольно завораживал наши души. Разве можно забыть то, что страницы букваря мы открывали вместе с ними, что благодаря им научились когда-то писать и считать? А потом учителя помогли нам освоить мир знаний, дали необходимые в жизни основы духовности, приучили трудиться, честно и с огоньком.

*— Бесплодным был бы мой по жизни путь,
Когда б не осветил ты мне сознание.
Раскрыв таинственного мира суть,
Ты возносил меня к вершинам знания,* -*

поется в этой песне, эти слова без всякого утомления и днем и ночью с благодарностью напевали и мы.

* Перевод М. Жанузаковой.

Тем не менее, будем честны: учитель учителю рознь. В нашей школе работало в общей численности около шестидесяти педагогов, причем почти каждый третий из них давал в разное время уроки и нам. Однако не все из них были по-настоящему любимы своими подопечными, не все служили для них примером. А отдельные преподаватели и вовсе отталкивали. Кто-то прикладывался частенько к бутылке и, чтобы скрыть употребление спиртного в неурочное время, жевал китайский чеснок — от них вечно несло нестерпимой вонью. Другие неряшливо одевались во что попало, абсолютно не обращая внимания на свой внешний вид, даже порой не причесывались. Третьи были надменными людьми с холодным сердцем и вредным характером; “палка и медведя научит намазу”, — считали они и в своей педагогической практике всегда придерживались именно этого метода. Мы лишь удивлялись, почему такие “учителя” забывают о том, что самая чувствительная и ранимая вещь на свете — это сердце ребенка, старались с ними “не связываться” и в стычках сами шли на попятную. Сегодня многие из них ушли в мир иной, поэтому я не стану называть их поименно и выводить на чистую воду. Хочу произнести вслух с огромной благодарностью имена лишь тех наших наставников и милых учительниц, которые всей своей жизнью, поступками, внешним видом, произнесенными словами, терпеливостью и высокой культурой невольно рождали в нас желание стать такими же, как они.

В нашей памяти навсегда останутся образы таких истинных педагогов, как директор школы тех лет историк Умитбек Баканбаев, преподаватель казахской литературы и наш классный руководитель Изтай Аскарлова, Владимир Петрович Дон, который вел у нас уроки немецкого языка, учительница по русскому языку и литературе Флюра Матагаровна Ума-

рова, а также сменивший ее позже специалист по русской филологии Каришал Асанов, химик Кульзира Мухамеджанова, географ Камаш Нурланов, физик-математик Сейтнур Нуркашенов, математик Тасболат Сагадиев, а также Сапьян Уалиев, Клара Кузембаева, Сапи Шаймерденов, Смагул Какабаев, Мухамеджан Мырзагулов, которые в разные годы преподавали в нашем классе физкультуру, иностранный язык, биологию, анатомию, русский, казахскую литературу, ну и, конечно, наш последний директор Абен Омиралиев.

Мало кто из выпускников нашей школы, поступивших в разные годы в высшие учебные заведения республики, оставался без пятерки на вступительных экзаменах по тем предметам, которые вели эти учителя. Разве это не качество их педагогического труда, разве это не замечательно?! Но наши мудрые наставники никогда не ограничивались одним ведением уроков, они делились с нами путеводными мыслями, доступным языком вливали в нас через тепло сердец и чистоту искренних намерений высокие нормы нравственности, добра и человечности, чем высветили в каждом главные столпы будущего мировоззрения. Их зрелые речи и мудрые советы, исходящие из глубин широкой души, заставляли наши юные сердца учащенно биться и рождали намерение достойно отплатить тем, кто так щедро осыпал нас добром. Нашей заветной мечтой было стать похожими на них, мы стремились к этому, даже если не все получалось.

Давай забудем на минуту о чисто учебном процессе, об их уроках. Но вспомни, каким образом аккуратности и воспитанности, каким примером для подражания во всем был каждый из них в отдельности! Сколько лет я проучился рядом с ними, но ни разу не видел, чтобы хоть один из них пришел в сорочке с грязным воротом, в неотглаженном костюме

или платье. Нас всегда восхищало их умение так подобрать одежду по фасону и цвету, что она была им к лицу, при этом скромна и соответствовала случаю. В те дни, когда по расписанию у нас предстояли уроки этих учителей, мы тоже стремились выглядеть достойно и опрятно: надевали чистые рубашки, начищали до блеска сапоги и ботинки, выправляли походку и осанку, колдовали над своими прическами. Благодаря этому и у нас выработался определенный собственный вкус.

В целом эта группа учителей, подобно яркой плеяде звезд, стала для всех жителей нашего аула, и младших и старших, образцом высокой образованности и культуры. Помимо всего прочего, они были подлинными фанатиками, всей душой и телом преданными любимому делу. В те моменты, когда они догадывались, что урок усвоен нами наполовину или мысли вообще пошли вразброд, не ленись проводили во внеурочное время дополнительные занятия, где систематично и терпеливо разъясняли непонятое. Как мы узнали позже, за этот труд наши учителя не получали никакой дополнительной платы. Просто все их помыслы были только о нас, о том, чтобы дать нам устойчивые знания. Должно быть, поэтому нам и сегодня хочется тысячу раз с великой признательностью повторять припев знакомой песни:

*Учитель, мой добрый учитель,
Ты рядом зимой и весной.
И след, что оставлен тобою,
Навечно пребудет со мною,
Учитель, мой добрый учитель!**

Но и в свободное от школы время, например, в летние каникулы, у нас было множество других "учителей", говоря нынешним языком, на общественной

* Перевод М. Жанузаковой.

основе, которые своей совестью, нравственной высотой и поступками без всяких специальных уроков становились нашими наставниками, маяками, образцом для подражания. Это ребята нашего аула из поколения прямо перед нами, которые родились чуть раньше нас, чуть раньше возмужали и повзрослели и потому гораздо больше нас знали и умели. В их числе человек с большим сердцем Макер Ахметов, который учился в Москве в Тимирязевской академии, а также Нурахмет Жорабеков, Капан Сагытаев, Болек Жакаев, Кабытай Жакыбаев, Байкау Бабаев, Култай Жакыпбаев, Сейткали Сейдахметов и Кентай Исанов — студенты высших учебных заведений Алматы, Семипалатинска и Караганды, таких как консерватория, политехнический (горнорудный), педагогический, медицинский и другие институты. Это были недавние выпускники нашей школы, впервые так далеко и надолго уехавшие из родного села.

Когда наши старшие братья возвращались в аул на время летних каникул, это становилось огромным событием и для их отцов и матерей, и для нас. Мы с любопытством обращали внимание на их вежливость и учтивую скромность, на доброжелательность и приветливость, на их теплые лица и манеру одеваться, на умные речи, на то, как они красиво, выразительно и культурно разговаривали. Стоило только нам услышать об их приезде, как мы тут же спешили к ним, чтобы специально их поприветствовать, а потом косяком всюду следовали за ними. С того самого дня, как они появлялись, практически у каждого дома, в тени пусть и небольшого, но уютного яблоневого сада с утра и до вечера не умолкали звуки мелодичных кюев и лиричных песен. Сверх того, ни один субботний день в небольшом колхозном клубе не проходил теперь впустую, без веселых и увлекательных вечеров. Силами этих ребят устраивались прекрасные танцы, всевозможные игры и раз-

влечения. Мы восхищались ими, глядя, как они танцуют с юными аульными красавицами, то покачиваясь, то плавно переступая, то кружась в вихре вальса, то ритмично подергиваясь. Незаметно для себя и сами оказывались “в плену” музыкальных ритмов, подтанцовывая старшим. В те годы мы на практике осознали лежащий в подтексте смысл народной мудрости: “наблюдая за вождем, и сам им станешь”.

У наших старших братьев, в которых мы видели своих пророков, тоже были кумиры; им они поклонялись, их они боготворили. Это мудрые, убежденные серебром старики, которые жили почти под каждым аульным шаныраком*. Среди них особое место занимали непревзойденные кюйши Сейдахмет, Нурахмет, Сагади и Ибраим, такие жырау-сказители и акыны-импровизаторы, как Нуржигит, Токсанбек и Жапсарбай. А разве можно забыть страстных охотников Даира, Жумадила и Нурхата — прославленных беркутчи и владельцев лучших в округе тазы, знаменитых степных борзых?!. А как насчет Кенжебая, Халыкбека, Жанебила, Далабая, Шоры и Битая?! Вот кто знал толк в иноходцах и быстрых как ветер скакунах! Благодаря секретам их тренировки на всех тоях и празднествах летнего периода, когда на джайляу частенько устраивались конно-спортивные состязания, скакуны, принадлежавшие нашему колхозу, всегда приходили первыми, никогда не уступая главный приз байги.

Наши старшие братья, которые доносили в аул прогрессивную культуру далеких городов и столицы, ко всем этим старикам и их искусству питали трепетное почтение. Однако и сами обладали незаурядными способностями: все прекрасно играли на домбре, кылкобызе или скрипке. Подражая им, по-

* Ш а н ы р а к — потолочный круг купола юрты, символ семейного очага, основа дома.

степенно мужали и мы. Так что эти молодые ребята стали нашей своеобразной второй “школой”.

Ну а третий источник, из которого мы, подрастая, черпали духовную пищу, появился стараниями председателя правления колхоза Абдикадыр-агая. Главными для него всегда были забота и преданность народу, а недюжинный организаторский талант способствовал реализации светлых помыслов. Как только он вступил на свою высокую должность, то есть примерно с начала пятидесятых годов, каждое лето ему удавалось заманить в наш аул знаменитых алматинских артистов и даже мастеров искусств из братского кыргызского народа, которые довольно часто навещали к нам из-за той стороны хребтов Алатау. На нас, аульную детвору, только что окончившую начальную школу и собиравшуюся пойти в пятые-шестые классы, появление в нашем далеком от столицы ауле профессионалов от искусства — артистов, певцов, музыкантов и танцовщиц, оказало огромное влияние: наши еще детские мечты стали крылатыми и обрели конкретные очертания.

Разве забудешь, как в середине лета 1952 года к нам приехала всемирно известная певица Куляш Байсеитова со своим супругом артистом Канабеком Байсеитовым и другими коллегами? В течение двух дней Куляш дала несколько концертов и провела любопытные беседы со зрителями. Эти встречи состоялись как раз после ее гастролей в Америке, поэтому аулчане задавали певице множество вопросов о жизни и быте американцев, о ситуации в стране, сравнивали ее с нашей и остались очень довольны получившейся беседой. У счастливых, оказавшихся в те дни зрителями, навеки сохранятся в сердце чистый, невинный детский смех Куляш, ее прекрасная улыбка, необыкновенная скромность и воспитанность.

После приезда Байсеитовой в нашем ауле побывали и другие известные артисты: Бибигуль Тулегев-

нова, Капиза Аbugалиева, братья Абдуллины, такие редчайшего таланта танцовщицы, как Шара Жиенкулова и Нурсулу Тапалова, знаменитая исполнительница песни "Алтай" Жамал Омарова. Особенно часто бригады артистов появлялись у нас в период жатвы, они давали концерты, играли спектакли и в нашем клубе, и прямо в поле, и на току. Все это уводило наши мечтательные души в заоблачные дали грез. И вот что любопытно: все выступления заезжих артистов были для аулчан бесплатными — их оплачивал колхоз. Как мы узнали впоследствии, опять же по инициативе Абдикадыр-аги, который старался поднять землякам настроение, а у подрастающего поколения взрастить хороший вкус.

"Не уставай славить добрые дела доброго человека, пусть его облик станет еще светлее", — говорят в народе. Было бы ошибкой не упомянуть еще об одном благом начинании нашего покойного председателя. Он поддерживал довольно близкие дружеские связи со многими видными казахскими писателями и поэтами. Ежегодно, когда оживали окрестные джайляу, Абдикадыр-ага приглашал своих давних алматинских друзей: Гали Орманова, Абдильду Тажибаева, Куандыка Шангитбаева, Тахави Ахтанова, Сафуана Шаймерденова — и вез их в гости к скотоводам горных пастбищ Суыктобе и Сарынокай.

Видя воочию знатных поэтов и писателей, слыша их голоса, внимая их речам, школьники и сами стали пробовать силу своего пера; в те годы в нашей среде появилось множество юных авторов, которые увлеклись поэзией, стали сочинять рассказы и новеллы. В их числе можно выделить наших одноклассников Арыкбая Канапиянова, Кенжебая Жумагулова, Бекета Меирманова и, естественно, меня (Ораза Исмаилова). Ну а из более младших ребят — Жуматая Жакипбаева, Сайлаубая Тойлыбаева и Кульдари

Оспанову, годы спустя ставших сильными поэтами и добившихся литературного признания.

В нашем народе бытуют великие, мудрые и очень точные слова: “Что из гнезда увидишь, то и подхватишь, когда взлетишь”. Так оно и случается. И на наше становление и взросление оказали неизгладимое впечатление три мощные школы, сформировавшие базовые основы нашего воспитания и познания.

Конечно, мы тоже ощущали большую ответственность перед старшими. Во-первых, стремились отлично учиться, старались быть впереди и в спорте, и в искусстве, а во-вторых, как могли, помогали взрослым: иногда неделями, а порой и месяцами работали в родном хозяйстве — в разгар весны на прополке и прореживании сахарной свеклы, а ранней осенью на ее сборе.

В отдельные годы какие-то определенные площади, занятые под посевы сахарной свеклы, полностью подпадали под присмотр школы. Не знаю, возможно, мы рано стали ко многому относиться со взрослой серьезностью потому, что родились в годы войны, или так уж нас воспитали, во всяком случае, учеба и труд всегда воспринимались нами как равноценные, словно близнецы, процессы, и мы так и росли, успешно их совмещая.

На следующий день после завершения восьмого класса ты, Максут, собрался к себе домой в Еркин. Предстоящее расставание для нас обоих стало подлинным душевным испытанием. Я до полудня проторчал в том доме, где ты жил, никак не мог уйти от тебя и с грустью наблюдал, как ты собираешь в дорогу свою одежду и вещи, книги и тетради. Удивительно, прошел неполный год, а мы с тобой так тесно сблизились, так привыкли друг к другу, точно были знакомы всю свою жизнь. Ты еще не уехал, а мной уже овладело чувство сильной тоски и разлуки. Без тебя и родной аул становился для меня неин-

тересным, без тебя, казалось, и время остановится, я ощущал себя полностью опустошенным.

Не знаю, видно, ты все-таки почувствовал в тот момент мое состояние, потому что взял неожиданно в руки свою однорядную черную гармонь, подаренную Гизатбану-аже*, и пылко сыграл несколько казахских и татарских народных песен.

Эх, музыка! Сколько было в жизни таких мгновений, когда она поднимала тебе помрачневшее настроение, ее волнительные звуки рассеивали печаль и рождали на твоих устах солнечную улыбку. В тот раз и я под звуками твоей однорядки по-настоящему взбодрился, как мой иноходец-трехлетка, который обычно встряхивался и вставал освеженным, вдоволь повалявшись с наслаждением на зеленом лугу. Увидев, что глаза мои загорелись, ты аккуратно завернул свою гармонь в старую шаль, которую специально для этого дала тебе бабушка, и снова принялся собирать свои пожитки. В какой-то момент среди кипы бумаг обнаружился карандашный портрет Калдыкыз, самой красивой девчонки из нашего класса, где она застыла в каком-то тревожном, испуганном состоянии. Автор этого труда, естественно, ты, Максют.

Помню, ты тогда словно впервые его увидел, взял осторожно в руки и долго, пристально вглядывался. Твое открытое, только что сиявшее лицо подернулось грустью. А я, улучив момент, размашисто написал под своим рисунком, над которым пыхтел несколько дней и где изобразил тебя, слова Онегина из поэмы Пушкина: "Онегин, бедный, поступай как знаешь, куда же занесет тебя твой путь", — и сунул тебе в руки, державшие портрет Калдыкыз.

Ты пробежался глазами по моему наброску и, заметив слова под ним, прочел и прыснул.

* А ж е — бабушка.

— Ошибаешься, дружок. Я вовсе и не блуждаю в поисках пути. На, прочти! — сказал ты и протянул мне тетрадный листок, испещренный строчками стихов.

*Вижу тебя наяву и во сне,
Белой луною являешься мне.
Ты мой единственный солнечный луч,
Светом блеснувший из темени туч* , -*

так начинались полные водоворота чувств лирические строфы, прочтя которые, я замер, пораженный.

“О любовь, неужто ты бываешь так нежна и загадочна?!”

И тогда ты открыл мне свой секрет. О том, что вы с Калдыкыз договорились встретиться тем вечером за аулом, когда скот будет возвращаться с пастбища. В те годы ближе к вечеру навстречу коровам, возвращавшимся с пастбища, из каждого двора выходили старики или дети и угоняли свой скот по домам. А встречали его на выгоне, расположенном неподалеку от нашего дома, примерно в полукилometре от аула. Место гористое, с множеством спусков и подъемов, густо поросших зелеными лугами.

Старики приходили сюда на несколько часов раньше, не спеша располагались на вершинах холмиков, беседовали о жите-бытье, вспоминали ушедшее, обменивались новостями.

Ну а для детей, подростков и молодежи время ожидания скота было разгулом веселья: мы резвились на холмах, со смехом гоняясь друг за другом, устраивали игрища, поэтому каждый вечер с готовностью и удовольствием шли встречать скотину с пастбища. Дело тут, конечно, вовсе не в нашем прилежном усердии и уж точно не в коровах, а в удобной возможности приударить за девушками, которые приглянулись и запали в душу.

* Перевод М. Жанузаковой.

Узнав о вашем сговоре с Калдыкыз, я специально потащил тебя в сторону нашего дома.

Всей душой радуясь тому, что мы перешли в следующий класс, моя мать Базарбала, хлопоча, выставила перед нами угощение: свежий айран и только что снятые сливки. Наевшись до отвала, мы выскочили на улицу. Несколько наиболее проворных и нетерпеливых стариков уже торчали тут и сям на вершинах холмов. Виднелись и силуэты детворы помладше нас. Немного спустя стали подтягиваться и наши сверстники.

Чтобы ни у кого не возникло подозрений насчет того, почему ты, прежде никогда не выходивший на встречу скота, появился на выгоне, и чтобы создать подходящую ситуацию для твоего свидания с Калдыкыз, я придумал одну затею и для ее осуществления взял из дома пятнадцатиметровый волосяной аркан, сплетенный моей матерью.

— Зачем он тебе? — удивленно спросил ты.

— Молчи! — отмахнулся я и всучил тебе в руки березовый кол и колотушку.

Затем мы с тобой поспешили в сторону выгона и взобрались на верх десятиметрового обрыва, что нависал над обочиной дороги, по которой коровы возвращались обычно с пастбища.

Отмерив семь шагов от края, я поручил тебе вбить туда кол, сбросил один конец аркана с обрыва, а другой крепко-накрепко привязал к колышку. Только тогда ты сообразил, что я задумал, и, вцепившись в аркан, сказал:

— Чур, сначала спущусь я!

Внизу, недалеко от нас в это время собрались заинтересованные нашим действием парни и девушки с центральной колхозной улицы, с ними и Калдыкыз, зардевшаяся в румянце, как маковый цветок. Завидев “зрителей”, ты и вовсе осмелел: схватившись обеими руками за аркан, отталкиваясь подошвами ног

от обрыва, стал проворно спускаться, подняв кучу пыли и осыпающейся земли. В этот момент солидного размера рыхлый пласт земли на краю обрыва немного качнулся и тут же с грохотом обрушился вниз. Слава Богу, он не причинил тебе никакого вреда и грохнулся о землю немного раньше. Следом в тучу пыли, взметнувшейся словно от разрыва бомбы, вонзился и ты. Парни и девушки, с интересом наблюдавшие за нами, испуганно разбежались в разные стороны. Но с тобой оказалось все в порядке, ты тут же поднялся и расплылся в довольной улыбке — еще бы, на глазах у всех продемонстрировал свое героичество! Рот до ушей, а сам чумазый с ног до головы, весь, от ресниц и бровей до самых пяток покрыт пылью. Успокоившись, что ты жив и здоров, я, стоя на краю обрыва, крикнул, призывая к себе смельчаков:

— Ну, кто еще хочет стать альпинистом?

Парни наперегонки бросились ко мне, а девушки вместе с Калдыкыз принялись тебя чистить. Благо, под обрывом, поблескивая лежащими на дне мелкими камушками, словно драгоценными слитками, протекала маленькая горная речка Кусак. Как нельзя кстати, чтобы ты быстро отмылся и снова стал чистеньким.

Хотя я и изображал из себя “тренера” по альпинизму, выстроив ребят в очередь, мой взгляд то и дело обращался в твою сторону. Если уж Бог предоставил случай, кто в силах ему воспрепятствовать — смотрю через некоторое время, а ты уже сидишь вдвоем с Калдыкыз под раскидистой ивой и о чем-то приветливо с ней беседуешь. Как не порадоваться?!

Назавтра я проводил тебя до самого шоссе. В те годы между Текели и Талдыкорганом курсировали рейсовые грузотакси — крытые брезентом машины, специально предназначенные для перевозки пассажиров. В одно из таких такси ты и сел. Когда маши-

на, приняв на борт людей, тронулась с места, я, махая тебе на прощание рукой, крикнул вдогонку:

— Пиши письма!

Не знаю, расслышал ты мои слова или нет, но так ни разу ни одного письма мне не написал.

Да что там письма — когда наступила осень и вновь по традиции прозвенел первый звонок, ты и в нашу школу не пришел. Я весь год томительно ожидал тебя, никому не позволил сесть рядом, уверенно заявляя: “Максут приедет!” А про себя все время грустно повторял: “Дорогой друг, куда же ты пропал? В какую школу теперь ходишь, мой храбрец?!” Что касается тоски, то она с каждым днем только усиливалась.

Ладно я, а как трудно пришлось в тот год нашей стыдливой однокласснице — красавице Калдыкыз?! Нежная, как только что распустившийся бутон подснежника, прежде она всегда была веселой и поднимала всем настроение, а теперь ходила унылая и нахмуренная, будто обиделась на кого-то. Однако искорки надежды не угасали в ее глазах. Иногда она садилась рядом со мной, на твое опустевшее место, и, мило улыбаясь, интересовалась: “Что, нет вестей от твоего друга?” В такие моменты глаза ее поблескивали, на щечках появлялись симпатичные ямочки и вся она как-то по-особому светилась.

Я прекрасно понимал ее состояние. Но что поделывать, я и сам горевал от того, что ты не подавал о себе никаких известий.

Если так будет продолжаться и дальше, думал я, Калдыкыз, похоже, высохнет от тоски. Дело в том, что с течением времени она даже к урокам стала равнодушной и невнимательной.

Какая все-таки сложная штука — душевное состояние человека. Посмотрю на Калдыкыз, вроде все нормально: грустит, но не потеряла надежду, а живет ожиданием встречи. Но отдельные ее поступки,

походка и резкие перемены в настроении все чаще напоминали мне мадам Баттерфляй из оперы “Чио-Чио-Сан”, которая, тоскуя по своему любимому супругу Пинкертону, впала в такую глубокую депрессию, что решилась распрощаться с жизнью, когда он так и не приехал.

Однако в нашем случае произошло неожиданное. Вернувшись в школу после недельных осенних каникул по окончании первой четверти учебного года, Калдыкыз радикально изменилась, стала совершенно другой девушкой, спесивой и высокомерной, словно “Неизвестная красавица” с картины великого художника Репина. Отчего же? Неужто это стало следствием душевного противоборства, способом погасить в сердце пожар первой светлой и чистой любви? О всемогущий создатель!

Ты так и не вернулся в нашу школу. Весь девятый класс мы проучились без тебя.

Может, расскажешь сам о том, как жил в тот год?

НАКАЗ ОТЦА

Максут: В 9-м классе я учился в Талдыкоргане, в школе-интернате имени 30-летия ВЛКСМ. Места в интернате мне не досталось, поэтому жил в доме Жакыпа, старшего сына бабушки Бигайши, и его жены Бибинур. Бигайша-аже приходилась старшей сестрой моему деду Нарикбаю. Наш аул находился всего в трех километрах от Талдыкоргана, поэтому первое время я по два-три раза в неделю ездил домой. Единственное препятствие — река Каратал, пролежавшая как раз между аулом и городом. В то время, как сейчас, через нее не было моста. Если летом мы переправлялись через речку вместе с какой-нибудь попутной конной повозкой, то зимой топали пешком по затвердевшему льду. Порой, когда слу-

чалась оттепель и на поверхности льда выступала вода, дорога в город становилась для нас недоступной.

Пусть и не ежедневно, но частенько из-за своих путешествий домой я опаздывал на первый урок. В конце концов все это мне надоело. Я стал время от времени прогуливать занятия, играл на улице, изрядно мерз и являлся домой как ни в чем не бывало, когда соседские дети возвращались из школы. Вот так и вышло, что в общей сложности я в течение 75 дней не переступал порога интерната. Поняв наконец, что я не хожу на занятия, моя мать разбушевалась и устроила мне взбучку, от души отругав и надавав подзатыльников. Эта история каким-то образом дошла до ушей директора нашей школы Тенизбаевой, однако, она, вместо того чтобы накричать на меня, отчитать по всей строгости, наоборот, обняла, мягко разъяснила ошибки и напомнила, что первую четверть я завершил на круглые пятерки. Добавила что-то о моих способностях, чем особенно поддержала и помогла полностью уверовать в собственные силы.

Ее слова до сих пор свежи в моей памяти: в наше время человек, который не учится, обрекает себя на духовный "голод" и не принесет никакой пользы своей Родине. А гражданский долг каждого казахстанца — достойный труд во имя своего народа и процветания родной земли, готовность, не щадя своей жизни, пойти ради Родины даже на подвиг, подчеркнула она. Видимо, потому, что директор не стала прибегать к излишней строгости, а доходчиво разъяснила мне мои промахи, во мне проснулось чувство сознательности, во всяком случае, я стремительно изменился после своих "проделок", искренне осознав, что в такое трудное время хорошо учиться — это равноценно подвигу. Отныне, даже если ночевал в Еркине, на следующий день я никогда больше не опаздывал на уроки. Наверное, и вправду, как сказа-

ла наша директриса, у меня были неплохие способности: в течение нескольких недель мне удалось не только догнать остальных в учебе, но и выбиться в ряды отличников. В итоге я окончил 9-й класс с оценками “хорошо” и “отлично”.

— Так в чем же секрет того, что ты после стольких прогулов вдруг вновь стал прилежным школьником и преуспевающим учеником? Ведь не только в словах директора?

— Не знаю.

— Ну-ка, пораскинь мозгами, неужели забыл, что влюбился в симпатичную девчонку по имени Менсулу, которая училась классом ниже?

Максут (*весело рассмеявшись*): — А ты откуда об этом знаешь?

— Это неважно, признайся лучше, ты и в самом деле был влюблен в эту красотку, пусть даже детской любовью?

— Если честно, то да. Правда, она училась ниже не на год, а на два — в выпускном классе нашей аульской семилетки.

— Как считаешь, чистая детская любовь все-таки повлияла на то, что ты стал лучше учиться?

— Возможно. Во всяком случае, то, что я старался каким-нибудь образом обратить на себя ее внимание, — правда. Наверно, в этом и заключается всемогущая сила любви, о которой говорят поэты: она тебя воспитывает и пестует!

— А почему ты так быстро забыл ту девчонку?

— Мальчишество. Но есть и другая причина. Их семья была новой в Еркине, они переехали к нам из другого места, потому что отец Менсулу Танирберген Алимбаев стал директором нашей семилетней школы. Когда он почувствовал, что между мной и его дочерью возникла теплая привязанность, то устроил так, что у нас не было никакой возможности встречаться, а дочери сказал: “Зачем тебе сирота, у

которого нет отца?” Кроме того, для того чтобы окончить десятый класс, я снова перевелся в Жетысуйскую школу, где учился ты. Здесь были мои новые друзья во главе с тобой, а еще, возможно, потому, что мы немного повзрослели, у нас появилось гораздо больше общих забав и интересов. Все это и повлияло на то, что очень скоро я забыл свою рано проснувшуюся первую любовь.

— Максут, а может, дело в другом? Может, “палуана* свалил палуан”, а “батыра победил батыр”. То есть место твоей первой любви вытеснила другая любовь? Разве не одновременно с твоим возвращением в наш класс пришла и девушка по имени Париха? Та самая, которая переехала в наш аул из Алматы и приводила всех нас в беспамятство — красивая, стройная, тонкая как тростинка, с высокими изогнутыми бровями и черными смородиновыми глазами? Кто в нашем ауле не бегал за ней? Разве ты не был одним из них, за что частенько получал от соперников, но не терял надежды и продолжал ухаживать за ней с пылающим сердцем?

Максут: Все правда. Давай я сам расскажу об этом подробнее.

В конце лета и ранней осенью 1957 года я долго раздумывал, идти мне в 10-й класс или покончить со школой. Все родные и ближайшие родственники хором твердили: “надо учиться, без среднего образования толку от тебя не будет”, “даже партия и правительство поставили цель добиться всеобщего среднего образования населения”, “девять лет проучился, а когда до завершения десятилетки остался всего лишь год, ты вдруг испугался, с чего бы это?”. А мои одноаулчане советовали противоположное: “самое лучшее — пойти на шоферские курсы, всего-то четыре месяца учебы, и ты уже человек”, “прислушайся к

* П а л у а н — борец, силач.

моему совету и продолжи учебу в сельскохозяйственном техникуме, зато выступишься готовым землеустроителем". (Я ведь после седьмого класса проучился год в сельхозтехникуме, который находится в ауле Коксу.)

Подумаю, так вроде обе стороны правы. Но ближе по душе были все-таки советы аулчан. Яснее ясного, что это более легкий путь: чем мучиться дальше, жалуясь на то, что алгебра и химия не для моих мозгов, куда перспективнее, казалось мне, через четыре месяца положить в карман шоферское удостоверение и, соревнуясь с ветром, гонять одну из машин, или же пойти снова в техникум и довольно скоро получить специальность землеустроителя.

Ну а учеба в десятом классе, скорее всего, не будет легкой. Для нее, в первую очередь, нужны серьезность и усердие. Как я отметил, программа десятого класса очень сложная, ее ни за что не одолеешь, если относиться к учебе легкомысленно и с прохладцей, придется приложить немало сил. Я не бежал от этого, но ведь для того, чтобы твои старания были направлены на достижение главной цели — хорошей учебы, необходима благоприятная ситуация. А теперь я и сам понял, что ежедневные трехкилометровые пешие походы в талдыкорганскую школу отнюдь не будут способствовать нормальному учебному процессу. Так что же делать? Охваченный этими мыслями и бесконечными советами с двух сторон, я и не заметил, как пролетело время и начался учебный год.

В один из дней, когда я еще сладко спал, раздался призывный звук школьного звонка. Наверное, я его услышал сквозь сон, потому что невольно приподнял голову, и тут он прозвенел опять, еще громче. Позевывая и потирая глаза, прислушался и сообразил, что звук звонка раздается со двора семилетней школы, которая находилась под боком нашего дома. В ней я и сам некогда учился. Спросонья я

напрочь забыл, что начался учебный год, и неожиданный звонок меня напугал. Настолько, что я пулей вскочил с постели и бросился к выходу, крича на бегу:

— Аже! Что это?

Моя дорогая бабушка, да упокоится душа ее, стояла во дворе и, глядя в сторону школы, пристально всматривалась в собравшихся там подростков с пышными букетами цветов в руках и красными галстуками, повязанными на шеях.

— Вот негодники, наверное, разбудили тебя, а? Ой, айналайын*! — сказала она нежно и поцеловала в щеку.

И тут у меня в душе поднялась настоящая буря. Я метался, не зная, куда деться. Ненавидел себя и отождествлял с дезертиром, бежавшим из собственной среды. “И почему я такой беззаботный мямля, почему так беспечен?!” — корил я себя. А сам в это время, тыкаясь то в одну, то в другую сторону, пытался отыскать какую-нибудь приличную, достаточно новую рубашку и брюки, но ничего, в чем можно было бы появиться на людях в такой торжественный день, не нашел. Вся моя одежда оказалась либо старой и обносившейся, либо малой — той, в которой я ходил каждый день. Внезапно встряхнувшая меня мысль о школе тут же погасла, я удрученно присел, и тут, в довершение всего, мой взгляд уперся в стоявшие в углу древние желтые ботинки с облупившимися носами, которые “просили каши”. Настроение окончательно упало. А на память пришел рассказ, который всегда при случае повторяла бабушка.

В старину одна молодая девушка, дочь бедняка, услышав, как народ на их летнем стойбище засуетился, собираясь на той, обрадованно воскликнула: “О, как замечательно, и я с вами поеду!”. Но отец вдруг мягко сказал ей:

* А й н а л а й ы н — милый, родной, дорогой.

— Не спеши, дочка. Только, боюсь, нужда не отпустит тебя, — и повторил несколько раз.

Однако возбужденная дочь не придала этому значения и только удивленно заявила: “Что значит ваше “нужда не отпустит”, решила — значит поеду!” Отец лишь усмехнулся в ответ. Наконец наступил день праздника. Когда соседи стали собираться группами, чтобы отправиться на той, засуетилась и девушка. Но тут обнаружила, что у нее нет подходящей одежды, в которой не стыдно появиться на празднике. Расстроенная, с выступившими на глазах слезинками, девушка в сердцах молвила: “Проклятая нужда!”. И тогда отец принялся ее успокаивать и напомнил:

— Я ведь говорил, дочка, что нужда тебя не отпустит.

Народные предания всегда добавляют человеку мудрости и невольно заставляют его задуматься о собственной жизни и собственных проблемах. Раз десять прокрутив в голове рассказанную бабушкой историю, я пришел к заключению, что вовсе не дезертир, а просто жертва сиротства и нищеты. Неожиданно вспомнилось, как мы, аульская ребятня, гурьбой отправлялись на текущий поблизости Каратал, воды которого днем поблескивали серебром, а в последних лучах закатного солнца отливали золотом, и бросались наперегонки вплавь против его строптвого течения. Как усталые и обессиленные таким состязанием, изрядно нахлебавшись воды, зато страшно довольные каждой своей удалей, потом выползли на берег и с наслаждением отдыхали. Не ради хвастовства, но все же замечу: я всегда опережал товарищей, хотя бы на длину курука*, а случалось, и на

* К у р у к — длинный деревянный шест с веревочной петлей на конце, предназначенный для ловли животных.

длину аркана, — то ли руки-ноги у меня были длиннее, чем у остальных, то ли сил да энергии побольше... Быть первым всегда приятно. Когда я вспомнил об этих своих победах, будто встряхнулся. И первое, что пришло в голову, так это твердое решение: “Надо пойти в школу. Мне обязательно нужно окончить десятилетку. Шоферство и звание землеустроителя от меня никуда не убегут. Этими специальностями я могу овладеть в любой момент. Но, если я не помучаюсь еще один год, то не получу аттестат зрелости и в высшее учебное заведение уже никогда не поступлю. А это равносильно тому, что растоптать собственными ногами письмо-завещание моего отца Султана, который погиб на фронте, ведь он так хотел, чтобы я, его сын, получил высшее образование.

Вскочив с места, я бросился к старому, разохшемуся от времени черному сундуку в углу, где бабушка прятала свои “сокровища”, отыскал одно из писем отца и начал его перечитывать. “Мое завещание” — так отец назвал свое письмо, присланное с фронта в разгар тяжелого боя:

“Моя верная и любимая супруга Зинаш, ты драгоценнее любого золота и серебра, разве есть в этом мире кто-нибудь дороже для меня, чем ты— Ой, Алла, из-за спешки и сказать-то тебе что положено по обычаю не успел. Я о нашем жеребеночке Максутжане и о том, кто последует за ним. Привык, пострел, спать под боком у бабушки, но ведь все равно день напролет носится перед твоими глазами. Как он там, наш Максутжан, все еще прячется за спиной у аже или же начинает потихоньку осознавать свою ответственность, когда набедокурил? Ему уже больше двух лет, наверное, и разговаривать научился, о чем, интересно, он лопочет сейчас?”

Золотая моя, Зинаш, было бы хорошо, если бы в первую очередь ты втолковала ему: “Война плохая, пусть будет проклята война!” Сказать правду, так это письмо

я пишу съездившись в окопе, а моя жизнь висит на волоске. Только что молоденький русский солдат высунул на беду из нашей глубокой траншеи лишь краешек своей головы, так тут же ему прямо промеж глаз прошла навывлет свинцовая пуля и унесла его душу в вечность. Бедный парнишка, даже не успел затануться только что зажженной самокруткой. Ну а если вспомнить о кровавой бойне, которая тут была во время вчерашнего артиллерийского обстрела и бомбежки, ты бы, Зинаш, от одного взгляда на нее лишилась сознания. Повторю еще раз, родная: будь проклята война! Не знаю, сколько мне самому осталось видеть этот белый свет. Сейчас я жив, а через мгновение меня может и не стать, и удивляться тут нечему. Я бы совершенно не боялся смерти, если бы уже выучил и поставил на ноги Максутжана наравне с его сверстниками. А сейчас, Зинаш, если говорить истинную правду, я смерти боюсь, очень боюсь, душа моя. За Максутжана, за вас боюсь!

Ты же знаешь, что моей заветной мечтой была учеба, образование. Даже те крохи знаний, которые я успел получить, в меру своих возможностей старался обратить на пользу народу. И тебя к учебе притянул, помнишь, как без устали вел агитацию в этом направлении? Но на мою беду судьба положила конец моим устремлениям. Что поделаешь, началась эта страшная война, и я отправился на фронт защищать Родину.

Золотая моя Зинаш! Не жди, душа моя, что я вернусь! Из этой кровавой мясорубки вряд ли удастся выбраться живым. Но, как говорится, "не бывает добра без зла", вот тебе мой завет: Максутжан — единственный оставшийся после меня наследник. Береги его как зеницу ока, воспитай как можно достойнее, приложи все свои силы, чтобы дать ему высшее образование, или пусть хотя бы окончит полный школьный курс. А дальше сам выберет свой путь. Это самые последние мои слова перед уходом в вечность, мое после-

днее завещание! Я верю в твою доброту и верность, Зинаш. Твои нежность и чистота вселяют в меня прочную надежду.

До свидания, прощай, моя родная!

17 июня 1942 года.

Западный Украинский фронт".

Бабушку в тот день встревожили мой печальный вид и беспокойное состояние, она почти неотступно следовала за мной, была необыкновенно ласкова, хлопотлива, приготовила что-то вкусненькое и позвала меня к столу.

Опустошив, к ее радости, тарелку, я бросил взгляд на прикрепленный к стене календарь, вырезанный из какого-то журнала. Была пятница. По своему обыкновению проворно подкрался к бабушке сзади и твердо сказал:

— Аже, мне тоже надо пойти в школу. Я должен окончить десятилетку!

Поначалу равнодушно отнесшаяся к моему заявлению и лишь кивнувшая, мол, правильно поступаешь, бабушка вдруг задумалась и спустя минуту сказала:

— Твои мать и отчим Жансеит в горах, за скотом присматривают. Но обо мне можно не беспокоиться, я и сама смогу вскипятить себе чайник. А где вот ты будешь учиться? В прошлом году дядя Жакып в Талдыкоргане на время учебы тебя приютил. А нынче, сам знаешь, у них такой возможности нет. Так где же ты будешь жить, жеребенок мой? — задумчиво спросила она.

Однако я стоял на своем, дав понять, что принял твердое решение:

— Я подумал об этом, аже. Поеду в колхоз Жетысу к Жамал-апе и, как в прошлом году, пойду в тамошнюю среднюю школу. Мне никак нельзя не учиться! Ты меня понимаешь?

Бабушка, которая не умела ничего скрывать, да и не пыталась никогда этого делать, опять слегка задум-

малась и сказала:

— А разве ты уже не решил, что станешь шофером, разве не объявил об этом родителям? Они ведь, бедные, поверили тебе. Торчат сейчас на ветру у черта на куличках — еще, по крайней мере, месяца полтора с джайляу не спустятся. А одежонка-то у тебя вся поизносилась, что с этим будешь делать? — и она утерла подолом платья уголки повлажневших глаз.

— Ты об этом не переживай, аже. Возьму в помощники друзей, например, Мусабая, Жанайбека и Шалтая, и мы быстренько выкопаем картошку, ту, что за аулом высадили. Готовь мешки. Пойду потом на базар, продам мешков пять и на вырученные деньги оденусь. А остальную картошку спущу в погреб. Ну а ту, что возле дома растет, соберу не спеша попозже — каждое воскресенье буду приезжать, — разъяснил я свой план и начал одеваться.

А бабушка, еще мгновение назад грустная и потускневшая, тут же вся засияла и обрадованно воскликнула:

— О, какой же ты у меня умница, айналайн! Так все и сделай, жеребенок мой. Да озарятся светом твои благие намерения! — и, заключив меня в объятия, крепко прижала к себе и погладила по голове. Потом ободряюще хлопнула по спине, как бы благословляя, и я приступил к осуществлению задуманного.

О любом деле легко говорить, а вот выполнить его гораздо труднее. Чтобы реализовать все, о чем я говорил, потребовались не один-два дня — две или три недели. Когда все наконец было сделано, я сходил в баню, оделся во все чистое и на завтра отправился в твой аул, в дом Жамал-апы. А на дворе стоял уже конец сентября.

Мой жезде* Сагымбек был настолько спокойным и выдержанным человеком, что, казалось, его даже

* Жезде — муж старшей сестры или родственницы.

землетрясение в волнение не приведет. А какой искусный кузнец — так мастерски обрабатывал железные заготовки на своей наковальне, будто это не металл, а мягкое тесто. Встретил он меня тепло и приветливо:

— А, сынок, проходи, давненько ты к нам не приезжал. Вон она, твоя школа — рукой подать!

И в самом деле, школа находилась в каких-то двухстах шагах от их дома. Я виновато пробормотал, что опоздал к началу учебного сезона, но Сагымбек-жезде меня успокоил:

— Это ничего, если сын воина, пожертвовавшего собой ради Родины, опоздает даже на два месяца, ему это простительно. Пусть только попробуют пикнуть!

Как все-таки могущественна сила доброго слова и теплого отношения! Счастливый от горячего внимания и искреннего великодушия, выказываемого Жамал-апой и Сагымбек-жезде с самого моего прибытия, я по-настоящему воспрянул духом. Наутро в этом приподнятом настроении, сжав под мышкой скоросшиватель, где были подшиты мои документы, я пошел в школу.

В тот год к своим обязанностям приступил новый директор. Обаятельный, открытый, приветливый мужчина среднего роста, который назвался Абенем Омиралиевым. Когда я объяснил цель своего визита, он быстро отодвинул вправо лежавшие перед ним на столе бумаги, не обращая внимания на разницу в возрасте между нами, с какой-то необыкновенной проворностью легко встал с места, сам подошел ко мне и взял из моих рук скоросшиватель с документами. Потом сел и не спеша просмотрел их, обратив особое внимание на мое заявление и автобиографию.

— Глядя на твое опоздание, я так и подумал, что ты сын пастуха. А ты, оказывается, не просто чабанский сын, а вдобавок еще и сын солдата, отдавшего жизнь в битве с врагом. К тому же в восьмом классе

уже учился в нашей школе, а девятый окончил в солидном месте и с неплохими результатами. Так что забудем про твое опоздание: ты не оправдывайся, а я не стану допытываться, почему.

Сегодня только второй день, как ученики сели за парты, так что ты ничего не потерял. Сам знаешь, нынче будет отмечаться 40-летие Великой Октябрьской революции. Наш колхоз, который и построил эту школу, включился в соревнование навстречу великому празднику, поэтому мы тоже решили внести свою лепту и через неделю после начала занятий всей школой вышли на сбор сахарной свеклы. Возможно, окажем дополнительную помощь. Сейчас этот вопрос рассматривается.

Ну а тебя как преуспевающего ученика я зачислю в лучший класс, — пообещал директор и вызвал к себе Изтай Аскарову, нашу добрейшую, уже хорошо мне знакомую апай. — Изтайжан, Бог тебе явно благоволит, милая. Вот, наш бывший ученик, прекрасно успевающий в учебе, вернулся снова к нам, так что отведи его в класс и подыщи ему место.

Вместе с нашей классной руководительницей я и появился в тот день в вашем классе — в 10-м “б”.

Как все-таки метко найдены слова: “Жизнь украшают доброта и сострадание” (Шерхан Муртаза)! Изтай-апай была очень ласковым, щедрой душой человеком, ее лицо прямо-таки светилось добротой. Она отнеслась ко мне как-то особенно заботливо, по-матерински, словно собственного сына встретила, а в классе сразу подвела к твоей парте во втором ряду, где ты сидел в одиночестве, и спросила:

— Исмаилов, с тобой вообще кто сидит?

Ты, радостно вскочив с места, отрапортовал, как солдат:

— Никто не сидит, апай. Я один.

— В таком случае пусть с тобой сядет Нарикбаев.

— А я его уже целый год жду!

Когда я сел, ты нарочно суховато, изображая тон официального лица, сказал:

— Пропавший друг — нашелся наконец! Ты случайно не забыл меня? Ораз! — и протянул мне руку.

Я тоже представился и пожал ее. Потом мы оба засмеялись. В этот момент мне в затылок попал скатанный из скомканной бумаги шарик, выпущенный кем-то из рогатки. Я не придавал этому особого значения, лишь потер затылок, зато ты резко обернулся назад и, повернувшись опять ко мне, объяснил:

— Девчонки озорничают, не бойся!

Вот так, пропустив год, я снова оказался среди вас, правда, состав класса к тому времени немного изменился. Так что мне предстояло активно включиться в учебу и сдружиться с одноклассниками.

“СОПЕРНИК”

Ораз: Скажи честно, как ты тогда меня воспринимал?

Максут: Ну, помню, ты в ту пору был очень мечтательным, обожал слушать, как аульные старики рассказывают свои легенды и байки, страстно увлекался всем новым, а еще много читал, особенно художественную литературу. А в учебе был прилежным и шустрым, ловил все на лету, поэтому чаще был впереди своих сверстников. А еще отличался коммуникабельностью, с любым человеком легко находил общий язык. Мы с тобой в течение нескольких дней опять тесно сблизились. Все свободное от школы время старались проводить вместе, да и к урокам вместе готовились.

А вот остальные ребята, хотя со многими из них я раньше учился в восьмом классе, встретили меня прохладно и проявили отчужденность. Ладно девчонки, но почему-то и многие парни ошетинились про-

тив меня, ершились, грубили на каждом шагу, даже угрожали, явно демонстрируя, что я им не нравлюсь. Меня все это и расстраивало, и удивляло одновременно, ведь я старался: и учился хорошо, и стенгазету выпускал, даже не одну, а целых две — нашу классную и общешкольную, да и в другой общественной работе активно участвовал. Трусом не был, когда нужно было, мог и подражаться с кем угодно, однако, несмотря на это, некоторые мои соклассники и отдельные ребята из других классов нашей школы буквально преследовали меня своими подлыми выходками и стали совершенно открыто проявлять враждебность. Куда тут денешься, я понимал, что впереди меня ждет нешуточное столкновение. Одно хорошо, к счастью, я тоже был не одинок. Рядом со мной друзья, с которыми я давно крепко сблизился. Это, конечно, ты, Ораз, и Шалтай из девятого класса — он мой родственник, мы с ним из одного аула. У вас с ним тоже установились добрые отношения, с того самого дня, как я вас познакомил друг с другом. Мы стали неразлучной троицей, всюду ходили вместе — и на переменах между уроками, и в свободное от занятий время, поэтому многие мои “враги” постепенно успокоились, словно ветер пригладил их вечно “вздыбленные гривы”. Большинство ребят перестали беспричинно цепляться ко мне и заняли нейтральную позицию. Это благотворно отразилось и на моем характере — пропала нервозность, неуместная вспыльчивость и раздражительность. Словом, появилась реальная возможность целенаправленно заниматься учебой. Для преподавания многих предметов к нам в тот год пришли молодые учителя, недавние выпускники университета и педагогических вузов. Они нам импонировали, влекли не только глубиной своих знаний, но и собственным жизненным примером, культурой общения. Большинство из них ты уже называл, но совсем не лишне еще раз произнести их име-

на. Это такие молодые педагоги, как Кульзира Мухамеджанова, которая давала нам уроки химии, Каришал Асанов, проводивший занятия по русской литературе, географ Камаш Нурланов, математик Сейтнур Нуркасенов и многие другие. Своей требовательностью, соответствующей их собственным быстро растущим жизненным устремлениям, своими пристрастиями и вкусом они сильнее прежнего укрепили во мне усердие и внимание к учебе.

С начала учебного года незаметно пролетело больше месяца. Понемногу прекратились враждебные выпады моих одноклассников и некоторых других школьников, так что я свободно расправил плечи.

В то время вслед за названными выше педагогами к нам пришла и молодая учительница по физкультуре Антонида Васильевна Макарова, красивая, высокая и статная русская девушка. О ее прекрасном телосложении, наверное, стоит упомянуть особо — ну точь-в-точь как ангел в образе прелестной женщины, сошедший с картин гениальных художников Леонардо да Винчи и Микеланджело. Антонида Васильевна сразу активно приступила к работе. Кстати, сама она имела высокие разряды по акробатике и гимнастике. Помимо проведения уроков по физкультуре, Антонида Васильевна организовала несколько разных спортивных секций, куда стала массово привлекать всех школьников — и учеников младших классов, и старшеклассников. В секцию по акробатике из нашего класса ходила Париха. Эта девушка еще не училась в нашей школе в том году, когда я ходил сюда в восьмой класс. Я узнал от тебя, что она пришла в наш класс одновременно со мной, всего лишь на 10-15 дней раньше, а до этого училась в Алматы, в школе-интернате № 12. Талия у Парихи была прямо-таки осиная, и вся такая тоненькая и хрупкая, как тростинка, в общем, очень привлекательная девушка. Акробатикой она еще в Алматы начала зани-

маться, так что многому уже научилась — и волчком вертелась, и в сальто, словно легкий асык, переворачивалась, и другие трюки выполняла. А когда она выходила в зал в своем специальном гимнастическом костюме-купальнике, который плотно прилегал к телу и сидел на ней как влитой, у аульных ребят, никогда прежде такого не видевших, аж челюсти отвисали от удивления. Самое поразительное, что впереди у него был огромный вырез, прямо до торчащих кулачками грудных яблок, а рукава едва прикрывали плечи. Что касается нижней части, то штанин вообще не было — костюм заканчивался как плавки. То есть руки-ноги, шея и грудь были совершенно нагими, что у нас, аульных ребят, вызывало и любопытство, и смех одновременно. Потому что ходить вот так, наполовину голой, считалось неприличным, впечатление такое, как если бы обезьяна показала свой зад. Кроме того, подобное легкомысленное одяние для полностью созревшей девушки, которое, пусть и наполовину, делало ее нагой, в понимании людей из аула, считалось позором из позоров.

Что касается меня, то я этому не особенно удивлялся, поскольку много раз видел акробатов и их спортивные костюмы в кино, журналах, газетах и даже воочию — в талдыкорганской школе. Мое любопытство вызывало совершенно другое: как эта юная девушка с голубиной грудью, ловко собрав и завязав на затылке свои черные, как смоль, волосы, легко и непринужденно переворачивалась, словно детеныш косули, и начинала ходить на руках.

Антонида Васильевна, критически оценив и изучив спортивную подготовку нашей соклассницы, решила проводить с ней в свободное от уроков время единоличные тренировки. Поскольку сама она была рослой и крупной девушкой, то иногда запросто, всего лишь одной рукой, поднимала Париху и удерживала ее словно парящую птицу. Таким образом, они со-

здали акробатическую пару и приняли решение ввести в программу концерта, посвященного приближающемуся празднику 7 ноября, 2-3 гимнастических этюда. Теперь им требовалось музыкальное сопровождение. Поскольку, для того чтобы подчеркнуть изящество телесной пластики, а также красоту каждого движения и позы, нужна была подходящая ритмичная мелодия. Тут и зажглось мое счастье — я оказался способным принести какую-то пользу Антонида-татей, которая очень мне нравилась. Как-то она спросила меня:

— Максут, ты ведь играешь на баяне?

— Вот, послушайте сами, — с готовностью ответил я, взял стоявший в углу учительской баян и наиграл несколько мелодий.

С тех самых пор все свои упражнения Антонида Васильевна с Парихой исполняли под аккомпанемент песен, которые наигрывал я. Это способствовало тому, что мы с Парихой ближе познакомились и стали откровенно беседовать. А мой интерес к ней впоследствии обернулся сердечным чувством. В один из дней Антонида-татей, повредившая на тренировке локтевой сустав, внезапно предложила мне:

— Ну-ка, Максут, попробуй исполнить мою роль. Вообще-то, парные акробатические номера в основном исполняют мужчина и женщина. Я же просто вынуждена была создать чисто женский дуэт!

В тот день у меня с собой даже спортивной формы не было, так что приступил к тренировке в чем был. Ну и тренировка — с меня пот градом лился! Не зря все-таки задаются вопросом: “Что тяжелее, девушка или соль?” Издалека кажущаяся такой маленькой и тоненькой, Париха, когда я поднял ее на руки, показалась мне страшно тяжелой. Первый раз, когда я, растопырив пальцы на правой руке, поднял ее вверх, она неожиданно захихикала и соскользнула вниз — похоже, я нечаянно щекотнул ее. После

этого, прислушавшись к совету Антонида-татей, я поднял ее снова, уже не расставляя пальцев, и в тот момент, когда я, поддерживая Париху за талию, ощутил центром ладони жар ее тела, моя рука едва не расплавилась — я вновь не смог ее удержать и выпустил. Наверное, она подозревала, что так и случится, во всяком случае, не потеряла бдительности и не упала, хотя я и уронил ее, — мягко, точно грациозная кошка, приземлилась на ноги.

Время шло, локоть у Антонида-татей все никак не заживал, а 7 ноября тем временем приближалось. Она же была из той категории людей, кто не любит попусту болтать и держит свое слово. Чтобы показать результаты начатого дела, которому было отдано столько физических и душевных сил, она засуетилась, поручила играть на баяне нашему с тобой однокласснику Толеку, а меня принялась усиленно тренировать, чтобы я целиком заменил ее.

Как говорится: “Поставивший цель и горы свернет, и камень расколет”, уже после первой тренировки мои руки привыкли к упругому и горячему телу Парихи, теперь я поднимал ее легко и свободно удерживал. Видимо, прежние неудачи были связаны вовсе не с ее весом, а с моей стеснительностью. После второй тренировки я уже лихо вскидывал ее как угодно, словно пушинку какую-то. Даже научился сажать на шею в позе поперечного шпагата.

“Не будь пустомелей, не забывай о цели разговора”, — говорят в народе. Тренировки шли своим ходом, причем с успехом. Но что ты будешь делать, если вдобавок они начинают тебе сниться, да еще в каких-то волшебных видениях? Только закрою глаза, как мне сразу грезится Париха, то в одном гимнастическом купальнике, то в другом, то плывет ко мне, то удаляется, а то вдруг становится призрачным, как мираж, силуэтом и парит в каком-то радужном мареве — словом, потерял я покой.

В течение короткого времени во мне проснулось сильное влечение и к акробатике, и к девушке, я впал в какое-то чудесное, безмятежное состояние. В те дни я сбросил лишний вес и начал преображаться дальше. Ежедневно не менее трех раз занимался подтягиванием на турнике, поднимал штангу, тягал гири, ходил по бревну. Время от времени вместе с тобой и Шалтаем гонял футбольный мяч или играл в волейбол. Да что там говорить, все мое усердие перешло теперь на акробатику, для того чтобы добиться успехов в ней, развить свою силу и закалиться, я использовал все возможные способы. Труды мои не пропали напрасно. С каждым днем я становился сильнее, овладевал всевозможными трюками и рос в мастерстве. Следует признать, это великолепно, когда ты полностью увлечен любимым человеком и тем видом спорта, который выбрал душой и полюбил всем сердцем. Начиная с тех дней, я как будто вошел в какой-то другой, особенный мир, душа моя ликovala, настроение всегда было приподнятым, а мечты возносились ввысь. В сердце появилась какая-то широта, я стал намного добрее, отзывчивее и сострадательнее, чем раньше. Ни на кого не обижался, ни с кем не ссорился, стал относиться к людям с необыкновенной чуткостью и мягким всепрощением. Не знаю, то ли это было признаком моего взросления и сознательности, то ли следствием великой силы любви, которая влила в мое сердце свет милосердия, только я совершенно переменялся. Душа прямо порхала, я с радостью вставал утром с постели и с той же радостью ложился спать. Сладкая надежда и радость мечты стали моими постоянными спутниками.

Заметил, что и Париха ко мне неравнодушна. С каждым днем мы относились друг другу со все большим вниманием и влечением. Да и Антонида-татей нас подстегивала: "Если вы не будете искренни, ваши этюды останутся незавершенными. В каждом движе-

нии вы должны показать реальный характер, подлинное чувство и чистую любовь. Только тогда ваш труд будет успешным, только тогда он принесет плоды". Эти слова нашего тренера мне особенно нравились. Я молил Бога, чтобы сбылось то, о чем она говорила.

В конце концов я настолько привык, что Париха всегда рядом, что стал считать ее своей собственностью, ведь эта девушка каждой ночью приходила ко мне во снах, а днем я нежно держал ее в своих руках, словно порхающего ангела, который своей резвостью напоминал маленького жеребенка. Однажды на привычной разминке перед основной тренировкой я, сжав ее за осиную талию, поднял вверх и водрузил на свое правое плечо, и тут не удержался и с какой-то необычайной страстностью погладил ее белое бедро по направлению книзу. Вспугнутая моим неожиданным и несуразным поступком, не имеющим никакого отношения к нашему упражнению, Париха посчитала его постыдным, резко спрыгнула на пол и грозно окинула меня рассерженными глазами.

— Ты почему даешь волю рукам?

— А что, прикажешь тебя не руками, а ногами поднимать?

— Я не о том, что ты поднял меня, а о том, что погладил.

— Подумаешь, погладил, тебе ведь нужно было разгорячиться для тренировки?

— И без тебя разгорячусь.

— Оно и видно, смотри совсем не сгори.

— Если еще хоть раз...

— Что "если еще..."? ..

— Если еще хоть раз с посторонними мыслями...

— Эй, ты о чем это болтаешь?

— Не прикидывайся, я поняла твои мысли.

— Какие, о каких таких мыслях ты говоришь?

— Не строй из себя.

— Мне нечего из себя строить, думаешь, начну извиняться, мол, “виноват, показал, как ты мне близка”. Да не было у меня в голове ничего такого, никаких посторонних мыслей, кроме как поскорее начать и завершить тренировку, пока к окнам не прилипли в предвкушении чего-нибудь твои “зрители”, зря ты тут развела...

— Почему это все, кто подглядывает в окна, должны считаться только моими “зрителями”, разве ты не выполняешь тоже акробатические трюки?

— Неужели не заметила, что подглядывают одни парни? Та, по ком они сохнут и на кого приходят поглазеть, — именно ты.

— С чего бы это я?..

— Ты стройна и красива. У тебя и лицо симпатичное, и сложена ты прекрасно. Как говорят казахи: “Изящен стан, месяцем брови, золото во взгляде”, — это точно про тебя. А если выразаться образно, подобно поэтам, то ты лунолика, брови твои изогнуты серпом, глаза как блюдца, шея будто ствол яблони, а лицо белее снега. Вот почему взоры всех ребят прикованы к тебе, ради тебя они умереть готовы. Иногда даже и я...

— Ты свое “иногда” прекрати, мальчишка. У нас с тобой должна быть одна-единственная мысль — спорт и достижение мастерства!

Вот так прошла наша первая словесная перепалка. Она хоть немного приоткрыла то, что было в наших душах. Я лично про себя даже благодарен этому был.

В тот день тренировка завершилась поздно, и я по заведенной в последнее время традиции пошел провожать Париху из центральной усадьбы колхоза в аул Екпенды, который находился в стороне, примерно в трех километрах. Уже наступило время, когда спустилась глубокая темень. На пути между двумя аулами, когда мы поднимались на перевал, перед

нами вдруг вынырнула из темноты стайка ребят постарше во главе с нашим одноклассником Каражаном (его настоящее имя я нарочно изменил). Пробравшись вперед из-за спин приятелей, Каражан встал между нами.

— Ну, дорогие спортсмены, акробатика, похоже, вам на пользу пошла — как удобно хватать друг друга то за одно, то за другое место, ха-ха-ха! Пока доберетесь до Екпенды, наверное, успеете рассказать нам про свой последний этюд. Ну а мы слушаем! Говорите, чего стесняетесь?!

— Максут, — повернулся Каражан ко мне, — а ты, видать, до смерти доволен — какой удобный случай выдался, а? — пошутил он и хлопнул меня по плечу, потом оттеснил Париху и взял ее под руку.

Но разве она покорится?!

— Отпусти мою руку! — крикнула она и, вырывая ее, с силой двинула локтем прямо по вздернутому носу круглолицего Каражана.

Пусть кровь и не пошла, но бедняга схватился за нос и затопал от боли ногами.

— Ойбай, ойбай, какой твердый локоть у этой сучки, аж искры из глаз посыпались, чуть сознание не потерял! Ой, отца твоего, я покажу тебе, как драться! — с этими словами он устремился к Парихе, а я тем временем подставил ему подножку.

Плюхнувшись лицом прямо в скопище пыли на проселочной дороге, Каражан заорал:

— Эй, псы этакие, чего вы стоите! Что вам еще сверх этого нужно? Забыли о нашем уговоре, забыли, что поклялись?!

Подручные Каражана только этого и ждали, подлетели со всех сторон, и каждый по разу двинул меня. В поисках орудия защиты я огляделся — в двух-трех шагах валялся обломок дерева длиной со скалку и толщиной в запястье; быстро подхватив его, я грозно надвинулся на обидчиков.

— Предупреждаю, Каражан, вас много, а я один. Поэтому жалеть не стану. Ну, давайте! — вызывающе сказал я, однако, как говорится, “душою не каждый батыр” — никто не дерзнул продолжить драку.

Отряхнув с себя пыль, Каражан пообещал:

— Ты этим не отделаешься, еще посмотрим, кто окажется на коне! Ребята, пошли отсюда! — и они растаяли в ночи.

Я молча проводил Париху до дома. Смотрю, а она уже совсем не так строга, как на тренировке, прощаясь, даже сказала с каким-то особым состраданием:

— Будь осторожен, смотри, как бы эти хулиганы не подкараулили тебя на обратном пути, удачи тебе!

“Но ведь и я хитрец”, — как говорил Таир Жарков. Возвращаясь в аул, я нарочно сделал крюк и выбрал другую дорогу — пусть немного дольше идти, но все же лучше, чем получить по морде. И хорошо, что так поступил. Потому что Каражан со своей “бандой” и в самом деле поджидал меня: приготовили на обочине дороги кучу камней, собирались меня окружить и хорошенько отдубасить. Я об этом позже узнал, когда один из его ребят перешел на нашу сторону.

Так прошла моя первая стычка из-за Парихи, а потом их было еще немало.

С наступлением осени природа горного края всегда показывает свой надменный нрав. Так и на этот раз: если сентябрь прошел спокойно, с хорошей для хозяйства погодой, то ближе к концу октября часто поднимался сильный ветер, шел проливной дождь, стало холодать. Не буду слишком распространяться, только в один из таких дней, когда я снова собрался проводить Париху домой, едва мы отошли шагов сто от здания школы, как хлынул дождь. Мы посчитали неудобным снова возвращаться в школу, пробежали через стадион, расположенный у ее стен и, заметив открытую дверь в зале аульного Совета, расположенного прямо напротив здания правления колхоза, вбе-

жали внутрь. И надо же, на свою беду сами себя загнали в ловушку. Каражан и его подручные наблюдали за нами из-за окон спортзала и выслеживали с того самого момента, как мы вышли из школы; они тоже укрылись от непогоды в зале и теперь, страшно довольные, с громким хохотом, словно поймали сразу семь зайцев, закрыли собой оба выхода из зала. Каражан с черной повязкой поперек одного глаза, словно пират из книг и кинофильмов, вытащил из-за пояса нож и сказал:

— Если Бог смилостивится, то, чего ты ожидаешь как дар небесный, само тебе в руки плывет. Вот и вы, сами в мои руки попались. Я вас не бил, не гнал толчками, не тащил сюда силой. По собственной воле сюда пришли, изо всех сил примчались, словно что-то потеряли здесь.

Ну а теперь пойте, “соловушки” вы мои! Одна меня по носу двинула, другой с ног сбил, знаете, что чуть не выбили мне глаз? “Бог слышит и шепот”, — говорят старшие. Я же не буду шептать, а скажу громко: эти ребята — моя “паства”. Если захочу, они не только вам все волосы повыдергают, а в мгновение ока головы снимут и преподнесут мне на блюдечке, — и он лезвием своего ножа длиной примерно в 10 сантиметров провел по нашим глоткам. Потом, резко повернув голову в сторону, кивком указал на меня своей “пастве”, и тут же по моей спине с двух сторон хлопнули чьи-то ладони и принялись тычками гнать меня в дальний угол зала. Один из моих “стражников”, которого раньше я никогда не видел, предупредил:

— Стой здесь и не рыпайся, сделаешь хоть шаг в сторону — даже понять не успеешь, сколько раз вонзится в тебя этот нож. Слышал? Нам дали задание, родственничек! — и он расхохотался.

Я был благодарен и тому, что меня не повернули лицом в угол. Потому что так я хорошо видел все

дальнейшие действия Каражана: как он отволок Париху в противоположный угол, как приставил к ее горлу нож. Даже расслышал, о чем он ее спрашивал.

— Ты почему меня обманываешь? — спросил Каражан.

— Когда я тебя обманывала? — ответила вопросом на вопрос Париха.

— Разве не я первым из всех признался тебе — я! Кто написал тебе письмо — я! Ты ведь и ответила, правда?! (Подталкивая животом, он стал прижимать Париху к стене.) Я тебя спрашиваю, это правда?!

Париха кивнула.

— Так почему же, — злился Каражан, — ты так сблизилась с каким-то пришлым чужаком? Даже перестала разговаривать со мной. Смотри, один мой предок — Кодар, а другой — Бекежан*, со мной играть нельзя, обманешь — не пожалею! Я жизнь готов отдать ради своей любви!

— А как же учеба?

— К черту учеба, если лишусь тебя!

Теперь я понял тайну того, почему так злобствовал на меня Каражан. Он, как оказалось, был влюблен в мою партнершу по акробатике Париху. В течение какого-то месяца и письмо ей успел написать, и обещание вырвать. А я, в котором только проснулось сердечное чувство, все никак не решался признаться ей в своей любви.

В этот момент произошло неожиданное. С улицы ввалились насквозь мокрые с ног до головы наш одноклассник Сакетай (имя я тоже намеренно слегка изменил) и четыре или пять ребят. Едва войдя, Сакетай устремился к Каражану.

— Каражан, убери нож! Девушку так не завоевывают! Такие проблемы решаются только по-мужски

* К о д а р и Б е к е ж а н — персонажи известных казахских народных эпосов, злодеи по натуре.

— либо в поединке, либо выбором самой девушки. Выходи на улицу, за Париху и я готов душу отдать! — и, выбив из рук Каражана нож, он быстро двинулся к выходу. Мои охранники тоже стали подталкивать меня по направлению к выходу.

К счастью, в этот момент пришел старик-сторож, который присматривал за зданием правления колхоза, помещением аульного Совета и расположенным рядом Домом культуры. Узнав нас и поняв, в чем дело, он тут же разогнал всех.

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИЛСЯ...

Ораз: Тогда ты и притащился на ночь глядя ко мне.

Максут: Точно. После всей этой истории меня одолели тяжкие мысли, я никак не мог успокоиться и унять разгоравшееся внутри чувство мести, поэтому решительно двинулся напрямик к твоему дому на окраине аула.

На мое счастье, ты как раз стоял во дворе, укрывшись от непогоды огромным отцовским брезентовым дождевиком. Радостно засуетился и тут же пригласил в дом.

— Что там делать, пойдем лучше на сеновал — разговор есть, — предложил я, причем таким тоном, что было понятно — возражать бесполезно.

Однако ты и не собирался возражать, тут же с готовностью согласился:

— Пошли!

Мы забрались в защищенное от дождя и ветра местечко между поднятыми в ряд скирдами сена, подкопали слегка бок одного стога и уютно расположились в образовавшемся углублении, опершись спинами в кучу приятно пахнущей люцерны.

— Ну, выкладывай, что за разговор?

— Похоже, дружище, я в твоём ауле не приживусь.

— Что случилось, опять тебя Каражан достаёт?

— И он тоже.

— А кто ещё?

— Одним из воздыхателей Парихи оказался Сакетай. Теперь он тоже в числе моих соперников, а какую это сулит “выгоду” мне, я уже сегодня понял, — признался я, ничего от тебя не утаивая.

Ты помолчал немного, что-то обдумывая, и сразу поспешил рассеять мою тревогу:

— Не бойся, Сакетай на нашей стороне, даст Бог, он ещё и поколотит твоих обидчиков.

— Как это, почему?

— Дело в том, что он по уши влюбился в нашу одноклассницу — в Кулян. Вот и попросил меня сочинить от его имени любовное послание в стихах, чтобы смягчить сердце Кулян и привлечь к себе её внимание. Если я выполню его просьбу, Сакетай, как он сам сказал, всю жизнь у меня в долгу будет.

— Если он действительно влюблен в Кулян, то почему же только что намекал о своих чувствах к Парихе?

— А это он нарочно. Я ведь рассказал ему, как Каражан к тебе цепляется и выслеживает, попросил при случае заступиться.

— Ах вот оно что! — обрадовался я и, подавшись внезапному порыву, расцеловал тебя.

С того самого дня, с той самой памятной ночи счастье повернулось ко мне лицом, зато Каражана повсюду преследовали неудачи, причем я к этому не имел никакого отношения.

Во-первых, Париха стала относиться ко мне гораздо благосклоннее, поскольку во время последних стычек собственными глазами увидела, какой я подвергался из-за нее угрозе, к тому же я доказал, что не трус и готов ради нее сразиться с кем угодно, по-

этому ее симпатия ко мне, вопреки козням Каражана, лишь усилилась.

Во-вторых, и ты не подкачал, выполнил “задание” Сакетая за каких-то пару-тройку дней, да не просто выполнил — целую поэму сочинил, строф где-то на семьдесят, я даже начало помню: “Отзовись, сердечко, смилуйся, всевышний!”. Короче, благодаря твоим стараниям, Кулян откликнулась на чувство Сакетая. А Сакетай вместе со своими пятью-шестью друзьями, русскими и немцами, тут же открыто встал на нашу сторону. Мало того, к нам в те дни присоединился еще и твой товарищ чеченец Ильяс с двумя-тремя приятелями. Так что на моей стороне было теперь больше десятка ребят, и мы образовали самый крупный, самый сплоченный и сильный “блок” не только в нашей школе, но и во всем колхозе, включая все его отделения, которые считались колхозными бригадами: “Красный Октябрь”, Тонкерис, Жендык, Екпенды. Правда, в то время подобные группировки мы называли не “блоками”, а “шайками”. Своей “шайке” мы дали гордое имя “Справедливость”.

Наконец, в-третьих, наши с Парихой акробатические этюды, с которыми мы выступили в программе концерта, посвященного 40-летию Великой Октябрьской революции, имели грандиозный успех, а благодаря приехавшему в школу на праздничное мероприятие фотокорреспонденту, несколько снимков, сделанных во время выступления, были опубликованы в районной и областной газетах, так что наши имена стали известны на всю округу.

Первой нас поздравила Антонида Васильевна, наш учитель и тренер.

— Пролитый на тренировках пот и ваши старания не были напрасными, — сказала она. — Ваш успех — результат осмысленного и плодотворного труда. Молодцы!

В тот же день нас поприветствовала и классная руководительница Изтай Аскарова, а директор школы Абен Омиралиев даже вручил нам почетные грамоты.

Но самое замечательное в другом: все наши соклассники, за исключением одного только Каражана, тоже искренне нас поздравили и от души расцеловали. Иными словами, мы с Парихой оказались в центре внимания, как говорится, нам светила и луна, и звезды, а сами мы пребывали на вершине счастья. Наш успех на празднике вызвал бурное восхищение у всех наших друзей и до смерти досадил недругам. Мало того, вскоре после концерта к нам стали приходиться письма из всех уголков области от учащихся школ, которые увидели фотоснимки в газете. Это еще больше окрыляло нас с Парихой и удручало Каражана и его приспешников. Так что слава наша росла, а авторитет поднялся еще выше. Мы и не представляли, что слава и честь вовсе не такие уж недостижимые вещи, которые простого смертного обходят стороной. Как оказалось, они совсем рядом, сопутствуют жизни каждого человека: стоит только немного напрячь те силы и умения, которые уже в тебе есть, и они обязательно проявят себя. Единственное, что несомненно требуется — это дерзость и упорство, необходимые в любом начинании. Думаю, нужно еще одно обязательное и важное условие — искренняя самоотдача, с какой ты должен относиться к любому делу. То есть, как мне кажется, слагаемые успеха — это труд и искренняя преданность тому, чем ты занят.

Наш общий с Парихой труд, принесший такие приятные результаты, заставил меня по-настоящему повзрослеть. То уважение, которое, начиная с памятного дня, стали проявлять по отношению к нам и наши сверстники, и учителя, и родители, конечно, не оставило меня равнодушным и способствовало

добрым и полезным размышлениям на тему: “что бы еще такое сделать на радость всем?”. В первую очередь я обратил пристальное внимание на свои взаимоотношения с окружающими, на собственную походку и осанку, на то, как одеваюсь, и отныне старался с любой стороны выглядеть так, чтобы вызывать всеобщее расположение и симпатию. Давно известная истина, что главный долг любого ученика — успешная учеба. Помнишь, мы с тобой обсудили этот вопрос и договорились все свои силы и способности направить на то, чтобы преуспеть в учебе. Не зря говорят: “Дело мастера боится”, к тому же наши намерения совпали с устремлениями наших педагогов, сплошь молодых учителей. Ты упомянул многих: это и Кульзира Мухамеджанова, которая давала нам уроки химии, и наш преподаватель по русской литературе Каришал Асанов, и учитель физики Сейтнур Нуркашенов. Благодаря их усилиям, наша успеваемость резко повысилась. В этом смысле мы сегодня испытываем огромную признательность к нашим учителям, особенно к первым двум. Нам повезло, это были прекрасные педагоги, всем своим существом они отдавались профессиональному долгу, мечтая, чтобы их ученики добились еще больших успехов, чем они сами, чтобы выросли всесторонне развитыми, высоко сознательными, глубоко образованными и культурными людьми. Даже воскресные дни они проводили вместе с нами, своими учениками, никогда не жалели личного времени для того, чтобы вести дополнительные занятия или работу предметных кружков. Разве не благодаря их неустанным заботам, не благодаря их стараниям и инициативе мы глубоко уяснили, что хорошее воспитание — залог духовного роста?..

Наши края — горные владения, так что погода у нас под стать суровому нраву гор. Еще не закончилась тихая осенняя пора, вслед за которой обычно

начинается сезон ветров, кружатся вихри и завывает буря, как все окрест занесло белым снегом. Уже в первой декаде ноября зима окончательно вступила в свои права, нарядила округу в белое одеяние и с каждым днем становилась суровее.

Хотя зима в тот год пришла раньше обычного, была многоснежной и очень морозной, учебно-воспитательная работа в школе ни разу не прерывалась. Из дня в день, неделя за неделей четко, согласно установленному расписанию, шли учебные уроки и занятия во всевозможных кружках и секциях. В дополнение ко всему инициативные группы активистов, которые нашлись в каждом классе, стали устраивать в конце каждой недели вечера отдыха и организовывать интересные и увлекательные мероприятия, приуроченные ко дням рождения или юбилейным датам в жизни известных в Советском Союзе писателей и поэтов, деятелей науки, культуры и искусства. Ради справедливости стоит отметить, что во главе всех этих добрых затей чаще всего были учащиеся нашего класса.

— Вы будущие студенты, а до сих пор не умеете прилично танцевать, — укорил нас как-то Каришал-агай. — Что за позор! Чуть ли не завтра вам предстоит попытаться счастья, чтобы поступить в какой-нибудь вуз, кто-то поедет в Талдыкорган, кто-то — в Алматы, а кто-то, возможно, и вовсе в Москву или Ленинград отправится. Даст Бог, поступите. Под крышей одного института соберется горячая молодежь из разных уголков нашей великой Родины, и вот тогда настанет время показать, на что вы способны, чему вас научили в родном краю, в родной школе — в том золотом гнезде, из которого вы выпорхнули. Спору нет, некоторые из вас могут и песню спеть, и на каком-нибудь музыкальном инструменте сыграть. А остальные? Немужественно согласны краснеть и предстать в жалком виде, поскольку не в состоянии даже станцевать?

Эти совершенно справедливые слова учителя заставили нас задуматься и перейти к действиям. В итоге мы организовали танцевальный кружок, куда привлекли всех своих одноклассников. В него вскоре потянулись и ребята из 10-го "А" класса. Нашу инициативу поддержали Антонида Васильевна и Кульзира-апай, а также сам Каришал-агай и Сапиян-агай. Каждый вечер они вели занятия в нашем кружке, обучая нас танцевальным движениям и показывая, как следует переставлять ноги согласно тому или иному ритму, и практически через неделю почти полностью всех нас "поставили на ноги". Таким образом, в течение короткого времени мы разучили несколько изящных, великолепных танцев, включая вальс, фокстрот, польку, падеграс и краковяк.

На новогоднем вечере вокруг традиционной зеленой елки, который подошел вместе с обильными снегопадами и трескучими морозами, мы уже легко вели партнерш волнительной поступью танго, лихо танцевали стремительный фокстрот и падеспань, плавно парили или кружились подобно веретену в вихре вальса, энергично двигались в зажигательных ритмах краковяка и польки, показав тем самым замечательный пример учащимся более младших классов и воодушевив их тоже заняться танцами. С того времени в школе каждую субботу неизменно проводились танцевальные вечера, и наша школьная жизнь обогатилась новыми впечатлениями.

Вместе с тем мы продолжали усиленно заниматься спортом — винтовочной стрельбой, лыжными гонками, акробатикой, гимнастикой, шахматами, что тоже вносило заметные перемены в наше физическое и духовное состояние.

В общем, можно сделать вывод, что подготовка к празднованию 40-летия Великой Октябрьской революции и Нового года положительно отозвалась во всем нашем существе и внутреннем мире, заставила

нас измениться к лучшему, возмужать и повзростеть. Более того, с каждой учебной четвертью мы становились все более сознательными и ответственными, перестали, как прежде, беспричинно веселиться, слоняться без дела, все чаще серьезно задумывались над тем, кем станем в будущем, какую профессию хотим освоить. В том, что мы тогда встали на верный и устойчивый путь, который многим из нас помог впоследствии добиться жизненных целей, неоценимое влияние, безусловно, оказали наши наставники, в особенности молодые. Наше с ними общение было гораздо шире учебных школьных программ. Что скрывать, ведь именно после откровенных и добрых бесед с ними мы стали глубоко и ясно осознавать, что самое благородное и драгоценное в жизни человека чувство — это любовь, что его волнительные порывы впервые зарождаются в моменты человеческого и гражданского становления. Если не запомнил, Ораз, мы даже провели общешкольный диспут на тему: “Любовь к человеку начинается с любви матери”. Все старшеклассники в нем участвовали.

Ораз: Верно, Максут. Кстати, в том общешкольном диспуте, о котором ты вспомнил, снова отличились своей активностью ученики нашего класса. Да, всевозможных событий, которые были неординарными в жизни школы, в тот год было с лихвой. В первую очередь, это, конечно, радикальное обновление педагогического коллектива, то есть приход в нашу школу внушительной группы молодых учителей. А во-вторых, всевозможные победы и достижения школьников, на которые тот год был особенно урожайным. Вспомни сам! Наши одноклассники Толек и Кулман стали заправскими баянистами, без которых не обходился ни один школьный концерт. Кунжуму с Мамилей признали непревзойденными исполнительницами казахских национальных танцев, таких как “Ұлы көш” (“Великое кочевье”) и “Кийіз

басу” (“Валяние войлока”). Счастливо совпало, что ты вернулся в нашу школу, а из Алматы к нам в аул неожиданно переехала Париха — наша небесная красавица. Вы создали такую замечательную спортивную пару и настолько хорошо и гармонично овладели акробатическим искусством, что прославили нашу школу на всю область! А разве не стала ярким событием в школьной жизни постановка спектакля по пьесе выдающегося писателя-академика Сабита Муканова “Чокан Валиханов”? Тут уж я постарался выложиться, ведь мне досталась интересная роль — великого путешественника П.П. Семенова-Тяншанского. А спортивные достижения наших учащихся? На районном чемпионате Дарига победила в беге на 100 метров, Каншаим была первой на дистанции 400 метров, а Хадиша опередила всех в 5-километровой лыжной гонке. Говорят, “младенец в колыбели меняется пять раз к ряду”, а наша школа, как мне думается, в тот последний для нас учебный год изменилась, наверное, десяток раз и выросла в духовном смысле тоже десятикратно.

Максут: Если брать в общем, так оно и было. Но давай будем честны до конца, разве эти позитивные перемены коснулись всех наших одноклассников, разве все мы стали одинаково сознательными? Не будем кривить душой, нашлась и “ложка дегтя в бочке меда” — те строптивые упрямы, которые всегда стремились выделиться и продемонстрировать, что “пять пальцев на руке неодинаковые”. Эти наши “дружки” так и не сумели побороть в себе зловредный нрав.

Для разумного человека все пережитое — большой урок. Жизненный урок. Но порой человек настолько пленен собственными чувствами, что утрачивает способность трезво мыслить. Сколько раз я протягивал Каражану руку дружбы! Никогда не пытался каким-то образом насолить ему или применить силу, даже в тот момент, когда у меня появилась куча

сторонников в виде нашей мощной “шайки”. Но Каражан так и не сумел пересилить злобу и отказаться от однажды избранного подлового отношения ко мне. “Ни ты, ни я не виноваты в том, что полюбили одну девушку. Нет ничего такого, из-за чего мы должны враждовать, драться, ссориться и быть вечно в разладе. Как говорил Сакетай, последнее слово — за девушкой, пойдем к ней, пусть она сама решит!” — предложил я. Однако и тут Каражан остался верен себе — постарался меня унижить: “Гляди-ка, как он стремится под пята к бабе попасть!” И дальше вел себя в таком же духе: день ото дня все больше язвил, ехидничал, ловил момент, чтобы при всех задеть мое самолюбие. Ну и чего в итоге добился? Стараясь очернить меня, сам потерял опору под ногами, будто поскользнулся на коровьей лепешке и вляпался в самую грязь. Из-за своего глупого упрямства он отстранился от той увлекательной жизни, которой жили все мы. С презрением заявлял всюду, что ногой не ступит туда, где находится Максут, а в результате сам себя и наказал, ведь он так и не научился ни одному из тех красивых танцев, которые освоили мы. Обходил стороной и другие кружки. Избегал даже лабораторных занятий по физике и химии, где мы ставили интересные опыты и проводили экспериментальные исследования. На все у него был один ответ: “Пропади пропадом эти дополнительные уроки, от них лишь мозги киснут!” В конце концов, ухудшилась, во-первых, его успеваемость, а во-вторых, выбрав позицию стороннего наблюдателя, он утратил всякую привлекательность для сверстников, а его претензии на лидерство стали попросту несбыточными. Постепенно Каражан настолько растерял свой прежний авторитет, что уже к Новому году все парни и девушки из нашего класса предпочитали с ним вообще не общаться, а при его приближении сразу недовольно ощетиживались, словно свернувшиеся в

клубок ежи, и сами готовы были уколоть при случае. Среди ребят даже сложилось мнение, что Каражан напоминает противные колючки шенгеля, которые вечно цепляются и рвут одежду, разве не так?

Ораз: Ты прав, Максут, по моим наблюдениям, стремление выпятить себя, не удосуживая вниманием других, привычка сознательно не считаться с теми, кто находится рядом, высокомерие по отношению к собственному окружению — такое поведение, похоже, никогда и никому не приносило чести. Тем не менее, плохой или хороший, но Каражан тоже наш одноклассник, наш ровесник. И у него есть сердце, есть характер и чувство собственного достоинства. Как бы я ни осуждал многие его выходки, все равно не могу посчитать его любовь к Парихе постыдной и ошибочной. Однако свое чувство, свою любовь и свою честь ему надо было отстаивать не в драках и вечном противостоянии сопернику, а с помощью разума. Один индийский мыслитель сказал: “Так же, как тело нуждается в пище, так и сердцу требуется мудрость”. Окончательно запутавшись в своих кознях, Каражан лишь доказал, что перед лицом жизненной правды и справедливости слаб и беспомощен. Он вел себя необдуманно, наделал кучу ошибок, к тому же не взял во внимание, чем отзовется на происходящее сердце девушки, не оценил силу ее любви. Что делать, необдуманные поступки свойственны каждому человеку. От ошибок не застрахованы не только люди — все живые создания, к примеру, и добрый конь иногда спотыкается. То есть проблема не в том, что кто-то ошибся, споткнулся или совершил грех, — главное, вовремя все исправить, постараться извлечь урок и больше никогда не повторять однажды совершенного. В народе не зря говорят: “Умение прощать лучше неприятия”, возможно, и Каражан, который грешил в прошлом, сегодня встал на праведный путь и своим добрым знаменем тоже выбрал справедливость.

Максут: Эх, куда там, мало в это верится! Однако, и в самом деле, оставим его в покое и воздадим должное нашему общему прошлому. Правда, когда я вспоминаю цветущую пору своей юности, тот 1957—1958 учебный год, который провел вместе с вами, то на память тут же приходит и злополучная история моих взаимоотношений с Каражаном; без нее жизнь того периода теряет краски и какие-то любопытные стороны. К тому же сегодня я не склонен обвинять Каражана, наоборот, даже благодарен ему. Если бы не он, я вырос бы куда беспечнее, не задумывался бы над тем, что моя жизнь и моя любовь в любой момент могут подвергнуться опасности и риску. Каражан оказал огромное влияние на то, что в моей натуре рано пробудилось, быстро развилось и укрепилось ощущение интуитивной готовности к защите. Он сам вынудил меня лелеять и беречь свою любовь как зеницу ока. Заострил во мне чувство чести и собственного достоинства. Сам не ведая о том, научил обороняться и давать отпор.

Если бы с того самого дня, когда в моем сердце зародилось чувство к Парихе, нас не стал неотступно выслеживать Каражан, точить против меня зубы и вообще не бросился со мной в открытую схватку, возможно, и к Парихе я не относился бы с такой небывалой для себя сдержанностью и терпением. Если признать честно, то в те моменты, когда мы с Парихой начинали спорить и препираться, она порою становилась настолько невыносимо вредной и бросала в лицо такие жесткие слова, что мне приходилось прилагать незаурядные усилия, чтобы оставаться спокойным и не надерзить в ответ. Иного выхода просто не было. Если бы я вдруг вздумал перечить Парихе в такие мгновения, злиться на ее выходки, кто знает, как бы она отреагировала на это? Всякое могло быть.

Так что в то время, когда тебя со всех сторон окружают угрозы и подстерегают опасности, ты, как я

убедился на собственном опыте, способен терпеливо снести любой каприз и любую выходку дорогой тебе девушки. Если не сумеешь сдержаться, можешь и потерять возлюбленную — на смех друзьям и на радость врагам. А что может быть хуже этого? Поэтому ложная гордыня, вечный страх оказаться отвергнутым, сопровождавшие мою любовь к Парихе, невольно подталкивали меня к тому, чтобы я относился к ней еще внимательнее, дорожил нашими отношениями и лелеял свое чувство пуще прежнего. В этом смысле совсем, пожалуй, нелишне, если и Париха скажет спасибо Каражану, ведь она только выиграла, оттого что я стал нежнее и бережнее по отношению к ней.

В нашем народе бытуют веские и очень точные слова: “Зайца губят камыши, а батыра — гордыня”. Гордыня определяла и мою “политику” в то время: не уронить своей чести и во что бы то ни стало выйти победителем на любовном фронте, а для этого, казалось мне, все средства хороши — огнем гори, соловьем пой, моли, плачь, хоть сгинь навеки. Поэтому для достижения своей цели я готов был в чем угодно потакать своей любимой, рабом перед ней бегать, даже унижаться, если потребуется. Естественно, всему есть предел и своя мера. Если не будешь придерживаться постоянно определенных рамок, сам в конце концов станешь ущербным и начнешь страдать от этого. Говорят, “среди верблюдов хорош бура*”, а слово лучше прямое”, скажу честно, я был на грани, ты и сам, Ораз, был свидетелем тому, как моя зависимость от Парихи росла день ото дня, усиливалась и переходила всякие границы. Но один мой поступок — мелочь, казалось бы, — коренным образом изменил наши отношения. Это букет подснежников, который я преподнес Парихе в Международный женский день.

* Б у р а — верблюд-производитель.

Помнишь, друг, как 7 марта, накануне весеннего праздника, мы с тобой решили после уроков пойти в горы за первыми подснежниками? Сначала мы зашли к тебе домой и вдоволь напились айрана, который Базарбала-апа заквасила специально для нас. А потом, захватив пару ножей и два бидона, отправились на Жасылколь — просторный пруд, сооруженный на речке Кусак и заполняемый его водами (позже мы стали называть его Озером любви). На южном берегу Жасылколя мы взобрались на возвышенность, на солнечном склоне которой полно было только что распустившихся цветов, решили накопать их вместе с корешками. Правда, ты, в отличие от меня, не стал собирать подснежники в бидон, а быстро двинулся вперед, срывая и выбрасывая головки цветов.

— Что ты делаешь?! — возмутился я, а ты обернулся и, удивленно глядя на меня, спросил:

— Максут, ты что, никогда не слышал легенду о подснежниках?

А потом коротко и емко пересказал мне ее содержание.

Если не забыл, то суть предания такова. Когда стает снег и земля начнет оголяться, на солнечных склонах пробиваются нежные всходы одного из первых весенних растений — цветы подснежника. Тот, кто первым увидел их, должен в обязательном порядке быстро сорвать и выбросить встретившиеся на пути головки цветов. Иначе подснежник найдет проклятие на человека, его заметившего: “Бренное создание, пока ты жив, но к следующей весне угаснешь, как увядает зелень!” Считается, что от этого проклятия можно освободиться, только если сорвать и выбросить сорок подснежников. Вот такую легенду ты рассказал.

Я тогда попробовал возразить, что во всех цивилизованных народах подснежник воспринимается как проявление и символ первой любви и что этого мне-

ния придерживаются все — и старшие, и младшие, и старики, и дети. Но ты даже слушать не стал:

— У каждого народа свои обычаи, свои традиции и законы.

А я не согласился с тобой, нарочно выкопал вместе с корешками как раз сорок подснежников и на следующий день утром подарил их Парихе. Ой, как же она обрадовалась, словно ребенок! Глаза у нее разгорелись, щеки ярко зарделись, держа одной рукой охапку подснежников, другой она вдруг неожиданно быстро притянула меня к себе и несколько раз поцеловала своими ярко-красными, пухлыми, горячими-прегорячими губами. Не зная, верить ли или не верить, я в полном смятении погладил свою щеку, счастливо рассмеялся и смущенно отвернулся. Мои ощущения в тот момент очень тонко передают стихи Халиджана Бекхожина, какие точные он нашел слова:

*Ты помнишь, как растаял я,
Едва коснулись губ моих
В том поцелуе мимолетном
Твои уста — пьянительно сладки.**

В тот праздничный день вечером лучшие участники всех кружков художественной самодеятельности нашей школы должны были дать большой торжественный концерт, специально подготовленный для наших учителей и родителей. В программу включили и новый акробатический номер, который исполнили мы с Парихой.

Весь день у меня из памяти никак не выходило, с какой искренней благодарностью и взволнованностью отнеслась Париха к столь скромному подарку, как букет цветов, поэтому после уроков я потащил тебя в расположенный в центре аула универмаг. Мне,

* Перевод Еремека Орактина.

конечно же, хотелось ответить чем-то более существенным на недавний поцелуй Парихи. Побродив перед витринами, посоветовавшись так и эдак, мы не сумели выбрать ничего лучше, чем душистую воду во флакончике в виде сердечка. Даже толком не поняли, что в этом флаконе: духи или одеколон.

Ораз: Наш взгляд притягивали и более симпатичные вещицы, однако, проклятых денег не хватало, даже если сложить вместе и твои, и мои. Кроме того, ты неожиданно предложил: “Ораз, ты бы тоже в честь сегодняшнего праздника сделал подарок какой-нибудь девушке. Будем всюду ходить вчетвером — двумя парами”. Сказал и невольно подлил масла в огонь, растревожил спящее в глубине моей души чувство.

Максут: И тогда мы собрали оставшиеся у нас деньги и купили за восемь рублей воздушный газовый шарфик для твоей будущей “возлюбленной”.

Ораз: Правильно. Шарфик был настолько тонкий, что, если сложить много-много раз, он мог поместиться в обычном почтовом конверте, хотя длина его была приблизительно два метра, а ширина — около полуметра

Максут: В школу мы вернулись с подарками. Впереди был праздничный концерт. Надо сказать правду, наш акробатический номер, от которого мы снова ждали больших результатов, на этот раз из-за подстроенной Каражаном подлости обернулся полным провалом.

Ораз: Знаю. Он разлил на крайних досках деревянного пола сцены подсолнечное масло, а ты из-за этого после одного из упражнений поскользнулся, упал и уронил Париху, не так ли?

Максут: Верно. Но я недолго расстраивался, потому что, как оказалось, неудача порой приносит больше счастья, чем успех. Во всяком случае, в тот момент, когда я, неудачно поскользнувшись, растянулся на полу, больше всех пожалела меня Париха,

такое горячее внимание проявила, что я мигом вскочил как ни в чем не бывало.

Ораз: Я все это помню, друг. Тем вечером за тебя переживала не только Париха, в то мгновение, когда ты свалился, немало девушек в зале невольно выдохнули “ах!”, а кое-кто даже вскрикнул в ужасе, схватившись за сердце. Одной из них была Калдыкыз, та самая девушка, в которую ты был влюблен в восьмом классе и написал ее портрет, а другой — Жансулу. Эта девчонка с редким, необыкновенным голосом училась классом ниже нас и очень нравилась мне. В тот вечер я исподволь наблюдал за ней и заметил, что Жансулу была просто восхищена твоим мастерством и страшно переживала из-за того, что ты упал. Когда настал черед выступать ей с “Песней Татьяны”* , то в ее редком от природы, нежном и бархатистом голосе слышна была дрожь — так она тебе сострадала. Во время выступления Жансулу целиком отдалась собственным мыслям, настолько явно, что дважды повторила один и тот же куплет этой прекрасной песни:

*— Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.*

Волнение в ее голосе было таким заметным, что мне показалось, будто я слышу, как бьется ее сердце, вижу, как из глаз выкатилась слезинка. “Ба, неужели и эта девушка влюблена в моего друга?” — подумал я. Ну а ты в это время решил позаботиться обо мне и, стараясь не упустить удобный момент, тут же выбежал к краю сцены и сказал ей: “Молодец,

* Знаменитая песня Абая на переведенные им строки из “Евгения Онегина”. Ниже отрывки из этой песни приводятся в оригинале А. Пушкина.

Жансулу, замечательно выступила! Сегодня ты не просто песню Татьяны пела — ты сама ею стала, всем своим существом, всей душой ее чувства переживала и волнение сердца передала. Прямо за душу взяла! Если ты не против, мы с Оразом тебя сегодня домой проводим, а то ведь сколько кругом злых собак!” Самое поразительное, что Жансулу тут же согласилась, даже слова против не вымолвила. А еще, как ты мне потом признался, она сказала тебе: “Максут, сегодня, когда ты упал, но тут же встал и мужественно продолжил свой номер, своим несломленным духом напомнил мне Артура — героя романа Войнич “Овод”. Я как раз вчера закончила читать эту книгу и все еще под впечатлением от нестигаемой воли и неистощимой силы духа этого человека, его ничто и никогда не сможет сломить, отступить или покориться”.

Твоя удивительная способность в самых неожиданных ситуациях проявлять находчивость и на этот раз с лихвой окупила себя. “Хорошо, что ты вспомнила “Овод”, милая. В этом романе есть одно место, из-за которого мы с Оразом поспорили. Дашь нам на время эту книгу?” — моментально выдал ты, сообразив, что нашлась удобная причина сопроводить Жансулу домой. Естественно, я обрадовался, и тревожное волнение в моем сердце улеглось. Но передо мной была еще одна проблема — как подарить ей приготовленный праздничный подарок. Однако ты, дружище, и это устроил без всяких затруднений.

Из школы мы вчетвером отправились в сторону дома Жансулу. В небе светила яркая молочно-белая луна. Прямо перед нами лежал аул Екпенды. А за ним белели горы урочищ Суыктобе, Сарынокай и Саркокты, еще не скинувшие с вершин свои белые чалмы. Горные склоны, улицы аула и окрестности дороги, по которой мы шли, пестрели темными пятнами. Если с одной стороны все еще лежал плотный

Бабушка Максута — Гизатбану

Друзья-соклассники на джайлау. Слева направо: Кабытай Апбасов (ветврач), Ораз Исмаилов (журналист), Максут Нарикбаев с кинокамерой (заведующий отделом культуры Талдыкорганского района).

В середине Максут Нарикбаев у мавзолея Арыстан-баб.

*Соклассники Максута: Хадиша, Ораз, Кулян.
Накануне выпускных экзаменов.*

снег, то с другой появились проталины, а в низинах и впадинах скопилась грязная вода от стаявшего снега. Местами все больше проглядывала черная земля. В воздухе ощущалось дыхание весны. Той великолепной поры, которая заставляет молодые сердца учащенно биться, пробуждает и усиливает чувства, переполняя души и невольно вынуждая их изливаться, весна, которая зажигает, волнует, дарит любовь и чувство наслаждения жизнью.

Аул был полон множеством звуков: слышно, как призывно мяукают, ворчливо взвизгивают и сердито фырчат гоняющие кошек мартовские коты; как лают до хрипоты, грызутся между собой и угрожающе рычат друг на друга бродячие псы и собаки, охраняющие дома; как громко фыркают жеребцы и кобылы, пристроившиеся к кормушкам, наполненным люцерной и овсом; как из каменистых расщелин и укромных впадин горных склонов раздается уханье сов и тревожный крик сычей.

Луна медленно и тихо плывет по темному ночному небу. Временами она на мгновение скрывается за пушистыми белыми облаками и тут же, ярко сияя, показывается вновь. В одно из таких мгновений я и прочел вслух строфу из поэтического сборника Туманбая Молдагалиева “Жас қанат” (“Молодые крылья”):

*Спустился месяц низко, плывет над головой,
Без спросу он, негодник, любит тебя.
Я б от него лицо любимой заслонил,
Но взор свой отвести мне не хватает сил* , —*

и вы втроем дружно захлопали. Даже не поинтересовались: “Твои стихи или чужие?” Ты, похоже, пытался всеми способами сблизить меня с Жансулу, поэтому тут же преувеличенно прихвастнул: “Ай, да

* Перевод М. Жанузаковой.

у нашего Ораза таких стихов уже толстенная тетрадь накопилась!", а потом, вспомнив, как на концерте Жансулу в волнении дважды спела первый куплет "Песни Татьяны", попросил ее еще разок насладить наш слух своим талантом. К ней понемногу присоединилась и Париха. А когда необыкновенно трепетная и прекрасная песня, прорезавшая своим нежным лирическим напевом чистый ночной воздух, закончилась, мы с тобой от всей души им заплодировали, выражая искреннее восхищение. Песня захватила нас, завладела не только слухом, но и всем нашим существом, в унисон ей, словно натянутые струны, отозвались и наши сердца. Когда в ночи растаяли ее последние звуки, ты снова проявил находчивость и затеял замечательную игру.

А было это так. Ты встал перед нами и торжественно напомнил, что сегодняшней день особенный — 8 марта, Международный женский праздник, что все мы рождены под светлыми лучами солнца и вскормлены белым молоком Матери. Потом добавил, что если в такой чудесный весенний праздник люди знакомятся, встречаются и проводят время вместе, то им от этого становится на душе еще светлее и радостнее. А потом перешел к главному: с незапамятных времен наши предки любой большой той, любой славный праздник и радостное событие встречали подарками и подношениями, чтобы выразить друг другу уважение; эта великая традиция прошла через века и сохранилась до наших времен, а мы, сегодняшние потомки древних прадедов, стараемся ее придерживаться. Затем ты сообщил, что в двух карманах твоей куртки лежат два разных подарка — один приготовлен тобой, а другой мною, и предложил девушкам сделать выбор. Не показывая друг другу, им нужно было написать на бумажке, которую я тут же с готовностью вытащил, какой карман каждая из них выбрала. То ли девчонки как-то неза-

метно, знаками, договорились между собой, то ли и в самом деле их выбор был таким, во всяком случае, Париха написала, что ее карман — правый, а Жансулу выбрала левый. Ну разве не всемогущ наш создатель: в твоём правом кармане оказалась душистая вода, а в левом лежал мой конверт с шарфиком! Так что заранее подготовленные нами подарки достались точно по предназначению своим хозяйкам. Мы с тобой этому, конечно, так обрадовались, что не стали скрывать чувств и крепко обнялись. Девушки, от природы очень чуткие, видимо, сразу догадались, в чем причина столь обильной радости, поэтому тоже были по-своему довольны и осыпали нас благодарностями за проявленное внимание. Короче, эта лунная ночь 1958 года стала для нас ночью счастья.

Наверное, ты не забыл, что дни и месяцы, следовавшие за ней, были полны радости? Вспомни, в особенности, как круто изменилась моя жизнь! Я впал в такое потрясенное состояние, будто впервые увидел Жансулу и впервые услышал ее изумительный голос. Магическая сила прекрасной песни в один момент накрепко привязала меня к ней, я увлекся Жансулу по уши и был просто околдован ее чарами. С того самого мгновения все-все вокруг: и эта лунная ночь, и ясное небо, и ласковый прохладный ветерок, и ярко сияющие звезды, и полный загадок мир — с такой силой захватили меня в свои объятия, что поневоле разбудили тихо дремавшее, спрятавшееся где-то в тайниках души чувство, заставили его разлиться мощным потоком, разгореться жарким пламенем, и оно тут же унесло меня в пучину какого-то нового, неведомого мне состояния. Откуда только взялось, но сокровенных тайн, которыми мне захотелось поделиться с Жансулу, оказалось огромное множество. Как рассказать обо всем за эти краткие минуты, за одну ночь, как успеть излить этот поток чувств до дна?! Не в силах обуздать рвущегося, по-

добно резвому жеребцу, настроения, которое взмывало в бездонную высь, я с горячностью выпалил:

*Весна, весна, тобой разбужен
Мой дух, в неведоме дремавший.
Пришло оно неожиданным даром?
Знакомство с девушкой судьбы.**

А потом признался: “Жансулу, душа моя, этого мгновения я ждал не один день — всю жизнь!” — и, немного успокоенный тем, что сказал главное, впал в состояние полного блаженства, размяк и погрузился в изменчивое море грез...

Через некоторое время я очнулся, словно наткнулся на что-то и прикусил язык. Невольно застыл, растеряв все накопившиеся в голове мысли и не в силах вымолвить самые нужные слова, только сердце бешено стучало, и дыхание стало горячим. Не помню, как решился, но я вдруг принялся покрывать частыми-частыми поцелуями губы Жансулу, и они казались слаще меда. Когда мои уста прикасались к ее губам, я пьянел, терял рассудок и ничего не соображал. В моей памяти остались лишь обрывки воспоминаний об этих сказочных минутах: меня то бросало в жар, то бил жуткий озноб, я задыхался и дрожал всеми клеточками своего тела. То незабываемое утро ранней весны мы с Жансулу встретили под сенью вонзившегося ввысь тополя, стоящего рядом с ее домом. У подножия этого стройного тополя наши сердца обрели приют. У подножия этого тополя, вспыхнув и разгоревшись, занялась жарким пламенем наша любовь. Увы, эта удивительная ночь оказалась такой короткой! Говорят, “даже если утро не захочет встать, солнце не даст покоя”. Призывно сияла утренняя звезда, заголосили спозаранку петухи, стало потихоньку светать. Какая жалость! Мы с

* Перевод Е. Орактина.

Жансулу целый год приглядывались и изучали друг друга, иногда обменивались “тайными” письмами, танцевали на вечерах в паре, при случае задушевно беседовали, а в ту прохладную и ветреную лунную весеннюю ночь неожиданно осознали свое вызревшее в течение долгих месяцев чувство и отдались его власти, поняв, что любим друг друга.

Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается, а виновником всех этих счастливых для меня перемен был ты, мой друг!

АХ КАКАЯ БЫЛА ВЕСНА!

Максут: Помнится, весна в том году пришла необычайно рано. После той памятной, осчастливившей нас обоих ночи несколько дней к ряду валил крупными белыми хлопьями снег, который в народе зовут “кус канат” (“птичьи крылья”), но в течение какой-то недели он всюду быстро стаял: и в ауле, и в окрестных предгорьях, и на склонах близлежащих гор. Твой дед и другие аульные старики отметили, что это редкое природное явление, и при этом приговаривали: “Хана низвергает хан, а снег заставляет сойти снег”. Сразу резко потеплело, на земле повсюду пробилась всходы первой зелени. А уже через несколько дней холмы и перевалы, ущелья и распадки вокруг аула окончательно изменили свой скучный зимний облик и укрылись зеленым покрывалом. Разве не сама природа, удивлявшая в тот год щедростью, звала нас теперь к новым делам, высоким мечтам и добрым поступкам? Естественно, свою главную обязанность — учебу, мы ставили превыше всего. Но старались по возможности преуспеть и в спорте, и в самодеятельности, и во всевозможных школьных мероприятиях, которые только поднимали настроение. С тех пор как дни стали теплыми, мы с тобой

стремились проводить подготовку к большинству уроков где-нибудь на солнышке, на свежем воздухе, среди зеленых холмов и низин. Эта традиция вскоре привлекла и наших друзей-одноклассников, к нам присоединились Париха, Хадиша и Кулян. Поддержали и учителя.

— Великий русский писатель Лев Толстой тоже предпочитал обучать крестьянских детишек грамоте на лоне природы — в лесу, на берегу реки, на чистом воздухе, — сказал нам Каришал-агай, горячо одобряв нашу затею готовиться к урокам сообща и под открытым небом.

Иногда они вдвоем с Кульзирой-апай присоединялись к нам и устраивали состязание по какой-нибудь учебной теме. Пусть таких полезных дискуссий было не так уж много, но самое замечательное, что мысли и суждения, высказанные в их ходе, и твои собственные, и чужие, надолго сохранялись в памяти. Помнишь, как во время таких импровизированных уроков, в особенности по таким предметам, как история и литература, мы с тобой пылко делились собственным мнением, приводя множество любопытных сведений, почерпнутых из прочитанных книг? Разве не пошло это на пользу готовившимся вместе с нами девушкам, которые впоследствии на выпускных экзаменах получили по этим дисциплинам сплошные пятерки? А разве то, что мы узнали по химии и математике от Хадиши, Парихи и Кулян не помогло и нам с тобой без трудностей сдать соответствующие экзамены?

Хорошие инициативы, видимо, всегда распространяются очень быстро, во всяком случае, серьезно относившиеся к учебе сверстники из десятых классов вскоре полностью переняли способ нашей тщательной подготовки к повседневным урокам и предстоящим экзаменам. Сайлау Естибаева (Отешева), Енлик Игенова, Куляш Доненбаева, Каршыга Касе-

нов, Бекет Меирманов и Кабытай Албасов из нашего класса, которые жили в ауле “Красный Октябрь”, объединились в одну группу; другую образовали Рауза Фазылбаева, Рая Шарипова, Бапан Жанталиев, Рахметолла Кожаметов из аула Жендык, а в третью сплотились ребята из Екпенды: Капиз Оразбаев, Шаймерден Сыдыков, Бижамал Шажабаетова, Калан Сайбекова и Сабитай Сагындыков. Все от этого только выиграли: по итогам учебного года и выпускных экзаменов они получили высокие оценки и заслужили благодарность учителей и родителей. Ну а остальных восемнадцать соклассников наша серьезная подготовка особенно не воодушевила, они то присоединялись к образовавшимся группам, то отлынивали от совместных занятий, поэтому полезного извлекли мало и в период государственных экзаменов столкнулись со множеством трудностей. Порой только и надеялись на чудо и милость божью. В их числе оказался и Каражан. Он вновь показал себя не с лучшей стороны: и тайно, и открыто ябедничал в дирекцию школы, будто ребята, усиленно занимавшиеся в группах, на самом деле готовят “кампанию” шпаргалок. Его поведение вызывало всеобщее недовольство и только отталкивало от него одноклассников. Но, если говорить правду, Каражан был отчасти прав. Только одного он не знал: подобные “шпаргалки” были одним из оригинальных методов нашей подготовки, но применять их на деле мы, естественно, не собирались. Поэтому и на наветы Каражана особого внимания не обращали. До полудня учились в школе, а после обеда, когда скот начинал возвращаться с пастбища, и до самых сумерек, пока солнце не спрячется в свое гнездышко, по-прежнему собирались где-нибудь у утопающего в зелени родника, каких у нас множество вдоль старины Кусака, или на берегу одного из просторных окрестных озер, или же в уютной кудрявой ложбине между холмами и неустанно

продолжали готовиться к предстоящим государственным экзаменам.

Как благосклонны были той весной к нам, своим детям, Природа, Солнце и Мать-Земля! Если прольется щедрый ливень, следом тут же засверкает солнышко, согревая всех теплыми лучами, а земля, насыщенная живительной влагой и обласканная солнечным светом, расцветает и хорошеет. Еще и апрель не наступил, а мир вокруг преобразился и засиял всеми красками, ведь правда— Природа изумляла и восхищала нас в ту весну своей красотой, возбуждала и подогревала наши еще не потерявшие своей детской первозданности чувства, рождала в нас грезы и сладкую мечтательность. Если в начале марта мы с тобой собирали на солнечных склонах первые подснежники, проклюнувшиеся на черной земле, то в начале апреля все холмы и перевалы, все ущелья и склоны обрамались густой зеленью и началось разноцветье. Сначала появились белые, желтые и голубые крокусы, потом зацвели лиловые колокольчики, следом всю поверхность земли усеяли желтые и красные тюльпаны. Ну а в начале мая нас манили в ущелья Ушбулак, Аулие-агаш и Анкоймас источающие приятный аромат горные пионы. О, как они пахли! Даже если целую неделю простоят, несколько не теряют свой неповторимый аромат. Удастся ли хотя бы еще разок побродить, ни о чем не думая, по нашим горам в майскую пору и собрать букет темно-красных пионов с большими чашами соцветий?! Удастся ли вновь ощутить их запах?!

Ораз: Правду говоришь, Максут. Природа в окрестностях нашего села и в самом деле изумительная. С правой стороны от аула тянутся поросшие лесами и рощами зеленые берега Каратала, одной из семи крупных рек, давших название нашему краю — Жетысу, то есть Семиречье, а справа расположено гористое плоскогорье с высокими возвышенностями и

поросшими ковылем перевалами. За этой холмистой местностью высятся голубоватые гряды гор с гордо вонзившимися в синеву вершинами. А в горах что только ни растет: березовые рощи, высоченные сосны, пирамиды величественных елей, густые заросли арчи, стройные ряды лиственниц, дикие яблони, ягоды, разноцветье горных цветов и пышное разнотравье. И среди всего этого великолепия — множество прозрачных родников и весело журчащих ручейков.

Что ни говори, а Семиречье — удивительный край, не зря он воспет стихами и песнями стольких поэтов и певцов. Как не восхититься красотой хотя бы одного из тысяч ключей, бьющих в узких расщелинах между устремленными ввысь ледяными вершинами?! В народе говорят, что эти источники обладают чудодейственным свойством укреплять здоровье и излечивать от многих болезней. Наши древние старцы, бывало, говаривали: “Если человек окунется в один из таких родников с восходом солнца, его обойдут недуги и вся его жизнь пройдет во здравии и полной сил”.

Выбившись из-под земли, эти родники в огромном количестве стекают звонкими ручейками из горных теснин, то стремительно разбегаюсь в разные стороны, то встречаясь вновь и прокладывая путь бок-о-бок, в конце концов собираются в единое русло и мощным речным потоком льются дальше.

По сути, наш край — это родина полноводных рек и заоблачных гор, подпирающих своими зелеными плечами синеву небес. Реки, зародившиеся в этих окрестностях, соревнуясь, спешат в далекие-далекие края, то весело играя в своих руслах, то взвихриваясь белой пеной, то строптиво ворчат, то ласкают слух мелодичным журчанием и, вбирая в себя по пути сотни ручьев и мелких речек, постепенно успокаиваются и текут в объятия Голубого озера — Балхаша.

Это ведь именно наши упрямые горные речки, в изобилии прорезающие зеленые джайляу аула, щедро спаивают лежащие на их пути земледельческие уголья и населенные пункты, включая лежащие в стороне старинные поселения, отвоеванные пустыней.

В давние-предавние времена наш святой предок Асан Кайгы, который путешествовал по миру в поисках земли обетованной, рысцой проезжая на своем резвом верблюде через наши края, внезапно остановился и, говорят, воскликнул:

— О, должно быть, это и есть лучшая и превосходнейшая из земель! Как чиста и прозрачна здесь вода, какая сочная тут трава, как плодородна почва! Эти ущелья и горные склоны словно сами притягивают плодовые деревья и ягодные кусты, какое счастливое гнездо для ведения хозяйства!

Да, друг, наша земля по-настоящему благодатна и щедра. Этот благословенный уголок зовется краем Семи рек — Жетысу. От белогривых волн озера Алаколь через величественную, безбрежную равнину он простирается до самого подножия седоглавого Алатау. Как великолепны эти голубые горы, вплетенные в кромку степей, — одна неприступнее и внушительнее другой! С любой точки нашей родной земли видны эти гордые вершины, опоясанные тучными зелеными лугами и прорезающие пиками войлок туч. Их лебединые шеи тянутся навстречу солнцу, в бездонный купол синего неба. Порой эти горные великаны, словно подошло время сна, собирают вокруг своих заоблачных вершин косяки пушистых белоснежных облаков и предаются в их объятиях чуткой дремоте. А потом, раздвинув укутавшее их облачное марево точно занавесь на окне, кокетливо выглядывают снова, сияя своей красотой. Разве хватит слов, чтобы исчерпывающе описать всю прелесть и величие горного пейзажа?!

Когда прохладный горный ветерок льется в низины словно молодой кумыс, распространяя вокруг

нежный аромат первых цветов, ты насыщаешься им, точно самым вкусным в мире яством, ты пьянеешь от него, как от доброго вина. Весной, едва здешние пастбища одеваются зеленью, скотина просто пирует: и земляничкой лакожится, и щавель с аппетитом срезает, и ревень посасывает, и клевер уминает — кормежка на любой вкус. А предгорья с сочными лугами и медовой водой очень удобны для хозяйственных угодий: здесь и плодовый сад можно разбить, и огород высадить, и поле засеять, и скот пасти, и лужок для сенокоса приглядеть.

Высокие горы защищают наш край от холодных восточных ветров и коварных многодневных дождей, от свирепых степных буранов и жаркого дыхания пустынь. В тесных ущельях, в уютных ложбинах на разной высоте синюют круглые блюдца многочисленных озер. Знаменитые семь рек, начинаясь в верховьях стремительно рвущимися на вольные просторы ручьями, пройдя десятки километров по извилистым горным теснинам, спускаются в долины, лениво замедляют свой бег и широко разливаются, разветвляясь из своих полноводных русел на множество рукавов.

А как хорошеет этот речной край с приходом лета, как расцветает множеством оттенков, от которых рябит в глазах, как меняет в очередной раз свой облик!

Не зря говорят: “Родная земля — это сундук секретов”. Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что для нас с тобой таким “сундуком”, таящим в себе множество загадок, подобно пирамиде Хеопса в Египте, стало просторное урочище Анкоймас неподалеку от нашего аула, которое обступили с трех сторон высокие снежные вершины, окутанные мрачными тучами.

На холмистых склонах Анкоймаса пасутся огромные отары овец, коровьи стада и табуны лошадей. А в благодатных низовьях колышутся золотые поля

зерновых культур, серебрится рис, набираются соков сладкие корнеплоды и наливаются плоды в яблоневых садах.

Анкоймасом можно любоваться все двенадцать месяцев в году. Но взор не насытится, восторг не убавится. Наоборот, с каждым разом ты открываешь для себя что-то новое, все больше удивляешься, все больше восхищаешься.

Воздух здесь чистейший, напоен богатейшей смесью ароматов, ущелья полны тайн. Но с лихвой в Анкоймаса и причудливых природных контрастов. Если зимой на его солнечные склоны не прилипает ни одна снежинка, то в снежных пластах на северной стороне даже копье утонет. В этом суровом царстве, плотно укутанном снегом и сжатым льдами, в зимнее время трудно заметить дыхание жизни, зато на солнечной стороне она кипит: до самой весны здесь пасутся архары, косули, горные козы, охотятся волки, корсаки и хитрые лисы. Многие из них становятся добычей местных мергенов* и их верных помощников — охотничьих собак и ловчих птиц. Это излюбленное место для охоты, не зря ведь урочище называется Анкоймас — “где не переводится зверь”.

Две стороны Анкоймаса противоречивы во всем. Если теплые склоны почти сплошь заняты нагромождениями обожженных на солнце бурых и черных камней, то северная сторона всегда в густой зелени, а в начале мая становится ярко-красной от тюльпанов. Когда же в свои права вступает июнь, солнечные склоны облюбовывают скопища теплолюбивых змей, зато противоположные густо усыпаны ароматной сочной земляникой величиной с кончик пальца.

Можно сказать, что Анкоймас воплотил в себе красоту Кокшетау, величие Алтая и Алатау, живописное великолепие холмистых равнин и голубых

* Мерген — меткий стрелок, охотник.

озер Баянаула и Жасыбая. А дальше за ним возвышаются ровные цепи темно-синих островерхих вершин с отвесными обрывами и глубокими пропастями.

Самая чудесная и живописная пора на Анкоймесе, ты ведь знаешь, друг, — это цветущая весна и начало беззаботного лета. Мы часто отправлялись туда в это время вдвоем или вчетвером, загорали на солнышке, наслаждались ароматом цветов, лакомились земляникой... Разве не в укромных уголках Анкоймаса навечно остались “белые бантики” нашей первой любви — и моей, и твоей?*

О, наш прекрасный Анкоймас, как бесценны твои ущелья, сколько они хранят наших тайн, каким уютным и святым ты был для нас! Разве можно было всласть налюбоваться твоей красотой, особенно весной и летом, когда повсюду в твоих владениях открывались глазки прозрачных, как слеза, родников? Они весело скользили в траве ртутью, собирались в звонкие ручьи, бегущие по твоим склонам, словно тугие девичьи косы, колышущиеся на юной груди, и, нежно журча, нашептывали свои тайны. Прочертив дорожку вниз, догоняя друг друга, эти ручейки, точно ягнята к маткам, присасывались к своим “старшим братьям” — Акбулаку, Кокбулаку, Копбулаку, Музбулаку, Мынбулаку, и дружно вливались в наш древний и вечно молодой Кусак...

Максут: О, Кусак! Сколько душ он озарил светом, сколько сердец заставил колотиться в ту прекрасную весну!

*Играют светом миражи
На хрустале твоём, Кусак,*

* Автор напоминает об известной песне Ш. Калдаякова и М. Шаханова “Ак бантик”, где “белый бантик” использован как символ первой любви.

*Твой берег нас заморозил —
С тобою мы похожи так!** -

эти строки спело мое сердце, которое в тот год занялось огнем.

Ораз: Максут, вспомни, та волшебная весна была удивительна во всем: произошли резкие и счастливые перемены в нашем поведении, в характерах, привычках, психологии, вплоть до множества деталей нашей повседневной жизни. Друзья из нашего окружения не только вместе готовились к экзаменам, принимали активное участие во всевозможных школьных мероприятиях, но и свободное время старались проводить вместе. Каждый вечер, когда солнце садилось за горизонт, сгущались сумерки, а в аудитории затихала жизнь, мы встречались на берегу Жасылколя — нашего Озера любви. Его прозрачную темносинюю гладь всегда ярко освещали лунные лучи, и казалось, на ней умещаются все звезды с неба.

Максут: Ты не забыл, что на нашем озере была одна-единственная железная лодка на веслах?

Ораз: Конечно, не забыл, в нее садились четверо, обычно две пары, а остальные пели песни и веселились на берегу. Слух о наших ночных прогулках распространился по всей школе, и вскоре к нам стали присоединяться многие другие учащиеся, причем самое замечательное, что в основном это были одаренные девушки и парни, страстные любители песен и музыки.

Как говорил Л. Толстой: “Искусство — самое яркое проявление присущих человеку способностей”, с этой точки зрения я, конечно же, прежде всего, упомянул бы Жансулу, которую полюбил всей душой. Что греха таить, природа одарила ее и внешней привлекательностью, и редким по красоте голосом,

* Перевод М. Жанузаковой.

и певческим талантом. Когда она исполняла “Песню Татьяны”, поначалу из-за смущения в ее высоком голосе (сопрано) звучала легкая дрожь и угадывалось волнение, но постепенно голос крепчал, и, когда она переходила к следующему куплету:

*Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю... -*

возникало впечатление, что поет не Татьяна, а часто-часто бьется юное сердечко самой девушки, изливая чистоту своих чувств, светлую печаль и грусть. Не знаю, то ли вправду, то ли подыгрывая, но Шалтай, который аккомпанировал Жансулу на мандолине, всегда при звуках этой песни смахивал слезу, понуро свешивал голову и тяжело вздыхал. Я же мечтательно закрывал глаза, мысленно представлял абаевские места — родные ему окрестности Жидебая, и грезил, как брожу по его холмам и низинам, по Чингисским горам и степям Сарыарки.

Из девятиклассников вечера на Озере любви стали проводить вместе с нами не только Шалтай и Жансулу, но и такие голосистые девушки, как Нуржан и Уазипа. Одному Аллаху известно, откуда снизошло к нам это чудо, но, когда эти три девушки начинали вместе какую-нибудь песню, рождалось такое великолепное, звучное трио, что их голоса уносились в поднебесье. Не меньше радовал и волновал наши сердца и замечательный дуэт Жансулу с Нуржан. Эх, черноволосые смуглянки! Умницы и красавицы, добрые и нежные, светлые душой и такие талантливые! Каждый вечер при встрече мы мечтали увидеть их озорные улыбки и легкое кокетство, услышать их залиvistый смех и маленькие капризы. От одного-единственного приветливого слова, прозвучавшего из их уст, мы тут же размякали и таяли,

подобно маслу, от их горячего дыхания. Какое это было счастье! Мы забирались на холмы, топча в темноте тюльпаны, и орали с высоты в лунную ночную долину, поднимая всю округу с ног на голову: "Красотою ты затмила всех, о возлюбленная сердца моего, в целом мире ты красивей всех!"* Какими радостными и мечтательными были мы в те дни! В нас бушевал какой-то необыкновенно мощный задор, словно стоило только протянуть руку, и мы запросто могли смести все звезды с неба. Именно в ту весну нашей юности чувство любви, не признающее никаких границ, извергалось из наших сердец селевым потоком, а порою рвалось напролом, точно весенний ледоход.

Песня для меня — могучая сила!

Песня для меня — священное счастье!

Песня для меня — безграничная радость!

Я нашел свою Жансулу, впечатленный песней. А достоинство песни познал благодаря Жансулу. Скажи мне, разве найдется хотя бы один такой человек, который ни разу в жизни не таял при звуках волшебной мелодии или не наслаждался мотивом прекрасной песни? Кто не преклонял перед ними колена, кто не склонял головы? Возьми, к примеру, наш аул: стоит только ветру принести отзвуки раздавшейся где-то вдалеке песни, как лица людей начинают светиться, наши старшие братья сразу встрепаются, готовые подхватить знакомый мотив, а на порогах домов то там, то здесь появляются радостно наострившие слух старики. Что бы ты ни сказал, не сумеешь передать во всей полноте могущество песни. Но одно из удивительных ее свойств мы испытали на себе — это способность всколыхнуть затаенные в любом сердце, особенно в молодом, бурные чувства. Не зря

* Строчка из популярной в то время песни "Бәрінен де сен сүлу!" — "Ты красивей всех!".

наши мудрые сородичи издавна говорили: “Спящее чувство разбудит песня”.

Максут: Ты прав, если б не было музыки и песен, человеческая жизнь была бы скучна и неполноценна. Музыка занимает заметное место, в особенности в жизни молодежи и подрастающего поколения. Мы ведь преобразились и повзрослели именно в те дни, когда по-настоящему увлеклись песнями и музыкой. Если на то пошло, песня в какой-то степени и воспитала нас, ввела в прекрасный мир красоты. К тому же мы родились в краю, где песня всегда ценилась. Не станем заглядывать в далекое прошлое, но даже в последние сто лет на благословенной земле Жетысу жили и творили такие прекрасные певицы, как Айкумис, Майке, Майра и Акын Сара, и такие соловьи и акыны, как Балтазар и Бахтыбай. Счастье уже одно то, что мы живем среди прямых потомков этих выдающихся исторических личностей. Не удивительно, что и в числе наших друзей-одноклассников были столь одаренные и душевные исполнители песен, как Кулян с ее замечательным меццо-сопрано, Мамиля с ярко выраженным альтовым диапазоном и Сексенбай, обладавший приятным баритоном.

Ну а поскольку, как говорят, “красота шубы видна по воротнику, а воспитанность молодежи на совести наставников”, разве можно тут забыть о нашем добром учителе, незаурядном певце и музыканте Каришале Асанове? Он легко нашел общий язык с подростками, сумел их объединить и в ту чудесную весну стал инициатором проведения увлекательных тематических вечеров и концертов, таких как “Вечер Абая”, “Песни Абая”, которые устраивались в урочищах Сарынокай, Саркокты и Мынбулак. Долг любого ученика — чтить своего учителя, мы не имеем права забывать о том, что он для нас сделал. Каришал-агай был очень приятным внешне молодым мужчиной среднего роста, с высоким открытым лбом,

светлым лицом и блестящими глазами, он отличался от других особой, свойственной только ему дружелюбностью, добротой и скромностью, выделялся всеобщей образованностью и высокой культурой — словом, неординарный человек. Когда он начинал говорить, его мелкие, ровные белоснежные зубы, словно аккуратно нанизанные вручную, посверкивали точно жемчужины, а каждое спокойно произнесенное им слово было настолько весомым и содержательным, что легко воспринималось и схватывалось нами. От его приятного, располагающего к себе и согревающего сердце голоса веяло такой добротой и чуткостью, что он притягивал нас к себе как магнит. Проведя рядом с ним больше девяти месяцев, посещая его уроки и общаясь помимо занятий, мы ни разу не видели, чтобы он недовольно хмурил брови, жестко разговаривал или позволил себе грубое слово. Наоборот, мы выросли, становились добрее и лучше благодаря его мудрым советам и поучительным рассказам. Вообще, едва выпадала свободная минута, мы стремились разыскать Каришал-агаю и быть с ним рядом. Его тоже влекло к нам.

Увы, какие коварные бытуют порой в человеческой среде нравы! Когда Каришал-агаю своими богатствами и всесторонними знаниями, своим добрым отношением и интересными беседами приковал к себе искреннее внимание не только десятиклассников, но и учеников всех старших классов школы, отдельные его коллеги, едва не лопааясь от зависти, тут же распустили о нем дурную молву и нелепые сплетни, мол, “легче всего обмануть ребенка”, или “коварный бык всегда возле телят околачивается”. Однако наш добрый и честный наставник, который всегда руководствовался мудростью, нисколько от нас не отдалился, как говорится: “бояться волков — в лес не ходить”, “опасаться саранчи — поля не засеять”. Наоборот, наши взаимоотношения стали крепче пре-

жного, потому что, как он признался сам, для нас настала пора жизненного выбора, когда мы особенно нуждались в добром и умном совете.

У нашего замечательного агая, который всегда ходил идеально опрятным, в тщательно выглаженном костюме и в белоснежно чистой рубашке, было еще одно достоинство — он виртуозно играл на домбре и прекрасно пел. Не забыл, наверное, как на одну из наших вечерних встреч он пришел в приподнятом настроении и спел нам песню, которую сочинил на лирические стихи известного поэта Касыма Аманжолова “Не смотри на меня, не сверли меня взглядом...”? Мелодия настолько удачно легла на слова, что мы тут же подхватили:

*Не смотри на меня, не сверли меня взглядом!
Шаловливое чувство пробудишь в душе —
Вот оно, уж бушует в груди, с сердцем рядом... **

Нам так понравились и слова, и сама песня, что настроение сразу поднялось, а на душе как-то по-особенному потеплело.

В тот памятный вечер на природе мы спели множество чудесных песен из народной сокровищницы, таких как “Баянаул”, “Наз қоңыр” (“Жеманница”), “Ақдариға” (“О моя светлая!”), “Құдаша” (“Сватья”), “Ахау, керім” (“Ах, моя дивная красавица!”), “Еркемай” (“Баловница”), и постепенно перешли к песням Абая.

Ораз: И это, дружище, я думаю, вовсе не случайно. Прежде всего, лирика песен Абая по природе своей была созвучна жару нашей юности, обновляла и обогащала мир наших чувств. А во-вторых, поэзия и песни Абая были так близки нам, возможно, потому, что в них как будто бы шла речь о нашем родном краю, о жизни и облике нашего аула, о природе,

* Перевод М. Жанузаковой.

которая нас окружает. Вот представь зрительно: наш аул, расположенный между двух небольших речек Карасу и Кусак, берега которых заросли тростником и пышной зеленью трав, лежит в окружении отрогов нависшего величественной дугой Алатау — с севера все возвышающимися хребтами тянутся цепи гор Сардонгал, Кайнарлы, Дегерес, Кора; с восточной стороны Шажа, Кызкулаган, Балдырганды, Текели, Актобе, Коктобе и Суыктобе смыкаются с вечными льдами, а с юго-востока наш аул граничит с урочищами Саржазык, Сарынокай и Саркокты. Правду говорят, что “дети гор растут, устремив свой взгляд в горы”. Едва проснешься, как твой взор тут же притягивают подпирающие небесную синь неприступные вершины. Разве хватит слов, чтобы описать живописную картину предрассветных часов, когда над ними просыпается утренняя заря, или красоту нарождающейся луны, разливающей вокруг молочный свет?! Большею частью мы любили гулять не рядом с Карасу, а у хрустально прозрачных вод Кусака и на берегу образованного им Жасылколя, нашего Озера любви, настоящее название которого, вообще-то, Тоспави, коль. Эх, как восхитительны берега тесных горных ущевырывающегося на простор из тесных горных ущелий и, замедлив свой бег, несущегося не зная устали ни днем ни ночью по долине, особенно в лунную ночь, когда мелкие камушки на его дне, словно жемчуга, сияют ярче, чем на солнце! Вспомни, как красив и неотразим Кусак в те мгновения, когда из-за далеких вершин Шажа и Кызкулаган поднимается луна и начинает рассеивать по окрестностям чарующий свет, — будто тысячи рубинов и бриллиантов рассыпаны по его поверхности! Бросая взгляды на спокойно плывущий на дне широкого лога Кусак, щеголевато красующийся своим привлекательным видом, мы с какой-то небывалой страстью и любо-

вью затягивали песню великого Абая, словно именно о нашей любимой речке он сложил эти прекрасные строки:

*Безветренной ночью луна,
Нагая, дрожит на воде.
В овраге ворчлива волна:
Река разлилась в темноте.**

А на следующий вечер отдавали предпочтение другой песне, слова к которой Абай сочинил, переводя на казахский язык знаменитое стихотворение М. Лермонтова “Горные вершины” по мотивам Гёте:

*Горные вершины снят во тьме ночной,
Тихие долины полны свежей мглой;
Не пылит дорога, не дрожат листья...
Подожди немного, отдохнешь и ты.***

Пели, конечно, и многие другие его песни, но чаще всего названные. И что интересно, каждый раз, когда они звучали, я мечтательно задумывался: “А что если Абай сочинял их не в окрестностях Жидебая, а на нашей земле, что если он заезжал и в наш аул?” Дело в том, что я всегда изумлялся, соотнося слова двух упомянутых песен с пейзажем тех мест, где мы по вечерам гуляли. Ты и сам хорошо знаешь, что ближе к весне в наших краях ночи становятся безветренными, а луна особенно яркой. Когда лучи этой сияющей луны падают на кристально чистую и прозрачную водную поверхность Кусака, разве она не колышется, не подрагивает так же, как описал Абай—Какая реальная получилась картина! Кроме того, недалеко от нашего аула тоже есть глубокий овраг, а как рокочет Кусак в пору половодья, наверное, и сам не забыл.

* Перевод М. Султанбекова.

** Оригинал М. Лермонтова.

Ты, скорее всего, тоже бывал в Жидебае, что же касается меня, то я так и не увидел в его окрестностях ни такого же, как у нас, глубокого оврага, ни подобной нашему Кусаку реки, что с ревом вырывается из русла в паводок. О своем предположении я не раз говорил Каришал-агаю, мол, спору нет, Абай-ата точно побывал в нашем ауле, и старательно доказывал свои слова. О создатель, моя детская мечта, похоже, рождена была каким-то интуитивным предчувствием. Судя по исследованиям абаеведов, великий поэт действительно бывал в Жетысу. Он приезжал сюда по приглашению Жалменде-бия, одного из самых уважаемых людей в роду жалаириров, близкого друга Абая, которого тот особенно почитал. Думаю, и без слов понятно, как встречают и какие оказывают почести уважаемому гостю, приехавшему издалека. Мне кажется, Жаке, которого знали и чттили на многие версты вокруг, прежде всего, поднял, по крайней мере, десять белоснежных юрт в густом лесу на берегу реки Каратал, где днем и ночью поют соловьи, еще десять юрт возвел на берегу утопающего в зелени Кусака, на глади которого в безветренную ночь подрагивают лучи яркой луны, а еще десять юрт — у хребтов Мынбулака, где круглые сутки слышно шумное журчание стремительных ручьев и речек, бегущих по многочисленным расщелинам, оврагам и извилистым закоулкам ущелий, а потом не меньше недели потчевал дорогого гостя, осыпая его почестями и знаками внимания. Как бы там ни было, сам собою напрашивается вывод, что гениальный поэт свою песню “Безветренной ночью луна...”, похоже, сочинил, вдохновленный незабываемыми впечатлениями от своей поездки в Семиречье.

“Говоря обо всем, не забывай о главном”, — верные слова; вот и ты очень вовремя вспомнил Каришала Асанова (позже он взял себе другую фамилию — Жалаири). Даже в свободное от уроков время, в

часы тех же наших вечерних прогулок, он подавал нам пример, прививал хороший вкус, приучал к историческим традициям, чем значительно расширил горизонты нашего миропознания и жизненных взглядов. Если бы не Каришал-агай, кто знает, возможно, не было бы и самих наших гуляний в лунные ночи буйной весны, не было бы и вечеров, посвященных Абаю, на которых мы собирались все вместе. Но самое главное, наш агай, вынужденный вступить в противоборство со своими “противниками”, крепко придерживался мудрого принципа, заключенного в древней пословице: “собака лает — караван идет”, поэтому не испугался ни клеветы, ни грязных сплетен и лично руководил организацией тематических вечеров, устраиваемых по специальному графику, разве не так? Именно благодаря ему мы с таким огромным восхищением стали относиться и к родной земле, и к своему аулу, к нашим горам и скалам, озерам и речкам, ко всему окружающему нас миру и совсем другими глазами посмотрели на особенности и достоинства друг друга, учась взаимному уважению и пониманию.

Каришал-агай обладал одним весьма ценным качеством — в нужный момент он всегда находил емкое слово и всегда знал что сказать. Помнишь ли ты, как мы, когда подошла очередь государственного экзамена по русскому языку, сели писать сочинение, припрятав за пазухами шпаргалки, которые вызвали в свое время “вопли” Каражана? В присутствии директора школы, двух других учителей и представителя районного отдела образования Каришал-агай на наших глазах распечатал секретный конверт с экзаменационным заданием и объявил темы, обозначенные в нем, а мы в молчании застыли как истуканы, будто в наши макушки ударила молния. Потому что ни у одного из нас не было шпаргалки по тем четырем темам сочинения, которые вывели на доске. “Вот

тебе и божье наказание!” — подумали мы. Нами овладела растерянность. Душа прямо в пятки ушла. Ни один из 39 учеников в большом зале не проронил ни звука. Такая воцарилась тишина, что было слышно жужжание двух или трех мух, летающих в помещении. Заметив, как мы остолбенели от испуга, увидев наши вытаращенные в страхе глаза, агай расстегнул верхнюю пуговицу на своем новеньком сером костюме и ободряюще сказал:

— Не падайте духом! Выше голову! Нет, ребята, таких трудностей, которые человек не способен одолеть. Удачи! — и с беззаботным видом прошелся по залу, подойдя в знак поддержки практически к каждому из нас.

О Алла, кто думал, что эти несколько теплых слов окажут столь сильное влияние! Внезапно поднявшийся в нас испуг моментально улегся, и мы стали собираться с мыслями. Приступили к сочинению, писали поначалу лишь бы что-нибудь написать, но постепенно осмелели, стали перешептываться, даже расхаживать по залу, отпрашивались в туалет, где припрятали свои учебники, и, вырвав нужные страницы, возвращались обратно. Любопытно, что Каржан, который некогда устроил шум, будто все, кроме него, готовят шпаргалки, в тот день получил одно за другим два предупреждения со стороны учителей, наблюдавших за ходом экзамена, и в конце концов был с него изгнан.

Максут: Да-а, видимо, даже для верблюда легкое понукание хозяина в виде команды “чу, чу-у!” становится подмогой. Ободряющее напутствие нашего учителя Асанова, которое он в тот день начал со слов: “Не падайте духом, ребята!” — в моей памяти сохранилось навсегда. Удивительно, но слово, как оказалось, способно и поднять человеческий дух, и заставить человека безвольно опустить руки. Не зря все-таки наши прадеды придавали особое значение нео-

жиданно найденному и вовремя сказанному желанному слову, сравнивали его с алмазным клинком и мечом.

Волнения и страхи, которые одолевали всех в тот день, нам с Парихой удалось погасить только тогда, когда после экзамена мы отправились развлекаться на берег Госпаколя. Ты хорошо знаешь, что одним из далеких апрелей пара лебедей выбрала наше озеро местом своего гнездовья и из сезона в сезон возвращалась сюда после зимовки в теплых краях. В тот день они тоже были на водоеме. Мы долго наблюдали за ними, сидя на берегу. Ну, скажите, пожалуйста, какие прекрасные, какие умные птицы! Боже мой, когда они плыли рядом, лаская друг друга, то каждое их изящное движение, каждый взмах крыльев словно бы говорили о чистой, незапятнанной любви.

Время от времени один из них, должно быть, самец, скорее всего, в целях осторожности, внезапно громко вскрикивал, поднимался в небо и, облетев озеро, вновь садился, ластясь к своей самке, — в это мгновение сердце твое, тронутое подобным проявлением чувств, невольно таяло. Иногда птицы, хлопая крыльями, игриво окунались в воду, словно принимая ванну, иногда же распахивали крылья, точно изготовившись к полету, но, вместо того чтобы взмыть в воздух, вдруг начинали, опираясь на них, резво и озорно бежать по озерной глади, а мы не могли оторвать от них глаз. Разве было бы плохо, если б люди поучились у лебедей той бережной любви и почтению, с какой они относятся к своим избранницам и верным спутникам?

Солнце склонялось к закату, собираясь скатиться в свое гнездо, и в этот момент в окрестностях озера поднялись звуки шумной "симфонии": во всех концах водного зеркала всплескивали рыбы, свою квакающую партию выводили лягушки, из зеленых зарослей, опоясывающих озеро, раздавался стрекот

кузнечиков. И надо же, господи, именно в это замечательное мгновение, такое восхитительное и мелодичное, с юго-западного берега озера раздался грохот ружейного выстрела!

Сохрани, Аллах все милостивый! Одна из птиц тут же, несколько раз вскрикнув, резко взмыла ввысь и заголосила горькую, полную тоски и печали песню. Звуки этого горестного прощального оплакивания подруги, прорезавшие чистый вечерний воздух, пронимали до самых костей, а сердце разрывалось от сострадания. На поверхности воды, безжизненно распластавшись, лежала вторая птица. Ее поднявшийся в синеву друг, оповестив весь мир о совершенном человеком злодеянии, больше не в силах ничего предпринять, поднялся на необозримую высоту и, обессилено сложив крылья, стремительно спикировал вниз. Камнем слетев из заоблачной выси, он вонзился в воду рядом с безжизненно покачивающейся на поверхности озера лебединой самкой. Когда он пулей ударился о водную гладь, раздался шумный всплеск, и теперь весь окружающий нас бренный мир предстал перед нами сплошной теменью ночи, в центре которой двумя яркими точками белели тела погибших лебедей. Почти следом небо заволокли тучи, поднялся сильный ветер, и полил теплый дождь.

— Это плохая примета! — плача, сказала Париха.

— Человеческая подлость даже природу заставила лить слезы! — вздохнул и я.

Все небо заполонили полчища черных туч. Мы бросились бежать, чтобы укрыться под защитой стогов сена, стоящих рядом с твоим домом.

Ораз: Когда осиротевший лебедь с плачем сорвался с небесной высоты вниз, к берегу озера подоспели и мы с Жансулу. У этой девушки была нежная и хрупкая душа.

— Нам не следовало смотреть на это, раз мы не могли их защитить! Боже мой, какая жалость, какое горе! — расплакалась она.

Что говорить, безвинная и совершенно неожиданная гибель лебединой пары на нашем озере той чудесной весной омрачила души многих молодых людей, погрузила их в горестную печаль, заставила лить слезы и тяжело вздыхать. Эх, сукин сын, кто же тогда выстрелил? Уж не Каражан ли?

Максут: Что самое неприятное, эта грустная история произошла как раз в тот момент, когда мы переживали и без того трудные, но вместе с тем и счастливые времена. Ведь в конце мая для нас прозвенел последний школьный звонок, а под занавес второй декады июня мы наконец-то, со вздохом радости и облегчения, завершили сдачу выпускных государственных экзаменов, которые стоили нам уймы нервов, волнений и страхов.

Вообще-то, радость в данном случае, думаю, понятие условное. Ведь по-своему радуешься и в азарте игры, и беседуя с любимой девушкой, можно даже изобразить радость, когда пропалываешь сорняки в саду. Действительно, последний звонок стал для нас заключительной точкой десятилетия жизни, проведенного в стенах школы. Но, если подумать, ничего радостного в этом нет. Конечно, это десятилетие не было для нас подневольным заключением, как для осужденных людей, — мы познали грамоту, стали сознательными, получили всестороннее общее образование в сфере основных научных дисциплин. Но правда и то, что вершины знаний мы до конца все-таки не покорили. Да и чему тут радоваться, если пришла пора покинуть “золотое гнездо” — нашу школу, которая стала родным домом для кого-то на целых десять лет, для кого-то на девять или восемь, а для некоторых всего лишь на год?

Если говорить честно, то я вовсе не радовался — и в тот момент, когда раздался последний звонок, и в тот день, когда закончились госэкзамены, и даже в тот вечер, когда получил аттестат зрелости. Тем не

менее, находясь среди вас, делал вид, что счастлив. Но как бы я себя ни обманывал, настроение порой не поддавалось воле, часто менялось и портилось, приводило меня в состояние смятения, и я то и дело думал о тех двух годах, которые провел в стенах школы. Причем так погружался в бездну своих дум, что не замечал ничего вокруг.

Ораз: Что в этом удивительного? Пусть ты и проучился в нашей школе только два года, но это было, согласишься, незабываемым для тебя временем. В восьмом классе ты влюбил в себя нашу единственную красавицу Калдыкыз, перед которой любой готов был пасть ниц, а в десятом добился благосклонности другой красавицы — Парихи, что легко и игриво, точно детеныш косули, выполняла акробатические трюки и по ком, если на то пошло, сохли и грезили все мальчишки школы.

Когда прозвенел последний звонок, слов нет, ты, конечно же, огорчился, вспомнив о них, может, и не о первой девушке, но уж точно о предстоящем расставании со второй. И страдал оттого, что после окончания выпускных экзаменов тебе предстояло уехать в Еркин, свой родной аул. Думаю, для тебя было бы гораздо лучше, если б учеба продлилась еще на год.

Вот тогда бы ты утолил свою жажду нектаром любви!

Вот тогда бы и радовался по-настоящему!

А в тот момент, когда раздался последний звонок, ты грустил и впал в мучительные размышления вовсе не потому, что не мог расстаться с нашей школой, а от предчувствия того, что через считанные дни ты разлучишься с милыми созданными, которых любил всем сердцем. Говорят, если не шайтан, то Бог уж точно слышит все, даже то, о чем ты думаешь, так что, дружок, лучше признайся сам.

(Мы оба дружно расхохотались.)

— Ха-ха-ха!

— Хе-хе-хе!

Максут: Не знаю, возможно, ты и прав. Ведь все вокруг яснее ясного понимали, что я был по уши влюблен в Парижу.

Ораз: Да уж! Однако чистая правда и то, что на выпускном школьном вечере не один ты, большинство из нас не ощутили особого веселья, хотя и получили на руки аттестаты зрелости. А все потому, что наши учителя и родители неволью превратили наш праздник в свой собственный. Хотя мы так долго и тщательно к нему готовились и пришли на вечер такими красивыми и нарядными, учителя после торжественного вручения аттестатов позволили нам лишь разок станцевать “Школьный вальс”, а потом со словами: “Ну, дорогие наши выпускники, счастливого вам пути!” — практически выпроводили нас, пригласив за праздничный дастархан только отцов и матерей, чем моментально испортили всем нам настроение.

ВСЛЕД ЗА МЕЧТОЮ В ДАЛЕКИЙ КРАЙ

Максут: В общем, в 1958 году мы окончили десятилетнюю Жетысуйскую среднюю школу. Мечтая поступить в одно из высших учебных заведений, я приехал в Алматы и по совету своего старшего родича Жамали-коке*, у которого остановился, сдал документы на лесной факультет сельскохозяйственного института.

Первым испытанием было собеседование по русскому языку. И хотя разговор прошел быстро и вроде бы на хорошем уровне, преподаватель поставил мне оценку “удовлетворительно”. Я воспринял ее по-своему, решив, что “удовлетворительно” означает

* К о к е — ласковое обращение к старшему.

тройку, тотчас же забрал свои документы и ушел восвояси. Это было моей огромной ошибкой, поскольку, согласно существующему порядку, "удовлетворительно" за собеседование было эквивалентно решению "к обучению вполне пригоден". Мне это разъяснил Жамали-коке. И не просто разъяснил, а тут же отругал за поспешность и строго велел: "Еще не поздно, сдай документы опять!" Но мне показались позорным идти на попятную, поэтому в институт я больше не вернулся. "Что же теперь делать?" — пока я размышлял над этим вопросом, буквально утонув мысленно в океане всевозможных предположений, услышал от кого-то, что в Каргалинском кооперативном техникуме прием документов только начался и, не раздумывая особенно, напрямик двинул туда. Не зря родилась поговорка: "Утопающий хватается за соломинку"; у меня в мыслях было одно — поступить хоть в какое-нибудь учебное заведение, пусть и не слишком солидное. Что греха таить, поступить-то в этот техникум я поступил, сдав все экзамены на пятерки, только почти сразу же ушел оттуда. А причиной послужило то, что большинство успешно сдавших экзамены и поступивших вместе со мной — это девушки, парней же можно было по пальцам пересчитать. Боже сохрани от такого, но и эти несколько ребят в смысле здоровья оказались людьми увечными: либо хромые, либо с рукой что-то не в порядке, либо инвалиды по зрению. Что скрывать, учиться в такой среде мне не захотелось. "С ними-то все понятно: с таким здоровьем далеко не поедешь, а насыщенные занятия и сложную программу вуза одолеть будет проблематично. А что здесь делаю я? Здоровье, слава Богу, есть, болезнями никакими не страдаю. Если уж так сложилось, что не сумел поступить в высшее учебное заведение нынче, почему бы не поступить в будущем году — не заметишь, как эти двенадцать месяцев пролетят. И какая

в этом трагедия? К черту все, не стоит мне занимать место, которое, возможно, осчастливит какого-нибудь моего сородича-калеку, которого жизнь и так обделила!” — придя к этому решению, я снова забрал документы и стал внимательно приглядываться к разным объявлениям, которые вывешивались на автобусных, трамвайных и троллейбусных остановках. Однажды, когда я бродил вот так, мучительно размышляя куда бы податься, на глаза мне попалось интересное сообщение. В нем техническое училище № 8 города Днепродзержинска, что в Украине, приглашало к себе на учебу всех желающих парней казахской национальности. Мало того, дорожные расходы и проживание в общежитии оплачивались за государственный счет, а в период учебы каждому учащемуся полагалась еще и стипендия — радости моей не было предела. Да и как не радоваться? Еще из школьной программы я хорошо знал, что Украина — одна из передовых республик Советского Союза, экономика и культура которой развиваются семимильными шагами, что это родина Богдана Хмельницкого, Тараса Бульбы и великого kobзря Тараса Шевченко.

Тотчас же помчался в библиотеку, кинулся к полке с Большой советской энциклопедией и на 578-й странице 14-го тома прочел, что Днепродзержинск относится к числу крупнейших городов Днепропетровской области Украинской ССР. Он вырос на месте старинного села Каменского. Выплавкой и производством металла здесь начали заниматься во второй половине XIX века по инициативе Южно-Русского Днепропетровского металлургического общества, заложившего основы гигантского металлургического завода. В годы сталинских пятилеток завод был заново отстроен. Введены в строй также коксохимический, вагоностроительный, цементный и другие заводы. Если пожелаешь продолжить учебу после

училища, то есть металлургический институт, одноименный и индустриальный техникумы и множество других учебных заведений. Ты, Ораз, знаешь, я в то время очень любил кино, так в Днепродзержинске, судя по энциклопедии, находилось порядка десяти кинотеатров, Дворец культуры, два парка и куча исторических достопримечательностей. Участь в таком месте, я не только стану образованным специалистом, но и вырасту, обрету духовную зрелость, постигая культуру и участь на эстетических примерах. Так что я почти и не раздумывал, навсегда попрощался с Каргалинским кооперативным техникумом, подбил несколько таких же загоревшихся перспективой ребят и тут же помчался по указанному в объявлении адресу. Ко мне присоединились мой сокурсник по техникуму Маман Байсеркенов, который по какой-то неизвестной мне причине ушел с первого курса консерватории имени Курмангазы, его двоюродный брат Келис Мухамеджанов и Абляш Абуов из Кызылорды. Когда мы приехали туда, где осуществлялся набор в училище, необходимое число учащихся уже набрали, но нас все-таки приняли.

За два месяца, проведенных в Каргалинском техникуме, я отточил одно свое искусство, которое потом не раз в жизни сослужило мне добрую службу. Это умение танцевать. Вместе со мной учился один русский парень по имени Василий. Он в этом смысле был непревзойденным мастером. От него я и научился русской пляске и цыганочке.

Перед самым отъездом в Днепродзержинск Маман Байсеркенов внезапно отказался от первоначальных планов, решив, что ему во что бы то ни стало нужно снова поступить в консерваторию, и остался в Алматы. Вообще-то, целеустремленность — прекрасное качество: этот самый Маман Байсеркенов в конце концов осуществил свою мечту, а еще позднее стал одним из одаренных и видных режиссеров.

Ораз: Во всяком случае, вы-то уехали?

Максут: Да, ранней осенью 1958 года мы выехали в Днепродзержинск. Вообще, этот год был богат на всевозможные исторически значимые события. То ли оттого, что я распрощался с шумным и веселым периодом детства и вступил в пору молодости, то ли политическое воспитание в то время усилилось, но до сих пор хорошо помню, как в тот год отмечали День молодежи, празднованию которого во всем Советском Союзе придали огромное значение. Мало того, в моей памяти почти слово в слово сохранилось даже сообщение ТАСС по этому поводу. Вот оно:

“Москва отпраздновала День молодежи. Ранним утром на улицах столицы появились группы мотоциклистов — первые вестники молодежного праздника, пригласившие москвичей принять участие в торжествах по случаю Дня советской молодежи. Часы на Спасской башне Кремля пробили десять. По направлению к Красной площади потекли утопающие в цветах колонны представителей молодежи столичных районов. Юноши и девушки со всех сторон города собрались на площади, чтобы почтить память выдающихся деятелей Коммунистической партии и советского государства, борцов за народное счастье. Молодежь возложила венки к стенам Мавзолея В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Ближе к полудню молодые люди, которые пришли сюда из всех двадцати районов Москвы, выровняв свои ряды, направились к Центральному стадиону имени В.И. Ленина. Началась зрелищно-развлекательная программа, открывшаяся праздничным марш-парадом.

День советской молодежи в Москве в истинном смысле прошел как народный праздник. Бесспорно, московская молодежь может гордиться новыми успехами и вдохновенными победами на трудовом фронте, которыми встретила историческое 40-летие Ленинского комсомола!”

А на каком высоком уровне был проведен этот знаменательный праздник у нас в республике и в Алматы (30 июня)?!

“Молодежь республики, на просторах которой развернулись гигантские стройки и колышутся безбрежные хлебные поля целины, с огромной радостью и в приподнятом настроении встретила свой собственный праздник. Лучшие из лучших, молодые хлеборобы Акмолы и животноводы Жетысу, медеплавильщики Балхаша и шахтеры Караганды, нефтяники Эмбы и рабочие свинцово-цинкового комбината Усть-Каменогорска, труженики Текели и Шымкента, металлурги знаменитой на весь мир Казахской Магнитки и горняки Соколовско-Сарбайского рудного комбината, добившиеся к празднику больших трудовых достижений, продемонстрировали в этот день и незаурядное искусство — повсюду звучали прекрасные песни, рекой лились волнующие мелодии. Они дали клятву весь огонь и пыл своей молодости, все силы и энергию, все свои знания и способности посвятить во благо родного народа. Клятва молодежи — нерушимое слово!”

Совсем не удивительно, что с позиций сегодняшнего дня вся эта шумиха может показаться выпренимым многословием и идеологической пеной. Однако в ту пору эта приподнятость, эта пафосность воспаляла наши души, а грудь переполняло чувство гордости.

В общем, в том 1958 году, принесшем столько перемен в нашу с тобой жизнь, молодежь всего Советского Союза, в том числе и молодые казахстанцы, очень организованно и торжественно отметили в октябре 40-летие Ленинского комсомола.

С небывалым воодушевлением и мощным энтузиазмом встретили мы в тот год и 41-ю годовщину Великой Октябрьской революции.

Мы безумно радовались тогда и тому, что нашу красавицу столицу Алматы посетила и восхитилась

ее обликом большая группа участников Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей 15-17 октября. Если знаменитые поэты и писатели из более чем сорока государств с восторгом и удивлением познакомились с нашей землей и нашим народом, то как же не возрадоваться, как не возликовать нам, детям этой земли?! Нас просто распирало от гордости.

А какое внушительное положение в мире занимала в то время наша страна и насколько независима была ее внешняя политика?! Если мне не изменяет память, то именно в тот год 28 июня министр иностранных дел СССР А.А. Громыко пригласил тогдашнего посла США Л.Е. Томпсона в Министерство иностранных дел и официально довел до его сведения ноту в адрес правительства Соединенных Штатов Америки, в которой Советское правительство выражало протест по поводу нарушения американским военным самолетом государственной границы Советского Союза. Я до сего дня горжусь тем, что был в числе представителей инициативной казахстанской молодежи, горячо поддержавшей этот внешнеполитический акт. В сокращенном виде содержание этой ноты, воспламенившей наш патриотический дух и стойкость, сводилось к следующему:

“Правительство СССР считает необходимым довести до сведения правительства Соединенных Штатов Америки нижеследующее.

27 июня текущего года в 18 часов 30 минут по московскому времени четырехмоторный военный самолет с опознавательными знаками Военно-воздушных Сил Соединенных Штатов Америки, нарушив государственную границу Советского Союза южнее города Еревана, вторгся в воздушное пространство СССР на глубину в 170 километров.

Советские истребители заставили самолет-нарушитель приземлиться. Самолет совершил вынужденную

посадку в районе приблизительно в 240 километрах от того места, где им была нарушена государственная граница Советского Союза, и загорелся.

После того как самолет-нарушитель приземлился, 9 членов его экипажа были взяты под арест.

Советское правительство строго требует от правительства Соединенных Штатов Америки принять безотлагательные меры для предотвращения действий, связанных с нарушением американскими военными самолетами государственной границы Советского Союза.
Москва, 28 июня 1958 года”.

Возможно, потому, что был единственным сыном воина-фронтовика, принесшего себя в жертву во имя Родины во время Великой Отечественной войны, но я тогда придавал огромное значение этой ноте протеста. Всей душой ее поддерживал, ощущая в каждом слове, в каждом предложении весомость и грозное величие нашей огромной страны. И опять же до глубины души был переполнен чувствами и гордился тем, что являюсь одним из сыновей такой великой державы, как Советский Союз, и сыном Казахстана, одной из основных его составляющих.

Воистину, мой друг, в тот год было особенно много славных событий, которые воодушевляли молодежь. Помнишь, например, что 29 июня Советским Союзом был запущен третий искусственный спутник Земли, который без проблем поднялся в космос на околоземную орбиту? Фантастика, в течение всего лишь месяца он 1019 раз облетел вокруг земного шара и продолжал летать дальше! Никогда больше в своей жизни, дружище, я не ощущал такого бурного наплыва патриотических чувств по отношению к нашей великой Родине, как в те дни!

А разве можно забыть, что в тот год наша родная республика, засыпав в закрома Родины свыше одного миллиарда пудов золотого зерна, вышла в передовики в рамках всего Союза?! Что ни говори, а небы-

валый энтузиазм и гордость, воцарившиеся в душах наших сородичей, земляков и современников в те дни, были так же необузданны, как стремительные воды реки Или.

Мы, молоденькие юноши, никогда раньше не уезжавшие далеко из своего аула, после трех суток пути ранним утром прибыли в самое сердце нашей великой Отчизны — город Москву (на Казанский вокзал). Нашей радости не было предела, когда сопровождавший нас руководитель сообщил, что на поезд до Днепродзержинска, отправляющийся с Белорусского вокзала, мы должны сесть вечером. Отпросившись, мы вышли в город, чтобы побывать на Ленинских горах, посмотреть Кремль и Красную площадь, посетить Мавзолей вождей.

Удивительное совпадение, но Москва в то время тщательно готовилась к проведению Декады казахского искусства и литературы. На какую бы площадь, в какой бы сквер мы ни попали, какими бы бульварами и проспектами ни шли, всюду натыкались взглядами на красочные плакаты и афиши, возвещающие о приближающейся декаде.

С краю Площади Восстания, что у стен древнего Кремля, было вывешено огромное полотнище, на котором красовался большой портрет Ботагоз (киногероини) и рекламировалась демонстрация кинофильмов “Мы из Семиречья”, “Наш милый доктор” и “Его время придет” (о Чокане Валиханове). Полно и других рекламных плакатов. Газета “Вечерняя Москва” уже успела сообщить, что если в декаде, прошедшей в 1936 году, участвовало 250 казахстанцев, то в нынешней примут участие 1250 деятелей искусства и литературы. Коли не радоваться такому событию, то чему вообще радоваться?! Люди, которые в тот день обращали взор на наши лица, наверняка заметили, как они сияли от несказанной гордости, словно всем своим видом мы говорили: “Смотрите, знай-

те, мы из Казахстана — той благодатной земли, которая дает Родине тысячные стада скота, миллиарды пудов золотого зерна, рис, уголь, железо, свинец, цинк, серебро, медь и золото! Мы с просторов цветущего и славного своим искусством Казахстана!”

Да и как не гордиться? Мы, то есть 71 выпускник школы из Казахстана, по дороге на великую украинскую землю, где нам предстояло учиться и овладеть профессией, прибыли в Москву, город, к которому было приковано внимание всего мира. В это же время сюда на Декаду казахского искусства и литературы собирались такие выдающиеся таланты, как М. Ауэзов, С. Муканов, А. Жубанов, А. Мансуров, Г. Мусрепов, М. Хакимжанова, И. Шухов, Р. Койшибаева, Г. Мустафин, К. Джандарбеков, А. Тажибаев, Е. Умирзаков, А. Кастеев, А. Абишев, Г. Орманов, М. Тулебаев, Ш. Айманов, Е. Серкебаев, Г. Курмангалиев, Т. Жароков, Р. Багланова, Б. Тулегенова, Р. Джаманова, Ж. Омарова, Ш. Жиенкулова, Ш. Кусаинов, Х. Есенжанов, З. Шашкин, Ж. Саин, А. Сарсенбаев, Х. Ергалиев, Х. Бекхожин, С. Мауленов, Д. Абилев и многие другие. Какой казах не возрадуется, если узнает, что оказался в Москве в одно время с этими непревзойденными мастерами нашей культуры? Поразительное, дивное совпадение!

Но кто мог предполагать, когда мы вот так бурно восторгались искусством своих знаменитых земляков, когда радовались столь удачному стечению обстоятельств, а наши сердца переполняла гордость, что среди нас, молодых казахских пареньков, находится будущий кандидат и доктор наук, выдающийся государственный и общественный деятель, будущий Президент суверенного Казахстана?!

Когда наконец добрались до места, то узнали, что и на украинской земле происходит большое радостное событие. Праздновалось 40-летие первого съезда большевистской партийной организации.

В этом переполненном значимыми событиями 1958 году я познакомился, а потом и сдружился с будущим главой нашего государства Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Это отдельная история.

Во время учебы в Днепродзержинском училище № 8, которое готовило металлургов, все мы занимались тем или иным видом спорта. Я ходил на бокс, а Нурсултан занимался вольной борьбой. Не зря все-таки борьбу ценили еще наши далекие прадеды, уже с первых дней Нурсултан легко одолевал всех своих соперников, чем несказанно удивлял тренера. В своей секции он быстро стал пользоваться большим авторитетом. Если не подводит память, то уже через шесть месяцев стал борцом-перворазрядником. Борьбой же занимались сплошь украинцы.

Я продолжал посещать тренировки боксеров, и вот однажды в моей весовой категории у меня состоялся бой с очень сильным парнем-украинцем. Встреча оказалась для меня неудачной: соперник выиграл по всем статьям, хорошенько мне надавал и сломал нос. С того времени моя тяга к боксу ослабела, и я стал отлынивать от поединков. Оказалось, это был один из излюбленных тренерских приемов моего спортивного наставника: когда он считал, что такой, как я, увлеченный боксом его подопечный, которого он обучил технике бокса, его хитростям и премудростям, обрел достаточную спортивную форму, то выпускал против него какого-нибудь сильного боксера. Если его ученик, несмотря на град ударов, проявлял стойкость и спортивную злость, то такого воспитанника он начинал особо опекать и усиленно тренировать. То есть это была его старинная привычка — подвергать своих подопечных испытанию на нестигаемое упорство. Откуда ж я мог об этом знать — проиграл в пух и прах и, пока не зажил нос, ни с кем в бой или спарринг не вступал. Правда, на тренировки по-прежнему ходил. Но, скажу честно, былого

азарта у меня уже не было, куда больше тянуло к песням и танцам. В итоге я полностью переключился на них и сразу успокоился.

Ну а Нурсултан уже в то время был настойчивым и упорным, волевым и упрямым. Он сразу понравился тренеру, и тот большей частью уделял внимание его спортивной подготовке. Мало того, он очень часто выставлял его на соревнования между учебными заведениями и ставил в пример другим борцам. В свою очередь, и Нурсултан стремился не запятнать и защитить честь, с одной стороны, нашего училища, а с другой, и всех казахстанцев. Если говорить в общем, то уже в ту пору Нурсултан не успокаивался, пока не добивался позитивных результатов в любом деле, за которое он брался, и к тому же старался привить это качество и своим товарищам. Он был избран старостой в группе будущих доменщиков и наряду с хорошими показателями в учебе добился значительных успехов в области спорта. Кроме того, проявлял высокую активность и в общественной работе. Все это вместе принесло ему высокую репутацию, благодаря чему вскоре, получив больше всех голосов среди четырех-пяти комсомольцев, выдвинутых на пост секретаря комитета комсомола училища, он одержал убедительную победу и стал нашим комсомольским вожаком.

Я тоже был старостой в своей группе. Успеваемость у меня была хорошая, учился на круглые пятерки. Был заводилой в художественной самодеятельности. Играл на баяне, пел песни, танцевал. И занятия рисованием активно продолжил.

Наши встречи с Нурсултаном участились, мы постоянно обменивались с ним мнениями о прочитанных книгах, спорили. Ко всему прочему и он, и я время от времени писали стихи. Так что по части увлечений и способностей у нас было много общего. Разными были профессии, которые мы осваивали в процессе учебы.

Группа Нурсултана изучала выплавку стали и чугуна из рудных пород и изготовление сплавов. Для получения сплавов в их состав включают всевозможные добавки. В результате этого и качество готовой продукции получается разным. Сплавы разливают в 5-6-тонные емкости, где они и охлаждаются. Потом из них требуется изготовить, например, листовую жечь, железные трубы или рельсы. Для получения этой продукции металл требуется разогреть до температуры 1400 градусов. Эта обязанность возлагается уже на специалистов нашей профессии. На официальном языке она называется “сварщик нагревательных печей и колодцев”.

Наш цех находится перед прокатным, то есть мы должны хорошенько разогреть металл и в размягченном виде доставить его в прокатный цех. Наши нагревательные печи и колодцы сложены из специального кирпича, выдерживающего температуру до 1500 градусов. Открываются и закрываются автоматически, стоит только нажать соответствующую кнопку. За работой печи наблюдаешь со значительного расстояния, надев защитные черные очки. Как-то я по глупости решил взглянуть на разогретую до 1400 градусов сталь невооруженными глазами, снял очки всего лишь на мгновение, а потом целую неделю провалялся в постели, не в силах даже открыть глаза. Хорошо еще с божьей помощью зрение быстро восстановилось в течение этой недели, иначе существовал риск вообще остаться слепым.

Доведенные нами до достаточно мягкого состояния металлические сплавы стекают в формовочные станы прокатного цеха и превращаются, с одной стороны, в листовую жечь разной толщины, а с другой стороны, в железную проволоку различного диаметра. Здесь работают специалисты-вальцовщики, которые направляют расплавленное железо в формовочный стан с мелкими дырочками, откуда потом выходит тонкая готовая проволока.

Нас в училище было 67 казахстанцев (еще четверо парней из первоначального состава группы по разным причинам вернулись на родину). Вместе с нами в Днепродзержинск приехали один русский паренек по имени Геннадий, один кореец, один уйгур, один кыргыз и трое узбеков по национальности. Все остальные были казахами и очень сплоченными. Чаще всех нас собирал вместе и призывал к этой сплоченности Нурсултан: “Давайте во всем действовать сообща, быть как одно целое, чтобы не опозорить гордое имя казахстанцев”, — говорил он. Такое единение и солидарность мы проявляли во многом. Однажды Нурсултан пришел вместе со мной в нашу группу и, рыская взглядом, спросил:

— А где Нартай?

Говоря “Нартай”, он имел в виду Абляша Абуова — парня из нашей группы, очень одаренного джигита и великолепного певца. То ли потому, что Абляш, как и его знаменитый земляк, был из Кызылорды, то ли в силу Богом данного ему таланта, но он потрясающе исполнял терме* непревзойденного акына-сказителя Нартая Бекежанова, искусство которого знакомо любому казаху. Прежде чем рассказать о том, как Абляш с Нурсултаном впервые познакомились, приведу несколько фактов из предыдущей жизни Абляша.

Абляш Абуов (его полное имя — Абляким) родился 5 марта 1936 года в ауле Бестам (прежнее название — отделение Ленинское) Шиилийского района Кызылординской области. Его отец Абу был превосходным охотником, о таких в народе говорят: “у него капкан всегда в крови, а ружье в порохе”, словно добыча сама к нему в руки идет. Ну а мать Ажаргуль — дочь искуснейшего мастера кузнечного дела

* Т е р м е — особый жанр казахской поэзии, исполняемый песенным речитативом.

Амзе, способного железа, казалось, даже в узлы вязать и к тому же прославившегося вдоль всей Сырдарьи как великолепный исполнитель кюев и виртуозный домбрист. Должно быть, азарт одного деда и благородное искусство другого передались Абляшу по крови и стали основой для его становления в качестве певца.

Абляш стал выступать с песнями еще в стенах школы. С детства прекрасно исполнял такие народные песни, как “Ақ Айша” (“Светлоликая Айша”), “Илигай”, знаменитую песню Жаяу Мусы “Ақ сиса” (“Белый ситец”), мелодичным речитативом читал прославленные творения Жамбыла “Великий закон” и “Слушай, степь, Жамбыла!”. И что самое замечательное, еще в юном возрасте предстал со своим искусством перед буревестником поэзии, великим акыном Нартаем Бекежановым, чье имя стало в народе легендарным, и получил его доброе благословение.

В 1953 году, увидев Абляша на районном смотре юных талантов художественной самодеятельности, постаревший акын, уже согбенный годами, восхищенно сказал хрипловатым, потерявшим былую звонкость голосом: “У этого мальчишки сильный голос, его ждет неплохое будущее. Было бы еще замечательней, если б во время исполнения песни он не на глотку налегал, а на чувства — раскрывался бы всей душой”.

Получив благословение и мудрый совет от самого Нартая, которого почитал весь народ и боготворил любой поэт, любой певец, любой акын-сказитель и исполнитель терме, Абляш вообще почувствовал себя окрыленным.

На республиканском смотре юных талантов, прошедшем в Алматы в 1957 году, он сначала спел “Ағайшу”. Когда песня закончилась, один из авторитетных членов жюри, прославленный певец Манарбек Ержанов встал с места и зааплодировал ему. А потом попросил:

— Сынок, спой-ка еще одну песню!

Абляшу только этого и надо, он вошел в азарт и задорно исполнил “Аксису” Жаяу Мусы. Говорят, “вкус речной воды поймешь уже по одной капле”. Испытав истинное наслаждение от очередной песни и поняв, что певческого искусства Абляшу не занимать, Манарбек Ержанов в восторге воскликнул:

— Молодчина, пусть твое искусство растет год от года, светик мой!

Сидевший с ним рядом выдающийся, известный на всю страну композитор Евгений Брусиловский, который зачарованно внимал обеим песням, громко захлопал и, слегка заикаясь от волнения, поблагодарил Абляша:

— С-с-спасибо!

Таким образом, юный исполнитель, получив за свое мастерство высокую оценку прославленного певца и знаменитого композитора, вернулся домой лауреатом республиканского смотра, а на будущий год снова приехал в столицу, чтобы поступить в Алматинскую государственную консерваторию имени Курмангазы. Однако он опоздал на день-два, и в приемной комиссии его документы не приняли. Расстроенный этой неудачей, юноша в порыве чувств решил, что ему следует распрощаться с мечтой об искусстве, сдал экзамены и так же, как и я, поступил в Каргалинский кооперативный техникум. Но, похоже, и Абляша не вдохновляла перспектива работы в сфере торговли. И в тот момент, когда он мысленно стоял на перепутье, мучительно раздумывая о будущем, его внимание привлекло обращение ЦК комсомола республики, опубликованное на страницах газеты “Лениншил жас”, которое призывало молодежь осваивать профессию металлурга. Это обращение, особенно патриотический призыв “Даешь Темиртау — Казахстанскую Магнитку!”, оказало на Абляша столь сильное впечатление, что он тут же заб-

рал из техникума свои документы и присоединился к нам, собиравшимся поехать учиться в далекий украинский город Днепродзержинск.

Уже на месте он впервые встретился с Нурсултаном. Заметив Абляша, за плечом которого точно ружье торчала висевшая сзади домбра, Нурсултан заинтересованно спросил:

— Эй, джигит, домбра при тебе, видать, и играть на ней умеешь, из каких ты краев?

— Кызылординский я, из Шиили! — ответил Абляш.

Довольный, точно ребенок, Нурсултан радостно сказал:

— О, ребята, нам должно везти, ведь с нами такие люди — земляк самого Ибрая Жахаева, дважды Героя Социалистического Труда, знаменитого рисовода, вырастившего рекордный в мире урожай риса, человека, грудь которого украшает Золотая звезда!

Внимательно взглянув на возбужденно говорившего Нурсултана, из глаз которого так и сыпались веселые искры, Абляш, бережно погладив свою домбру, гордо заявил:

— Можешь добавить, что я еще и земляк акына Нартая, слава которого разошлась на тысячу верст!

— Да ты за словом в карман не полезешь, похоже, сам Бог послал нам такого спутника! Давай-ка, парень, сначала познакомимся! — предложил Нурсултан и представился: — Нурсултан Назарбаев!

— Абляш Абуов!

— Ну-ка, покажи свое искусство, порадуй нас каким-нибудь терме Нартай-аты!

Абляш не стал ломаться, ударил несколько раз по струнам домбры, проверяя настрой, и легко и свободно, без всякой подготовки, спел одну из песен Нартая, которую акын сложил ближе к старости:

*Хотя и нарм был известный вам Нартай,
Но сила крика в нем уже давно не та.*

*От голоса, что урагану был сродни,
Остались лишь воспоминания одни.
Буранный ветер снова честь свою обрел.
С вершин Алтая насмехается орел.
К шайтану старости попался я в силки,
Отныне мой удел — лишь головой кивки!
Как дикий конь, в полон петлей аркана взят,
Все мечется, на волю устремив свой взгляд.**

С того самого дня Абляш с Нурсултаном стали неразлучными друзьями.

Такова предыстория к моему дальнейшему рассказу. И вот к нам в группу в поисках своего друга-певуна пришел Нурсултан. Мы все почувствовали, что за этим что-то кроется. Как раз в это время в кабинет, где у нас предстояли занятия, вошел Абляш. Поняв, что мы не зря скучковались, он весело предложил:

— Ну, джигиты, теперь вы в полном сборе, можете начинать!

— Ребята, мне тут в голову пришла одна идея, — сказал Нурсултан. — Что если мы проведем лекцию-концерт для местных жителей? Как вы на это смотрите?

— С концертом-то мы запросто справимся, можно что-то спеть, станцевать, на домбре, на баяне сыграть, а вот что касается лекции — трудновато будет, — засомневался Абляш.

Поблескивая горящими глазами, улыбающийся Нурсултан тут же нашелся:

— Если ты возьмешь на себя организацию концерта, то лекцию я сам подготовлю. Только надо, чтобы и наши друзья русские, корейцы и кыргызы тоже в стороне не остались. Хочет не хочет, но пару песен заставим и Максута исполнить. Возможно, он

* Перевод М. Жанузаковой.

даже, если успеет выучить, споет какую-нибудь песню и на украинском языке, — и он подмигнул мне.

Его затея всем нам приглянулась, и мы, не откладывая в долгий ящик, в тот же день приступили к репетициям. Здесь я обязательно должен упомянуть о том, что местная администрация относилась к нам с огромным вниманием и уважением. Стоило только нам заикнуться, что мы собираемся провести то или иное культурное мероприятие, встречу с потомственными сталеварами, ветеранами войны и труда, как нам беспрекословно шли навстречу, освобождая для нас Дом культуры, клуб или актовый зал. Вести переговоры с руководством и добиваться обещаний о помощи всегда возлагалось на Нурсултана.

Через десять дней наша лекция-концерт была готова. Нурсултан, договорившись с руководителем городского отдела культуры, на самых видных местах многолюдных улиц вывесил яркие, красочные афиши, извещающие о предстоящем событии. Оформлял их я, приложив при этом максимум стараний и все свои способности.

Вот и настал волнительный момент нашего выступления. В зале городского Дома культуры, рассчитанного на пятьсот с лишним посадочных мест, яблоку негде упасть. Ведущим концерта был Нурсултан. Сначала он сделал лаконичный, но очень емкий доклад на тему “Мой необъятный Казахстан”, в котором привел множество любопытных сведений об истории и экономике, о культуре и литературе нашей многонациональной республики, коротко охарактеризовал другие сферы жизнедеятельности казахстанского общества. Затем подошла очередь концерта, он объявлял вперемешку песенные и танцевальные номера, выступления исполнителей на музыкальных инструментах, а в паузах успевал сообщить какую-то дополнительную интересную информацию о нашей республике. Главный вокалист на-

шей концертной программы Абляш пел в основном казахские народные песни и в продолжение представил зрителям речитативы Нартая. Мы же с Нурсултаном исполнили дуэтом несколько русских и украинских народных песен. Звучала инструментальная музыка, казахские кюи, были исполнены всевозможные танцы и пляски.

В общем, вечер удался, и наш самый первый концерт с лекцией прошел успешно. На сцену один за другим поднимались руководители местной исполнительной власти и ветераны труда и выражали нам свою признательность. Воодушевленный удачей, Нурсултан сказал нам:

— Ребята, похоже, наши песни и мелодии им очень понравились. Теперь я, пожалуй, съезжу в областной центр Днепропетровск и переговорю с тамошними руководителями культуры.

Из Днепропетровска Нурсултан вернулся в хорошем настроении. Как оказалось, в областном центре находился дворец, возведенный еще императрицей Екатериной II. Наш будущий концерт должен был состояться в этом дворце. Мы этому и обрадовались, и растревожились одновременно. Дело в том, что на концерт обещало прийти областное начальство. Что делать, инициатива исходила с нашей стороны, так что отступать было некуда. Мы снова приступили к подготовке и усиленным репетициям. В областной центр прибыли на день раньше предстоящего выступления. Боже мой, внешний облик и интерьеры дворца, построенного по велению императрицы Екатерины II, невозможно описать словами, глаз от восхищения оторвать нельзя! Он сияет своей красотой, словно весь отлит из золота и серебра. Видимо, потому, что никогда прежде не видывали такого роскошного великолепия, едва переступив порог этого здания, мы пораскрывали от удивления рты, восторженно зацокали языками и были вконец смущены

окружающим нас величием. Один лишь Нурсултан по-хозяйски уверенно и непринужденно расхаживал по дворцу, словно находился в собственном доме.

Постепенно, попривыкнув к величественной красоте и торжественности дворца, мы приступили к своей самой последней репетиции, которую провели на дворцовой сцене. Это было по-настоящему мудрым шагом с нашей стороны. На следующий день, когда начался наш концерт, мы уже не испытывали такой трепетной робости и волнения, а чувствовали себя свободно и раскованно, как заправские артисты. По всей видимости, на нашу лекцию-концерт руководители области пришли в полном составе. В зале присутствовало свыше тысячи зрителей. Свободных мест не было. Аншлаг.

Нурсултан открыл вечер и своим приятным, душевным голосом бойко, без всякого волнения доложил собравшимся самые значимые сведения о нашей великой Родине — Казахстане. Когда он завершил свою короткую вводную лекцию призывными словами: “А теперь перед вами с горячим молодежным приветом выступит группа самодеятельных артистов с просторов Казахстана — великой колыбели дружбы!”, в зале устроили бурную овацию, и все встали с мест, то ли восхищенные политической зрелостью молодого парня, которому еще не было и двадцати, то ли выказывая свое уважение к достижениям Казахской Советской Социалистической Республики. Такой почет, такое чествование стали для нас замечательной поддержкой.

Наш главный вокалист Абляш исполнил песни народных композиторов Жаяу Мусы, Укили Ибрая и Газиза. Исполнители кюев на этот раз объединились в пары и выступили дуэтами. Группа танцоров во главе со мной подарила зрителям пару казахских народных танцев — “Қара жорға” (“Черный иноходец”) и “Қылышпен сайыс” (“Бой на саблях”). Нур-

султан спел несколько русских и казахских народных песен.

Талант в любой среде не останется незамеченным. Вот так и Абляш на том вечере был сразу выделен среди нас опытным взглядом. В своем приветственном слове под занавес вечера начальник областного управления культуры сообщил, что готов принять Абляша, если он пожелает, полноправным членом артистического состава здешнего ансамбля песни и пляски. Никто из нас не остался без почетной грамоты и ценного подарка. После этой памятной поездки в областной центр мы широко прославились, а авторитет наш и в городе, и в училище неимоверно вырос.

Так вот, нетрудно заметить, что дружба, зародившаяся между Нурсултаном и мной, связана, во-первых, непосредственно с нашей учебой, а во-вторых, с нашим пристрастием к искусству. Поэтому со своей стороны я очень высоко ценю эти две сферы жизнедеятельности человека — образование и искусство. На мой взгляд, дружба, зародившаяся благодаря им, всегда крепка и имеет долгую жизнь. Потому что образование — это знания. А настоящее знание приходит только к человеку глубоко увлеченному. Ну а истинная любознательность не знает границ и никогда не ослабевает. Так и искусство. Как говорил М.П. Мусоргский: “Искусство — орудие человеческого откровения”. А эти слова принадлежат великому Виктору Гюго: “Высокое искусство бессмертно”. Я полностью с этим согласен. Даже если наши с Нурсултаном отношения, нашу с ним связь не называть громко дружбой, а скромно обозначить товарищескими отношениями, то в любом случае их скрепили учеба и тяга к искусству. Во все времена человек устремлялся к образованию и искусству с подлинной увлеченностью и чистой любовью. Ну а там, где присутствуют истинная увлеченность и светлая любовь, и товариществу не суждено угаснуть!

Ораз: Максут, судя по этим твоим воспоминаниям, вы приехали в Днепродзержинск примерно в середине ноября 1958 года и приступили там к освоению различных металлургических специальностей.

Я хотел бы спросить вот о чем — а в каком месяце 1959 года вы окончили Днепродзержинское училище и куда прибыли на работу?

Максут: Все вместе после завершения учебы мы отправились в Темиртау, на Казахстанскую Магнитку. Однако для меня не нашлось работы в соответствии с полученной в училище специальностью, какое-то время я трудился на строительной площадке такелажником, выкрикивая крановщику на гигантском кране команды “Вира!” да “Майна!”, а с наступлением осени вернулся в родной аул. Потому что в ту пору не только цеха будущего Карагандинского металлургического комбината не были возведены, даже сооружение доменных печей — основы основ — еще не завершили.

И МЫ НЕСЛИСЬ НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ...

Ораз: Дружище, раз уж выпал такой удобный случай, и я поделюсь тем, как проходила моя жизнь после школы. Когда ты умчался в Алматы, а оттуда отправился в далекий Днепродзержинск, я приехал в наш областной центр Талдыкорган и поступил там в медицинское училище. Сам знаешь, я совсем не из тех людей, чьей заветной мечтой было стать врачом. А подвел меня к этому решению один происшедший со мной случай. Дело было так. Председатель правления колхоза Абдикадыр-агай собрал оставшихся в ауле выпускников десятилетки и предложил:

— Если хотите на более легких условиях поступить куда-нибудь на учебу, то подсобите колхозу и в течение месяца поработайте — девчата со свеклово-

дами, а ребята на сенокосе. Мы же вам от имени правления колхоза дадим превосходные характеристики. Ну а коли вдруг останетесь без стипендии, и тут поможем — за счет колхоза будем выплачивать.

В то время развилась практика так называемых производственных заявок, и несколько слов колхоза, совхоза, предприятия или строительной организации служили спасительным “лекарством” для поступления в вуз. Поэтому мы сразу согласились на условия, предложенные Абикадыр-агой. Сексенбай, Болеген, Толек, Бапан, Каинбай, Кенжебай, Кульман и я присоединились к сенозаготовителям в Саркоқты. Меня прикрепили к трактору в качестве грузчика: ребята вилами подавали мне снизу скошенную траву, а я ее раскладывал в кузове прицепа, разравнивал и утрамбовывал. Как-то нам попалась трава, густо перемешанная жесткими, непослушно торчащими колосьями пшеницы, и работать сразу стало намного тяжелее. Такое сено довольно сложно подцепить с земли и подать наверх, и так же нелегко его принять и аккуратно уложить на прицепе. Один из ребят, подававший сено, не рассчитал силы взмаха, поскольку вилы поддели лишь небольшой пук сена, и двинул этим пуклом мне прямо в левое ухо. Казалось бы, подумаешь, эка беда, однако, в ухе у меня страшно зазвенело, я перестал им слышать, и тут же разболелась голова, как будто в нее впились тысячи игл. Не зря говорят, что нет ничего слаще жизни, со страху я тут же спрыгнул на землю и показал ухо ребятам. Они его осмотрели и сообщили, что в нем застрял колосок, причем острием основания внутрь. Потом каждый из них старательно попробовал его вытащить, но их усилия не увенчались успехом. При любой попытке выдернуть колос, его острые, точно иглы, ости раздвигались и прочно впивались в стенки слухового прохода. Ну а я при этом ныл, стонал, а то и орал от боли благим матом, будто кто-то вби-

вал мне клин в ухо. Убедившись, что толку от их действий не будет, товарищи, которые всей душой переживали за меня, решили: “Может, колос размягчится и его будет легче вытащить, если полить водой?” — и с этой мыслью отвели меня в тенек, уложили на правый бок и стали осторожно, по капле вливать мне в ухо воду. Не приведи Аллах еще хоть раз испытать такое, ребята старались облегчить мое положение, но нанесли еще больший вред: как только вода коснулась колоса, его зерна мгновенно разбухли, и боль стала нестерпимой. Поняв, что все усилия напрасны и без медицинской помощи не обойтись, бригадир доставил меня в фельдшерский пункт на центральной усадьбе колхоза. На мою беду, местный фельдшер, всем известный Жакып-агай, в тот день “принял на грудь” и находился под градусом, о чем ясно свидетельствовало его покрасневшее и вспухшее лицо. Осмотрев мое ухо и так и эдак, он чем-то ковырнул в нем, но ничего, кроме нового прилива боли, сделать не сумел. В конце концов посоветовал:

— Ищи-ка, братишка, транспорт и двигай в район. Я тебе ничем помочь не могу. Колос с его острыми остями — штука опасная, впиваются все дальше, точно колючка. Если не поторопишься, есть риск, что они проткнут барабанную перепонку и воткнутся в мозг.

От его слов душа у меня в пятки ушла. К тому времени солнце уже склонялось к закату, спускался вечер. В такую пору вряд ли кто отправится в район-центр, за десять с лишним километров. Сомнительно и то, что удастся сесть на попутный автотранспорт, если выйти на трассу, ведущую в Текели. К тому же в кармане у меня ни копейки. Пока дойду до дома, чтобы выпросить у матери денег на дорогу, пройдет достаточно времени. Взять под седло саврасую кобылу отца — тоже не выход. Если и доберусь

до райцентра, то лишь ближе к ночи, но ведь доктор, который способен ликвидировать “опасность” в моем ухе, не сидит наготове в ожидании меня? В общем, я здорово перепугался. Был сам не свой от страха. Впервые в жизни ощутил я тогда человеческую незащищенность, и меня захлестнула горечь. Хотелось расплакаться, но не смог. Только грудь сдавило, и настроение, словно осенний день, вконец испортилось.

О, Алла! Не зря говорят, уж если не судьба умирать, непременно обнаружится способ спасения. Как раз в тот момент, когда я предавался своим невеселым думам, в фельдшерский пункт заглянула в поисках своего мужа Асия-апай. Очень чуткая и отзывчивая от природы, она сразу заметила мой мрачный вид и спросила:

— Оу, что с тобой случилось, сынок Дау-аты*?

Бормоча, Жакып-агай рассказал ей о случившемся, я тоже что-то пробубнил о своей беде.

Асия-апай незамедлительно взяла в руки лежавшие перед мужем пинцет и “воронку” и внимательно осмотрела мое ухо, но ковырять не стала. Потом ткнула в бок задремавшего было Жакып-агая и приказала:

— Давай камфорное масло, быстро!

По тому, как фельдшер пулей вскочил с места, я понял, что он побаивается своей жены. Буквально через мгновение он уже подал ей маленький флакончик. Асия-апай сердито стрельнула в его сторону глазами, набрала в пипетку масла и капнула несколько капель мне в ухо. Потом снова взяла в руки пинцет и не спеша попыталась им, словно крючком,

* По казахскому обычаю, невестки, в том числе и жены дальних родственников, не имеют права называть родичей мужа по имени, поэтому придумывают им всевозможные прозвища. В данном случае — “Дау-ата” означает буквально “самый старший дед”.

подцепить застрявший стебелек; вторая попытка ей удалась, и она выдернула из моего уха весь разбухший и искривленный обрезок жесткого пшеничного колоса длиной около двух сантиметров. Слух тут же вернулся, и глаза мои засияли от счастья.

Для меня в тот миг никого добрее и милосерднее, ловчее и осторожнее, мудрее и образованнее Асии-апай во всем мире не было. Мне казалось, что среди самых лучших людей в белых халатах не найдется человека более чуткого и преданного своей профессии. Меня просто распирало от горячей благодарности, я не мог скрыть счастливой улыбки, отвесил Асие-апай поклон и птицей помчался в сторону нашего Озера любви. Еще не добежав до берега, скинул пыльные штаны, потную, горячую рубашку и с наслаждением нырнул в прохладную и прозрачную воду. Пока смог сдерживать дыхание, плавал под водой, а потом вынырнул на поверхность и размахисто поплыл кролем.

“О Алла! — думал я про себя. — Только что я, можно сказать, был на волосок от смерти, а теперь вот свободно ныряю и плаваю, наслаждаясь жизнью. Правду говорят, что между счастьем и горем, между жизнью и смертью, между страданием и блаженством всего лишь мгновение, короткое, как взмах ресниц”.

Ты ведь поймешь меня, дружище, поймешь, какие меня охватили на нашем озере чувства: вспомнил вас, нашу весну, наши лунные ночи и размечтался. Но вот что интересно: мысли, которые сначала разбегались в разные стороны и плодились одна за другой, точно ягнята в окот, постепенно все чаще и чаще возвращались к Асие-апай, которая с таким вниманием отнеслась к моей беде и уже одним своим теплым дыханием и добрым словом начала меня излечивать.

И смотри, друг, как любопытно все это закончилось. До того времени я все еще пребывал в раздумь-

ях, не зная, какую выбрать профессию, поэтому мне в голову сама собой пришла мысль стать врачом. Иначе и быть не могло! Мне сразу вспомнились сломавший ногу табунщик, которого сбросила норовистая лошадь, девушка, оступившаяся на лестнице и разорвавшая икроножную мышцу, малыш, что, увлекшись игрой, попал под нож сенокосилки, старик сторож, который мучился из-за приступа аппендицита, ну и, конечно, мои собственные недавние страдания; когда все это пронеслось в моей голове, я пришел к твердому убеждению, что самая хорошая, самая милосердная специальность — это профессия врача, который помогает людям избежать преждевременной смерти. Эта мысль помогла мне обрести опору в своих метаниях по поводу собственного будущего.

Я тут же вспомнил, что Антон Чехов, непревзойденный мастер коротких, но очень метких и содержательных рассказов, которого мы с тобой очень любили, не только писатель, но и врач. Это еще больше меня вдохновило и убедило в правильности выбора. В общем, решение, которое я принял тем вечером, в конце концов привело меня в медучилище.

Со мной вместе здесь учились твоя первая любовь Калдыкыз, отличник учебы Сайлау, наш с тобой старый друг Шаймерден, которого мы прозвали Молекулой, поскольку к окончанию десятого класса он так и не подрос, и несколько других наших школьных товарищей. Если говорить честно, то уже через один-два месяца мой первоначальный пыл пропал и на учебу я ходил через силу. Во-первых, среди девяноста девушек нас, парней, было только шестеро. Второй же причиной стала моя брезгливость. Когда на практических занятиях в больнице или диспансере я видел проявления запущенных болезней, все эти травмы, раны, опухоли, порезы, кровавые язвы и гнойные выделения, меня начинало мутить, хотелось вырвать, голова кружилась, а на губах момен-

тально высыпал герпес — словом, самочувствие всякий раз было отвратительным, поэтому ближе к весне 1959 года, раз десять повторив про себя “да пропади пропадом такая учеба!”, я просто-напросто сбежал в аул.

Хотя я бросил училище, отец не стал меня отчитывать, наоборот, обрадовался:

— Хватит и того, что десятилетку окончил, сынок. Да и учился ты очень хорошо, так что полученных знаний вполне достаточно. Если Бог тебя не оставит, и так человеком станешь. Вон, брат твой старший Абдикадыр (он и в самом деле приходился нам родственником) всего ничего проучился, и то по-старинке, а по-вашему где-то год получается, однако, имя его не то что в ауле, районе или области, по всему Казахстану гремит. А возьми сына Алдабергена Нурмолду из Шубара, он вообще не учился. А каких добился высот — слава о нем не только по Советскому Союзу, по всему миру уже распространилась. Один из них свой трудовой путь начал как секретарь аулсовета, а другой поднялся из рядовых колхозников — был простым поливальщиком. Ну, скажи сам, разве они при этом не достойные люди? Да у них от орденов и медалей места свободного на груди не осталось!

Оба Герои Социалистического Труда, второй даже дважды, пользуются заслуженной славой и всеобщим уважением. Дело не в образовании, а в жизненной удаче и умении трудиться. Вот потому наши предки молили всевышнего не о грандиозности цели, а о крохотной удаче. Не забывай об этом, сынок.

Больше не о чем говорить. Завтра возьму у бригадира повозку с лошастью или арбу, запряженную волком, и поможешь по хозяйству. О нас позаботишься!

Дальше ясно, все лето я занимался поручениями отца, а десятого ноября 1959 года был призван в армию для исполнения своего гражданского долга.

Проводить меня в армию к районному военкому, который находится в нашем райцентре Карабулаке, пришли Жансулу и Нуржан. На память мы втроем сфотографировались. Из нашего класса в тот призыв попали трое: я, Бапан Жанталин и Кенжебай Жумагулов (оба уже ушли от нас, да упокоятся их души). Втроем же мы и уехали. Место назначения — воинская часть на берегу Ладожского озера, неподалеку от золотой колыбели героического Октябрьского восстания — города Ленинграда. Где-то здесь в трудные времена скрывался в шалаше великий вождь Владимир Ильич Ленин.

Неисповедима воля Аллаха, из края величественных гор, вершины которых окутаны облаками и будто переговариваются с небом, мы, молодые призывники, проехав полпути на товарном составе, а полпути в пассажирском поезде, на седьмые сутки глубокой ночью прибыли на другой конец страны, туда, где кругом лесистая тундра со множеством зеленых рощиц и перелесков, небольших озер и болотистых мест.

Дальше и так, наверное, все понятно. Армейская жизнь, армейская дисциплина. В “учебке” нас распределили изучать технику, обслуживающую военно-воздушные силы. Говорят, через три дня человек и к могиле может привыкнуть. В первые дни было, конечно, трудновато, но через несколько недель мы вполне освоились. В общем, потекли обычные солдатские будни. Но мне, дружище, хотелось бы специально остановиться на одном моменте, связанном с тем периодом.

Закончился сорокадневный карантин, мы приняли военную присягу и целиком углубились в процесс армейской учебы. Стоял воскресный день. Дежурный с КПП (контрольно-пропускного пункта) прибежал в нашу казарму и сообщил, что меня, Бапана и Кенжебая вызывает какой-то студент из Ленинграда. Удивлению нашему не было границ, мы

мигом вскочили и помчались на КПП. Когда, обгоня друг друга, запыхавшись, добежали до ворот воинской части, кто же, думаешь, предстал перед нашими взорами? Ибраим! Наш Ибраим Туганбаев! Один из предыдущих выпускников нашей школы, спортсмен и отличник, тот самый Ибраим, который научил тебя играть на баяне! Оказывается, он получил из дома письмо, благодаря которому и узнал, что мы служим в этой воинской части. Стоит перед нами и улыбается, словно солнышко ясное. Мы бросились к нему с такой радостью, точно родного отца с матерью увидели. Поразительно, сколько братского чувства, сколько благородства, доброты и человечности было в его поступке! А какое благоговение и уважение ты сам начинаешь испытывать к человеку, способному на такое внимание, особенно в ту пору, когда ты находишься на краю земли, вдали от родины и своего народа!

Наш земляк, наш старший брат Ибраим Туганбаев, который учился в Ленинградском государственном электротехническом институте, еще много раз, пока шла восьмимесячная “учебка”, навещал нас в части, утоляя своими приездами нашу тоску по родичам и родным местам. Какое родство, какая душевная чуткость, какая отзывчивость! Похоже, такие вот поступки и стали поводом для рождения в нашем народе пословицы: “Если есть у тебя брат, то есть и пристанище”. Наверное, в этом и заключается благородство братского покровительства. В любом случае — добродетель, которую никакими мерками не измерить!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АУЛ

Максут: Ораз, как раз в середине ноября, примерно через неделю после того как ты уехал в армию, я

вернулся из Темиртау домой, в Еркин. Моему благополучному возвращению в аул после стольких путешествий несказанно обрадовались и бабушка, и мать, и заменивший мне отца Жансеит, которого язык не поворачивается называть отчимом, они просто наслаждались от счастья. Бабушка прежде всего повела меня к могиле моего деда Нарикбая, пригласила кого-то прочесть Коран над изголовьем, раздала семь поминальных лепешек, а потом обратилась ко мне:

— Золотой мой, сам видишь, твои родители в заботах о колхозном скоте почти все время живут где-то на отшибе — летом на джайляу, в холодное время на зимовье. Я же, поскольку Бог пока не прибрал, живу в одиночестве и как могу присматриваю за домом. Ты повидал другие края, пожил в разных местах, стал, сынок, уже совсем взрослым. Прадеды наши говаривали: “Не заведешь семью — не обретешь богатства”. Несчастный твой отец Султан, который погиб на войне, был у меня единственным. Кроме тебя, у него тоже не осталось других наследников. Махмуджан умер еще в младенческом возрасте.

Настала пора проявить тебе разумность и раздуть жизнь в очаге своего отца. Если прислушаешься, светик мой, к моим словам, то подыщешь себе какую-нибудь длинноволосую красавицу и создашь семью — зажжешь угасший огонь, подаришь новую жизнь вместо утраченной. Исполнится моя заветная мечта, понянчу внуков, а придет время, отойду со спокойным сердцем, — сказала она, и ее глаза наполнились слезами.

Я разволновался, а наутро, несмотря на пронизывающий холод и снежный буран, выехал в Карабулак, чтобы найти Париху.

Ораз: Максут, об этом мне недавно рассказывала сама Париха, а я ее воспоминания записал. Хочешь прочесть?

Максут: Ну, давай-ка сюда!

Париха: Осень в том году выдалась очень холодной, снег выпал рано, а к ноябрю лег окончательно. Если не путаю, это произошло ближе к концу ноября. Я трудилась тогда швеей в швейной артели “Прогресс”, расположенной в районном центре — городе Карабулаке. На работу устроилась сразу после окончания десятилетки. Швейное дело мне нравилось с детства, поскольку моя мать, которую у нас в ауле все звали “мастерицей”, с малых лет привила мне любовь к шитью и вязанию. Возможно, поэтому, когда я пришла в артель, работала так увлеченно и старательно, что уже через месяц стала не только швеей, но и закройщицей.

В то время меня занимали только две вещи, которые отнимали все мое внимание. Это тайны и хитрости любимого мною шитья и непрерывная переписка с Максудом — моим возлюбленным. Максуд в ту пору учился в Днепродзержинске. Для меня его письма были интереснее и содержательнее, чем повести и рассказы Тургенева, Чехова или Мопассана. Для того чтобы написать ответ, я раз десять перечитывала его письмо, а затем отправляла обратный привет, каждый раз нарочно демонстрируя в чем-нибудь “вредность”. На самом же деле я Максуда до смерти любила. Особенно меня удивляли и притягивали в нем терпеливый и уравновешенный характер, его необыкновенное умение, вместо множества пустых слов, сказать о чем-то одним только взглядом, невозмутимое спокойствие во всем — казалось, он не шелохнется, даже если земля под ним ходуном заходит, а еще невероятная сдержанность — какой бы огонь ни разгорался в его душе, он всегда умудрялся держать свои чувства в необходимых рамках. Возможно, именно поэтому я в своих капризах порой переходила всякие границы и, избалованная его терпением, специально вредничала и досаждала ему своенравными выходками. Об одном из таких поступков я сама потом сильно сожалела.

Дело было в январе 1959 года, когда стоял жуткий мороз, пробирающий до самых костей. Прошло примерно десять дней, как я написала очередное письмо Максуту, но вместо ожидаемого ответного послания в моей квартире появилась незнакомая женщина — очень красивая, со светящимся, подобно луне, лицом, которое так и сияло добротой. Женщина заинтересовалась, не Париха ли я, и, получив утвердительный ответ, обняла меня, расцеловала в обе щеки и объяснила, что она мать Максута. Потом, то и дело поглядывая на мои ноги, сказала:

— У тебя, похоже, что-то с ногой случилось, ничего, солнышко, ты еще молоденькая, быстро поправишься. Максутжан у меня единственный, светоч мой. Отец его Султан пал жертвой недавней Великой Отечественной войны. Судьбой мне было предписано смолоду стать вдовой, сейчас вот сошлась с одним хорошим человеком, живем теперь вместе.

Максутжан, узнав о случившемся с тобой, написал мне письмо, полное тревоги, и попросил: дорогая мама, съезди, мол, к ней сама и узнай о ее состоянии. А еще, пишет, скажи ей: пусть не беспокоится, я ее не за то люблю, что у нее руки-ноги целы. Открылся мне Максутжан, сообщил, что ближе к осени собирается жениться.

После этого Зинаш-апай, как и положено по старинному обычаю, стала меня сватать, честно сказала, что возможности уплатить калым у нее нет, а также обратила внимание на то, что мне следует согласиться на обряд “умыкания невесты”. Увидев, насколько искренне она добра ко мне, я тоже моментально прониклась к ней симпатией, сказала, что согласна на все условия, которые поставит Максут, и честно призналась, что моя “сломанная нога” — всего лишь глупый девичий каприз, придуманный специально для письма.

Зинаш-апай уехала от меня радостной, во-первых, потому, что исполнила просьбу сына, а во-вторых, оттого, что получила от меня согласие на брак. На улице стоял трескучий мороз, стало еще холоднее. Я стала винить себя в том, что, решив поиграть с Максutom, почувствовать его заботу, я невольно доставила столько хлопот Зинаш-апай, да еще в такую стужу. Часто приходилось слышать пословицу: “Волосы у женщины длинные, а ум короток”, но только теперь поняла, что ее появление связано вот с такими сумасбродными выходками, когда, делая что-то, женщина совсем не задумывается о последствиях.

И вот, через девять месяцев после этой истории, приблизительно за неделю до окончания ноября, который пришел вместе с пронизывающими холодами и снежными метелями, у ворот нашей швейной артели меня встретил Максут — все тот же рослый акробат с крепкой, как у борца, фигурой, пуговицы на груди расстегнуты, из ноздрей клубами валит пар. Правду говорят, что “радость сродни испугу”, — я лишилась дара речи, а сердце отчаянно заколотилось. Ноги сами собой замедлили в нерешительности ход, и на полпути к Максуту я, словно по чьему-то приказу, остановилась как вкопанная. Он, как и в прежние времена, совершенно спокойно спросил, вглядываясь в мое зардевшееся лицо:

— Да что с тобой — щеки точно яблоки покраснелись, а руки-ноги, похоже, в непослушные колотушки превратились, да? — и он весело рассмеялся. Рассмеялась и я.

Два дня мы провели вместе. Разговор он сразу начал с главного вопроса: “Ты не передумала с обещанием, которое дала моей матери?” Я снова стала ломаться и кокетничать. И тогда Максут стал морочить голову своими планами выкрасть меня. Однако я сразу отмела эти намерения, заявив, что это, мол, рабство. Я не приветствовала этот обряд, когда под-

росла и сама стала девушкой, всегда до боли в сердце переживала такие случаи, стоило только мне услышать, как дочь такого-то сбежала замуж, и тут же начинала возмущаться: “Вот бессовестные, умрут, что ли, без этого, позор-то какой!”. И вообще, я считала подобное верхом неприличия. Поэтому и Максута принялась уговаривать, что надо оповестить о нашем решении моих родителей, слава Богу, они в полном здравии, живут в достатке, и проводы невесты устроят и отпразднуют, но он ни в какую. Пока мы спорили, отказываясь уступить друг другу, незаметно подошел и конец декабря. А если точнее, то в последнюю декабрьскую неделю 1959 года мы все-таки договорились, чтобы встретить новый, 1960-й, год вместе, в доме Максута. Когда приблизился назначенный нами день, я, не в силах уехать, так и не попрощавшись с родным домом, с гнездом, в котором выросла, отправилась в Теректы — наш аул, расположившийся в ложбине у горы Кора. В тот день после полудня погода резко испортилась, и повалил снег. Я же этому только обрадовалась. Потому что решила, что Максут, узнав, что я уехала домой, в такое ненастье ни за что не доберется до нашего аула, который находится в горном ущелье, в стороне от больших дорог и попасть в который можно только верхом, на конной повозке или в санной упряжке. Но зря надеялась на это. Уже порядком стемнело, отец где-то задерживался, и тут в дом вошел Максут со своим другом Жанайбеком.

— Добрый вечер! — поздоровался он.

Я замешкалась, не зная что и сказать. Но мать, проявив гостеприимство, пригласила их:

— Добро пожаловать, проходите в комнату, ребята!

И надо же, едва завидев Максута и услышав его имя, мать моя прямо-таки расцвела вся и растаяла. Секрет этой перемены я узнала позже. Оказалось,

она украдкой прочла все до единого письма Максута, которые я хранила в небольшой шкатулке, и давно уже прониклась симпатией к тому, с какой любовью он относится ко мне.

Догадавшись о причинах такого внимания со стороны моей матери, Максут с Жанайбеком прицепились ко мне и под предлогом того, что меня, мол, вызывает директор, увели меня из дома. Выйти-то вышли, а дальше и шагу ступить невозможно было — такой буран вокруг бушевал, что в полуметре ничего не разглядеть. Вернуться назад оба категорически отказались, сославшись на плохую приметку, поэтому мы медленно, с трудом продираясь сквозь метель, добрались до дома моего двоюродного брата Калмухана, который жил в самом конце протянувшейся вдоль оврага длинной улицы. Калмухан-агая дома не оказалось, нас встретила его жена. Не зря говорят, что повидавший жизнь становится зорким, моя хитроумная женгей* ни о чем нас не спросила, молча принялась готовить чай, но сразу догадалась о том, что стоит за нашим внезапным визитом. Когда мы на минутку остались наедине, тут же спросила с подозрением:

— Эй, девочка моя, ты хотя бы по своей воле это делаешь, скажи мне правду?

Поняв, что увильнуть от ответа не удастся, честно призналась:

— Да, женеше, мы давно уже связаны обещанием.

Не удовлетворившись моими словами, осторожная, словно сорока, хитрая, как лисица, женгей, когда мы уснули, взяла в руки палку для опоры и, увязая в сугробах, отправилась к моей матери. Мама же, бедняжка, хотя и жаль ей было дочь отпускать, но, желая мне счастья, как бы благословила:

* Ж е н г е й — жена старшего брата или родственника. “Женеше” — ласковое от “женгей”.

— Она уезжает к человеку, которого любит, не стойте у нее на пути.

Мы об этом потом узнали. Максут с самого начала понял, что моя мать очень доброжелательный человек, и всегда повторял: “Я люблю Шаку-апу”.

Раз уж согласилась, назад пути нет, на следующее утро мы втроем встали еще затемно и, с трудом пробираясь сквозь выпавший по колено снег (Жанайбек прокладывал нам путь), выбрались на большую дорогу.

Это было 27 декабря 1959 года. В тот день после полудня мы приехали в дом Максута, и я переступила его порог в качестве невестки. В доме уже собралась в ожидании снохи женская родня Зинаш-апы, тетушки тут же засуетились вокруг меня, разбросали шашу* и надели мне на голову белый платок. Вот так пришел конец моей вольной жизни, в которой меня так баловали и лелеяли, и я поднялась на ее новую счастливую ступеньку.

Кончилась пора девичества, теперь мне предстояло жить среди чужих людей, я смирилась с этим и впервые встретила Новый год — 1960-й, не у себя дома, а в своей новой семье — Нарикбаевых. Шестого января мы сходили в аульный Совет, зарегистрировались и получили свидетельство о браке.

Жизнь похожа на длинную реку. Ну а разве течение реки всегда бывает одинаковым? Весной и осенью она бурно разливается, выходя из берегов, волнуется или бушует на ветру, спокойно и величаво несет свои воды в летнюю пору, а зимой одевается в ледяной панцирь. Так и в жизни — она склонна к переменам.

Не стану скрывать, за 15 лет нашей совместной с Максутом жизни бывало всякое: и дни несравненно-

* Ша шу — старинный обряд в церемонии бракосочетания, когда перед молодыми, желая им сладкой и счастливой жизни, рассыпают монетки и конфеты.

го счастья, которые были слаще меда, и моменты взаимных обид и огорчений, естественно, порой и ссорились. Вполне понятно, что каждый из нас считает правым себя. Но мы оба хорошо знаем, в чем виноваты друг перед другом. Не вижу смысла и необходимости об этом распространяться. Ну а если наши друзья, которые нас хорошо знают и искренне к нам относятся, захотят на чем-то в нашей истории заострить внимание, взвесить какие-то поступки, верю, отнесутся ко всему справедливо, так что я им буду только благодарна и нисколько не обижусь на сказанное.

Ораз: Максут, в то время, когда вы поженились, подняли собственный шанырак и принялись обустроить семейный очаг, я проходил учебу в военной школе по подготовке младшего технического персонала, обслуживающего авиацию, которая находилась в густом вечно-зеленом лесу на дальнем краю нашей страны, под Ленинградом. Я всем сердцем обрадовался тому, что вы создали семью, желал вам счастливой семейной жизни, о чем просил непременно передать и вам. О вашей свадьбе мне написала Жансулу, которая тогда работала на Талдыкорганской швейной фабрике.

В своих письмах к Жансулу я очень много рассказывал ей о Ленинграде. Дело в том, что командир нашего полка приказал всех курсантов, которые учатся на одни пятерки и четверки, каждую субботу организовано вывозить на экскурсии по священным историческим местам Ленинграда, чем, естественно, вызвал в нас горячее стремление к хорошей учебе. Искренне обрадованные такой перспективой, курсанты всю старались, помогали друг другу, чтобы ни один из них не получал троек. Особенно отличилась наша группа, состоявшая из 12 человек, она вышла в передовики полка и после 40-дневного карантина еженедельно поощрялась такими экскурсиями.

Что говорить, Ленинград — один из самых красивых и удивительных городов нашей планеты. Я думаю, насколько великим был Петр I, заложивший его основы, настолько же великим был и сам русский народ, который, не жалея сил и жизни своей, возводил этот город. Поскольку уж речь зашла о Ленинграде, коснусь коротко его истории. Первый камень в фундамент города был заложен 16 (27) мая 1703 года. С давних времен — это промышленный, культурный и научный центр России, крупный транспортный узел и морской порт. Поскольку город расположен в устье Невы и рядом с Балтикой, то большая часть его территории расположена на образованных речной дельтой и морем островах, которых здесь свыше ста, а связаны они между собой 363 разводными мостами. Насколько примечателен один только этот факт! О том, что здесь в первой половине XIX века находился очаг знаменитого восстания декабристов, ты и сам хорошо знаешь.

Всем прекрасно известно, какой величайший пример мужества и героизма продемонстрировали ленинградцы в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), выдержав 29-месячную немецко-фашистскую блокаду. Безмерное чувство гордости испытал я, дружище, когда собственными ушами из уст самих ленинградцев услышал о том, что огромную помощь и поддержку оказали блокадному Ленинграду казахстанцы. Я тогда едва к небу не взлетел, особенно в тот момент, когда они, вспоминая нашего Жамбылату, наизусть читали его великую песнь “Ленинградцы, дети мои!” Вообще, ленинградцы очень благородные люди, никогда не забывают добро и все хорошее, что для них делалось. В свое время, когда появилась на свет эта поэма нашего знаменитого земляка, ее моментально размножили в тысячах экземпляров, и она в виде плаката была вывешена на каждой улице и проспекте, на каждой площади, едва ли

не на каждом городском здании. Теперь эти обветшавшие от времени и погодных воздействий плакаты, поднимавшие дух и укреплявшие волю народа в тяжелые дни блокады, свято чтятся ленинградцами и висят на самых видных местах во всех городских музеях. Мы собственными глазами видели эти побитые осколками снарядов и простреленные пулями листы и в Эрмитаже, и в Смольном, и на "Авроре". Но не удовлетворились простым лицезрением, а вставали группами рядом и по очереди на их фоне фотографировались на память.

"Слава достойного человека сто лет греет и его потомков", — говорят в нашем народе, и это действительно так. Всего лишь одно-единственное стихотворение Жамбыл-аты послужило поводом к росту авторитета нашей небольшой группы казахов: мы сразу почувствовали теплое и уважительное отношение к нам.

Каким же огромным был город уже в то время! Судя по словам наших экскурсоводов, в Ленинграде действовало свыше 40 высших учебных заведений, около 50 музеев, 14 театров, сотни клубов и тысячи библиотек.

Не говоря уж о музеях, какими красивыми и величественными были произведения монументального искусства и архитектурные сооружения, окружающие улицы и проспекты героического города!

Ты и сам, мой друг, можешь представить, какое впечатление мы испытывали, когда любовались Адмиралтейством и Исаакиевским собором, Петропавловской крепостью и Дворцовой площадью, архитектурными ансамблями Невского проспекта, Казанским собором, Марсовым полем и Мусульманской мечетью, многочисленными скульптурами и изваяниями в Летнем саду, которые казались живыми, зданиями Сената и Синода. Нам, родившимся в далеком глухом ауле и знавшим прежде лишь старое село,

видавший виды клуб, бригадные станы, степные юрты да скотные дворы, выпало неожиданное счастье каждую неделю лицезреть всю эту красоту.

А самое замечательное, что мы впервые посетили этот прекрасный, как мечта, город на берегу Балтийского моря, который прозван “окном в Европу”, ровно столетие спустя, как в феврале 1860 года на его благословенную землю ступила нога великого путешественника и ученого, нашего выдающегося соплеменника, “звезды Востока” Чокана Чингизовича Валиханова.

Вот Белый дворец, где русский император принимал нашего прославленного земляка!

Вот здание Русского географического общества у большого раздвижного Певческого моста, где наш знаменитый предок сделал доклад о своем путешествии в Кашгарию!

Вот Невский проспект и морская набережная, по которым он прогуливался!

“С приездом в Петербург я чувствую себя намного лучше прежнего”, — писал он в том году своему отцу Чингизу в Сырымбет.

Чистейшая правда, мы тоже, Максут, чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Разве для нас, приехавших из глубины безбрежных степей, могла быть радость сильнее той, что мы ощущали, любуясь Ленинградом?!

Я рассказал об этом сейчас, так как подвернулся удобный случай. Прости, если разболтался сверх меры. Мне по душе, что ты так искренне разоткровенничался. Может, со своей стороны, дополнишь рассказ Парихи?

Максут: Без всяких сомнений, Париху я любил очень сильно, всем сердцем. В те годы готов был ради нее и в огонь, и в воду броситься. Ее образ, ее игривые, как у маленького жеребенка, манеры были перед моими глазами и во сне, и наяву. Звучит ли пре-

красная песня, смотрю ли я какой-нибудь интересный фильм, читаю ли стихи о любви, или слушаю чей-то рассказ, легенду, ни на мгновение из моей памяти не уходит Париха. Увижу какую-нибудь симпатичную вещицу, привлекательный предмет или что-либо из одежды, как мне тут же хочется купить все это для Парихи, и так начинаю по ней скучать, будто сто лет не видел. Я завел традицию каждый раз, возвращаясь из поездки в город, привозить ей что-нибудь в подарок — туалетную воду, французские духи или букет цветов. Мне хотелось, чтобы она всегда цвела, как прекрасная роза, улыбалась, подобно солнышку, а вокруг нее разливался приятный аромат. Короче, я мечтал видеть и ощущать в ней все самое хорошее, что может быть в этом светлом мире. Стремился не дать ни малейшего повода для обиды, ничем не омрачить ее настроения. Видя и понимая мою любовь, мою восхищенность Парихой, мою преданность и внимание к ней, мои близкие — мать Зинаш, второй отец Жансеит и бабушка Гизатбану, окружили ее еще большей заботой, мухе не давали пролететь над ее головой.

Любопытная штука человеческая натура. Кто-то сам себя восхваляет, кому-то поем дифирамбы мы. Одни с большой ответственностью относятся к похвалам и добрым словам, сказанным в их адрес, и изо всех сил стремятся их оправдать; других же подобное восхваление и почитание пьянит, приводит к заносчивости и вообще лишает рассудка, вызывая неумную гордыню и высокомерную самовлюбленность. Не зря о таких говорят: “С жиру бесится”. Но таких перемен, похоже, не замечают, не обращают на них внимания те, для кого любовь превратилась в болезнь, как в той пословице: “Настоящая любовь равноценна увечью”. Признаюсь честно, я был как раз из их числа. С первых же дней, стоило только Парихе проявить характер, как я безропотно скло-

нялся. Покорялся любому ее капризу. Не только не хмурился ни разу и слова поперек не говорил, а даже настроение по глазам угадать пытался, прямо-таки расстилался перед ней. Лишь заикнется она о чем-то, как я спешу выполнить любое ее поручение, не дожидаясь, пока она повторит его во второй раз, старался во всем угодить, рабом у ее ног бегал. И шел на все это не только в силу своей слепой любви, но и сознательно. Потому что в свое время мне не раз приходилось вступать в схватку с моими конкурентами вроде Ильяса, Шатая и Каражана, и, вспоминая моменты, когда я мог лишиться не только Парихи, но и собственной жизни, я невольно благодарил судьбу за то, как жил теперь. “Слава Богу, все страхи и опасности, все драки и перепалки тех трудных дней остались позади, — думал я. — Теперь я должен ценить выпавшее мне на голову счастье, беречь и лелеять его, чтобы не спугнуть”.

Вообще в том, что мои домашние почитали Париху как ханскую дочь и превозносили ее, были и причины семейные, связанные с историей нашего рода. Если говорить конкретнее, то единственным сыном моего деда Нарикбая был мой отец Султан, который погиб на Великой Отечественной войне. Причем я единственный оставшийся после него наследник. Поэтому заветной мечтой моей бабушки Гизатбану и моей матери Зинаш было то, чтобы мы создали крепкую семью и дали жизнь детям, а для этого они изо всех старались, чтоб между нами даже искра размолвки не пробежала. Мой второй отец Жансеит, хотя и родился в многодетной семье, своего собственного ребенка так и не увидел, был в этом смысле одинок, поэтому и его мечты, его надежды тоже были обращены в мою сторону. Их ожидания подвигали меня быть добрым с Парихой и преклоняться перед ней. В силу такого всеобщего отношения она вконец избаловалась, и в ней стали развиваться неприятные черты характера.

Мой трудовой путь начался в январе 1960 года. Я устроился на работу заведующего клубом в нашем колхозе имени 30-летия Казахской ССР, который подчинялся администрации Талдыкорганского района. В начале следующего 1961 года мы уехали в Алматы, где я работал на стройке. Пока жили в столице, Париха успела окончить курсы секретарей-машинисток и получить еще одну специальность. Потом мы снова вернулись в родной аул — Еркин. Я опять стал заведовать клубом. Ближе к лету мой названный отец Жансеит неудачно упал с лошади и от полученных травм скончался. Это случилось в 1962 году.

В тот же год, 28 августа, родился наш первенец — Асхат. Поскольку я был заведующим клубом, все самодеятельные аульные артисты находились под моим присмотром, так что шильдехану* мы отпраздновали шумно и весело, с песнями и музыкой.

Во время тоя чаще, чем меня — продолжателя рода деда Нарикбая, упоминали Париху, дружно восхваляли невестку, подарившую наследника, а особенно превозносили ее за то, что родила сына, да еще такого лобастого крепыша. По моим наблюдениям, с рождением Асхата Париха еще больше заважничала и сильно изменилась. Ну а я, мои родители и бабушка думали, прежде всего, о новорожденном младенце, об Асхате, поэтому пуще прежнего бегали перед Парихой.

Ораз: Максут, посмотри, как интересно, в тот день, когда Париха родила Асхата, я вернулся из армии и приехал в Алматы. В то время, когда вы праздновали шильдехану, один за другим сдавал вступительные экзамены на филологический факультет КазГУ. Мне повезло, я поступил. В тот год в конце сентября мы с

* Ш и л ь д е х а н а — праздник по случаю рождения ребенка.

тобой и встретились в твоём доме. Я был все еще в солдатской форме, прихватил с собой Жансулу, которая работала на Талдыкорганской швейной фабрике. Всю ночь мы откровенничали, делились своими радостями и печалью, рассказывали друг другу новости.

Ты вот тут говоришь о том, как заважничала и возгордилась со временем Париха, но, по-моему, дружище, это и яйца выеденного не стоит по сравнению с надменностью и высокомерием Жансулу. Ты сам знаешь, мы с ней встретились еще в школе и с тех пор дружили. К тому моменту уже пять лет. О нашей дружбе знали и ее близкие, и мои. Да что там родные — весь аул знал. Видимо, поэтому молва дошла и до моего двоюродного брата, занимавшего ответственный пост в Талдыкоргане. При встрече он сказал мне:

— Ай, Оразжан, кажется, в этом городе живет девушка, которая связана с тобой словом и ждала твоего возвращения из армии. Мои друзья откуда-то узнали об этом, теперь то и дело подтрунивают надо мной, мол, неужели ты не можешь справить свадьбу своему братишке, дескать, не бойся, мы тебе тоже поможем. Если вы действительно дали друг другу твердое обещание, то скажите мне об этом честно — свадебный той я вам в любое время устрою.

После его слов я пришел к Жансулу, рассказал об этом разговоре и признался, что и сам подумывал жениться на ней. И что, ты думаешь, она мне ответила, как повела себя?!

— Я тебя и прежде странноватым считала, будто ты свалился с лошади и обо что-то головой ударился, но, похоже, побывав в армии, ты растерял остатки ума и вообще помутился рассудком. Пусть ты и поступил в КазГУ, но я ведь тоже буду учиться — в Женском педагогическом институте. Разница лишь в том, что ты на дневном отделении, а я на заочном. И

вообще, какая муха тебя укусила, забыл, как Максут с Парихой живут?! Поженились, ребенка народили, а теперь, видать, каждый день ссорятся и скандалят. Так что ты мне о свадьбе теперь года три не заикайся!

Прямо-таки разъярилась вся. И после этого она не раз кричала и топала ногами, уча меня уму-разуму и “вливая” в мою бедную черепушку мудрые советы.

Но, оказывается, Максут, ты действительно никогда не сердишься на гнев, властность и жесткость человека, которого по-настоящему любишь, поэтому я поначалу смирился с трехлетним сроком, назначенным Жансулу, и в том году так и не смог осуществить выбор своего сердца. Однако позже я устал от ожидания, не находя в нем никакой опоры, женился в итоге на нашей прекрасной сокласснице Хадише и обрел покой. Хадиша тогда уже работала врачом.

Максут: Ну а меня как раз в то время, когда у нас с Парихой стали возникать первые размолвки и легкие ссоры, призвали в армию. В ноябре 1963 года. Париха снова была в положении. Я уехал, она, беременная, осталась дома. В следующем году благополучно разрешилась, родила девочку и сообщила об этом мне. Мы назвали дочь Лорой.

В октябре 1966-го я демобилизовался, а через месяц приступил к работе и вплоть до декабря 1968 года был заведующим и ответственным за спортивную подготовку в нашем еркинском сельском клубе, который заново отстроили и значительно расширили.

А в декабре 1968 года, по твоему настойчивому призыву и приглашению, устроился редактором в Талдыкорганский областной комитет радиовещания и телевидения.

ИЗДЕРЖКИ ХАРАКТЕРА, СТАРОЕ ПИСЬМО И ДРУГОЕ

Ораз: Слово за тобой, только прерву на минутку. Потерпи чуть-чуть. Мы тут забыли с тобой об одном случае. В связи с тем, что Асхату исполнилось 5 лет, 30 августа 1967 года мы, Жамбыл Байзаков, Болат Сегизсарынов, Мусабай Садвакасов, я с женой Хадидшой и еще несколько человек, собрались в вашем доме, чтобы отпраздновать это событие. Скажу честно, поведение Парихи в тот день нам всем не понравилось. Даже встретила нас, еле выдавив из себя улыбку.

Когда мы вошли, на ней был ярко-голубой халат, блестящие золоченые китайские шлепки с острыми носами, а лоб повязан скрученным белым платком, так, как это делают бабы, которых одолела мигрень; она даже с места не сдвинулась, торчала с таким угрожающе недовольным видом, словно напугать нас пыталась. Но наши друзья не стали обращать на это внимания, мы веселились до самого утра — пели, танцевали, шутили, игры разные затевали. Ну а музыкальное сопровождение, естественно, ты сам обеспечил.

Чувствовалось, как ты, проявляя гостеприимство, стараешься быть веселым, скрывая свое истинное настроение. На следующее утро, видимо, решив сгладить впечатление от недостойного поведения Парихи, ты проводил нас с Болатом, поскольку мы приехали к тебе из Карабулака, аж до самого Талдыкоргана и там еще раз уважил, щедро угостив в ресторане “Жетысу”. В тот день, оставшись вдвоем, мы с тобой договорились в течение недели написать все, что друг о друге думаем, честно и без утайки, а в следующий понедельник встретиться перед кинотеатром “Родина”. Причем основной повод намеченной нами встречи — это как раз обмен дружескими

откровениями, своеобразными характеристиками, которые мы должны были запечатать в конверты и передать друг другу.

Однако, то ли ты не успел, то ли еще по какой причине, но, когда мы с тобой в назначенный день встретились в Талдыкоргане перед кинотеатром “Родина”, ты не принес обещанного и лишь весело рассмеялся. Я же честно изложил на бумаге все свои мысли о тебе, вложил в конверт и взял с собой. Ну а поскольку ты обещание не выполнил, я тебе свою “характеристику” не отдал, как ты ни упрашивал, как ни умолял, даже прочесть не разрешил.

И, знаешь, что интересно, оказывается, это письмо-откровение сохранилось в моем архиве, хотя с тех пор прошло 37 лет (ведь сейчас уже 2004 год). Я его недавно обнаружил, когда перебирал бумаги. Если тебе любопытно, могу зачитать несколько отрывков.

Максут: Ну-ка, ну-ка! Это действительно интересно!

Ораз: *“На нашей благословенной земле Жетысу очень много высоких гор с широко расстилающимися подножиями. Их неприступные вершины и остроконечные пики, на которых гнездятся лишь горные орлы, в пред-рассветные и закатные часы опаливают огнем лучи солнца. Временами вершины очень быстро заволакивают клубящиеся белоснежные облака или густые темно-бурые грозовые тучи. И осенью, и весной, и в летние месяцы может внезапно пойти проливной ливень или морозящий дождь. Зимой же горы окутывает толстое снежное покрывало. Его белизна слепит до боли в глазах.*

Склоны и подножия этих гор, оттененные небесной синевой и солнечным заревом, утопают в зелени пышных лесов и сочных лугов. Здесь множество родников, которые, зародившись где-то вверху, пробиваются глазками наружу. Эти хрустально чистые, прозрачные ключи не отличаются стремительным, бурливым нравом, тихонько прокладывают себе дорогу и еле слышно жур-

чат, словно причитая о собственной участи. А все потому, что путь им то и дело преграждают свалившиеся из-под копыт архаров, корсаков, оленей, волков, маралов, горных козлов и косуль обломки камней и галька, а кроме того, густая трава, корни деревьев и опавшая листва. Все это не искусственные преграды, не чей-то злой умысел, а собрано самой природой. Если ты найдешь глазок такого ключа, осторожно расчистишь его руками, не используя ни кетменя, ни лопаты, а потом напьешься из другого конца, где родничок снова свободно бежит по земле, то вкус этой кристально чистой и прозрачной воды, похожей на райский нектар, надолго остается во рту.

В Максуте много всевозможных достоинств. Перечислять все не имеет смысла. Однако его удивительные качества и редкий талант пока не раскрылись полностью, подобно тому, как пробивают себе дорогу хрустальные родники, о которых я говорил выше. Кто и когда расчистит источник его талантов, чтобы они зазвучали в полную мощь? Когда забурлит, начнет извергаться этот родник? Мне кажется верным обратить внимание сегодняшних и будущих друзей Максута, его соратников и коллег на самое главное свойство его натуры — чуткость и доброту.

Благодаря дарованным от природы способностям и таланту, Максут уже сейчас силен по части знаний и умений. Каких только сфер в искусстве он не освоил в силу своей увлеченности! Несмотря на то, что его дарования, как упомянутые родники в горах, все еще пробивают себе дорогу, он запросто во многом может посрамить таких, как я. В Максуте мне видится образ величественной горы. Если он не растеряет впустую природной силы своих чистых человеческих и гражданских качеств, я буду счастлив и безмерно рад. И это, дружище, самая что ни на есть искренняя правда!

Талдыкорган
5 сентября 1967 года".

Максут, мы тут с тобой беседуем, вспоминаем прошлое, а ведь ты к сегодняшнему дню уже успел поработать на таких ответственных и крупных постах, как генеральный прокурор нашего государства, председатель Верховного Суда Республики Казахстан, да и сейчас, слава Аллаху, занимаешь высокую должность — ректор Казахского гуманитарно-юридического университета, одного из крупнейших высших учебных заведений нашей страны. Являешься доктором юридических наук, имеешь звание профессора.

Конечно, тогда, 37 лет назад, я не предполагал, что ты поднимешься так высоко и будешь пользоваться таким авторитетом. Однако чувствовал твой природный потенциал и очень искренне изложил свои мысли на бумаге. Сегодня ты гордость не только рода Нарикбаевых, но и всех наших земляков, всего народа. И я считаю правильным, если на эту тему будет написан какой-нибудь серьезный, аналитический рассказ или новелла.

Максут: Да мы с тобой и так в ходе нашей нынешней беседы многое обсудили и вспомнили, обзрели и проанализировали переправы и перепутья нашей жизни. В связи с этим мне даже вспомнились замечательные строки Магжана Жумабаева:

*То мы ценим, что в былом:
Каждый кладом там владел.
Или задним жить числом
Человечества удел?
...Многим ли из нас дано
Новым в жизни дорожить?
Правда, кривда ль — все равно
Прошлым нам приятней жить.**

Да, похоже, и мне приятно вспоминать ушедшие годы!

* Перевод В. Антонова.

Ораз: Если так, то у нас, слава Богу, есть еще о чем вспомнить. С декабря 1968 года по ноябрь 1969 года мы с тобой вместе работали на областном радио. А потом тебя “сосватали” и забрали заведовать отделом культуры в Талдыкорганский районный исполнительный комитет. Эта должность как нельзя лучше соответствовала граням твоего таланта. Потому что в то время в любом хозяйстве района были замечательные коллективы художественной самодеятельности, ансамбли песни и пляски, а в колхозе имени XII партсъезда даже “Народный театр”, основы которого заложил дважды Герой Социалистического Труда Нурмолда Алдабергенов, кроме того, существовали студии юных талантов — и все это находилось в ведении отдела культуры.

Для того чтобы развивать их деятельность и направлять ее в соответствии с требованиями времени, как раз был необходим такой, как ты, хорошо осведомленный в искусстве человек, ищущий, инициативный и очень деловитый. Насколько помню, в то время в крупных населенных пунктах района действовали около 20 библиотек, 17 клубов, пять или шесть дворцов культуры, а культурную работу в небольших аулах и на чабанских стойбищах вели свыше 30 автоклубов и несколько красных юрт. Ты с азартом и усердием отдался новой работе. Потому как она была близка твоему сердцу, ты занимался любимым делом. Справедливости ради следует отметить, что за короткий срок ты добился того, что Талдыкорганский районный отдел культуры, который ты возглавлял, стал одним из лучших в области. Если наши коллективы художественной самодеятельности занимали призовые места на областных смотрах, то автоклубы, работающие на скотоводческих стоянках, выбились в лидеры в масштабах всей республики. Говорят, коли в человеке энергия бьет клю-

чом, то и дела его щедры на плоды. В те годы и зимой, и летом на дальние отгоны к скотоводам очень часто отправлялись автокараваны, организованные совместными усилиями райпотребсоюза, районных отделов здравоохранения и культуры и отделения общества “Знание”, и именно ты был одним из инициаторов и активным участником этого полезного начинания.

Отдельные коллективы художественной самодеятельности района приглашались в Алматы, выступали по радио, на телевидении и прославляли наш район по всем бескрайним просторам республики.

Однако, если твое начальство и коллеги высоко оценивали то, как ты, не зная сна и отдыха, целиком отдаешься своей работе, то самый близкий тебе в этом мире человек, твоя супруга Париха, по всей видимости, тебя не понимала, я прав?

Максут: *(Вместо ответа, он тяжело вздохнул.)*

Пойми меня правильно, друг. Я, конечно, не великий писатель Лев Толстой. Однако и мне довелось испытать то, что выпало на долю этого гениального человека. Одна лишь разница: с Толстым это случилось уже в пору старости, а мне пришлось пережить в самую горячую пору жизни, когда мне еще и тридцати не исполнилось. Наверное, ты помнишь, что, когда великий писатель, который всегда думал о нуждах и чаяниях народа, решил за бесценок, фактически даром раздать свои книги простым людям, его жена, прожившая с ним пятьдесят лет, проявила крохоборство и низменные черты характера. Удрученный ее поведением, Лев Толстой засомневался, уж не ошибся ли он когда-то, выбирая спутницу жизни, и ушел из дома. На основе этой истории один из самых сильных наших современных поэтов Мухтар Шаханов создал свое известное стихотворение “Теорема взаимопонимания”. И мне сейчас вспомнились строки оттуда:

явилась с неожиданной стороны и как бы вывернулась наизнанку. Последствия не заставили себя ждать: она ревновала тебя и к молоденьким девушкам, и к зрелым женщинам, похоже, контролировала каждый твой шаг. Для сомневающегося человека повод для подозрений всегда найдется. Посмотришь на кого-нибудь с улыбкой — кажется подозрительным. Подойдешь к кому-нибудь — тоже подозрительно. А на твоей работе никак без этого не обойтись. Ты ведь всегда был тесно связан с певицами, музыкантами, танцовщицами. То Париха заметит, как ты сидишь наедине с какой-то девушкой и мило болтаешь, то увидит, как примеряешь новенькую рубашку, сшитую специально для сцены, а то ее внимание привлечет, как ты с кем-то шепчешься и довольно смеешься. К тому же ты и сам, частенько неделями не бывая дома в связи со своими бесчисленными поездками и мероприятиями, разогревал появившуюся в ней ревность, заставляя ее цвести пышным цветом.

А кого пожалеет рассерженная, возмущенная женщина, в голову которой от ревности кровь ударила? Стоило только твоей бабушке невзначай сказать: “Что-то сынок наш дома стал редко бывать”, или матери поинтересоваться: “Где же он ходит?”, как твоя вспыльчивая женушка, и без того готовая с цепи сорваться, тут же взрывалась, бросая им в лицо грубые и жестокие слова. Наверное, с какой-то стороны, такой финал — закономерное явление.

Максут: Пусть и закономерное, но, если хотела что-то сказать, пускай бы мне сказала. Если вздумалось накричать, пусть бы на меня кричала. При чем здесь моя мать, которая ради меня сердце из груди была готова вырвать, при чем здесь бабушка, которой тогда было уже за восемьдесят и она вся тряслась от старости?! Обоих жестоко обидела...

Ораз: Ты прав. Кажется, это произошло, когда лето 1970 года уже перевалило за середину. Мы жили тог-

да в Карабулаке — административном центре Талдыкорганского района. Наш дом находился в самом центре города, как раз напротив почтамта. Если сделать шагов триста от нашего дома на восток, то попадешь к гастроному и универмагу, а дальше за ними тесно, стена к стене, располагались кинотеатр, библиотека, швейная мастерская, мебельная фабрика и электрическая мельница. А немного к югу от нашего дома стояли здания райкома партии, райисполкома и Дом культуры.

Ну а если сделаешь шагов триста в западную сторону, то дойдешь до базарной площади, бани и междугородней автостанции. То есть наш дом, словно пуп земли, находился в самом сердце райцентра — города с населением свыше 25 тысяч человек. Друзья, бывая у нас, всегда удивлялись: “Надо же, ваш дом расположен в самом удобном с любой стороны месте”.

Улица, на которой стоял наш дом, носит имя Героя Советского Союза Шестакова, с северной стороны ее пересекает улица Ленина, а с южной — Советская. Вы жили как раз на ней. Расстояние между нашими домами — приблизительно шагов сто.

В ту пору я работал заместителем редактора газеты “Жетысу шугласы” (“Заря Семиречья”). Был субботний день. Я ушел в библиотеку, а Хадиша отправилась на базар.

В библиотеке взял свежую подшивку газет и так углубился в чтение всевозможных новостей и материалов, что не заметил, как наступило время обеда. Только после того, как услышал перешептывание библиотекарей, сообразил, в чем дело, собрался и пошел домой.

Там меня ждал сюрприз. В центре комнаты, на самом почетном месте отдыхала на подушках твоя бабушка Гизатбану, которая к нам обычно не заглядывала без приглашения. Добрейшая, она тут же

встрепенулась, еще издали узнав мой голос. Расцеловала в обе щеки.

Ты все еще заведовал районным отделом культуры. Оба занимали достаточно беспокойные руководящие должности. Поскольку работа фактически целиком отнимала все наше время, мы с тобой уже давно не виделись.

Решив продемонстрировать твоей старенькой аже свое радушие и гостеприимство, я стал учтиво расспрашивать ее о здоровье, самочувствии, житье-бытье. Но она оставалась ко всему безучастной. Лицо грустное, глаза покраснели. Я же не умолкал, все продолжал громко сыпать вопросами.

— Аже-ау, вы же из дома редко выходите, боитесь заблудиться, как же сегодня-то нас нашли? — спросил, а сам стараюсь не смотреть ей в лицо.

Зря, наверное, спросил. Бабушка Гизатбану тяжело вздохнула и вместо ответа молвила:

— В старину кто-то сказал: “Если пастбище пригожее, разве архар умчится с него?” Так оно и есть, милый мой, — и она чуть не расплакалась.

Я обернулся к Хадише, та кивком дала мне понять, чтобы я больше ни о чем гостью не расспрашивал. Догадавшись, что у вас в доме произошло что-то неладное, я замолчал, лишь поинтересовался у жены:

— Чаем бабушку напоила?

— Напоила, айналайн, напоила, — ответила за Хадишу аже. — Найди мне Максутжана. Сколько уж дней он дома не появляется, непоседа! Пусть отвезет меня в Еркин. А если не найдешь его, сам отвези.

Я взглянул на часы — стрелка едва отошла от двух. Пошел на почту, позвонил оттуда тебе — возблагодарю Бога за удачу, ты оказался на месте. Я не стал резину тянуть, а сразу выложил:

— Эй, дружок, твоя бабушка у нас, приезжай скорей, разговор есть!

Ты не стал ни о чем расспрашивать, а лишь холодно ответил:

— Сейчас приеду!

Я заметил, что в голосе твоём прозвучала обида. Удивился и немного расстроился. Вернулся домой, тут Хадиша мне и рассказала, что произошло.

Хадиша: Я возвращалась с базара и увидела на дороге какую-то старушку с палочкой, которая пыталась поймать попутку в сторону Текели. Стоит, рукой машет и кричит в сторону проезжающих машин: “Остановись!” Самое ужасное, что, так как никто не останавливался, она чуть ли не на середину дороги вышла. Я испугалась, что бедняжку собьет какой-нибудь лихач, и поспешила к ней. Подошла ближе, а это, оказывается, бабушка Максута.

— Оу, аже, куда это вы собрались?

— В Еркин я, в Еркин еду! — отвечает.

— Так вы же не в Еркин, а в сторону Текели голосуете.

— Неужели, милая?

— Почему на автостанцию не пошли?

— А в какой она стороне, милая? Покажи мне, пожалуйста.

— Вы не узнали меня?

— Нет, хорошая моя, а кто ты?

— Я жена Ораза, друга Максута. Зовут меня Хадишой.

— А, так ты Хадиша— Иди сюда, доченька, дай я тебя поцелую.

— Пойдемте к нам, аже, там и решим насчет машины.

— Ой, милая! — только и успела она сказать и тут расплакалась, не в силах унять прорвавшихся всхлипываний.

У меня сердце зашлось от жалости. Взяла ее под руку и привела домой.

А дома нас ждали гости — две женщины из кол-

хоза “Жетысу”, Батима и Жамал. Они, оказывается, приехали на мельницу перемолоть зерно на муку, а так как очередь была длинная, решили выпить чайку у нас.

Батима — вдова нашего родственника Нокетая, а Жамал приходилась дочерью Оразбеку, старшему брату дедушки Максута Нарикбая, то есть его двоюродная тетка. Максут еще жил у нее, когда учился в нашей школе. Все шумно поприветствовали друг друга. Старенькая аже сама начала разговор, то ли в силу того, что возраст обязывал, то ли понимая, какое тягостное впечатление произвел ее удрученный вид.

Гизатбану: Милые мои, в жизнь наших детей, видно, шайтан вмешался, — призналась она. — Всю правду один лишь Аллах знает, только наш единственный наследник совсем дома перестал бывать, все отговаривается, мол, работа, работа. То, говорит, райком поручил в аул скотоводов съездить, то к сенозаготовителям послали, то ему надо объездить тока и дать концерты хлебоборам. Кто знает, наверное, это и в самом деле так. Но невестка ему не верит, считает, что он врет. Когда появляется, лицо ему готова расцарапать. Скандалит, ругается на чем свет стоит. Но одним скандалом дело не заканчивается, милые. В моменты ярости бьет мужа всем, что в руки попадет. Детей колотит. Посуду вдребезги швыряет. Даже занавески в порыве злости с окон сдергивает и ногами топчет.

Не знаю, может, все это ему надоело, только наш единственный ночевать дома стал редко. А из-за него я страдаю. Надо же на ком-то злость свою сорвать, вот несчастная женщина и выбрала меня козлом отпущения.

— И как же?

— Чуть что, орет на меня: “Ищи-свищи ветра в поле, пропал опять твой свихнувшийся внук!” А не-

сколько раз даже схватила что есть силы и оттолкнула.

— Сохрани Аллах!

— Это еще что, целых два дня еду в доме не готовила, чуть с голоду не уморила. Что делать, ведь я уже одной ногой в могиле стою, пошла к нашей русской соседке, выпросила полбулки хлеба да поставила самовар, так сноха аж из себя вышла: “Что, — орет, — старая хрычовка, жрать тебе захотелось, жажду решила утолить — на вот тебе, ешь, пей!” — и бросила мой хлеб собаке, а самовар пинком опрокинула.

Разве есть силы с ней тягаться, мне ведь уже за восемьдесят. Чем помирать такой позорной смертью, лучше вообще уйти, решила я, вышла на улицу, а там вот Хадиша, айналайн, сама меня узнала и в дом привела.

Ораз: И что же Батима с Жамал-апой?

Хадиша: А что они скажут — поохали-поохали да ушли.

Ораз: Едва Хадиша ответила на мой вопрос, как перед нашей калиткой остановилась машина-автоклуб. Конечно, это был ты, Максут. Сели пить чай, разговор еле клеился. Узнав, что произошло, ты понуро свесил голову, надолго предавшись грустным размышлениям. А когда снова поднял ее, из твоих поблескивающих глаз закапали слезы. Я весь проникся жалостью к тебе. Мне казалось, это не ты, не твои глаза, а само твое сердце плачет.

Максут: Ореке, я же просил оставить этот разговор...

Ораз: Ты уж прости, пожалуйста, меня, Максут, но на память мне пришла еще одна история, которая случилась полутора годами раньше. Это было время, когда ты только пришел на областное радио. Стояла середина января. Ты получил свой первый гонорар и, решив его обмыть, пригласил меня и нашего коллегу журналиста Ауельхана Жакибаева в кафе “Го-

лубой Дунай”, которое находилось в центральном парке отдыха. Хорошенько угостив и ублажив нас, пригласил к себе домой в аул Еркин, до которого от города было рукой подать.

В ту пору ни у Ауельхана, ни у меня своего дома в городе не было. Я приезжал на работу из Карабулака, а Ауельхан снимал в городе квартиру.

Когда мы добрались до твоего дома, солнце село, спустились густые сумерки, и почти стемнело. К вечеру повалил снег, мороз стал крепче, но, когда мы ввалились в дом в надежде согреться, огонь в печи еле теплился, и нам показалось, что внутри дома даже холоднее, чем на улице. Ни твоей бабушки, ни матери, ни детей не было. Из внутренней комнаты слышался голос Парихи, которая бранила тебя на чем свет стоит. Мы с Ауельханом переглянулись и решили молча выждать, чем все закончится. Ты прошел к Парихе, и мы услышали, как она ругается:

— Поди прочь туда, откуда пришел, несчастный! Знаешь ведь, что я болею, и все равно одни гулянки на уме! Хотя сдохну, тебя это не тронет!

Поскольку скандал разрастался и послышалась возня, я бросился к вам и увидел, что твой нос в крови. Оказалось, когда ты, предупредив, что с тобой друзья, решил ее успокоить и нагнулся, чтобы поцеловать в губы, Париха, точно разъяренная медведица, набросилась на тебя и расцарапала нос.

Ты схватил ее за ноги, а Париха, словно дикая кошка, вцепилась ногтями в постель — не подоспей я вовремя, ты бы ее опрокинул и швырнул о стену. Если б это случилось, голову бы ей точно раскроил, во всяком случае, сотрясение мозга было бы обеспечено. Я еле отцепил твои руки от нее, умаляя и упрямивая: “Ну, пожалуйста, только не сегодня, брат”, — и поскорее увел на кухню, где сидел Ауельхан. Ты злился, что не успел проучить ее, поэтому сердито буркнул:

— Зря ты вмешался, неужели не видишь, что она вытворляет?! — и погладил свой расцарапанный нос, на котором все еще выступала кровь.

В тот день, когда мы так неожиданно появились у вас, нам, конечно, не понравилась та озлобленность, которая возникла между вами. Как могли, принялись тебя успокаивать, мол, голодный всегда обидчив, а больной человек раздражителен. Ты к нам прислушался и, надо отдать должное, впоследствии никогда больше сор из своей избы не выносил.

Следует быть справедливым, Париха в тот день и в самом деле выглядела больной. Я сразу это понял, когда вошел в комнату, привлеченный шумом скандала: губы у нее высохли и потрескались, на щеках яркий, нездоровый румянец — по всему было видно, что у нее жар. Несмотря на это я на Париху сильно обиделся. Как бы она ни злилась на тебя, могла бы хоть в тот день сдержаться — не на людях же скандал устраивать? Я страшно расстроился, потому что перед моим мысленным взором невольно всплыли те дни, когда вы находились “под прицелом” каражановской шайки, когда они вас всюду подкарауливали, вспомнилась и медовая пора вашего сладкого счастья, которому я сам был свидетелем. “В девичестве все хороши, откуда ж берутся сварливые бабы?” — вспомнил я народную поговорку. Но самое главное, меня охватили жалость и отчаяние, оттого что не оправдались твои самые чистые и светлые надежды. Я не стал давать тебе никаких советов. Лишь только подумал: “Хорошо еще, если хуже не будет. Отчего так изменилась Париха? Что с ней происходит? Как понимать ее выходки?..” Так и ушел, ища ответы на бесчисленные вопросы...

Максут, чтобы наш разговор не получился предвзятым, давай еще разок обратимся к записанным мною воспоминаниям Парихи?

Максут: Я не против. Лишь бы она честна была.

Париха: Из уст народа вышли мудрые и точные слова: “Без горя сердце не плачет”. Максут, который в свое время мои печали пропускал мимо ушей, в конце концов сам себя вывел на чистую воду и оплатился за это. А дело было так. Уже прошла большая часть лета, приближалась осенняя пора. Как-то совершенно неожиданно к нам домой в официальном порядке спешно прибыл сотрудник райисполкома. Я едва успела подумать: “Наверное, Максута ищет, что же мне сказать ему?”, как этот парень быстро, без пауз, затараторил:

— Тате, не сказать вам мы не можем. Только что из Алматы пришла неприятная весть. Машина, в которой ехал Максут-ага, попала в аварию. Его увезли в реанимацию одной из городских больниц. Меня к вам отправил председатель райисполкома. Если хотите поехать, собирайтесь — машина на улице ждет.

На мгновение я лишилась способности мыслить, потеряла дар речи и впала в полуобморочное состояние, будто в меня ударила молния. Потом в голову внезапно пришла пословица: “Лиса, что слишком долго петляет, рискует шкуру потерять”. Но тут же подумала: “Наверно, авария серьезная, раз лежит в реанимации, похоже, он в тяжелом состоянии. Будь что будет, поеду, если захочется, поговорим, а нет, так хотя бы просто увижу его. Пусть это будет моим последним долгом в нашей семейной жизни”. Быстро собралась и вышла к машине.

По дороге спросила у того парня из райисполкома:

— Кто с ним рядом был? В каком они состоянии?

Но, похоже, он был из тех, кто привык держать язык за зубами. Ответил скользко:

— На месте все увидим и узнаем, тате. А сейчас нам и самим ничего не известно, кроме того, что Максут Султанович пострадал в тяжелой аварии. Председатель меня и отправил для того, чтобы я выяснил все подробности случившегося.

Я и до этого знала, что в подобных случаях работники районного комитета партии и райисполкома держат рот на замке, поэтому больше не стала надоедать своему провожатому вопросами. Однако чего я только ни передумала, пока мы до Алматы добрались. Когда приехали в больницу, выяснилось, что Максута еще утром перевели из реанимации в обычную палату. Сначала мы зашли в ординаторскую, чтобы узнать у врачей о его состоянии.

Происшествие случилось в субботу вечером, когда машина, спускаясь с Медеу, только выехала на проспект Ленина. Две девушки, находившиеся в автоклубе, скончались на месте. Еще один, кроме Максута, джигит, сидевший за рулем Муратбай, отделался легкими ушибами, его не госпитализировали, а сразу привлекли к ответственности.

Едва услышав о том, что Максут был с девушками, я вся сжалась в комок, и в меня словно бес вселился. “Не погиб, так пусть провалится к чертям собачьим!” — не вслух сказала, лишь подумала, но в лице сразу изменилась, а на сердце стало холодно. Мне уже совсем не хотелось заходить к нему в палату, я повернулась, чтобы уйти, однако где-то в глубине души мелькнула мысль: “Да где же твое милосердие, он ведь покалеченный лежит?!” — и я остановилась как вкопанная. Мой провожатый, видимо, хорошо понял мое состояние, потому что сказал:

— Из такой дали приехали, тате, было бы неправильным с нашей стороны не зайти и не увидеть собственными глазами его состояние. Понимаю, что вам это нелегко. Но сейчас нет ничего благороднее, чем простить, — и тихонько подтолкнул меня в сторону палаты.

Максут лежал в просторной двухместной палате. На его лице от виска к щеке тянулась свежая рана, на которую наложили шов, закрытый пластырем. Поверх повязки выступила ярко-красная кровь, по-

хоже, рана была широкой и глубокой. Я не дошла до его кровати пару шагов и остановилась.

Хотя, с одной стороны, в душе переживала за него, но из-за того, что он мне изменил или намеревался изменить, из-за его предательства, из-за того, что продал меня “за тридцать серебряников”, я не смогла оттаять сердцем. С места не двинулась и, сверля его глазами, холодно сказала:

— Теперь я никогда уже не смогу тебя поцеловать. Похоже, дела твои не так уж плохи, остальное расскажешь, когда поправишься. Прощай! — и тут же вышла.

Максут: Так и было. В больнице я провалялся примерно месяц, а когда выписался и приехал домой, Париха уже начала бракоразводный процесс и подала заявление в суд. Через два-три месяца суд на основании ее заявления расторг наши семейные узы. Таким образом, мы распались как семья в законном порядке.

Вообще за пятнадцать лет супружеской жизни с Парихой мы девять раз расставались и девять раз сходились снова. После развода в суде около двух с половиной лет жили отдельно, но потом по моей инициативе снова сошлись ради детей. Однако склеить то, что разбилось, по-видимому, невозможно. Разумеется, в семейной драме редко бывает виновной одна сторона. Определенную долю вины я с себя тоже не снимаю...

Ораз, я ведь не хотел, а ты вынудил меня опять заговорить о Парихе. Давай теперь раз и навсегда закроем эту тему. Ты лучше дай слово Касие, мою любимую Касию послушай.

Ораз: И то верно.

Максут: Ну а я, пока не стемнело, набросаю на бумаге этот прекрасный вид горного склона перед нами.

Ораз: Максут, пейзаж ты еще успеешь нарисовать, тебе бы тоже надо душу раскрыть, иди сюда, сядем с

двух сторон от Касии и втроем побеседуем, согласны?

Максут: Касия, ты слышала, как на это смотришь?

Касия: Неужели только вдвоем все время беседы вести будете — конечно, и мне хочется к разговору подключиться.

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ В ГОРАХ

Ораз: Касия, уединившись на отдыхе в горах и воспользовавшись таким удобным случаем, мы с Максутом, подойдя к возрасту свыше шестидесяти лет, даем друг другу отчет о прожитой жизни, если на то пошло, даже сами перед собой отчитываемся. Ты и сама знаешь, что мы бережно храним и поддерживаем свои дружеские отношения еще со времен отрочества и ранней юности. И теперь в своей беседе вспоминаем об ушедшем, рассуждаем о дне нынешнем. Как только стали ворошить прошлое, оказалось, ничего нами не забыто. Наша жизнь была далека от однообразия и монотонности, наоборот, наполнена бурными переменами; мы росли бедовыми и отчаянными, в борьбе и схватках, но постепенно, с возрастом, полная противоречивых поворотов жизнь вошла в спокойное и мирное русло. Одно из ярких тому доказательств в жизни Максута — это то, что он, окончательно разойдясь со своей прежней супругой Парихой, соединил свою судьбу с твоею. Обычно семейный мужчина, который по тем или иным причинам расстался со своей женой, ищет себе спутницу жизни среди разведенных женщин или старых дев. Максуту же приглянулась молоденькая девушка, которая ни разу не была замужем и пока не выпорхнула из родительского гнездышка. Он протянул ей руку и сердце. Этой девушкой была, конечно, ты, Касия. В связи с этим мне невольно приходят на па-

мять великие слова вождя индийского народа Махатмы Ганди: “Любовь — удел человека с отважным сердцем”. А еще вспоминается строчка из наследия русского поэта Александра Блока: “Зрелой любви неведом страх”. Нет никаких сомнений в том, что встреча Максута с тобой на тридцать пятом году жизни — это любовь осознанная, особенная.

Теперь расскажи сама, как вы познакомились, как поженились?

Касия: Я родилась 24 июля 1950 года в ауле Ша-лабай Чарского района прежней Семипалатинской, а в настоящее время Восточно-Казахстанской области. Мой отец — Кадыр Уалиулы, теперь уже покойный. По происхождению он из аргынов, конкретнее, из рода тобыкты. Моя мать Батима (ее настоящее имя — Фатима) родилась в окрестностях Семипалатинска в 1918 году. Она на два года младше отца и тоже из аргынов — из ветви мамы-тобыкты. Всего нас у родителей было девять детей. Сейчас живы только пятеро. Самая старшая из нас — Галия (полное имя, которое ей дали во время старинного обряда наречения, — Калымбуби). Между ней и мною родились еще четверо детей и все четверо ушли из жизни в детском возрасте. Так что ныне я по старшинству вторая после Галии. А дальше следуют наши младшие — Мария, Кумарбек и Баян.

С первого по восьмой класс я училась в школе в своем родном ауле. А 9-10 классы окончила в Алматы, в средней школе № 12. Жила под опекой своей старшей сестры Галии. В то время они с семьей арендовали дом, принадлежащий одному русскому хозяину.

В 1968 году я поступила на экономический факультет местного политехнического института. На вступительных экзаменах набрала сумму в 14,5 баллов. По условиям тех лет такой показатель давал мне право учиться в таких крупных, центральных горо-

дах Советского Союза, как Москва и Ленинград. Я выбрала для себя Московский технологический институт легкой промышленности. После пяти лет учебы в Москве приехала работать в Алматы, на обувную фабрику “Жетысу”, потому что полученная мною в институте специальность была связана с изделиями кожаного производства. Устроилась на фабрике производственным мастером. Через полгода меня перевели начальником заготовительного цеха.

Первое время я трудилась в филиале фабрики, который располагался недалеко от Алматы в селе Покровка (на ГРЭСе), а позже стала модельером конструкторского бюро на головном предприятии уже в столице.

Максут: А познакомил нас с Касией наш земляк — поэт Сакен Иманасов.

Касия: Максут, наверное, правильнее будет сказать, Сакен с Ботагоз.

Ораз: Знаешь, Максут, я бы никогда в жизни не поверил, что Сакен, такой видный поэт, который всегда держится с заметным достоинством, далек от суеты и мелких хлопот, вдруг выступил в роли “свахи”, познакомив молодого мужчину с девушкой на выданье, особенно, если бы об этом сказал мне только ты. Однако к твоим словам присоединяется и сама Касия, поэтому мне ничего не остается, как поверить вам. Может, расскажете об этом поподробнее, хотя бы немного?

Максут: Когда я работал в городской прокуратуре Талдыкоргана, мы с Сакеном жили по соседству в одном доме во втором микрорайоне.

Потом Сакен переехал в связи с переводом на новую работу в Алматы, я же после развода с женой устроился адвокатом в Аксуйском районе. Но сколько можно оставаться одиноким — постепенно укрепился в мысли попытать свое счастье снова, ведь, слава Богу, еще не старик, годы пока не согнули, на земле

стою твердо. Сакен тем временем, вернувшись после учебы в Москве, жил с молоденькой девушкой по имени Ботагоз. Если мне выпадало приезжать из своего дальнего района в Алматы, я обязательно заглядывал к ним. Этой традиции не изменил и в очередной свой приезд в столицу. Шла последняя неделя 1974 года. Соскучившись, я поспешил к Сакену с Ботагоз, чтобы поздравить их с приближающимся Новым годом, а у них в это время гостила незнакомая мне девушка — красавица, ну прямо глаз не оторвать. Сакен нас познакомил. Это была Касия. Она и Ботагоз оказались подругами, вместе учились в Москве.

Ораз, поверишь этому или нет, дело твое, но, знаешь, во мне словно проснулся лев, который спал где-то в глубине сердца: в душе поднялась настоящая буря, и почти молниеносно я оказался во власти сильного, вихрем меня закружившего чувства. Я будто заново родился, было такое ощущение, словно в моей груди впервые раскрыл свой бутон цветок любви. “Удивительно, как непредсказуемо чувство — нахлынуло, будто светлый дождь!” — подумалось тогда мне. Я явственно ощутил, что вновь заболел недугом любви.

Помнишь то стихотворение Касыма Аманжолова, которое нам спел Каришал Асанов? Вот и я теперь сидел напротив Касии и повторял про себя:

*Не смотри на меня, не сверли меня взглядом!
Шаловливое чувство пробудишь в душе, —*

потому как робел встретиться с ней глазами. Но разве избежать этого, если за одним дастарханом сидит считанное число людей? Стоило только молодой незнакомке, державшейся очень учтиво, скромно и воспитанно, подать голос, как искры вспыхнувшего чувства тут же разгорелись и забушевали ярким пламенем. Все во мне пылало, сердце бешено колоти-

лось, я заметался, поняв, что окончательно попал в капкан к этой очаровательно нежной чернوبرовой брюнетке.

Ораз: *Нас страсть любви влекла к заветной цели:
Промчатся стайкой юные газели —
И первобытный волк уж рвется из груди,
Он в нас охотников нежданно пробудил... **

Максут: Точно! И, знаешь, что любопытно, в глубине моего сердца тоже вдруг зазвучала поэзия, и строки стихов стали рождаться одна за другой. Причем не на казахском языке, а на русском. Возможно, на это оказала впечатление лирика Байрона, Гёте, Пушкина, Лермонтова и Есенина, которую я очень любил и мог многое прочесть наизусть. Поэтические строфы лились сами собой, и я стал их тут же записывать, а когда закончил, волнуясь, вручил прямо в руки Касие.

Ораз: Это стихотворение сохранилось?

Максут: К сожалению, нет. Во время нашего переезда потерялись и эти стихи, и несколько других моих рукописей, в том числе и известная тебе повесть “Следствие”. Но содержание я помню. Оно довольно сильно перекликается со стихотворением, принадлежащим перу выдающегося древнеиндийского поэта Тулсидаса:

*Я клятву дал — тебя любить,
На том стою,
Чинить препятствия тому
Никто не в силах.
Ничто не сможет погасить любовный пыл,
А сердцу охладеть к тебе душа не даст.
Любовь моя, сравненья нет тебе,
Преград не знает любящее сердце.
И не лукавя повторять готов:*

* Стихи Т. Молдагалиева. Перевод М. Жанузаковой.

*Любовь к тебе
Навечно в моем сердце!
Тебя воистину люблю
И лучше жизнь отдам,
Чем чувства светлые
Позволю оскорбить врагу.**

Вот так состоялась наша первая встреча.

Касия: А Сакен-агу я знаю еще с Москвы. В 1968 году, когда училась на третьем курсе Московского технологического института легкой промышленности, я познакомилась с Ботагоз, которая приехала из Кентау и тоже поступила в наш институт. Земляки, встретившиеся на чужбине, всегда испытывают друг к другу по-настоящему родственные чувства, вот и мы с Ботагоз довольно быстро подружились и стали близки, как сестренки.

Приблизительно в то время, когда Ботагоз окончила первый курс, она повстречалась с Сакеном Иманасовым, приехавшим в Москву по направлению Талдыкорганского областного комитета партии на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Их знакомство впоследствии завершилось женитьбой, и мы продолжали тесно общаться уже втроем. Потом у них родился сын — Арман. Я тогда очень поддерживала Ботагоз: старалась быть чуткой, давала добрые советы, чем могла, помогала. Ботагоз этого не забыла, и, когда они с Сакеном вернулись в Алматы и снимали здесь квартиру, очень часто зазывала к себе в гости. “Не увидишь — не попробуешь”, — говорят; вот так и получилось, что в один из дней, когда они снова пригласили меня к своему дастархану, я встретила у них с Максутом.

Ораз: А знаете, что сам Сакен успел написать воспоминания на эту тему? Здесь немного, давайте я вам зачитаю:

* Перевод А. Дюсембаевой и Е. Исмаилова.

“...Четверть века тому назад я работал в Талдыкорганском областном комитете партии. Более престижно-го, более солидного по своей значимости учреждения в области не было, поэтому и знакомые, и незнакомые — все относятся к тебе с почтением, проявляют особую любезность и уважение. Постепенно ты к этому настолько привыкаешь, что даже не замечаешь, когда окружающие начинают перед тобой заискивать и осыпать лестью.

Однажды на нижний этаж под нашей квартирой переехал джигит по имени Максут. Оказалось, он работает старшим следователем в городской прокуратуре. Мы издавна немного знали друг друга. Максут родом из аула Еркин, что под боком у города. Раньше возглавлял районный отдел культуры, активно занимался журналистикой, некоторое время работал в областном радиокомитете. Поступил на заочное отделение юридического факультета Казахского государственного университета и вот теперь перешел на новую работу, согласно выбранной специальности.

Мы жили на третьем этаже.

После вечернего чая я, потягиваясь, вышел на балкон, а снизу меня заметил Максут и предложил:

— Саке, спускайтесь вниз, давайте немного прогуляемся. Я тут же переоделся и вышел во двор.

С того самого вечера мы завели ежедневную привычку неразлучной парочкой обходить ближайшие окрестности города, совершая длительные пешие прогулки.

Максут младше меня на два года.

Нам было немногим больше тридцати — самая активная и горячая пора. Разницы в возрасте не чувствовалось, а тем для интересных бесед было хоть отбавляй. Как говорится, скажи только “а”, и “б” не преминет последовать; один начинал, другой тут же подхватывал, и мы подолгу задушевно беседовали. Большей частью, конечно, по своему обыкновению говорил я. Максут не столь разговорчив, больше слушает. Ну а если заговорит, какой бы ни была тема беседы, никогда

не теряет ее нить, последовательно ведет к сути, умело вовлекая в разговор своего собеседника, а далее завершает сам, подведя сказанное к логическому концу. Я не из тех, кто заводит знакомство с людьми ради их чинов и положений в обществе, если душа их пуста, а в глазах не горит огонек. У Максута же, как я сразу заметил, натура широкая. “Низкопоклонства, лицемерия и лжи в нем нет — щедрое сердце”, — подумалось мне. Ну а те самые беседы, которые мы часто вели между собой на прогулках, нас накрепко спаяли, и очень скоро мы стали тесно общаться уже семьями, став по-настоящему дружными соседями и задушевными друзьями, настолько близкими, что, как говорят казахи, волосок меж нами не проскользнет.

Скрывать тут нечего, на это наше прочное сближение больше влияния, чем я, оказал Максут. Он сам тянулся к людям и всех к себе притягивал. По-моему, это было его настоящей потребностью. К тому же меня восхищала его удивительная особенность собирать вокруг себя симпатичных ему людей и то, с какой сердечностью он ко всем относился. У него самого было немало друзей, но, помимо этого, он словно создан был стать связующим звеном между другими, знакомил нас друг с другом, способствовал нашему сближению и сплачивал свое окружение.

Работая впоследствии адвокатом в Аксуйском районе, Максут постоянно навещал меня и в Алматы. По какой причине он не говорил, а я и не допытывался, но со своей первой женой Максут разошелся и женился на девушке по имени Касия, с которой его познакомил непосредственно я. И на этот раз он не дал повода для досужих разговоров, не стал ударяться в долгие ухаживания, а со свойственной ему решительностью сразу сделал предложение и увез девушку в Аксу”.*

* С. Иманасов “Қаламдастарым мен замандастарым” (“Мои современники и коллеги по перу”) — А., Казахстан, 2001, стр. 127-129.

Касия: Итак, наше знакомство с Максutom состоялось в конце декабря 1974 года, и произошло это в доме Сакен-агая и Ботагоз. Через неделю мы договорились пожениться. В то время моему отцу было почти шестьдесят лет, он начинал стареть. К тому же был инвалидом Великой Отечественной войны первой группы. Жили тогда родители в селе Джандосов Каскеленского района Алматинской области.

Свое решение выйти замуж я не стала скрывать ни от своих родителей, ни от старшей сестры, ни от коллег. Если родители этому порадовались, то сестра заупрямилась и никак не соглашалась. Даже заточила меня на несколько дней под домашний арест и наружу не выпускала.

Девушки и женщины с моей работы тоже были против того, чтобы я выходила замуж. Но если сестру пугало то обстоятельство, что Максут был в прошлом женат и у него есть дети, то мои коллеги говорили о том, что приближалась моя очередь на получение квартиры и уезжать было бы с моей стороны неразумным.

В конце концов я проявила характер, не послушалась ни сестры, ни подружек с работы. Поскольку Максут был выбором моего сердца, то к зову своего сердца я и прислушалась. Поэтому 6 января 1975 года я присоединилась к Максуту и вместе с ним уехала. Он прибыл за мной не один. Рядом с ним был Толеубай Ахмадиев, заведующий юридической консультацией Аксуйского района, где работал адвокатом и сам Максут. Он проводил нас прямо до дома матери Максута в ауле Еркин.

Честно скажу, Зинаш-апа встретила меня холодновато. Может, считала, что я слишком молода, или же жалела двух своих любимых внуков — Асхата и Лору, во всяком случае, выглядела расстроенной. Однако женщины аула, как и положено, разбросали передо мной шашу, а затем, по обычаю, повязали мою голову белым платком.

Я же твердо про себя решила не роптать и стойко принять все трудности, которые выпадут на мою голову. Через несколько дней мы с Максutom уехали в город Джансугуров — административный центр Аксуйского района. Здешние коллеги Максута встретили нас с необыкновенной теплотой и проявили заботу. Очень быстро они организовали для нас жилье. Вот так и началась наша совместная супружеская жизнь.

Максут: В завершение не стану скрывать и еще одно обстоятельство. Уже на следующем после нашего знакомства свидании я ребром поставил перед ней вопрос: “Как, выйдешь за меня замуж?” Да, все это было так.

Касия обдумывала мое предложение несколько дней, в конце концов, должно быть, как она и сказала, 6 января 1975 года, я, по обоюдной договоренности, ее “умыкнул”. Конечно, все заранее было согласовано.

Отец Касии Кадыр, услышав, что мы хотим пожениться, сказал:

— Доченька, в старину говорили: “Найдешь ровню — отдай даром”, поэтому, если он тебе нравится и ты ему веришь, больше ничего не требуется. Я не из тех стариков, что питают надежды на калым. К тому же у этого парня, похоже, уже имеется семейная “история”. Однако я не вижу необходимости придавать этому значение. “Нет человека, который не ошибается, нет коня, что не спотыкается”, — считали наши прадеды. Наверное, джигит, обманувшись по молодости, совершил необдуманый шаг на той большой дороге, что называется жизнью. Чего только не выпадает на долю мужчины, через какие только испытания он не проходит. Судя по работе, на которой он сейчас трудится, верю, что он выбрал светлый и праведный путь. Человеческое сердце тонко чувствует и хорошее, и плохое, думаю, и твое сердце

что-то тебе подсказывает, поэтому твой выбор не противоречит дедовским обычаям и сродни той дороге, что прошли все наши матери. Да соединит вас Аллах, будь достойной супругой, пусть сбудутся твои надежды, дочка! Воздай должное прошлому, обрати свои мечты к будущему и крепко держись за мужа!

Получив благословение, мы в самом разгаре зимы выехали из Алматы ко мне на родину — в заметенный снегом аул Еркин на берегу реки Каратал. Касия только что сама рассказала, как мы побывали у моей матери, а 21 февраля, накануне Дня Советской армии, мы зарегистрировались в административном центре Аксуйского района городе Джансугурове. Моим дружкой был судья Кенес Ильясов, ты его, Ораз, знаешь. Первое время после свадьбы жили в гостинице.

Конечно, я не стал ничего скрывать от Касии и еще в начале нашего знакомства признался, что рано женился, имею сына и дочь. Кроме того, сказал, что никого, кроме матери, у меня нет, поэтому, если сумеет завоевать ее сердце, всю жизнь на руках носить буду.

Примерно около года я был адвокатом в Аксуйском районе. У любой работы наряду со своими сложностями бывают и интересные стороны. Я к своим служебным обязанностям относился с огромным вниманием и усердием. Мои коллеги хорошо знают, что адвокатская работа требует глубокой и всесторонней образованности, ораторского искусства, понимания законодательных тонкостей, умения вести официальную переписку на хорошем уровне. Что касается последнего, я всегда старался вовремя, без опозданий, не откладывая на потом, готовить заявления, ходатайства и прочие бумаги, связанные с любым рассматриваемым делом, которые необходимо было направлять в областную коллегия адвокатов. Поскольку от этого зависит судьба конкретного человека, долг адвоката — донести свои мысли толково, последова-

тельно и убедительно. А для этого крайне необходимо умение писать грамотно и достойно. Но этот дар дается далеко не каждому. Должно пройти достаточно много времени, и ты вынужден будешь исчерпать не одну сотню бумажных листов, чтобы освоить технику и культуру такого письма. Подобно другим моим коллегам, я не стал быстро, в один присест, строчить сопроводительные бумаги, а относился к себе со всей строгостью, переписывая каждое заявление по нескольку раз, тщательно их правил, дополнял, отшлифовывал. И не раз за это удостоивался похвалы в свой адрес со стороны не только вышестоящего начальства, но, самое главное, от благодарных поздравительных и своих клиентов.

Однако моя “писанина” крайне раздражала судью нашего районного суда. Дело в том, что мои заявления и прошения были в основном связаны с правильностью или ошибочностью судебного вердикта, а придаться к ним, в силу моих стараний, было практически невозможно, поэтому довольно часто областной суд поддерживал меня и отменял решение нижестоящего суда.

Однажды по обыкновению я задержался в кабинете после рабочего дня, чтобы написать необходимую служебную бумагу. Неожиданно ко мне ввалился наш районный судья. Разве он не человек — всякое бывает, чувствовалось, что он слегка “принял”. Подошел ближе и, встав над душой, ехидно спросил, стараясь задеть:

— Что, очередное заявление сочиняешь?

Сразу решив не вилить, я твердо ответил:

— Такая уж у меня работа, басеке*.

Но судья на этом не успокоился и, повысив голос, заметил:

* Б а с е к е — уважительное от “бастык” — “начальник”; в данном случае — с иронией.

— Заявление заявлению рознь. Как вообще ты себя чувствуешь после того, как вместе со служебными бумагами еще и “прочее” строчишь? — Под конец он перешел на крик. Выхватил лежащие передо мной листы и разбросал, не став даже читать. — Если я сяду строчить “заяву”, то и у меня найдется что написать. “Не плюй в колодец, из которого еще придется напиться”, — слышал такую поговорку?

— А если не слышал?

— Тогда есть другая: “Медведя намазу научит палка”, — и он с силой схватил меня за ворот рубашки.

Я понял его подлое намерение спровоцировать меня и, еле сдерживаясь, призывая себя к спокойствию, воскликнул:

— Ну, вперед, ударьте теперь меня! Посмотрим тогда, что дальше будет!

— Бей первым! — парировал судья, глядя на меня полными злобы глазами.

Я стряхнул его руку с ворота и, встав прямо перед ним, вызывающе сказал:

— Это ведь вы пришли на мое рабочее место в нетрезвом состоянии и затеваете скандал, ну так давайте, начинайте драку! Вы и годами старше, и должностью выше — ваше право быть первым.

Видимо, он понял, что я настроен решительно, и слегка оробел.

— Я не такой, как ты, не повинен в гибели несчастных девушек и партбилета за это не лишался! — крикнул он напоследок и вышел из кабинета.

Эта стычка заставила меня крепко задуматься. Своими словами о гибели несчастных девушек судья прямо указывал на тот случай, когда мы, возвращаясь с Медеу, попали в аварию. Для человека, который хочет очернить и смешать с грязью, факт более чем достаточный. Прав он и в том, что меня исключили из партии как участника трагического происшествия. Поэтому я должен был решить эту про-

блему: не уповать безропотно на волю Аллаха, а полностью себя реабилитировать и снова вступить в ряды коммунистической партии.

В конце того года я перевелся на должность адвоката Кировского района — ныне это Коксуйский район. На новой работе у меня сложилась хорошая репутация. Но самое главное здесь я обрел новые силы и стойкую целеустремленность, что послужило толчком к моему будущему. А подвигла меня на это, между прочим, Касия. Да-да, вот эта моя Касия! Пусть она сама обо всем расскажет.

Касия: Максут тогда работал адвокатом в Кировском районе. Однажды из Алматы позвонил Каришал-агай и сообщил, что у них намечается большое радостное событие. Пригласил приехать. Мы его намек поняли. Он ведь в городе живет, а в то время главной проблемой было достать мясо, поэтому мы быстренько эту проблему решили, взяли побольше мяса и стали собираться в дорогу. За день до отъезда выяснилось, что у товарища Максута, нашего соседа врача Турсуна, с которым он в последнее время особенно сблизился, день рождения, и праздновать его собираются в ресторане. Турсун с женой специально пришли к нам домой, чтобы пригласить нас с Максутом к праздничному дастархану. Что делать — “Нельзя доброго друга обижать”, — решил Максут, отправил меня в Алматы одну, а сам остался.

Когда я добралась до дома Каришал-агая, Нурия-женгей вовсю хлопотала над праздничными блюдами и очень обрадовалась, что я привезла так много мяса. Каришал-агай аж прибежал на кухню и осыпал меня благодарностями. Спросил о Максуте, я ему все объяснила. Но на этом их интерес к Максуту закончился.

Была суббота. К двум часам дня стали собираться приглашенные гости. В их числе и тогдашний первый секретарь Алматинского обкома партии Кенес

Аухадиев, доктор химических наук Едиль Ергожин с женами и другие. За столом мне досталось место рядом с Едилем Ергожиным. Каришал-агай принялся знакомить присутствующих друг с другом, сначала, как и положено, представил лестными словами самых почетных гостей с супругами, которые сидели во главе стола, потом перешел к остальным. Обо мне же не сказал ни слова. Максут тоже был забыт. От смущения и неловкости щеки мои заалели. Но я старалась не выдать настроения и призывала себя успокоиться. Возможно, он еще представит меня, когда подвернется удобный момент, думала я, но и эта надежда постепенно улетучилась.

Мне тогда еще и тридцати не исполнилось, я была молода и, не скрою, очень привлекательна. Заметила, что мужская половина гостей то и дело бросает во мою сторону косые взгляды и внимательно разглядывает. Но люди-то все-таки культурные: сидящий справа Едиль Ергожин повел себя очень галантно — все время любезно ухаживал за мной, подкладывая в тарелку зелень, салаты, холодную закуску, подавал фрукты и ягоды. Его жена Зинат-женгей, заметив, что муж слишком ко мне внимателен, начала ревновать. Это даже по ее репликам ощущалось. Когда застолье прервали на первый перерыв, день уже клонился к вечеру. “Чем сидеть здесь лишенной внимания, не удостоившись даже чести быть представленной, лучше вообще уйти”, — решила я и стала быстро украдкой одеваться. Но это заметила Нуриля-женгей:

— Ой, что это ты надумала, куда собралась, может, заночуешь у нас?

Однако агай даже слова не вымолвил. Я ушла. Добравшись до автовокзала, села в такси и уехала в сторону Талдыкоргана — в Кировск (ныне город Балпык), где мы тогда жили. Максут все еще не вернулся домой со дня рождения. Тогда я отправилась пря-

мо в ресторан, где отмечали это событие. В момент моего появления той был в самом разгаре, так что я, как говорится, попала прямо с корабля на бал и сразу включилась в шумное веселье. Чтобы подавить в себе злость, с которой вернулась из Алматы, снова и снова шла танцевать. Через некоторое время скинула с ног туфли и продолжала плясать. Аж вспотела вся. Но злость не проходила. Тогда я отвела Максута в сторону и попросила:

— Поехали домой!

Ничего не понимая, он удивился:

— Да что с тобой случилось, посиди еще чуть-чуть, и так уже скоро закончится.

Но я настояла на своем, и около полуночи мы уехали домой. Как только вошли в дом, я подробно рассказала Максуту о своей обиде на Каришал-агая и Нурилю-женгей.

— Они меня даже взглядом не удостоили, все свое внимание сосредоточили только на мясе и других продуктах, которые я привезла. Не заметила, что и ты им нужен. Могли бы хотя бы сказать, мол, в родных краях есть у нас братишка, сам он не смог приехать, а вот невестку нашу отправил. Но и это посчитали излишним. Другими словами, они просто оскорбили нас. Ну, скажи сам, разве можно с этим мириться, разве можно сносить подобные оскорбления?! — возмутилась я.

Максут не спеша выслушал меня, не стал тут же вставать на мою сторону либо винить старших, кое-что уточнил, подумал немного и, не решившись говорить о них плохо, предположил:

— Они ведь люди пожилые, видимо, растерялись в суете и забыли, ничего страшного не произошло, на первый раз простим.

— Нет, — заупрямилась я, — мириться с таким, прощать такое нельзя. Это самое что ни на есть открытое оскорбление. Все могу простить, но забыть

то, что меня оскорбили, что растоптали мою честь, я никогда не сумею. Я дала себе клятву доказать им, как они были неправы. Ты мне в этом поможешь. А помощь твоя заключается в том, что ты должен расти от должности к должности!

Большую цель только так и нужно перед собой ставить. Слава Аллаху, ты не бездарная серость без образования. Видит Бог, своей интеллектуальностью и знаниями, своими способностями, талантом и другими достоинствами, своей работоспособностью ты выделяешься не только среди своих сверстников, но и во всем своем окружении. Тебе только целеустремленности не хватает. Если на то пошло, ты не просто каким-то областным судьей, а министром вполне можешь стать. В первую очередь ты должен познать и понять себя. Тебе необходимо задействовать всю мощь и энергию своего таланта, иначе и перед Богом, и перед матушкой-природой ты останешься в долгу. Если поставишь перед собой цель и будешь к ней стремиться, добьешься огромных успехов, я в этом абсолютно уверена! Вперед, Максут! Не знаю, как остальное, но сегодняшнее унижение ты только тогда с меня снимешь! Между прочим, о твоём таланте и твой ближайший друг Ораз говорил, и он тысячу раз прав, — вот так я его старалась воодушевить.

И за что я буду Максуту искренне благодарна, так это за то, что начиная с того самого дня он круто изменился. Резко прекратил прежнее бестолковое времяпрепровождение за картами, гулянками, выпивкой и прочими пристрастиями и стал готовить себя к завоеванию новых вершин.

Подал заявление в районный комитет партии и восстановил свое членство. А вскоре был избран судьей Каратальского района.

НЕ УПУСТИ СВОЮ УДАЧУ!

Ораз: Похоже, друг, неразумность молодости порою нам дорого обходится. Когда ты работал заведующим Талдыкорганским райотделом культуры, ты многое сделал, чтобы культурная и духовная работа приносила радость животноводам и земледельцам, всем труженикам района, но это отдельный разговор. Сейчас я не собираюсь глубоко затрагивать эту тему. Для общества на первом месте всегда ведь стояли человеческие судьбы. Думаю, несчастье, которое обрушилось в те годы на твою голову, нанесло ущерб всему твоему ближайшему будущему.

Тем не менее, ты вновь, благодаря своей природной стойкости и борцовским качествам, вышел из этой истории победителем. Чем, собственно, и открыл себе предстоящий жизненный путь.

По словам Касии, восстановил свою партийность, был избран в Каратальский районный суд. Легко ли все это тебе далось?

Максут: Конечно, нет, особенно много препятствий в жизни причинила мне "автомобильная катастрофа". С одной стороны, эта трагедия легла позорным пятном на мою репутацию, однако, с другой стороны, она же открыла мне дорогу к счастливому будущему.

Ораз: Как это?

Максут: Это долгий разговор, дружище. Но, раз сам спросил, теперь уж слушай. Несчастье, в результате которого меня сняли с работы и исключили из рядов партии, свалилось на меня первого сентября 1970 года. А произошло вот что: в конце следствия по делу об аварии, растянувшегося на четыре месяца, где я первоначально проходил как пострадавший, меня вызвал к себе следователь Фрунзенского районного отдела внутренних дел города Алматы А. Хасанов, уйгур по национальности, и, не став скрывать правды, объявил:

— Максут Султанович, не знаю по чьей указке, но вот уже четыре или пять дней мое начальство призывает меня во что бы то ни стало привлечь вас к ответственности.

Вот так совершенно неожиданно я превратился из пострадавшего в обвиняемого и впоследствии был привлечен к суду...

Я уже говорил выше, что в 1975 году жил в административном центре Аксуйского района городе Джансугурове и работал адвокатом в районном суде. А в 1976 году перевелся на аналогичную должность в Кировский (сегодня Коксуйский) район. В тот период районным судьей был мой друг Кенес Ильясов. Он и начальник областного управления юстиции Мырзакерим Адильбаев считали, что мне необходимо снова вступить в ряды партии, и сами же стали помогать в этом. Что греха таить, благодаря их ходатайству, я восстановил свое членство в партии. Сразу после этого начальник облуправления юстиции Мырзакерим-агай начал постоянно предлагать мою кандидатуру на пост районного судьи. Однако курировавший административные органы секретарь областного комитета партии, который знакомился с моими документами, каждый раз выступал против, ссылаясь на то, что это невозможно, поскольку я в прошлом привлекался к суду. Тем не менее, Мырзакерим-агай не сдавался и вновь напоминал о моей кандидатуре, приводя аргументы в мою пользу. Но что поделаешь, в то время партийные принципы были жесткими, поэтому ответ был один: «если человек подвергался судебному преследованию, то ему уже никогда нельзя верить!»

К тому времени я уже был не просто юристом с высшим образованием, а сильным адвокатом с завидным багажом почти шестилетнего практического опыта. Естественно, происходящее заставило меня крепко задуматься: «Слава Аллаху, я пока нестар.

Мне всего лишь тридцать шесть. Но где еще, как не в обществе, в той среде, в которой сам живу, я могу применить свои знания и приобретенный опыт?" Я должен найти выход из сложившейся ситуации. А иного выхода, как срочно пересмотреть вынесенное судебное решение и добиться оправдания, не было. С этой мыслью я и отправился в осудивший меня Фрунзенский районный суд. Его председателем оказалась одна русская женщина. Я объяснил ей, что хочу ознакомиться со своим делом, однако она ответила отказом:

— Мы не можем передавать дело в руки осужденного. Наймите адвоката.

Но разве тому, на ком лежит вина, знакома усталость? Я разыскал в здании суда расположенный там же районную юридическую консультацию и зашел к его заведующему.

— Братан, я тоже, как и ты, заведующий юрконсультацией района. Вот, это мое удостоверение. Протяни мне руку помощи. Помоги получить мое судебное дело, чтобы я смог с ним заново ознакомиться. Скажи, какой за это причитается гонорар, — я все оплачу. Сам можешь не читать и не забивать себе этим делом голову, только достань его мне, а я посижу рядышком с тобой и на месте прочту, — попросил я.

Этот заведующий, молодой мужчина-казах, оказался человеком доброй души. Оформил все на законном основании: получил ордер, уплатил деньги и принес дело мне. Не спеша с ним ознакомившись и прочитав все документы, я отчетливо увидел, что совершенно не виновен. В деле обнаружилось специальное постановление Министерства культуры, принятое в тот период, в котором ясно расписаны должностные обязанности (полномочия) заведующих местными отделами культуры и автомехаников. Я выписал оттуда необходимые выдержки, поблагода-

рил своего спасителя и вернул ему папку с документами.

После этого написал прошение о пересмотре своего дела и отправился на прием к Григорию Александровичу Пушечникову, который на протяжении восемнадцати лет являлся первым заместителем председателя Верховного Суда Казахской ССР. Он и сейчас жив. В тот период осуществлял надзор за уголовными делами. О нем шла молва как о самом справедливом судье в республике. Народ не будет говорить неправды, Григорий Александрович и в самом деле оказался очень обходительным и справедливым человеком. Прежде чем передать ему свое заявление, я подробно изложил цель своего визита. Рассказал, что имею высшее юридическое образование и в настоящее время работаю заведующим юридической консультацией Кировского района Талдыкорганской области, что занимал когда-то должность заведующего районным отделом культуры и в тот период стал участником несчастного случая, в результате чего меня осудили на два года условно. Потом объяснил, что пришел к нему, поскольку совершенно уверился в своей абсолютной невинности, так как за рулем находился автомеханик, а я, наряду с другими жертвами дорожной аварии, должен считаться пострадавшим, и, хотя прошло уже несколько лет, хочу добиться своего полного оправдания. Вдобавок к своему рассказу искренне поделился, какое вредное влияние оказывают на мою служебную карьеру слова "ранее осужденный", которые мешают мне расти, хотя я старательно тружусь и о моей работе лестно отзываются. А в самом конце высказал свою просьбу:

— Рассмотрите, пожалуйста, мое дело заново и вынесите справедливое решение.

Григорий Александрович ни разу меня не перебил, внимательно выслушал и пообещал:

— Если события развивались именно так, как вы мне только что рассказали, то вашей вины в этом происшествии действительно никакой нет. Зарегистрируйте и оставьте свое прошение. Я лично займусь этим делом.

Это было в 1979 году. После осуждения прошло уже восемь лет. Однако на языке судопроизводства мое заявление относилось к рассматриваемым в порядке надзора. У таких нет срока давности, и любой гражданин имеет право обратиться с подобным прошением, сколько бы лет ни прошло после судебного приговора.

Когда Григорий Александрович поставил визу в углу моего заявления, я отнес его в канцелярию суда и зарегистрировал.

Прошло примерно два месяца, а может, и меньше, и однажды, возвратившись с работы, Боже милостивый, я обнаружил в своем почтовом ящике заветное письмо. Вскрыл конверт и прочел определение Верховного Суда Казахской ССР. Я оправдан! О, Аллах! Так обрадовался, что, не веря собственным глазам, снова и снова рассматривал и перечитывал заключение высшего суда республики. Дело было рассмотрено на судебном заседании тремя членами коллегии Верховного Суда, которые поставили свои подписи под счастливым для меня решением: “прекратить за отсутствием состава преступления”. Председательствовал на заседании Аманжол Жумажанов, а докладчиком по делу являлась Роза Оспанова. Позже, когда я стал председателем Верховного Суда, мы с ними некоторое время работали вместе, а потом оба ушли на заслуженный отдых.

Когда я приступил к своим обязанностям в Верховном Суде, Григорий Александрович продолжал трудиться в качестве адвоката. Я специально зашел к нему в кабинет, чтобы поприветствовать, и искренне сказал:

— Вы знаете, какую важную роль сыграли в моей жизни? Если бы в свое время вы не рассмотрели мое дело справедливо, я бы не только никогда не занял этот пост, но вряд ли стал бы даже обычным судьей. Желая вам и в дальнейшем не сбиться в своей трудовой деятельности с вашего справедливого пути, и пусть народ одарит вас заслуженным признанием!

Такое же благодарное внимание я оказал Аманжолу Жумажанову и Розе Оспановой.

Вот так, дружище, спустя восемь лет после своего осуждения я добился исправления допущенной судебной ошибки. Сразу после этого словно сбросил с себя хомут проклятия и начал жизнь с чистого листа. А произошло это в конце 1979-го — начале 1980-го года.

Шестого марта 1981 года состоялись выборы в местные суды, и я был избран судьей Каратальского района. В основе этой радости — поддержка двух людей: если один из тех, кто помогал мне, Мырзакерим-агай, то вторым человеком, сыгравшим решающую роль, был, надо сказать правду, наш нынешний глава государства Нурсултан Абишевич.

Ораз: А он каким образом оказался здесь замешан?

Максут: Расскажу все по порядку. Я уже назвал первого “виновника” моей радости — Мырзакерим-агая. Объясню подробнее. Выше я уже упоминал, что Мырзекен старался продвинуть меня по службе и не раз предлагал мою кандидатуру на вакантные должности, отправляя документы на утверждение секретарю областного комитета партии. Однако тот постоянно отшвыривал их в сторону. Мырзекен мне как-то сказал:

— Я бегаю и хлопочу за тебя, парень, потому как вижу, что ты крепкий юрист, с глубокими знаниями и богатым опытом. Знаю и то, что никому не придется краснеть, если твоя кандидатура пройдет на высо-

кую должность. Но этот вот секретарь — человек старых принципов, в нем нет новаторской жилки. Он думает не о выращивании и воспитании новых кадров, его больше беспокоит собственное благополучие. Поэтому его ни за что не уговоришь, не заставишь поверить в тебя. Глядя на таких людей, на память невольно приходит одна русская пословица: “Горбатого могила исправит”. А время-то бежит. Пора уж тебе заниматься солидной работой. Слава Богу, способности у тебя есть, сил и энергии тоже хватает. Захочешь, так кандидатом, даже доктором наук станешь. Это, конечно, вопрос твоей собственной силы воли. Моя же цель — поднять тебя по служебной лестнице и выпустить из гнезда. И таким образом всю твою бурную энергию обратить на пользу обществу. Если говорить образно, то сейчас уже заложен фундамент для твоего будущего взлета, и необходимых документов предостаточно. Нужна только небольшая поддержка. Ты, кажется, как-то говорил, что одно время учился вместе с Назарбаевым? Незачем стесняться, следует сходить к нему на прием. Если бы тебе не хватало достоинств, я бы так за тебя не хлопотал и совет бы подобный не давал. Ты просто обязан вовремя и на своем месте использовать дарованную тебе Аллахом силу таланта! Я отправлю тебя в командировку на столько дней, сколько тебе потребуется, но ты непременно поезжай и зайди к Нурекену. Расскажи ему о наших возможностях.

Словом, прислушался я к его совету и отправился в путь.

Вообще, я должен сказать, что Нурекен в моей жизни занимает особое место. Мы ведь еще в 1959 году вместе окончили училище в Днепродзержинске.

Когда приехали в Темиртау, работы по моей специальности не нашлось, и меня временно отправили домой. Выше я говорил, что некоторое время заведовал клубом в своем родном ауле.

Когда же я вернулся в Темиртау в назначенный начальством срок, цех, в котором мне предстояло трудиться, все еще не был введен в строй. Шел 1961 год. Нурекен уже работал на доменной печи. Та наша встреча была последней перед длившимся потом два десятилетия перерывом. Работы для меня опять не нашлось, поэтому я вновь вернулся в свой аул. Незаметно подошел к концу 1961 год, а в 1962 году я поступил на юридический факультет КазГУ. В 1963 году в высших учебных заведениях были закрыты военные кафедры, и молодежь призывного возраста стали забирать в армию. В числе примерно семидесяти студентов был призван и я. Уехал за тридевять земель. Доставили нас в город Кяхту, что на той стороне озера Байкал. В ту пору срок исполнения воинского долга исчислялся тремя годами. Так что вернулся я из армии только в 1966 году. Как упоминал ранее, когда я уезжал в армию, у меня был уже первенец — Асхат, а по возвращении меня ожидала встреча с родившейся после моего отъезда дочерью Лорой. Какая может быть учеба с двумя детьми — вновь устроился заведующим аульным клубом. Однако немного позже нашелся выход для продолжения учебы в университете, я перевелся на заочное отделение и окончил его чуть позже.

...Кажется, в начале ноября 1979 года Нурекена избрали секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, и он переехал из Караганды, где работал в обкоме партии, в Алматы. Я уже сказал, что последний раз мы виделись в 1961 году, а после этого не встречались. Хотя с моей стороны стремление повидаться возникало несколько раз. В 1979 году я даже специально приехал в Караганду, чтобы его разыскать. В то время Нурекен занимал должность секретаря по промышленности в областном комитете партии. Я отправился к нему на работу, чтобы его поприветствовать, но мне не по-

везло. Он как раз выехал по срочному делу в командировку в сторону Жезказгана и Темиртау и до моего отъезда так и не вернулся.

В 1980 году Нурекен занимал пост секретаря ЦК Компартии Казахстана и жил в Алматы. Я приехал из Талдыкоргана специально, чтобы попасть к нему на прием. В ту пору, как уже говорил, я работал адвокатом в Кировском районе. Добился своего оправдания по суду, снова вступил в партию. Напомню, что руководитель областного управления юстиции Мырзекен всюду предлагал мою кандидатуру. Однако секретарь областного комитета партии И.И. Давыдов каждый раз вставал на моем пути, не допуская к работе в качестве судьи. Если честно, то в мыслях было и пожаловаться на него. В общем, ранней осенью 1980 года я прислушался к совету Мырзекена и приехал в Алматы, чтобы встретиться с Нурекеном.

В то время у него был помощник по фамилии Селиванов. Позвонив ему по телефону, я сообщил, что когда-то учился вместе с Нурекеном, в настоящее время являюсь членом Талдыкорганской областной коллегии адвокатов и что хочу попасть на прием.

Разговаривал Селиванов с наставительной ноткой в голосе, казался человеком солидным.

— Сейчас Нурсултана Абишевича нет. Перезвоните через два часа, — сказал он.

В указанное время я перезвонил.

— Он на месте, однако, я к нему зайти пока не могу. Может, перезвоните еще через час? — предложил Селиванов.

“Бог любит троицу”, — вспомнил я и перезвонил еще раз.

— Нурсултан Абишевич неожиданно ушел на какое-то совещание. Вы свяжитесь со мной завтра утром, наверное, выпадет удобный момент, — ответил мне помощник.

“Какая разница, днем раньше или днем позже, что делать, подожду”, — решил я и наутро снова позвонил. Однако, к сожалению, мне так и не удалось с ним переговорить. И тогда я подумал: “Э-е, похоже, Нурекен забыл меня. Да и кто он сейчас и кто я?!” Разве между мной и ним не такая же разница, как между небом и землей? Он секретарь Центрального Комитета Компартии Казахстана, и не просто секретарь, а один из самых ключевых — по промышленности, я же обыкновенный адвокат. Видимо, не горит желанием меня принимать. Хватит, не следует навязываться. И, понуро свесив голову, я вернулся в Талдыкорган.

Примерно через месяц я опять приехал в Алматы. Естественно, в связи со служебными делами, мне нужно было побывать в Верховном Суде. Вспомнил про Нурекена и решил звякнуть помощнику. Тот сразу засуетился:

— Максут Султанович, я же еще тогда доложил о вас. Нурсултан Абишевич готов был принять. Но мы вас не нашли.

— Ничего страшного, вот я и снова приехал. Как, есть возможность зайти? — поинтересовался я.

— Перезвоните, пожалуйста, через час, — попросил помощник.

Как и договорились, ровно через час я перезвонил.

— Он вас примет в 16 часов, — наконец обрадовал меня Селиванов.

Кабинет Нурекена находился на шестом этаже нового здания ЦК. За 15 минут до назначенного времени я вошел в приемную под № 610. Кроме меня, приема ожидали четыре или пять человек. Выйдя за дверь приемной, мы стали ждать, когда пригласят. Нашлись среди нас и бывалые, которые здесь уже ориентировались: вон, говорят, кабинет Димаша Ахмедовича. Я же в этом здании был впервые, и от по-

лученного впечатления сердце у меня громко стучало.

Сам знаешь, каким грозным величием веяло тогда от одного только названия “Центральный Комитет”. И своей архитектурой, и освещением здание производило впечатление какого-то таинственного мира, подавляло своей грандиозностью и ввергало человека, впервые переступившего его порог, в возбужденное состояние, словно он пробудился ото сна. Никаких звуков, звона и шума здесь не слышно. Какими бы длинными ни были здешние коридоры, все устланы цельными ковровыми дорожками. Чистоту воздуха и приятную прохладу, всегда поддерживаемую на определенном уровне, не описать словами — наслаждаешься, словно молодым кумысом. Даже в самих коридорах будто бы витает сама интеллигентность. Кругом ласкающая слух тишина. На больших окнах, пропускающих обилие света, висят светло-желтые золоченые шторы, невольно радующие глаз и поднимающие настроение.

Те, кто заходили в приемную по служебной необходимости, говорили коротко и точно. Создавалось впечатление, что работающие здесь люди понимают друг друга с полуслова и даже по мимике лица.

Наши глаза и уши обращены в сторону Селиванова. Минут в пятнадцать пятого из кабинета вышел очередной посетитель. Передо мной оставалось три человека, однако, Селиванов вызвал меня.

— Заходите, Максут Султанович!

Волей-неволей я разволновался. “Интересно, как он меня примет?” — пронеслась тревожная мысль. “Бисмилля”, — прошептал я и переступил порог кабинета. Мой взгляд сразу упал на Нурекена. Он встал с места и, улыбаясь, как в былые времена, пошел мне навстречу. А потом засыпал меня градом вопросов:

— Где ты пропадал, Максут? Почти двадцать лет мы с тобой не виделись, как это понимать? С кем из

наших старых друзей ты общаешься? Что о ком знаешь? Я вот, как привлекли к партийной работе, настолько загружен, что голову лишний раз повернуть не могу. А у вас есть возможность найти друг друга. Если кого из наших давних товарищей увидишь, передай: Нурсултан — все тот же Нурсултан. Даже если поделиться мне нечем, хорошо встретить любого готов всегда. Я ведь не забыл чудесные дни нашей молодости, когда мы делили между собой булку хлеба. Ну ладно, выкладывай, с чем пришел!

Как бы я ни готовился к этой встрече, но, когда подошел решающий момент, невольно замешкался, смутившись оттого, что мой визит будет воспринят как выпрашивание должности.

Нурекен уловил мое смущение и подбодрил:

— Максут, нечего стесняться. Время не потерпит отсрочки разговора на завтра. Ты меня поймать не сможешь. Вон в прошлый раз, так ведь и уехал, не дождавшись приема. Куда только не звонили, чтобы тебя разыскать: и в Верховный Суд, и в твое Министерство юстиции — так и не нашли.

После такой поддержки и у меня будто дыхание открылось. Я не стал ничего скрывать и рассказал обо всех плохих и хороших событиях, выпавших за двадцать последних лет моей жизни. В том числе об осуждении и оправдании. Доложил и о том, как в последнее время не дают пробиться по службе.

Выслушав меня до конца, Нурекен сказал:

— Ладно, секретаря областного комитета партии понять можно. В конце концов, таковы спускаемые сверху установки. Ну а с точки зрения закона они, конечно, не правы. Наши прадеды говорили: “Конь на четырех ногах и тот спотыкается”. Ты оступился. Был наказан. Ну а судя по оправдательному приговору, суд, похоже, допустил ошибку. Запомни, пусть это определение Верховного Суда о твоём оправдании, которое ты мне показал, всегда будет в твоём

кармане. Если ничего не произойдет, третьего декабря я поеду в Текели через Талдыкорган. Постараюсь, по возможности, переговорить с кем следует, — пообещал он в завершение.

Мы беседовали около сорока минут. Это было в середине ноября 1980 года. Третьего декабря Нурекен, как и говорил, побывал в Текели. Я узнал об этом из газет, радио и теленовостей. Незаметно пролетел декабрь. В дверь постучался новый, 1981-й, год. Я по-прежнему работал адвокатом. Приблизительно в середине января мне сообщили, что меня срочно разыскивает из области Мырзекен и просит передать, чтобы на следующий день я явился к нему без опозданий ровно к девяти часам.

К тому времени я уже подзабыл об обещании Нурекена, прозвучавшем еще в ноябре ушедшего года. Озабоченный мыслью: “Зачем это я понадобился Мырзекену?” — приехал к нему на завтра не к девяти, а ближе к десяти часам. Мырзекен обрадовался моему появлению, точно долгожданной добыче.

— Оу, светик мой, что у тебя за волшебная способность исчезать так, что найти невозможно, когда ты нужен — спросил он и придиричивым взглядом окинул меня с ног до головы, присматриваясь, во что я одет.

— Просто так вызывали, Мырзекен? — поинтересовался в ответ я, глядя на него с улыбкой.

— Куда там просто. Разве это просто, когда сам секретарь обкома тебя разыскивает?

— Кто? Что вы говорите?!

— Если забеспокоился хорошо нам знакомый сам товарищ Иван Иванович Давыдов, разве не стоит тебе воскликнуть: “Боже правый!”?

— Неужели? Вот это новость!

— Да не новость, а новость из новостей! Вчера вечером он вызвал меня к себе и сказал: “Где этот твой сильный адвокат? Действительно, мы его кан-

дидатуру слегка придерживали, но теперь пришло его время. Найди его! Срочно! Я должен с ним увидеться и побеседовать". Ты случайно не с похмелья?

— Да вы что, Мырзекке! Такого за мной не водится!

— В таком случае поехали к Давыдову! — объявил Мырзекен и как инициатор сам повез меня в обком партии.

Иван Иванович задал всего пару вопросов, а потом сказал:

— Я слышал о вас хорошие отзывы из достоверных, весьма достоверных источников. Короче, мы решили предложить вашу кандидатуру в народный суд Каратальского района на должность судьи. Как, согласны на это?

— Конечно, согласен, если доверите, Иван Иванович! — ответил я звонким от радости голосом.

— В таком случае, решено, — и, глядя на Мырзекена, добавил: — Отправляйтесь прямо сейчас в Каратальский район и зайдите к Гребенщикову. Передайте ему от меня привет, все ясно?!

— Конечно!

Примерно около двенадцати мы добрались до Каратальского райкома партии и зашли к первому секретарю Алексею Степановичу Гребенщикову. Это был очень крупный, широкий в плечах и статный человек со светлым лицом, побитыми оспой щеками, серыми глазами и редкими, зачесанными назад волосами соломенного цвета. Очень быстрый в движениях, с живой, пружинящей походкой и вспыхивавшим нравом. Насколько я слышал, ему очень нравились девушки и женщины корейки, татарки, курдянки, а также казашки, и он слыл страстным волокитой. Еще одна его особенность заключалась в том, что он был холоден и тенденциозен в отношении людей, которых недостаточно знал, отличался прямым и властным характером. Ну а со своими колле-

гами и с теми, кого хорошо знал, был открыт, дружелюбен и благодушен.

Надо быть объективным, едва мы переступили порог, как Алексей Степанович тут же вскочил со своего мягкого вращающегося кресла и встретил нас в центре своего просторного кабинета, а на его лице было написано, мол, знаю, с каким делом пожаловали.

— Проходите, располагайтесь поудобнее, — живо предложил он и нажал на кнопку звонка, расположенную на правом краю стола.

Из приемной моментально появилась симпатичная кореянка, гордо неся перед собой высокую вздымающуюся грудь и изогнувшись своей худенькой фигуркой, точно ивовый прутик. Алексей Степанович пристально оглядел ее исподлобья и велел:

— Исабаев с Майшибаевым должны быть здесь. Вызови, пусть зайдут!

Я сообразил: первый из названных людей — здешний районный прокурор, а второй — председатель районного суда. Обоих я знаю. Я даже не успел собраться с мыслями, как они вошли уже в кабинет. Поздоровались. В этот момент раздался длинный междугородний телефонный звонок. Алексей Степанович снял трубку, кого-то поприветствовал и, мотая головой, точно конь, стал коротко отвечать: “Приехали... Ладно... Хорошо... Будет сделано!” Мырзекен повернул ко мне голову, подавая знак, мол, понимаешь, в чем дело. Я так же, знаками, дал ему понять, дескать, понимаю, видимо, звонит Иван Иванович. В этот миг Алексей Степанович положил трубку на место и обратился к нам:

— У нас у русских есть такая поговорка: “Рыбак рыбака видит издалека”. По-моему, нет необходимости знакомить вас друг с другом. Вы все тут, кроме меня, юристы. И ваш “атаман”, Адильбаев, среди нас, — пошутил он. — Хотя мы и не общались преж-

де, я этого парня знаю, зовут его Максutom Султановичем Нарикбаевым, не так ли, Мырзеке? (Мырзеке, улыбнувшись, кивнул головой.) Вы и сами знаете, что наш район, большинство хозяйств которого и административный центр город Уштобе расположены вдоль большой железнодорожной магистрали, считается одним из самых крупных и сложных в области. Численность населения у нас значительная. Объем выполняемой работы огромен. Негоже, если проблемы преступности и гражданские тяжбы не будут решаться в срок. Поэтому, товарищ Майшибаев, тебе в помощь областной комитет партии выпросил из вышестоящей инстанции дополнительную единицу судьи, эту просьбу удовлетворили. Следующая проблема — подыскать к предстоящим выборам местных судей кандидатуру подходящего юриста, знающего и опытного. Скрывать тут нечего: Мырзакерим Адильбаевич проявил инициативу, а предложенную им кандидатуру поддержал областной комитет партии, мало того, лестные отзывы дошли до нас аж из самого ЦК Компартии Казахстана. Словом, Максutom Султанович — именно тот человек, которого мы искали.

Следующая наша задача — тщательно подготовиться к намеченным на шестое марта выборам в местные суды. Для того чтобы не лишиться в ходе голосования избранного нами кадра следует всем вместе дружно приступить к работе. Это касается, в первую очередь, вас, товарищи Исабаев и Майшибаев. Ведь вам предстоит в будущем совместно трудиться на ниве справедливости, как говорится, в одной упряжке. Все понятно? Если так, то пожелаем себе удачи!

Когда я ехал сюда, у меня были сомнения насчет, во-первых, Алексея Степановича, а во-вторых, по поводу Исабаева. Но, когда сам Бог выступает тебе в помощь, разве не порадуешь тебя и они правильным мнением?

Уже впоследствии я узнал, что Мырзекен и тут провел заранее соответствующую работу. Первым, кто решил воспрепятствовать его планам, был как раз Алексей Степанович Гребенщиков, который сразу изменился в лице и пришел в ярость:

— Зачем мы тут вообще сидим, если районный комитет партии не вправе решать вопрос районных кадров?!

— А зачем тогда партия открывает управления юстиции, если мы не можем повлиять на устройство подготовленных юристов? — парировал Мырзекен.

В итоге, так и не придя к обоюдному решению, оба, пошумев, разошлись. Однако Мырзекен, у которого за плечами огромный жизненный опыт, не стал сразу же возвращаться в Талдыкорган, а сначала заглянул к районному прокурору Калымбету Исабаеву и к судье райсуда Исе Майшибаеву.

— Если вас вызовет к себе Алексей Степанович и поинтересуется вашим мнением, поддержите кандидатуру вашего коллеги, — попросил он. — Я знаю этого человека, Максут никого из нас не подведет. Сделайте это для меня!

Что значит жизненный опыт — во второй половине дня, как Мырзекен и предвидел, Алексей Степанович вызвал в свой кабинет и Исабаева, и Майшибаева и попросил их рассказать все, что им известно обо мне. Что скрывать, коллеги охарактеризовали меня, нажимая на хорошие стороны. Не зря говорят: когда голосов много, они звучат мощно, после этого как будто и Алексей Степанович повернулся в мою сторону. А следом в Текели побывал Нурсултан Абишевич и поручил секретарю областного комитета партии Ивану Ивановичу: “У меня в этой области есть друг, Максут Нарикбаев, одно время мы вместе учились, позже он стал адвокатом. Узнайте, как он тут, и свяжитесь со мной”.

Узнав, что между мной и Нурсултаном Абишевичем добрые, дружеские отношения, Иван Иванович

круто изменил свое мнение обо мне и положительно откомендовал меня Алексею Степановичу.

Вот почему Гребеншиков, как только мы с Мырзекеном вошли в его кабинет, встретил нас так приветливо, не стал расспрашивать о цели приезда и сразу приступил к осуществлению намеченного.

Короче говоря, новая светлая страница в моей биографии открылась шестого марта 1981 года — в день выборов местных судей. Я был избран судьей Каратальского районного суда. Это была первая осознанная и огромная радость начавшейся поры моей зрелости, когда мой возраст перевалил слегка за сорок, — первая ступень моего счастья. В тот день словно оборвались железные цепи, опутавшие и долгое время сковывавшие мои ступни, не давая им свободно шагать вперед, а я будто взошел на новый, цветущий жизненный перевал. Весь день я провел дома, анализировал и взвешивал пройденный путь, размышлял о том, что каждый день своей жизни нужно наполнить содержанием. Благодарил про себя создателя и своих покровителей, прекрасно понимая, что вся моя дальнейшая судьба, плохой будет она или хорошей, зависит только от меня самого. Провалившись в бездонный колодец мыслей, поднимая свой дух, я мечтательно представлял, как окажусь на какой-нибудь новой высоте. Мысленно перебрал свои способности и характерные свойства. Наверное, в моей природе что-то и было, но в тот момент мне вдруг показалось, что по разным причинам все мои достоинства истощились, исчерпали себя и пришли к кризису.

Моя первая светлая мечта была обращена к чистой любви, которая перевернула весь мой внутренний мир. Но она оказалась не вечной. Однако, взяв себя в руки, я обрел новую любовь, и свойственный молодости огонь разгорелся во мне еще сильнее. Слава Богу, сердце мое пылает как факел!

Другой моей ранней мечтой была мечта стать металлургом, который выплавляет из руды металл. Для ее осуществления я вошел в число шестидесяти семи молодых казахстанцев, которые по комсомольской путевке отправились осваивать азы профессии в далекий украинский город Днепропетровск. Однако и на этом пути я не дошел до цели и разочаровался.

Позже, увлекшись неугасимым огнем искусства, я два года подряд сдавал вступительные экзамены во Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве, но оба раза мне не хватило одного балла, и звезда моего счастья снова не зажглась.

Когда я вот так споткнулся три раза, когда мне трижды в жизни не повезло, невольно подумалось: “видать, я уродился несчастливым”. Как бы там ни было, хорошо, что это вынудило меня предаться размышлениям. Именно в те дни я обратил внимание на народную мудрость: “Лучше маленькая удача, чем грандиозная цель”. Теперь уже меня совершенно не впечатлял лозунг коммунистической партии “Счастье человека — в его собственных руках!”, и я распрощался с “грандиозными целями”. Это были годы, когда я работал в отделе культуры, слушал песни и музыку, наслаждался мастерством танцоров. Однако, как оказалось, человек не будет счастлив, если бездействует, ожидая пока на его голову спустится удача. Доказательство тому — несчастье, свалившееся на меня вместе с трагическим происшествием на дороге с Медеу. Хотя я и понес наказание, разве отголоски той несчастливой истории не стали своеобразными путями на моих ногах, которые в течение десяти лет не давали мне свободно шагать? Хвала всевышнему, Аллах наконец заметил мою горечь и слезы: пути обрезаны, и путь мой свободен. Что делать в дальнейшем? Удовлетвориться достигнутым успехом и жить в свое удовольствие или же поставить перед собой ясную цель и стремиться к ней? Я

остановился на последнем и решил: “Рискну, если получится, попробую заняться наукой либо творчеством!”

Когда у человека есть цель, когда он к этой цели по-настоящему устремлен, он обязательно придет к какому-то результату. В том 1981 году, приступив к исполнению своих новых служебных обязанностей, я одновременно написал на русском языке свою первую книгу объемом в шесть печатных листов “Подорожки и закон” и выпустил ее через издательство “Мектеп”. Этот творческий успех подвиг меня на новые свершения. В 1983 году я поступил в заочную аспирантуру научно-исследовательского Института государства и права в то время Национальной академии наук нашей страны.

В 1984 году в названном выше издательстве “Мектеп” вышла в свет моя вторая книга — “Правовая защита детства”. Этот труд поднял мой авторитет на новую ступень и воодушевил на новую цель. Мои коллеги по профессии, знакомые и незнакомые, прочитав изданные мной книги, искренне стали мне советовать: “Тема, которую ты затронул, — готовая кандидатская диссертация. Тебе следует лишь подыскать себе сильного научного руководителя, обязательно среди докторов юридических наук, утвердить свою тему — и можешь защищаться”. Их слова меня просто окрылили.

И ПЕЧАЛЬ, И РАДОСТЬ

Ораз: Максут, одну минуту. Ты ведь, наверное, не с такой уж легкостью “распрощался” с Каратальским районом, вспомни-ка об этом?

Максут: В таком случае разговор следует начать с этого. Конечно, когда моя кандидатура была предложена на пост председателя Талдыкорганского рай-

онного суда, радости моей не было предела. Но она быстро угасла, подобно огню, обрызнутому водой. Дело в том, что одного моего коллегу по работе заела зависть, ведь меня выделили среди множества таких же, как и я, других судей и выдвинули на пост главного судьи самого сильного в области района. Ты его хорошо знаешь, одно время мы учились в одном классе, жили в одном ауле. Так вот, он помешал этой служебной перемене, настрочив на меня длинную жалобу.

Как говорится в одном народном предании, “куда ни пойду, везде могила Коркыта”, так и со мной — снова “вылезла” на свет божий все та же давняя “автомобильная катастрофа”, случившаяся в ту пору, когда я работал заведующим районным отделом культуры, и в результате которой я сам едва остался жив. Несмотря на то что я был полностью оправдан по этому делу, кляузник, сгустив черные краски, постарался облить меня грязью, написав: “этот человек причастен к гибели людей, поэтому в свое время был изгнан из рядов ленинской коммунистической партии” и прочее и прочее. Я крепко задумался: если уж на такое оказался способен один из близких моих знакомых, мой бывший соклассник, с которым мы росли в одном ауле и выбрали одну профессию, то как меня встретят чужаки, которые и так не испытывают уважения к незнакомцам? Неужели в силу этого я после работы ни с кем из них никогда не смогу даже словом перекинуться? Да и работа судьи непредсказуема, как девичье настроение, и чревата последствиями. Выносимые решения не могут всеми восприниматься одинаково. В таких случаях, бесспорно, любой человек ищет способ вывернуться — себя обеляет, а на тебя может и месть затаить. Не напрасно говорят, что “у народа пятьдесят пар ушей”, о несчастье, выпавшем на мою голову, знало множество людей. Кто даст гарантию, что, даже если я вся-

кий раз буду доказывать свою невиновность и реабилитировать себя, не найдутся недовольные, которые будут продолжать писать на меня жалобы? Иными словами, на моем пути вечно будет торчать как бельмо на глазу эта давняя “автомобильная катастрофа”, давая повод любому казаху для молвы и неприязни. Разве я сумею разъяснить все окружающим, которые держатся в стороне, но имеют уши? Кроме того, будет ли моей душе покой, коли каждую неделю, каждый месяц, каждый квартал я вынужден буду вспоминать старую историю? Говорят, “болезнь плоха болью, а слово — колкостью”, так я сам себя изведу. Нет, мне в этой округе сейчас оставаться нельзя. Ну и куда же отправиться? В Алматы, только в Алматы! Не видел сам и никогда не слышал о таком человеке, который бы обрел покой в погоне за чинами и карьерой. И для меня они не могут быть вечной духовной пищей. Знания и наука — вот, что мне нужно. Если знания — тот драгоценный алмаз, который обогатит мой внутренний мир, то наука — это крепкая основа для собранности и медленного, но неуклонного продвижения вперед. А все это в необходимом объеме я смогу получить лишь в нашей столице — в Алматы. От меня же требуется трудиться, не предаваясь лени, читать и осваивать новые знания.

В какое-то мгновение в голове пронеслась и мысль о моей затаенной мечте устроиться преподавателем на юридический факультет Казахского национального университета имени аль-Фараби. А кроме того, завершить учебу в аспирантуре и защитить кандидатскую диссертацию. Все. Это мое твердое и бесповоротное решение!

Во все времена самым близким другом человеку был его спутник по жизни. Когда я в тот раз пришел домой и выложил Касие свое решение, родившееся после долгих и волнительных раздумий, она вовсе даже не посчитала сложившиеся обстоятельства бла-

гоприятными для такого поворота и, не приведи господь, как меня отчитала:

— Ты что же это, обидевшись на одного кляузника, решил бежать от людей, из насиженных мест? Разве мы не наоборот, не именно здесь должны продемонстрировать свою стойкость и несгибаемость? Почему же ты вознамерился отступить, бросив “поле боя”? Если отступать, так это он должен отступить, а не ты. Совесть твоя чиста, работаешь честно, чего тебе стесняться? Не пройдешь на должность главного судьи, так Бог с ним, что в этом страшного? Если будешь и одним из множества рядовых судей, это не означает, что ты проиграл.

Знания, говоришь, наука? Зачем же в Алматы ехать, что, знания да наука в тамошних магазинах и на базарах продаются? В аспирантуре ты и так учишься, пока здесь работаешь. Вон, и написанные тобой книги в свет выходят. Помимо того, никто тебя именно сейчас отсюда не выталкивает. Работа и так неплохая, авторитет твой растет. Поэтому и предлагают твою кандидатуру на более высокий пост. Зачем же ты собираешься сбежать из той среды, где твою золотую голову ценят и по-настоящему уважают? Ладно, понимаю, написал твой несчастный сослуживец из зависти “телегу” на тебя, что с того? Да если на то пошло, в этом тоже твоя сила. Забыл как мудрецы говаривали: “Разве это волк, если его не облаивает свора собак”?

Хоть и жестка была Касия, но слова ее были справедливыми. На самом деле все так и было. Благодаря честному труду и усердной службе обо мне постоянно хорошо отзывались как о “сведушем юристе и квалифицированном специалисте” и заведующий отделом областного комитета партии, и начальник областного управления юстиции, и первый секретарь райкома партии, и простые люди.

Большую признательность я испытывал и к районному исполнительному комитету: если первонач-

чально мне выделили квартиру в многоэтажном доме, то позднее предоставили отдельный просторный дом с обширным приусадебным участком. Одна комната в этом доме стала моим творческим кабинетом. В дом провели холодную и горячую воду, подключили к центральному отоплению. Если после работы захочется заняться наукой или творчеством, слава Богу, условия для этого есть. Кто не склонит головы перед правдой, вот и я вынужден был сдаться, как говорится, подняв вверх обе руки. Так что, успокоившись, отогнав прочь мысли о бегстве, я продолжил заниматься необходимыми служебными обязанностями. Первый и другие секретари районного комитета партии, а также заведующие отделами, убедившись в моей справедливости и хорошем знании законов, стали часто со мной советоваться в необходимых ситуациях и начали буквально держать при себе. Заметив, что я много читаю, пишу сам и увлекаюсь наукой, они назначили меня на общественных началах руководителем районного общества "Знание". Я с удовольствием включился в эту работу. Потому что через это общество представлялась возможность пропагандировать не только постановления партии, внутреннюю и внешнюю политику, но и сферу законодательства. Поскольку за лекции, которые читаются в разных трудовых коллективах, полагался гонорар, мои коллеги выбирали какие-то специальные темы и, выезжая в командировки, выступали в разных местах с интересными и содержательными докладами. В результате этого довольно быстро и заметно в масштабах нашего района повысилась всеобщая правовая грамотность. Так что вокруг меня сплотились, образно говоря, подобно созвездию, практически все юристы района.

Но, странная штука, как бы ты ни старался, как бы хорошо ни работал, как бы ни стремился сделать людям хорошее, все равно можешь столкнуться с

“законом подлости”. Что поделаешь, если моя активная общественная деятельность и доброе имя на этом поприще пришлись не по нраву районному прокурору Калымбету Исабаеву, ныне покойному (мир его праху, но не сказать не могу). Из-за этого он придирался ко мне по малейшему поводу, а потом и вовсе перешел в открытое противостояние. Когда выдавался удобный случай он каждому встречному старался наговорить обо мне гадости. Стал то и дело меня контролировать, будто у него другой работы не было. Дошло до того, что начал стеречь каждый мой шаг, каждое сказанное мной слово. Первый секретарь районного комитета партии Александр Степанович Гребенщиков с давних времен был его близким другом, поэтому он постарался, в первую очередь, его перетянуть на свою сторону, без конца расписывая ему, какой я и рассякой.

Не зря говорят: “Горы и скалы портит ветер, а людей — слово”. Из-за того что из уст Калымбета постоянно слышались порочащие меня сведения, Алексей Степанович, прежде очень довольный моей работой и общественной активностью, постепенно совершенно изменил отношение ко мне. Но, как сказано, молчание — золото, вот я и терпел. Старался работать еще лучше, чем раньше. Однако ни один из добрых шагов, предпринятых мною, не был замечен и взят во внимание, и мои взаимоотношения с первым секретарем день ото дня становились прохладнее и сводились на нет. Естественно, я понимал, с какой стороны дует ветер. Но что я могу сделать, как способен повлиять на это?

Правду говорят, что неудача всегда рядом. В один прекрасный день создатель прямо-таки на тарелочке с голубой каемочкой преподнес Калымбету то, о чем он коварно мечтал в глубине своей души. Это было связано с уголовным делом чеченца Абдрахманова, которое я рассматривал.

Ораз: Да это уже начинает напоминать строку из Абая: “тяжелым и тернистым был мой путь...”* Если ты сейчас подробно не расскажешь об этом, Максут, вероятно, будет неправильно.

Максут: Чеченский парень по фамилии Абдрахманов, который родился в ауле “Октябрь” неподалеку от города Уштобе — райцентра Каратальского района, где я работал народным судьей, сызмальства оступился, пошел кривой дорожкой и к двадцати пяти годам уже успел стать “особо опасным рецидивистом”. То есть несколько раз получившим срок. По приговору последнего суда отсидел около десяти лет. Выйдя на свободу, занялся куплей-продажей и довольно скоро стал человеком зажиточным. Фактически все односельчане брали у него деньги в долг.

Здесь я хотел бы начистоту сказать об одной вещи: в то время милиция, чтобы “поскорее избавиться” от таких преступников с богатым прошлым, использовала против них один недостойный, скверный прием. Когда на подведомственной им территории появлялся ранее судимый, они стремились побыстрее его изгнать, старались посадить его обратно под стражу в качестве подозреваемого, даже если он на самом деле преступления не совершал. Таким образом они просто не давали возможности тем, кто по разным причинам был ранее осужден, встать на путь исправления. И зачастую такие люди, потеряв всякую надежду на нормальную жизнь и справедливость, действительно становились матерыми рецидивистами, вся жизнь которых связана с преступлениями. То есть “особо опасными рецидивистами”. К этой группе относился и несколько раз судимый Абдрахманов. Однажды он нанес ножевое ранение парню-казаху из своего аула. А случилось это так: как-то Абдрахманов вместе со своей гражданской женой, старшим

* Перевод Ю. Нейман.

братом и снохой ехал куда-то на легковой машине, а по дороге им повстречался парень по имени Аманбай, который приблизительно за 5-6 месяцев до этого взял в долг у Абдрахманова 50 рублей (в ту пору 50 рублей — это половина месячного оклада). Заметив должника, Абдрахманов попросил брата тотчас остановиться и стал интересоваться у парня, когда он вернет деньги. Тот оказался под градусом и в ответ возмутился:

— Не мели вздор, о каких деньгах ты говоришь?

Абдрахманов ему и так и эдак пытался напомнить, но парень распалился и не собирался сдаваться. Мало того, принялся оскорблять его, называя “вором, разбойником, бандитом и рецидивистом”, и вдобавок дал ему пощечину. Этого, естественно, Абдрахманов не стерпел, вытащил из кармана складной нож и направил его в сторону обидчика, не для того, чтобы убить, а чтобы тот признал свой долг, однако, в суматохе нож вошел парню в мякоть бедра — не глубоко, только на сантиметр-полтора. Аманбай тут же бросился бежать. Абдрахманов его догонять не стал, лишь крикнул вслед:

— Если не вернешь деньги, убью! — потом сел в поджидавшую его машину брата и уехал в город.

Ну а что же Аманбай? Сразу прибежал в медпункт, где тут же доложил, что его ударил ножом Абдрахманов.

В то время существовал порядок, когда при обращениях за помощью граждан с ранениями ножевого или огнестрельного характера сотрудники любого медицинского учреждения обязаны были об этом сообщить в правоохранительные органы. Что и сделала заведующая медпунктом, принимавшая Аманбая.

Прибыли милиционеры, собрали расшумевшихся аулчан, которых уже оповестил Аманбай, и составили акт. Абдрахманов был срочно взят под стражу.

Возбудили уголовное дело по трем статьям. Во-первых, в покушении на убийство человека, мол, хотел убить, но не получилось. Во-вторых, в злостном хулиганстве с нарушением общественного порядка, поскольку, взяв в руки нож, он создал опасность для окружающих. А в третьих, в умышленном нанесении телесных повреждений.

И вот это дело попало ко мне. И хотя такие несложные дела я прежде никогда не рассматривал, тем не менее, сразу заметил, что вменяемая Абдрахманову следователями вина не в полной мере соответствует содеянному. В ходе разбирательства я выяснил, что подсудимому можно предъявить обвинение лишь по одной статье. А именно — предумышленное нанесение телесных повреждений легкой степени. Причем для этого был повод. Потерпевший Аманбай взял займы у обвиняемого 50 рублей, которые обещал вернуть через месяц, однако прошло полгода, а долг он так и не возвратил. Все началось с попытки вернуть этот долг. Рассерженный Абдрахманов поставил перед собой цель востребовать у должника деньги. Это никаким образом не относится к хулиганским побуждениям. Хулиганство само по себе беспричинно. Его основная цель — нарушение общественного порядка. В действиях же Абдрахманова была побудительная причина. То, что он не стал догонять Аманбая, — прямое доказательство отсутствия намерения убить. Он хотел лишь напугать, утратить, чтобы вернуть свои деньги. Так что в его деле нет и “покушения на убийство”. Это преступление, совершенное на почве взаимных отношений двух знакомых между собой людей. Абдрахманов пошел на него, потому что потерпевший Аманбай сам преступил закон. Согласно судебно-медицинской экспертизе, ранение не тяжелое, не даже средней тяжести, а легкое. Ну а если обратиться к Уголовному кодексу нашей республики, то наказание за причинение легких те-

лесных повреждений предусматривает исправительные работы сроком на один год с взысканием в пользу государства 20 процентов заработной платы ежемесячно. Совершившие подобные преступления свободы не лишаются. А каждый день, проведенный за решеткой человеком, которому вынесен приговор, не предусматривающий лишения свободы, считается за три дня. Абдрахманов с момента задержания провел под арестом 4 месяца и 2 дня, то есть в общей сложности 122 дня. Если помножить это на три, то получится 366 дней — ровно год. Поэтому осужденный, фактически отбывший свое наказание, был выпущен в зале суда на свободу. Это и дало повод к появлению разного рода шепотков, волнений и сплетен, смысл которых был таков: “Максут Нарикбаев присудил мягкий приговор особо опасному рецидивисту и выпустил его на свободу”. Мне стало известно, что распространителем этих слухов был все тот же не унимающийся Калымбет Исабаев. “Да что же это за человек такой, никак не может утолить свою злобу и месть?” — подумал я, проанализировал и понял, что коварного сородича пугают мой растущий авторитет и увеличивающееся с каждым днем число моих сторонников и преданных товарищей. Взять в общем, такие люди, знающие о своих недостатках, всегда очень подозрительны и чувствуют во всем подвох. Это одно. Во-вторых, Исабаев нередко к изучению уголовных дел относился не совсем объективно. Например, все девять дел, обвинительные заключения по которым были утверждены им, после того как я пришел на работу в Каратальский районный суд, мне пришлось отправить на дополнительное расследование. Однако я нигде и никогда об этом даже не упоминал. Тем не менее, подобные ему люди, что осторожнее любой сороки, ощущая собственную вину, все время пребывают в беспокойном мучении, в ожидании грома среди ясного неба и вражеской атаки в

мирный день. Видимо, возврат мною тех девяти его поднадзорных дел на повторное расследование он воспринял как мое враждебное отношение. Но на самом деле это было не так. Как не отправить на доследование дело, в котором концы с концами не сходятся, а противоречия прямо кричат о себе? Повторное расследование и в те времена, и сегодня показывают несостоятельность и поверхностную работу прокурора. Если я сегодня закрою на это глаза, то завтра недостатки все равно обнаружит другой какой-нибудь судья, и тогда недобрым словом упомянут уже меня. Отправляя на дополнительное расследование дела, над которыми он осуществлял надзор, я намеревался по-доброму, когда выпадет возможность, выправить совместно наши недостатки. Калымбет же истолковал все только в плохом смысле и, вероятно, увидел во мне "врага" под номером один. Это и стало поводом ненавистного ко мне отношения. Осознав все это, я объяснил ему, что ни в одном моем поступке не было никакого злого умысла насчет него, и попытался призвать коллегу к примирению. Но из этого доброго намерения ничего не вышло. Калекен продолжал надеяться на поддержку первого секретаря райкома партии. Предпринимал все возможные действия, дабы во что бы то ни стало свалить меня и "выдавить" из района. Для этого он поднял из архива эпизод двухлетней давности, связанный с марихуаной, к которому был причастен Абдрахманов, и снова посадил в тюрьму выпущенного на свободу беднягу. А дело было так: два года назад в доме задержанного по подозрению в преступлении Абдрахманова произвели обыск и обнаружили под подушкой 0,02 грамма анаши. По каким-то причинам по этому эпизоду тогда дела не возбудили.

Мне кажется, это ничтожное количество марихуаны работники милиции сами подложили под по-

душку. Во всяком случае, Абдрахманову незачем было прятать настолько малую дозу наркотика.

Если бы возникла необходимость, Абдрахманов, скорее, припрятал бы под подушкой пистолет, наган, гранату, либо нож или кинжал. Видимо, чтобы оправдать свое появление с обыском, милиционеры сами, улучив удобный момент, подложили под подушку прихваченную с собой марихуану, поскольку в доме были люди и сунуть в другое место не представилось возможности. Поскольку заранее продуманная "операция" была претворена в жизнь и существовал составленный ранее протокол обыска, Абдрахманов снова был задержан.

Однако через неделю он сбежал из заключения. Кто знает, как был организован его побег, но факт остается фактом — он бежал среди бела дня. Воспользовавшись моментом во время прогулки заключенных, Абдрахманов перепрыгнул через высокий забор, над которым кем-то предварительно была перерезана колючая проволока, и бесследно исчез. Видимо, по ту сторону забора его кто-то поджидал на автомашине, поэтому, хотя почти тотчас же была поднята тревога, на след беглеца напасть не удалось.

Обращала на себя внимание следующая вещь: когда Абдрахманов с помощью сообщников перепрыгивал через забор, на месте не оказалось ни дежурного милиционера, ни караульного на вышке — один зашел в здание, другой спустился со своего поста вниз. Как это понимать? То ли Абдрахманов им за это заплатил, то ли они специально устроили ему побег, выполняя указания своего начальства? Непонятно!

По тревоге были подняты в ружье и усиленные наряды милиции, и вооруженные автоматами солдаты. В поисках преступника они стали тщательно обшаривать город и прилегающие окрестности. Обыскивали подозрительные дома. Установили контрольные "фильтры" на железной дороге и автостан-

циях. Но никакие действия не принесли результатов, беглец так и не был найден.

Воспользовавшись этим случаем, небольшая группа под предводительством К. Исабаева предоставила первому секретарю районного комитета партии А. Гребеншикову ложные сведения, пытаясь очернить меня, хотя к побегу Абдрахманова я не имел никакого отношения. Они напомнили о том, что у Абдрахманова в свое время была обнаружена под подушкой мадрихуана, что он нанес ножевое ранение Аманбаю, связали все это с его прежними преступлениями и подвели к выводу: "вот какого опасного, матерого преступника судья М. Нарикбаев приговорил к мягкому наказанию и оказал пособничество в его побеге".

Хотя клевета не всегда может обжечь напрямую, но она подобна тлеющему угольку, который готов в любой момент разгореться ярким пламенем. Я заметил, что распространявшиеся вокруг меня слухи в течение каких-то нескольких дней стали превращаться в грязное пятно на моей чести. Неужто я буду спокойно наблюдать, как меня чернят? Чтобы положить конец стремительно развивавшимся сплетням, я тут же написал возмущенное письмо на имя первого секретаря райкома, где сообщил, что никогда, какие бы дела ни рассматривал, не преступал законов нашей республики, что для меня все равно, кто передо мной, "особо опасный рецидивист" или высокопоставленный чиновник, перед законом все равны, поэтому любое дело я рассматривал только с точки зрения закона и привел необходимые доказательства этого. Однако первый секретарь на мое заявление не обратил ни малейшего внимания. Вместо этого, он снова напомнил мне историю с "автомобильной катастрофой", которая случилась в бытность моей работы заведующим отделом культуры Талдыкорганского района, и вновь дал понять, что впереди маячит "могила Коркыта".

Да, что ни говори, куда ни пойду, всюду передо мной пресловутая “могила Коркыта”. Когда я работал адвокатом Аксуйского района, тамошний главный судья впервые вытащил на свет мою причастность к давней “автомобильной катастрофы”, заставив екнуть мое сердце. Мой сослуживец, коллега и соаулчанин именно этой проклятой историей поставил крест на моем продвижении по службе, когда моя кандидатура была предложена на пост председателя суда Талдыкорганского района. И вот снова передо мной “вылезла” на свет божий эта авария, накрепко привязавшаяся ко мне и превратившаяся в неотступную “могилу Коркыта”.

Партсекретарь, который по-своему воспринял тот пасмурный вид, с каким я вошел к нему в кабинет, угрожающе объявил:

— Вот так, товарищ Нарикбаев, партия способна усмирить не только таких опасных и матерых преступников, как Абдрахманов, но и подобных тебе судей. Завтра состоится бюро, будем рассматривать твой вопрос. Не забудь захватить свой партбилет! — последние слова он произнес в приказном порядке, и означали они, по всей видимости, предстоящее исключение из партии.

Во всяком случае, как мне кажется, замахнулись именно на это. Следующим утром часов в шесть раздался беспокойный телефонный звонок. Полусонный, я снял трубку — звонил заведующий отделом районного комитета партии.

— Максут Султанович, извините, что беспокою в такое раннее время, но ситуация вынуждает. В связи с отъездом Алексея Степановича заседание бюро перенесено на семь часов утра. Приезжайте побыстрее! — сказал он и положил трубку, не дав мне даже рта раскрыть.

Что поделаешь, в ту пору мы были солдатами партии. Беспрекословно всему подчинялись. Сказа-

но — значит вперед! “Партия везде победит!” — считали мы. Быстро побрился, не стал даже завтракать и поспешил в райком партии. Еду, а сам думаю: поднимать в такую рань всех с постели и в спешке переворачивать все с ног на голову нет никакой надобности, ведь не подгоняет же враг. Это все кичливость секретаря, который стремится показать, что “своя рука — владыка”. Прием, соответствующий его уровню. За всем этим скрывается подлая мысль: хоть немного напугать, привести в замешательство и вынудить сдать свои позиции.

Как только я вошел в зал заседаний, ко мне один за другим стали подходить хорошо знакомые мне “марионетки” Алексея Степановича и с соболезнующим видом принялись нашептывать на ухо советы:

— Ойбай, Максут Султанович, ваш вопрос стоит на повестке дня первым. Если вы сразу не признаете свою вину и ошибки, дело может еще хуже осложниться. Споры вам только вред нанесут. Правильнее покаяться в допущенных недостатках и признать свою неопытность.

Я разозлился и громко ответил им, чтобы слышали окружающие:

— В чем я виноват, скажите мне, пожалуйста? Что, это я устроил побег Абдрахманову?! Или все-таки виноваты сотрудники органов внутренних дел, которые безответственно относятся к своим служебным обязанностям и утратили бдительность? Прежде чем давать мне советы, вы бы лучше разобрались с этой стороной дела. А с моей стороны не допущено никакого проступка, ответственность за который я должен признать!

Когда часы пробили ровно семь, открылось заседание бюро. Хмурый и решительно настроенный первый секретарь лично объявил повестку дня и перешел к рассматриваемым вопросам. Речь сразу же зашла обо мне.

— Каким образом ты освободил и оправдал особо опасного рецидивиста? — спросил он.

— Алексей Степанович, я его не оправдывал — осудил в соответствии с совершенным преступлением. Что касается самого преступления, то лишения свободы в этом случае не предусмотрено. Если б оно подпадало под заключение на срок до 10 лет, я бы присудил ему весь срок. Однако наказание по рассмотренному мной преступлению ограничивается по закону одним годом исправительных работ. И он этот срок полностью отсидел!

Но разве Алексей Степанович успокоится на этом — продолжал и дальше оперировать нападками.

По его словам выходило, что именно я заложил основу для недавнего побега такого особо опасного преступника, как Абдрахманов. Получалось, что, если бы я в свое время взял во внимание прежние преступления обвиняемого и его неоднократные судимости и, несмотря на незначительность нового правонарушения, “упек” бы его на длительный срок, то сегодняшнего шума с его исчезновением не было бы. Из-за моего неумения предугадывать будущее, видеть на несколько лет вперед, ущерб нанесен всему району, и теперь на честное имя райкома партии и районного управления внутренних дел легло несмываемое пятно. Так достоин ли я как человек, не думающий и не заботящийся о чести и авторитете райкома партии, оставаться в рядах коммунистов или нет? Не поддаваясь никаким посторонним настроениям, члены бюро обязаны срочно, именно сейчас принять решение по этому вопросу.

Начались прения, и присутствующие принялись высказывать свое мнение. Приспешники из окружения первого секретаря успели даже выдвинуть предложение об “исключении из партии”. Однако, слава Богу, не все члены бюро оказались безропотными марионетками, которые только и знают, что кивать

на все головой, именно они положили конец обвинительным речам: если на повестке дня стоит вопрос о побеге преступника Абдрахманова, то М. Нарикбаев не имеет к этому никакого отношения. Разве происшедшее — не слабость и попустительство, допущенные районным управлением внутренних дел, его начальником полковником Анисимовым и подчиненными ему работниками РУВД? Какая необходимость наказывать за случившееся ни в чем не повинного М. Нарикбаева и выгораживать при этом Анисимова?

М. Нарикбаев же, кроме того, что безупречно справляется со своими служебными обязанностями и входит в число наиболее компетентных и толковых судей, является на общественных началах председателем районного общества “Знание”, которое прилагает немало усилий для качественной пропаганды и разъяснения передовой линии партии, а также работает секретарем объединенной первичной партийной организации районного суда, прокуратуры и адвокатуры. Пусть те, кто заботится об авторитете партии и бережет ее честь, попробуют сделать для нее столько, сколько делает М. Нарикбаев. Среди нас появился прекрасный специалист, мы, что же, собираемся задушить ребенка еще в пеленках?

М. Нарикбаев не заурядный человек, это высокообразованная личность, которая подает большие надежды на будущее. Говорят, золотой нож в ножнах долго не залеживается, никто из нас не может дать гарантии, что завтра он не станет генеральным прокурором республики или председателем Верховного Суда. Не зря говорят, “прав и праведный бий, и жалкий раб, когда призывают к сплоченности и объединению”; если мы сегодня, не имея на то веских оснований, примем спорное решение, то какими глазами будем смотреть ему в лицо завтра? А коли мы заботимся о порядочности и честности, то поставленный

на повестку дня вопрос должен быть увязан с тем местом, которое и породило проблему, то есть с районным управлением внутренних дел и с его нерадивыми работниками.

К обоснованному мнению прислушается и самый упрямый — только после этих слов первый секретарь слегка пожурил за допущенные промахи районное управление внутренних дел. Всего лишь, но этого было достаточно, чтобы его преданные сторонники, которые зорко следили за атмосферой заседания, моментально переключились на полковника Анисимова, и вот уже посыпались предложения об его “изгнании из рядов партии и немедленном освобождении от должности”.

Первый секретарь райкома А. Гребенщиков, который не хотел “подставлять под пулю” приходившего ему родственником Анисимова, наметил всю вину переложить на меня, но теперь вынужден был смягчить запланированное наказание. Было принято постановление об объявлении строгого партийного выговора с занесением в учетную карточку и мне, и Анисимову, а дежурившие в день побега капитан и охранник освобождены от работы.

Ораз: Как же ты, являясь сотрудником органов юстиции, согласился со столь вопиющим беззаконием?

Максут: Это правда, что я не стал опротестовывать принятое решение в вышестоящих инстанциях. Однако в связи с постановлением бюро райкома партии я специально отправился в областной суд и подробно изложил случившееся. Члены судебной коллегии облсуда нашли мое решение относительно уголовного дела Абдрахманова верным и единогласно его утвердили. Но А.С. Гребенщиков, хотя и узнал об этом, палец о палец не ударил. Я тоже не пошел к нему на поклон с просьбой о снятии строгого выговора. Он не хотел признавать проявленного

в свое время самодурства в силу своей твердолобости, я же не показывался на глаза бюрократу из чувства собственного достоинства. В конце концов и этот спровоцированный им "строгач", и сама партия, которой он был так предан, превратились в ничто и ушли в небытие.

СТУПЕНИ СЧАСТЬЯ

Ораз: Выходит, решение о переезде в Алматы было принято тобой приблизительно после этой истории с уголовным делом Абдрахманова в Каратальском районе?

Максут: Верно, в связи с уголовным делом Абдрахманова вновь была поднята из глубин памяти давнишняя "автомобильная катастрофа" — преследующая меня по пятам "могила Коркыта".

Вот уже в третий раз я словно получил удар холодного кинжала в сердце со стороны своих земляков, сверстников, собственных коллег!

Уже в третий раз, идя на риск и питая большие надежды на будущее, я терпел неудачу.

Это был уже третий по счету мощный щелчок по лбу, и именно в тот момент, когда я начал ощущать, что поднялся на счастливую ступеньку.

Эх, друг, как же труден путь к счастью! Мне было очень тяжело. Я снова ушел в размышления. Снова беспокойно искал выход. И снова, как и в прошлый раз, пришел к решению окончательно перебраться в центр знаний, в Алматы, чтобы пополнить свой образовательный уровень.

Всем своим сердцем ощущая переживаемую мной горечь и понимая, какая мне нанесена душевная рана, Касия на этот раз не стала ничему противиться.

— Максут, твоя целеустремленность, твоя способность не терять надежды на лучшее будущее и ради

собственного счастья не опускать руки — это тоже подвиг. Ты мой муж, я самый близкий тебе человек, который во всем тебя поддерживает и желает исполнения всех твоих заветных желаний. Я всегда буду видеть опору в твоей несгибаемости, в твоей решительности, в твоём умении никогда не сдаваться. Если нужно, давай переедем в Алматы! — поддержала она меня.

Вот так, столкнувшись в Каратальском районе с вышеописанной ситуацией, мы, предвкушая новую жизнь в столице, как сказал Гали Орманов, “незаметно покинули родной дом”.

Ораз: Максут, ты рассказал, как трижды в результате подлых действий трех разных людей был душевно ранен и испытал тяжкие притеснения. Ну а если ровно наоборот, кого бы ты в своей жизни назвал в числе тех людей, которые одарили тебя незабываемым добром?

Максут: Как ни странно, но это тоже три человека, и у каждого свое отдельное место. Прежде чем повести речь о них, я хотел бы обозначить тринадцать ступеней долгой жизни, которые я прошел в сфере юстиции, то есть дать краткие биографические факты.

Первая ступень — в 1973—1974 годах был стажером и старшим следователем прокуратуры города Талдыкоргана.

Вторая ступень — в 1974—1981 годах являлся членом коллегии адвокатов той же области и работал сначала в Аксуйском, а затем в Коксуйском (ранее — Кировский) районе.

Третья ступень — в 1981 году был избран народным судьей Каратальского района, исполнял эти обязанности до 1987 года.

Четвертая ступень — в 1987—1988 годах принят на работу в Министерство юстиции Казахской ССР в качестве старшего консультанта.

Пятая ступень — в 1988—1990 годах занимал должность прокурора отдела Прокуратуры Казахской ССР.

Шестая ступень — в 1990—1992 годах возглавлял в Министерстве юстиции Республики Казахстан Управление систематизации и пропаганды законодательства.

Седьмая ступень — в 1992 году заведовал сектором государственно-правового отдела в аппарате Президента и Кабинета министров РК.

Восьмая ступень — в 1992—1993 годах был утвержден заведующим отделом правоохранительных органов в аппарате Президента и Кабинета министров РК.

Девятая ступень — с сентября по декабрь 1993 года занимал должность заместителя генерального прокурора РК.

Десятая ступень — в декабре 1993 года был избран и до октября 1995 года работал первым заместителем председателя Верховного Суда РК.

Одиннадцатая ступень — в октябре 1995 года получил назначение и до июня 1996 года занимал пост генерального прокурора Республики Казахстан.

Двенадцатая ступень — в июне 1996 года был избран председателем Верховного Суда РК, работал на этом посту до сентября 2000 года.

Тринадцатая ступень — с июня 2000 года и по настоящий день являюсь ректором Казахского гуманитарно-юридического университета. В связи с этим приоткрою один секрет, о котором мало кто знает.

Тринадцать — очень счастливое для меня число! Видимо, поэтому на своем последнем посту я и сижу намного дольше, чем на прежних ступенях своей служебной карьеры. *(Он слегка улыбнулся.)*

Ораз: О, Максут! Надо же, смотри, как мы с тобой схожи в отношении числа тринадцать! Помнишь, во время государственных экзаменов, когда мы с тобой завершали десятилетку, мне постоянно попадались билеты под тринадцатым номером? На протя-

жении всей жизни мне везет на это счастливое число. Когда я в первый раз сел на поезд, попал в тринадцатое купе; когда впервые полетел самолетом, мне досталось тринадцатое место; когда устроился работать на радио, получил служебное удостоверение под номером тринадцать.

Максут: Вот ты и радуешь нас с давних пор своим писательским искусством.

Ораз: Спасибо, Максут, “доброе слово — половина счастья”. Не помешает иногда получить заряд бодрости. Ну а теперь давай закончим на этом “лирическое отступление” и перейдем к вопросу, который я задал тебе ранее.

Максут: Да, в моей жизни было немало людей, которые с чисто человеческих позиций с подлинной душевной щедростью одаривали меня добром. До самого своего последнего вздоха я буду помнить об этом. Я специально перечислил только что тринадцать ступеней моего трудового пути, чтобы показать, в какие моменты моей жизни эти люди протянули мне руку помощи.

Первым человеком, проявившим ко мне особую благосклонность, был бывший начальник Талдыкорганского областного управления юстиции Мырзаке-рим Адильбаев. Когда бы я ни встречал Мырзекена, его лицо всегда излучало свет доброты, источало внимание и участливость. Мырзекен очень часто приезжал в командировки к нам в Коксуйский район и каждый раз обязательно заглядывал ко мне, чтобы поздороваться, поговорить, поинтересоваться моими делами.

— Ты, парень, брось попусту отговариваться да вступай в партию. А там я сам за тебя возьмусь, — говорил он.

— Ойбай-ау, Мырза-ага, за мной же “грешок” тянется, — оправдывался я, но в душе загоралась надежда.

— Ничего страшного, все уже в прошлом. Ты никого за ноги из машины не бросал под колеса. Сам пострадал в этой аварии, лицом к лицу со смертью был. Тоже мог стать одной из несчастных жертв и погибнуть. Что же теперь, власть тебя добить должна? Нет, такого не будет. Ты единственный сын воина, отдавшего жизнь за нашу великую Родину. Не следует вечно грызть себя за то, что совершил когда-то ошибку, ты должен позаботиться о своем будущем. У тебя тоже есть право на достойную жизнь. Действительно, с твоей стороны была допущена оплошность. Но не годится всю жизнь лишь сожалеть о случившемся. Наоборот, ты обязан бороться — возьми ручку и напиши в Верховный Суд письмо, добейся оправдания! — советовал Мырзекен.

Его слова зародили во мне веру и послужили толчком к действию. Даже эта несущественная помощь, эта поддержка дали такой прилив энергии, будто я заново начал жить. В итоге меньше чем за год я был оправдан в законном порядке и снова вступил в партию. Мырзекен в тот период опять указал мне направление, в котором я должен двигаться, и при его непосредственном участии я был избран народным судьей Каратальского района. Более того, именно он выдвинул мою кандидатуру на пост председателя суда моего родного (Талдыкорганского) района, однако, в связи с некоторыми вышеназванными обстоятельствами, его намерение не воплотилось в жизнь.

Узнав о том, что я решительно настроен на переезд в Алматы, Мырзекен вновь вмешался в мою судьбу и помог в июне 1987 года устроиться на работу в Министерство юстиции.

У него были прекрасные взаимоотношения с тогдашним министром юстиции Долдой Досболовичем Досболовым. Кроме того, большое взаимоуважение сложилось у Мырзекена со старшим консультантом отдела кадров министерства Шуаком Адилевичем

Аймановым. Он при мне позвонил им по телефону, осыпал меня похвалами и сделал лестную характеристику: “Тут под моим присмотром вырос один хороший джигит по фамилии Нарикбаев. В работе очень ответственный. Глубоко образован, у него богатый опыт и большие способности. За какое бы дело ни взялся, все доводит до конца, — ценный кадр...”

Это было смутное время после декабрьских событий 1986 года. Устроиться на работу в государственную структуру было проблематично, особенно усложнился прием для представителей казахской национальности. Однажды старший консультант отдела кадров Шуак Адилевич сообщил мне: “В одном из отделов появилась вакансия. Но, чтобы попасть на это место, требуется согласие начальника этого отдела. Попробуйте договориться с ним”. Ну разве не божьей милостью в тот же день появился в Алматы и Мырзекен? Вместе мы отправились в тот самый министерский отдел. Начальником оказался русский мужчина, он пристально изучил мои документы и заявил:

— Все в порядке, все хорошо, я бы и не раздумывал, однако, к сожалению, вы не являетесь представителем национального меньшинства, — беззастенчиво продемонстрировав свое неодобрение в связи с тем, что я казах, он, выпучив глаза, уставился на меня.

Но и Мырзекену палец в рот не клади — тут же нашелся:

— Да что вы такое говорите, насчет национальности тут ошибочно записано, у него ведь бабушка татарка. Ну а вы разве не слышали поговорку: “Поскреби татарина — найдешь русского”. Русский — его родной язык. Он брат вам! Вот, сами посмотрите, свои труды он тоже на русском пишет! — и Мырзекен бросил перед начальником две мои книги.

Заведующий отделом поневоле обратил на них внимание и слегка задумался. Вот таким образом я и

был принят на работу старшим консультантом в Управление судебных органов.

После избрания судьей Каратальского района это была моя следующая, вторая счастливая ступень в служебной карьере.

Обрати внимание, Мырзекен сделал столько добра на второй, третьей и четвертых ступенях моего трудового пути, словно заменил мне покойного отца Султана, которому не суждено было этого сделать. Когда в человеке поднимается дух и крепнет вера в собственные силы, то дальнейшее его будущее связано напрямую лишь с дарованными ему способностями и качествами характера. Не зря говорят, “герою и глубокий вздох поддержка”, благодаря небольшой человеческой помощи, моя дорога открылась, и я быстро пошел в гору.

Второй замечательный человек, чья доброта оказала существенное влияние на мою жизнь, — это Галихан Ержанов, который в 1990 году был министром юстиции Республики Казахстан. К сожалению, его уже нет с нами. Он не был мне ни земляком, ни сородичем, сам родом с севера Казахстана, из Костанайской области. Когда Галекена, очень чуткого по натуре, собранного и подвижного, назначили на пост министра, я был прокурором отдела в Прокуратуре Казахской ССР. Узнав о новости, отправился к нему в кабинет, чтобы поздравить с новой должностью. До этого назначения Галекен работал у нас — заместителем генерального прокурора Казахской ССР. Непосредственно курировал меня. В ту пору я и днем и ночью не отрывал головы от работы, быстро просматривал порученные мне дела, состоящие иногда из 130, иногда из 150, а порой и из 180 томов, и о результатах докладывал лично Галекену. Заметив мои старания и способности, ту, ответственность, с которой я относился к своим служебным обязанностям, Галихан-ага, оказывается, постоянно держал меня на заметке.

Во время короткого разговора он вдруг сказал:

— Ты хорошо знаешь свою работу и безупречно ее выполняешь. Кроме того, ты правильно делаешь, что часто выступаешь на законодательные темы по телевидению и радио, публикуешься в газетах. Со всем недавно из числа 14 сотрудников подавляющим большинством был выдвинут кандидатом в депутаты городского маслихата. Споткнулся лишь на последнем туре. Ничего страшного, братишка, жизнь на этом не кончается. Похоже, по моим наблюдениям, тебе не везет. Ты знаешь мудрый завет нашего прадеда Бахтыбая? Он говорил:

*Батыр, не унывай, гони печали прочь —
Удача избегает робких и несмелых.
Она тому джигиту может лишь помочь,
Кто с яростным упорством устремится к цели.**

Так-то... Жди от меня известия! — сказал он, прощаясь.

Так и случилось, не прошло и двух месяцев, как он назначил меня начальником Управления систематизации и пропаганды законодательства. Следом предложил мою кандидатуру на должность своего заместителя, но по каким-то причинам меня тогда не утвердили.

Не напрасно в народе говорят: “Хорошему человеку не свойственно отчуждение”, “От хорошего человека жди добра”. Около двух лет я проработал в подчинении Галекена, с добрым напутствием этого благородного человека занял место заведующего сектором государственно-правового отдела в аппарате Президента и Кабинета министров РК и стал расти дальше. Таким образом, незабвенный Галекен сделал множество доброго и светлого, чтобы я поднялся на пятую и шестую ступени своей трудовой карьеры.

* Перевод М. Жанузаковой.

Если Бог слышит любой твой шепот, разве людям не видны твои действия, твоя деятельность — Что скрывать, третьим человеком, который позже сделал для меня столько хорошего, был наш Нурекен, Нурсултан Абишевич — глава нашего государства! Уже одно то, что в 1981 году я по совету Мырзекена отправился поприветствовать Нурсултана Абишевича к нему на прием, оказало доброе влияние на мое резкое продвижение вверх по служебной лестнице — избрание народным судьей Каратальского района.

С того времени прошло двенадцать лет, и в 1993 году Нурекен пригласил меня к себе и объявил о моем назначении заместителем Генерального прокурора Республики Казахстан.

— Ты не думай, что я о тебе забыл, я всегда держал тебя под вниманием. Однако постоянно встречаться с тобой обстоятельства не позволяли. Приступай и работай как следует!

Ты даже не представляешь, дружище, в каком неописуемом состоянии я пребывал в тот момент, когда услышал эти теплые слова!

Чистота совести — это честность. Искренне признаюсь, я безмерно радуюсь тому, что начиная с седьмой ступени своего трудового пути я непрерывно ощущаю доброе внимание со стороны Нурекена. Именно поэтому везде и всегда повторяю: “Я благодарен прежде Богу и моему Президенту”.

Если обобщить вышесказанное, то Нурсултан Назарбаев, Мырзакерим Адильбаев и Галихан Ержанов — это святые для меня люди, которых я боготворю и которым готов служить вечно.

В разные периоды моей жизни было, конечно, немало и других близких мне людей, друзей и коллег, которые в нужный момент протягивали мне руку помощи, оказывали внимание и поддержку. Я всегда говорю о добре и участии, проявленном ко мне в

разное время Каирбеком Сулейменовым, Муратом Раевым, Тохтаром Садыковым.

Выражая свою искреннюю признательность всем этим замечательным и дорогим для меня людям, хочу напомнить слова мудрого мыслителя Востока Фарид-ад-дина Аттара: "Некоторые люди совершают добро вынужденно (по чьему-то принуждению, по требованию большинства и т. д.). Таких "добряков" не следует принимать близко к сердцу. Другие же идут на добрые дела, чтобы прославиться и заработать себе имя. Такое добро нужно просто принять к сведению. Третьи делают добро, когда выдастся случай, попутно. Такое добро нельзя забывать. Ну а четвертая группа (таких мало, но все-таки они есть!) совершает добро всегда, с большой охотой и искренними намерениями, причем это для них такое же рядовое, повседневное занятие, как подышать воздухом или утолить жажду водой. О таких добрых делах нужно говорить громко. Не для того, чтобы поднять авторитет человека, их совершившего, а для того, чтобы разъяснить массам, какими бывают настоящее добро и подлинная добродетель!"

И здесь я хотел бы открыть еще одну свою душевную тайну. Каждый раз, когда надо мной сгущались трудности, когда поднимали голову и набрасывались на меня мои недруги, находились те, кто согревал и вселял в меня силы; если бы ты знал, какое волнение я испытывал, как терял голову и размякал от чувств, когда впервые ощутил расположение к себе Мырзекена, когда познал добро от Галихан-аги, когда позднее почувствовал покровительственное внимание со стороны Нурсултана Абишевича. Ни от кого в своей жизни, кроме матери и бабушки, я не слышал прежде теплых слов, не видел доброй улыбки, не ощущал чуткого отношения, поэтому такая доброта, такое милосердие, такое заботливое покровительство со стороны людей, с которыми меня не свя-

зывала никакая родственная близость, а лишь принадлежность к одному народу, поневоле заставит тебя, дружище, и размякнуть, и растаять от умиления, и преклоняться перед ними.

Рассказывая обо всем пережитом, я считаю уместным вложить в умы подрастающего поколения, нашей молодежи одну вынесенную из собственной жизни мудрость: с какой бы трудной ситуацией ты ни столкнулся, нельзя, предавшись унынию, опустить руки и сдаваться. Нет необходимости из-за какой-то неудачи поминать Бога, ругать или проклинать кого-то. В нашем народе бытуют слова, исполненные глубокой философии: “Будь крепок, как сталь, ко всему случившемуся”. Жизнь — не кратковременный дождь. Она несравненно длиннее. О том, что она не похожа на гладкую, проторенную дорогу, говорили многие мудрецы. Вполне возможно, что в дарованной Аллахом жизни ты столкнешься с какими-то неудачами. Показать свою стальную крепость, терпение и выносливость особенно важно именно в такие моменты.

У великого русского народа есть одна замечательная пословица: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”. Я ее перевел на родной язык и всегда в своей жизни использую. Если, как в этой пословице, под словом “несчастье” понимать “неудачу”, “незавезение”, то перед тобой откроются многие тайны твоей жизни. К примеру, когда в 1970 году, возвращаясь со знаменитого спорткомплекса “Медеу”, я попал в автомобильную аварию, это не было несчастьем, а просто незавезением. Из этой неудачи я вышел счастливым. Потому что остался жив. Вообще, я счастлив от рождения. Поскольку встречать каждый день, каждое новое утро — это уже счастье. Ну а если вспомнить о том, что дома меня ждет мать, любимая супруга, что у меня на глазах подрастают мои дети и внуки, что я занимаю определенное место и соци-

альный статус в обществе, то я — самый счастливый человек во всем мире.

Действительно, прежде чем стать таким, мне пришлось пройти множество трудных ступеней к счастью. Но это не означает, что в те сложные времена я был несчастлив, просто в своем стремлении к новым благим начинаниям мне иногда не везло. Однако, в конце концов, мне удалось полностью преодолеть все неудачи, обратить их в прах, подчинить себе и выйти победителем. И сегодня я по-настоящему и в полной мере ощущаю себя счастливым человеком.

К этому своему счастью я пришел через неудачи и невезение. Если проанализировать и подытожить, то можно сказать следующее:

— если бы я не попал первого сентября 1970 года в “автомобильную катастрофу”, я бы, наверно, продолжал работать заведующим Талдыкорганским районным отделом культуры, снимал документальные фильмы, что обернулось моим любимым занятием, организовывал ансамбли песни и танца и, вполне возможно, вплоть до самого распада Советского Союза жил бы этими заботами и не тужил;

— если бы не этот несчастливый случай, может быть, я не развелся бы со своей первой женой и не встретил свою нынешнюю супругу, по-настоящему близкую и родственную мне душу, которая понимает меня лучше меня самого;

— если бы мой аксуйский коллега не бросил мне в лицо обвинение в связи с этой историей, я бы из этого района до самой старости, наверно, не уехал;

— если бы наш с тобой “друг” не написал на основе все того же злосчастного случая жалобу на меня, скорее всего, меня избрали бы народным судьей Талдыкорганского района, и я по сей день работал бы в этой должности (в лучшем случае получил бы повышение до поста заместителя председателя областного суда);

— если бы в Каратальском районе я не получил партийное взыскание в связи с делом Абдрахманова, скорее всего, моя мечта о переезде в Алматы так и осталась бы где-то в глубине души;

— если бы в свое время я был утвержден заместителем министра юстиции, неизвестно, поднялся бы я позже до тех высоких постов, которые занимал, или нет.

Вот поэтому, глядя на эти примеры из собственной жизни, я и не теряю никогда надежды, повторяя про себя: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”.

Прав тот, кто сказал: “Поспешишь — с носом останешься, а то, что суждено, никуда не уйдет”. Человек достигает полезных для себя высот не потому, что торопится к ним, а потому, что ему суждено их покорить. Если он проявит здоровую целеустремленность, то в любом деле его ждет миг удачи. В пору молодости я не раз страдал от суровостей жизни. Немало было и таких моментов, когда я не знал что делать, чувствовал себя полным неудачником, совсем падал духом и расстраивался до болезненного состояния. И в эти переломные моменты не только хорошие люди помогали мне выправить ситуацию, не только благодаря их поддержке открывался мой путь к счастью, ярко освещенный луной и звездами, своеобразную пользу, наряду с благими делами моих покровителей, оказали и действия тех, кто был настроен ко мне враждебно. Частично я поведал и об этом.

СКАЧКИ КАРЬЕРЫ

Касия: Максут очень быстро поднимался с одной ступеньки служебной лестницы на другую. В один прекрасный день получил назначение на пост гене-

рального прокурора. Прямо перед этим мы отдыхали в санатории "Алатау". Максут в тот день ни с того ни с сего забеспокоился и, не находя себе места, вышел подышать свежим воздухом. В то время он был первым заместителем председателя Верховного Суда. В номере я осталась одна. В какой-то момент и у меня сердце екнуло и тревожно забилося. Задумавшись, я опустила глаза вниз, и мне показалось, будто кто-то появился в комнате. Осторожно приподняла голову, глянула вправо и увидела на диване призрак своего отца Кадыра. Поняла, что это его дух навестил меня. Стараясь не спугнуть его, подняла голову еще выше и незаметно повернулась. О, Алла, отец точно живой. Сидит молча. Только собралась что-то сказать, но не подала ни звука, побоялась, что он исчезнет. А про себя подумала: пускай только сидит. Но это длилось недолго: как неожиданно появился, так же неожиданно он и пропал. Только тогда я разжала губы и стала приговаривать: "Бисмилля, бисмилля!" Сердце же ну прямо взбесилось, словно вставший на дыбы конь. Всем своим существом я почувствовала, что в нашей семье в ближайшее время случится какое-то радостное событие. Потому что и прежде перед большой радостью мой отец вот так же внезапно являлся мне, а потом исчезал.

Через некоторое время вернулся с прогулки Максут. До окончания нашего отпуска оставалось еще дней семь. Недолго думая, я объявила:

— Максут, я возвращаюсь домой.

— Почему? — спросил он, ошарашенно глядя на меня.

— Приеду домой и, пока не закончился отпуск, выбью и высушу на солнышке одеяла и подушки, надо подготовиться к переезду в новый дом, — нашла я благовидный предлог. — Ну а вы с сыном съездите-ка на могилу святого прадеда, поклонитесь праху и прочтите Коран.

Максут сразу понял, что я говорю это с какой-то определенной целью. В тот же день мы спешно собрались и вернулись в город. Наутро Максут уехал в свои родные места, где находилась могила святого прадеда (Кабылисы — Кабан-аты), совершил обряд поклонения, прочел Коран. На родине всегда ощущаешь прилив сил, Максут вдоволь угостился кушом и, как обычно, в приподнятом настроении вернулся домой.

На следующий день он по заведенной привычке отправился прогуляться по терренкуру. Была суббота.

Позвонил помощник Президента Ахан Бижанов.

— Где Маха*? — торопливо спросил он.

— На улице, свежим воздухом дышит! — тревожно ответила я, будто что-то предчувствую.

— Разыщите его побыстрее, пусть свяжется со мной, это крайне важно! — попросил Ахан.

— Сотовый телефон у него в кармане, — только и успела произнести я, как Ахан тут же положил трубку.

Я немедленно начала набирать номер мобильного Максута. Никак не могу дозвониться, похоже, с кем-то разговаривает. Номер все занят и, видимо, в ближайшее время не освободится. “С каким же артистом ты так разболтался, удалой мой, а?!” — подумала я про себя. Поскольку хорошо знаю: стоит ему только сказать, что это артист, певец, танцор или музыкант, как он приходит в такое возбуждение, что обедать не станет, и готов разговаривать без устали десять часов подряд. Но на этот раз мое предположение оказалось неверным. Человек порою склонен винить без вины виноватого, как оказалось потом, именно в тот момент Максут разговаривал с Аханом Бижановым, а потом пулей примчался домой. Запылавшись, крикнул еще с порога:

* М а х а — уважительное от имени Максута.

— Касия, Касия, найди-ка мне свежую рубашку, хотя бы воротник отгладь, я побреюсь, похоже, меня Нурекен разыскивает, — и скрылся в ванной.

Мы только что переехали в новую квартиру. Порядок в доме еще не навели: нашла чистую рубашку, но попробуй в этом хаосе разыскать утюг. Сунулась туда-сюда — нет нигде, сбегала в конце концов к соседям и попросила утюг у них. В общем, что тут говорить, всей семьей дружно бросились собирать и одевать Максута. А дальше пусть он сам расскажет...

Максут: Разве душа будет на месте, если сообщат, что тебя разыскивает глава государства: Боже мой, как я засуетился — наскоро сбрил щетину, ополоснул лицо и руки, быстренько напялил рубашку и вылетел из дома. Сердце колотилось, как резвый жеребенок, громко стучало и никак не хотело успокоиться. Уже в машине я завязал прихваченный в спешке галстук и всю дорогу поправлял его. Сотовый телефон непрерывно трезвонил. Чуть ли не каждую минуту Ахан Бижанов интересовался, где я еду, и поторапливал: “Быстрее, Маха!” И так же беспрерывно я ему отвечал, что еду уже там-то и там-то. Беспокойство Ахана мне было вполне понятно. Видимо, Президент куда-то торопился. Наконец доехали, бегом бросился к лифту, поднялся. Аж вспотел весь от этой спешки. Пот на спине под пиджаком никто не заметит, однако и со лба он лился градом и, хотя я торопливо вытирал его, выступал снова. Щеки пылали, лицо стало красным. Вот и приемная — вошел.

— Я здесь, — едва открыл рот, как Ахан уже юркнул в кабинет Президента.

Моментально вышел назад и пригласил:

— Проходите, пожалуйста.

Я вошел. Нурекен, кажется, и в самом деле меня заждался. Вышагивал по кабинету из стороны в сторону.

— Максут, где ты пропадаешь? — встретил он меня вопросом.

— Я в отпуске, Нуреке. Совершал пробежку по терренкуру, как только услышал, что вы меня вызываете, сразу ноги в руки и к вам, — заулыбался я.

Ораз: А в каком году это было?

Максут: Шестого октября 1995 года. В то время я работал первым заместителем председателя Верховного Суда.

Нурекен сразу перешел к главному:

— Вчера своим указом я учредил Государственный следственный комитет (ГСК), разговор об этом уже давно шел, для руководства им выбрал Жармахана Туякбаева и только что подписал новый указ... Сейчас я уезжаю в Тараз, чтобы объявить о назначении акима Жамбылской области. А тебя поздравляю, начиная с сегодняшнего дня, ты — генеральный прокурор нашей республики! — и он крепко пожал мне руку.

От радостной новости у меня аж дрожь пробежала по телу.

Я торопливо вылетел из дома как первый заместитель председателя Верховного Суда РК, так почему бы теперь не вернуться, важно ступая и не спеша, как подобает генеральному прокурору Республики Казахстан?

Едва открыв дверь, Касия, взглядываясь в мое лицо, спросила:

— Ну, какие новости, зачем он тебя вызывал?

— Назначен генеральным прокурором! — важничая, ответил я.

Вот и пойми после этого человека — округлив глаза, Касия воскликнула:

— А почему не председателем Верховного Суда?

Мы оба дружно рассмеялись. Потому что в последнее время в доме шел разговор именно об этом, мол, возможно, так и произойдет.

Не зря говорится, что “кому-то в радость трон, а кому-то — конь”. Если меня радовали перспективы новой работы и я требовал суюнши* у жены и детей, то мой тогдашний водитель Жанибек Чораев рассмешил всех до слез своим восклицанием:

— Ага, но лучше всего то, что я теперь буду сидеть за рулем “Мерседеса”!

Что говорить, тот день запечатлелся в моей памяти как один из самых счастливых в моей жизни.

Ораз: Максут, когда несколько лет назад я впервые побывал в Астане в пору твоего председательства в Верховном Суде, меня поразило, что здание суда белого цвета, и на его фоне очень гармонично смотрится такой же светлый монумент трем знаменитым биям, воздвигнутый перед ним по твоей инициативе.

Позже, прочитав книгу М. Алиакпарова “Три бия”, я узнал, что ты приложил немало сил, чтобы их внешний вид был именно таким. Чувствую, к белому цвету ты испытываешь особое пристрастие. В чем тут секрет?

Максут: Уже приближаясь к Верховному Суду, человек должен чувствовать исходящую от него законность и справедливость, даже само здание должно радовать глаз и душу, разве не так? Именно этой мысли мы придерживались, когда решили отделать наружные и внутренние стены рабочего здания Верховного Суда в столице нашей республики Астане белым цветом. Мы думали о том, чтобы каждый человек, чем-то обиженный или огорченный, который в поисках справедливости, преодолев столько хлопот, приехал сюда из дальнего уголка, подойдя к зданию Верховного Суда, переступив его порог, светился радостью надежды и думал о том, что именно под этим золотым шаныраком обитают совесть и чистота, честность и справедливость.

* С у ю н ш и — подарок за радостную весть.

К примеру, возьмем мечети, церкви или театры — изящные и красивые интерьеры и внешний вид этих сооружений словно бы сами говорят об их предназначении и какой-то таинственной силой притягивают к себе. Разве это не правильно, если такой же притягательностью будут обладать здания судов? Что скрывать, люди, терпящие преследования и притеснения, зачастую подозрительны, ко всему относятся с сомнением, более того, порой и без вины виноватые. Если перед тем как они встретятся с нужными им сотрудниками суда и начнут с ними беседовать, они укрепятся в мысли, что, мол, хвала Аллаху, от этого здания так и веет справедливостью, их сумрачное настроение улетучится, а в душах поселится уверенность в себе, а это, бесспорно, означает, что их дальнейшие действия будут более плодотворными.

Ораз: Интересует ли юридическую науку история судебной власти нашего государства?

Максут: Если говорить честно, то история судебной власти — все еще белое пятно. Мы только сейчас ее изучаем. По моему мнению, подлинная история судебной власти в нашем государстве начинается с XI-XII веков, когда жил бий Майкы. Его влияние ощущается даже в указах Тауке-хана. Этот вопрос только теперь начал систематизированно исследоваться. В настоящее время я собираю мудрые высказывания и наставления известных биев, которые жили в разных уголках нашей необъятной страны, факты истории их жизни и деятельности, а также портреты и бюсты художников и скульпторов, запечатлевшие их образы. К примеру, в краю Жетысу жили такие прославившиеся своей необыкновенной справедливостью на все три жуза бии, как Ескельды, Балпык и Кабылиса. В моем собрании есть и написанные тобой отдельные книги об этих биях, и труды художников, воссоздавших образы наших прадедов. Причем работа по пополнению собрания не остановилась, она продолжается.

Ораз: Часто приходится слышать: “Лишь бы дело твое в суд не попало”. Чем ты это объяснишь?

Максут: Я думаю, такие слова произносятся, скорее всего, из-за непонимания. Поскольку чувствуется, что в их подтексте лежат суждения человека, уверившегося только в отрицательных примерах. Возможно, где-то какой-то суд и допустил несправедливость. Но это не может служить мерой доверия к деятельности всех судов. В жизни бывает и плохое, и хорошее. Куда мы тогда денем справедливые суды, которые никогда не изменяли правде?

Говоря в общем, если народ не будет подчиняться суду, если не покорится судебной власти, то и жизнь общества не достигнет достойного уровня. Действительно, одно время, а если точнее, в период советской власти, можно было заметить, что в поисках справедливости некоторые люди спешили не в суд, а, допустим, к первому секретарю районного комитета партии. И по-своему они были правы. Потому что в ту пору все мы поклонялись и подчинялись коммунистической партии. Именно поэтому отдельные партийные секретари оказывали давление на суды. Зная об этом, народ не закону поклонялся, а высоким должностям и партийным комитетам и со своими жалобами и просьбами обращался к их работникам. Однако многие вещи решались все-таки самими судами. Например, за семь лет, в течение которых я работал судьей районного масштаба, ни один из секретарей ни разу не оказал на меня какого-либо давления, за исключением случая с Гребенщиковым.

Согласно существующему порядку, решение местного суда не вправе отменить даже Президент, его может изменить лишь Верховный Суд. Самое время сказать, насколько поразительна порой общественная психология. К примеру, некоторые люди, в отношении которых возбуждено дело, обращаются с жалобами к депутатам, к министру, к начальникам

соответствующих управлений. Но это в корне неверно. Каким бы ни был вопрос, он должен решаться только на основании Закона. А лучше всех с законодательством знакомы судьи — непосредственные специалисты этой сферы.

У нас в народе бытуют очень верные слова: “наблюдая за вождем, и сам им станешь”. Вот и у нашего общества, наблюдающего и изучающего передовые традиции, опыт и укоренившиеся правовые навыки в других государствах, постепенно меняется прежнее мировоззрение. Например, в последнее время с каждым днем возрастает число обращающихся в суды, а не как в прежние времена, к акимам и высокопоставленным чиновникам. Более того, люди начали понимать, что с любой стороны гораздо полезнее обратиться в суд, чем пожаловаться Президенту. Так откуда тогда появляются слова, которые ты упомянул выше: “Не дай Бог, если дело попадет в суд” — По этому поводу глава нашего государства Нурсултан Абишевич произнес очень мудрые слова на первом республиканском съезде судей: “Ошибка, допущенная одним судьей, наводит тень на всю судебную систему”. Безусловно, совершенные ошибки сводят на нет авторитет суда. Именно поэтому должны неуклонно расти и развиваться как сознательность народа, так и сознательность судей. Слава Богу, они растут. Это можно заметить по переменам последнего времени.

Изменения коснулись и законов, которые применяются в наших судах. Например, если ранее за определенные преступления осужденных лишали свободы, то, согласно новым законам, вместо заключения на несколько лет, к преступникам стали применяться жесткие меры экономического характера вроде ощутимых штрафов. В будущем такой способ наказания будет применяться шире, поэтому было бы хорошо, если б подготовка к этому началась заранее.

Ораз: О чем тебя заставила задуматься программа Стратегии 2030?

Максут: Такой программы нет ни в одной из стран СНГ. Это вообще явление планетарного масштаба. Благодаря этой стратегии резко изменилось отношение многих государств мира к нашей стране, она открыла путь потоку инвестиций в казахстанскую экономику. Наша целеустремленность рассеяла сомнения богатых западных инвесторов, заставила их поверить в то, что вложенные капиталы вернуться к ним сторицей.

Однако кое-кто из наших соотечественников в сельской местности все еще испытывает нужду, ссылаясь на то, что нет работы. Но я бы сказал, он просто не хочет работать, не хочет по-настоящему трудиться, а ведь может извлечь подлинное богатство из возделанных полей, огородов и садов. А говорю я об этом вот почему. В послевоенные годы к нашему дому прилегал приусадебный участок в 25 соток, который мы использовали под огород. Мой дед Нарикбай и бабушка Гизатбану к тому времени уже состарились, отец Султан не вернулся с войны, так что единственным человеком в нашей семье, который работал, была моя мать Зинаш. Экономика нашего колхоза была в запущенном состоянии. За трудовень матери выдавали немного продовольствия и жалкие деньги, которых ни на что не хватало. Поэтому мы засадили 25 соток возле нашего дома картошкой, питались ею, а излишки вывозили на базар. Кроме того, правление колхоза выделило всем, у кого были на то силы и возможности, еще 15 дополнительных соток из своих площадей за аулом и разрешило высевать там зерновые культуры. Так вот, эти 40 соток земли кормили и одевали всю нашу семью. Конечно, доход не доставался нам с легкостью, все лето приходилось возиться на клочке черной земли. Однако Мать-земля, возделанная нашими руками и политая нашим

потом, хранила и содержала нашу семью и все живое в нашем дворе. Потихоньку мы даже накопили какую-то сумму про запас. Естественно, между запросами того времени и потребностями дня сегодняшнего огромная разница. Однако в нашей нынешней жизни немало и преимуществ. Если в послевоенные годы всю тяжелую, черную работу выполняли в основном голыми руками, то для тех, кто решит объединиться в фермерское хозяйство сегодня, в достатке всевозможной техники. К тому же социалистическая собственность уничтожена, и появилась частная собственность. Сельские жители могут теперь не ограничиваться 25-ю сотками, а вправе стать хозяевами 100 гектаров и еще больших площадей. Требуется только засучить рукава, завязать потуже пояса и трудиться. Причем необходимо организовать этот труд на научной основе, перенимать передовой опыт фермерского движения. Тогда и безработицы не будет, и прибыль появится. Так что названная программа всем нам указывает ясный путь!

Касия: Скажу правду, эта ваша беседа не вызывает у меня особого интереса.

Максут: В таком случае, расскажи о чем-нибудь ты, а мы слушаем.

Касия: Я тоже не стану говорить. Если есть о чем рассказать, так это им — вон они, в белой юрте отдыхают. Одной — восемьдесят пять, это мать Максута и моя свекровь Зинаш-апа; другой — восемьдесят шесть, это моя мама и теща Максута Батима-апа. Как говорят, “мать думает лишь о ребенке, а мысли дитяти гуляют в степи”, так и вы: вот уже два дня с нашего приезда в горы вы ведете душевные беседы между собой, а о двух матерях совершенно забыли. Разве старушкам, которые уже одной ногой стоят в могиле, нужно что-то, кроме теплого слова и внимания? Пойдемте к ним — либо расскажете что-нибудь им, либо будете слушать их.

Максут: Ораз, признаться честно, я ни разу от начала и до конца не слышал рассказа о своем жизненном пути ни от своей матери, ни от тещи, которые уже достигли возраста, когда сегодня еще живы, а завтра их может не стать. Чего только не видели, чего только не пережили эти женщины: и тяжкую пору коллективизации двадцатых годов прошлого века, и голод начала тридцатых, и страшное время репрессий, и Великую Отечественную войну в сороковые годы... “Нет жизни, которая не проходит, нет железа, которое не гнется”, — говорили наши прадеды. Если, не дай Бог, мы внезапно лишимся наших матерей, кто поведаст нам историю наших корней, которую мы жаждем узнать? Пойдем, с твоей помощью и я послушаю их рассказы.

ЛИХОЛЕТЬЯ ЖИЗНИ

Ораз: О ком подумаешь, тот уже перед тобой. Дорогие матери, я восхищен вашими добродетелями. Вы, вероятно, уже прослышали о наших планах— Когда мы приехали в это живописное горное ущелье, где такой великолепный воздух и красота, которой не может насытиться глаз, даже еще до приезда сюда, мы намечали послушать в основном ваши рассказы, так вот, этот момент настал. Ну, кто из вас начнет первой? Сейчас я подключу свой диктофон, и мы будем слушать не перебивая. Нас интересует ваша судьба, то, что вы пережили за свой долгий жизненный путь.

Зинаш-апа, я слышал, что вы когда-то были и комсомолкой, и депутатом, может, вы и начнете?

Зинаш-апай: Э-е, жеребята мои, думаете, у меня выдающаяся биография? Но, раз уж нужно, так и быть, расскажу... Мое настоящее имя, которое мне дали во время старинного обряда наречения, — Зей-

непгульсин. Зинаш стали звать меня родители, а вслед за ними мои сверстники и все остальные. Я родилась в 1919-ом, в год обезьяны. Моего отца звали Койшиманом, а деда — Кыдырали, они из жалаирав, из рода кушик, а еще точнее — из ветви, которая носит имя Байсары. Отец никогда не считался особо зажиточным человеком, хватало только на пропитание, так что жил на грани нужды.

Имя моей матери — Алила (Аулчане и снохи звали ее Альтай или Альжан), она из рода мырза, из ветви кошкар. Ее отца звали Нурпеисом. Наша мать была набожной, читала намаз и держала оразу.

У нее было одно завидное свойство. Сильно развитый дар предчувствия. Благодаря этому, Богом данному чутью она всегда заранее предвидела предстоящие положительные перемены или радостные события в своей судьбе, в семье, среди близких, в своем роду, а также предчувствовала грядущие опасности и тяготы через вещие сны, сочетание выпавших кумалаков и по другим таинственным знакам свыше, при этом не боялась и не скрывала предзнаменований, а делилась ими с домашними за дастарханом.

Иногда у нее случались странные приступы, всегда свойственные людям, отмеченным чудодейственным даром; в такие моменты тело ее судорожно сгибалось, съеживалось, а сама она не находила себе места, впадала в тревожное состояние, все время вздрагивала, теряла покой и будто к чему-то прислушивалась.

Таинственная сила божественного дара порою может так человека прижать, что он не знает куда деться. Когда у матери случались подобные приступы, она обычно испытывала большие мучения, вся покрывалась потом, беспокойно металась и задыхалась. Иногда даже лежала в изнеможении весь день, укрывшись с головой и свернувшись в клубок, словно спящий человек.

Порой она занималась целительством, лечила тех людей, кому сочувствовала. Однако, когда я повзрослела, вступила в ряды комсомола и была избрана депутатом аульного Совета, людям с такими способностями стали чинить препятствия, и ее природному дару не суждено было полностью раскрыться. Известно ведь, что с приходом советской власти стали вести борьбу с муллами и священниками, с бахсы и целителями, с гадалками и предсказателями, со всякого рода святыми и людьми с необыкновенными способностями, мало того, запрещалось даже помянуть Аллаха, и велась воспитательная работа против религиозности. Когда на таких позициях стояла партия, куда было деваться нам — комсомольцам и депутатам? Нашим девизом стал лозунг: “Там, где партия, там и мы — нас ждет победа!”, вот мы и запрещали своим родителям читать намаз, держать оразу, чем повергали их в несчастное состояние и заставляли страдать.

Нас у отца с матерью было три дочери: Гибад, Бибигайша и Зинаш, то есть я; и два сына — Ошакбай и Ошарбай.

Гибад, выйдя замуж, уехала из родных краев на ту сторону Балхаша, ее мужа звали Ильясом. Бибигайшу еще в возрасте 12 или 13 лет увез к себе один бай по имени Ошакбай, аул которого относится роду ысты в составе дулатов Старшего жуза и находится на побережье озера Балхаш. Увез с согласия отца, выплатив за мою сестру солидный калым. Это было осенью. Согласно народной традиции, провели обряд прощания и плач по покидающей родину невесте. Вместе с Бибигайшой отправились в ее новый дом и мы с матерью.

Садясь на лошадь, мать предупредила Бибигайшу:

— Пока не удалимся за семь холмов, не оглядывайся, доченька, даже если услышишь, что отец умер. Это плохая примета, — и зорко приглядывала за ней.

Наши края заняты в основном песками и полупустыней, поэтому они преобразуются только весной и до середины лета. В близлежащих к руслу реки Или и ее рукавам ущельях и логах, на пастбищах, в округлых впадинах и низинах с мая и вплоть до конца июня, а иногда даже до июля зеленеют листвою тальник, туранга, джида, джингил, другие деревья и кустарники, пустынные травы, которые придают пескам цветущий вид. Когда начинают цвести акация и джида, по всем окрестным пескам распространяется приятный, пьянящий аромат.

В июньскую пору заводят свои песни жаворонки и скворцы, стрекочут в траве кузнечики, наполняя слух степной музыкой. В те же месяцы, когда расцветают красные, желтые и зеленовато-белые тюльпаны и акация, песчаные ложбины сплошь заплетают крепкие ветви никогда не увядающего низкорослого баялыша, и округа приобретают желтовато-рыжий оттенок и какую-то особенную красоту. В разгар весны, после того как схлынет проливной дождь, пески меняют свой облик, становятся совершенно рыжими, поблескивая на солнце плоскими взгорками; в подобные обильные на осадки годы образовавшиеся от талого снега в округлых впадинах маленькие озерца долгое время не высыхают, их поверхность покрывают стаи гусей и уток, а берега облюбовывают белоголовые журавли, степные рябчики и фазаны.

В такие благодатные времена мы с Бибигайшой присоединялись к другим аульным мальчишкам и девчонкам, отправлялись к берегам этих многочисленных маленьких озер, собирали птичьи яйца и с полными подолами возвращались, довольные, домой. В тот год, когда сестру выдали замуж, нам не удалось совершить такую вылазку. Хотя кому-то это было в радость, мол, зима выпала мягкой, но из-за этого редко шел снег, лег тонким слоем, воды по

весне натаяло не так уж много, поэтому и мелких озер образовалось мало, не как в прежние годы. Вместо них, появилось множество круглых такыров и открытых пустошей.

Но вот подошла и ранняя ветреная осень, которая развеивает тучи песка, а мы сидим на спине мерно покачивающего головой верблюда и провожаем к новой родне Биbigайшу. Стоял уже сентябрь, и, если бы не порывы характерного осеннего ветра, в это трудно было бы поверить, потому что воздух по-прежнему отдавал жаром, зной все еще не спал, а на далеком синем горизонте брезжил голубоватым маревом пустынный мираж. Мы то попадаем в заросли молодого саксаульника, подрагивающего своими светлосерыми кисточками, точно козлиными бородками, то едем вдоль кустарников туранги, то мимо древних кривых саксаулов, сбившихся в группу, точно постаревшие танцоры.

На Или много мест, которые можно перейти вброд. Когда мы приблизились к берегам, где течение особенно спокойное, стали встречаться островки серого и серебристого ковыля, чия, других степных трав. А потом въехали и в поросшую разными сортами полыни степь. Остались позади и высохшие русла речных рукавов и днища мелких озер, солончаковые низины с выступившей на поверхность солью, голые, потрескавшиеся такыры.

Для человека, который внимательно взглянется в неброскую красоту песков, и их облик кажется привлекательным. Когда мы подошли вплотную к руслу реки Или, раскинувшемуся широкими рукавами, то уперлись в такие густые заросли камыша, тростника и девственных тугаев, что, казалось, сквозь них и собака свою мордочку не просунет. Зверя и птицы в таких местах полно. Особенно часто выскакивают из тугаев зайцы-русаки, мелькая меж кустов рыжеватыми спинками, а то перережет внезапно дорогу,

напугав тебя до смерти, фыркающий фазан, ярко-красные перья которого будто соперничают с солнцем.

В дороге мы заночевали с краю прелестной джидовой рощи с поспевшими плодами, а на следующий день ближе к полудню добрались до аула сватов.

Кстати, когда до аула, ожидающего невесту, оставалось примерно с полкилометра, к нам навстречу вереницей потянулись аульные женщины, посадили верблюда Бибигайши на колени, спустили ее на землю и осыпали шашу. Потом познакомились с моей матерью и повели нас в аул.

Бибигайшу они взяли с собой, заставив идти пешком, а когда аул стал виден точно на ладони, показали, как она должна его поприветствовать. Перед нами появилась еще одна группа женщин, на этот раз молоденьких девушек и снох, снова посыпалось шашу. Теперь уже и моей матери, поддерживая под руки, помогли сойти с коня и, приложив руку к груди, поздравили ее и выразили почтение.

Мне в ту пору было около девяти-десяти лет. То ли в силу своего детского возраста, то ли потому, что мне было жалко совсем еще юную старшую сестру, однако долгое время я ненавидела мужа Бибигайши, так же, как брезгают собачатиной. Но кто обратит на меня внимание?

Получив в уплату калыма за Бибигайшу приличное стадо скота, отец разбогател, и во время переписи 1929—1930 годов был причислен к разряду крестьян среднего достатка. Так что советской властью он был взят на заметку как “середняк”.

В то время я только вступила в пору своего отрочества. И хотя уже хорошо осознавала, что происходит на бытовом уровне и в семье, большую жизнь, происходящие общественные перемены, смысл поднимавшихся восстаний недопонимала. Однако в моей

памяти сохранилось, что, должно быть, осенью 1928 года повсюду разносилась шумная молва: “говорят, единоличные хозяйства объединяют в общее, это, похоже, и называется коллективизацией, говорят, скот баев и кулаков делят между пастухами и наемными работниками”.

Ораз: Вы правы, апа. Декрет “О регистрации байских хозяйств” был принят в нашей стране 27 августа 1928 года.

К концу 1928 года политика уничтожения баев и кулаков как класса уже велась массово. Недалекие прихвостни из местных исполнительных органов, готовые головы снять, когда прикажут состричь волосы, и ярые доносчики тут же причислили к этому классу середняков и со словами “не отдашь сам, заберем силой” прошлись по их головам властной дубиной, заставив всех горько рыдать от отчаянья.

Зинаш-апай: И не говори, светик мой, плохое было время. Поводов, чтобы обвинить кого-то в чем-то дурном, было предостаточно. “По происхождению он из знатных баев”, “Это потомок высокородного богача, который притеснял народ”, “В их роду одни священники и муллы”, “Это продажные прислужники биев и волостных”, “Они коварные подлецы, которые сочувствуют свергнутому” и т. п. — вот такие доносы становились поводом для предъявления обвинения, после чего забирали все имущество и полностью разоряли хозяйство. Но и на этом не останавливались, всю семью вместе с детьми изгоняли с насиженных мест, высылали на чужбину, поднимая крик и вопли, заставляя проливать кровавые слезы. Видя такое, многие люди целыми аулами спешно откочевывали на земли ближайших соседей: к русским, узбекам, кыргызам, туркменам, даже в Китай и Монголию.

Когда конфискация скота коснулась и середняков, которых отнесли к баям и кулакам, народ стал

роптать, и пошел гулять тайный клич: “Все, под ком есть конь, на борьбу! Уничтожим красных прихвостней!”

В ту пору, благодаря полученному калыму, у моего отца было около семидесяти коз и баранов вместе с ягнятами и козлятами, одна кобыла с жеребенком и пара верблюдов. Вконец обнаглевшие и зазнавшиеся, воры-сборщики разорили и повергли в горе моего отца, заявив, что он “только что разбогатевший кулак”. А позже мы узнали, что к середнякам относились лишь те, у кого было больше 300 голов скота.

Ораз: Судя по рассказам таких, как вы, убеленных сединами очевидцев давних событий и по тем свидетельствам, что мы прочли в книгах и архивных документах, страшное горе и тяжелые испытания, которые налетели с яростью снежного бурана, принесла народу, я думаю, не столько сама советская власть, сколько тщеславные исполнители на местах, подхалимы и послушные марионетки, спешившие выслужиться перед начальством. Коллективизация хозяйств в 1928 году велась по всей территории Советов и, согласно плану правительства, должна была производиться поэтапно. Однако на самом деле этого, похоже, не произошло. К примеру, если в целом по Казахстану коллективизация должна была в 1931 году охватить не менее 50% хозяйств, то местные управленцы ухитрились уже в 1930 году поднять этот показатель до 64%. Тогдашний первый руководитель Казахстана небезысвестный Ф.И. Голощекин провел эту кампанию в виде волонтаристского эксперимента под названием “Малый Октябрь”.

Зинаш-апай: Эту сторону вы, светочи мои, лучше меня знаете, вы люди образованные, читали много. Я же знаю одно: в период между 1928 и 1933 годами народ подвергся чрезвычайным испытаниям. Когда у людей отобрали все подчистую — и мелкий, и круп-

ный рогатый скот, благодаря которому они существовали, начался голод, а за ним и мор. Об этом времени каждый рассказывает по-разному, но, как я помню, голод стал давать о себе знать начиная с 1930-го.

Весной того года скоропостижно, не дожив до шестидесяти лет, скончался мой отец. Его прах покоится на одном из древних кладбищ на берегу реки Или. В окрестностях Акколя.

У Койшимана-коке было одно завидное достоинство — любил петь, читать стихи, никогда не пропускал ни один айтыс, который устраивали между аулами, словом, поэтическая душа. Несмотря на свою бедность, он не печалился, посещал все тои, празднества, народные игрища и развлечения, отличался живым и веселым характером, был душой любой компании.

Зато я почти ничего не помню из того времени, когда позднее отец надел на голову чалму, стал муллой и ударился в религиозность.

Мать моего отца, то есть моя бабушка, была дочерью жалаирского рода мырза, представителя которого и поныне живут в окрестностях Талдыкоргана. Вот как-то мой отец Койшиман и отправился навестить своих нагаши — родственников по материнской линии. Отдыхал, веселился, не расставаясь с домброй и песнями, а в один прекрасный день выкрал себе невесту — мою мать Алилу, и сбежал на родину.

Алила жила в местечке Кемераши, облюбованном родом мырза, и принадлежала к ветви кошкар. Выкрыв невесту, отец привез ее в родные края, в Акколь, что на берегу реки Или. Там у отца жила родная тетка Бибиш, старшая сестра его матери. Она была одной из трех жен зажиточного бая. Не просто одной из трех, а самой старшей — байбише. Вот к ней и привез Койшиман мою мать.

У отцовского жезде, то есть того самого бая, женой которому приходилась Бибиш-апа, от токал —

самой младшей жены, был сын по имени Загипар, с которым мы потом вместе в 1929 году учились в местной школе, где познавали грамоту еще на латинице.

В общем, жили мы так, жили, а зимой началась голодуха. Так как весь скот с подворьев власть угнала, то голод разрастался очень быстро, народ словно косою косило.

Моего отца, у которого появился скот благодаря уплаченному за Бибигайшу калыму и которого из-за этого причислили к середнякам, тоже увели со двора всю скотину, до самого последнего барашка, мало того, даже заготовленное на зиму мясо забрали. Конфискацию производили казахи, вышедшие из нашей же среды новоявленные **“батраки”**.

Было такое время, что человека подвергали наказанию даже за сочувствие к неугодным. Кто-то новую власть принял, а кто-то ее ненавидел. Куда бы ты ни пошел, у тебя не было иного выхода, как кому-то подчиниться. Поэтому голод приобрел такой массовый характер.

У моей матери Алилы было три брата — Жаксылык с Мыктыбеком и еще один, Керимбек. Керимбек остался на родине, в Кемераше, что на берегу Каратала. А Жаксылык с Мыктыбеком жили с нами. Вчетвером они, рано лишившись отца с матерью, росли сиротами.

У меня было два младших братишки — Ошакбай и Ошарбай, они умерли в детском возрасте. Об отце я уже сказала выше.

В конце концов, когда стало особенно трудно, мы с матерью, Мыктыбек и Жаксылык со своими детьми отправились пешим ходом в родные края моих нагаше — родичей из рода мырза, чтобы там, в окрестностях реки Каратал, найти своих близких.

Была, конечно, и особая причина, из-за которой мы так быстро снялись с места. У моего отца был

двоюродный брат по имени Ахметше. С того дня, как установилась советская власть, он почти сразу оказался на коне и получил прозвище “куцый подол”*. Видимо, оттого, что он всю жизнь работал на баев, натерпелся от них притеснений, оскорблений и насилия, едва услышал, что “новая власть — это власть бедняков, батраков и крестьян”, как сразу же записался в “батраки” и встал на сторону Советов. Очень скоро он выбился в большие начальники, так что, как говорится, в его руках оказалась дубина для усмирения непокорных. Всех, кого можно было, в округе он подверг тяжким преследованиям, точно врагом им был, а когда уже не к кому было прицепиться, стал являться к нашей матери, похоронившей мужа, и то и дело угрожать.

Покойная мать была не из пугливых, если разозлится, любого человека могла поставить на место. Ахметше постоянно задевал ее: “Ты вдова середняка, который продал свою дочь за скот и получил калым”. Сначала она молча сносила эти выпады, но любому терпению приходит конец — не выдержав однажды, мать разразилась громом:

— Говорят, “поставишь журавля есаулом — оглохнешь от крика”, так и ты, чертов прихвостень, пристал на беду мою, нашел врага, да не на стороне, а среди своих близких! Да после этого я не только на тебя да на таких же, как ты марионеток, которые послушнее псов, — на власть, которую ты выбрал, чихать хотела!

И тогда она решила уехать к родичам. Откуда нам было в то время понять, отчего скандалят взрослые? Как-то вечером мать приказным тоном сказала нам:

* Казахи носили длиннополую одежду, поэтому такое прозвище указывало на то, что человек одет либо в кожанку, либо в гимнастерку, характерные для того времени, что выдавало в нем ярого активиста новой власти.

— Ложитесь спать пораньше, завтра рано утром отправимся в путь!

Я грела руки над тлевшими в очаге саксаульными угольками, взгляд мой случайно упал на мать, а она, о Боже, сидит и, беззвучно всхлипывая, плачет.

— Апа, что с тобой? — не выдержала я.

Мать тут же прекратила плакать и сказала:

— Да будь он проклят, правду говорят, что “душу из тебя близкий вытянет”. Да как не горевать, если тебя не чужак, не какой-то сторонний человек старается толкнуть, а единственный брат твоего отца — Ахметше? Наши прадеды говорили: “Не живи бок о бок с человеком, у которого нет сердца”. Раз уж он показал хребет, то придет время — шею свернет. Пока не поздно, пока мы в полном здравии, надо поспешить, дочка, и разыскать родичей, иначе совсем лишимся сил и помрем в дороге. Только риск теперь наш попутчик! — твердо закончила она.

Мать говорила решительно, но я все же с призрачной надеждой спросила, глядя на нее погрустневшими глазами:

— У нас же ни повозки, ни коня нет, на чем мы поедем, а что с домом делать будем?

— Все оставим. Имущество — дерьмо, ничего нам не нужно. Будем лишь молить Бога, чтобы остаться живыми и здоровыми. Ну, а теперь ложитесь! — скомандовала она, устанавливая над огнем в очаге таз для стирки.

Кто знает, когда и как мать все успевала сделать; когда утром мы засветло встали с постелей, она уже вскипятила чай и приготовила для каждого коржун* или торбу с кое-какой одежонкой и мешочками, наполненными жареной пшеницей, пшеном, толокном, куртом и малтой**.

* К о р ж у н — переметная сума.

** М а л т а — пропитанные бульоном кусочки курта.

Дети есть дети — нам никакого дела не было до того, что над нашими головами сгущались черные тучи, собирались с криком, спорами и ссорами, наконец вышли в дорогу.

Мать тогда навесила на меня еще и мешок с четырьмя здоровыми клубками домашней пряжи. Правду говорят: “Не до кобылы, когда в беде собственная голова” — юрту даже разбирать не стали. До сих пор в моей памяти, как покойная мать, когда все мы вышли из дома, смазала порог юрты жиром, который ей удалось соскрести со старой шкуры, шепотом произнесла какой-то наговор, потом поцеловала порожек, а к верхней части кереге* привязала лоскут белой ткани.

— Ну, дети, пошли! — кликнула она нас.

Долгое время мы брели по берегу реки Или.

В 1931 году, в разгар коллективизации, голод уже вовсю свирепствовал, а в 1932 году он достиг своего пика — народ охватил повальный мор.

Ораз: А говорите, не читала, мол, состарилась, не помню точно, а сами, апа, все правильно вспомнили: согласно множеству источников, голод начался в 1929 году и продолжался до весны 1933-го, то есть длился 4 года и 3 месяца. Только весной 1933 года в голодающий край стали доставлять продовольствие. В некоторых архивах сохранились сведения об открывшихся в отдельных районах “общих кухнях”, где выживших кормили из общего котла.

Зинаш-апай: Это правда, солнышко. Мы собственными глазами видели и голодающих, и умерших от голода. Не знаю почему, но оголодавшие люди сначала вспухают, а потом умирают. В городах и пригородных аулах дошли до такого состояния, что готовы были разорвать нищих и попрошаек. Знаю, что в песках Бьжи, Жетьжал и Аяккара люди даже лови-

* К е р е г е — решетчатые стенки остова юрты.

ли сусликов, крыс, других грызунов и барсуков, а если не удавалось поймать, доставали и поедали зерно из их нор. Каждый второй не брезговал черепахами, змеями, воробьями, голубями, воронами и сороками.

Ну а наши родичи и знакомые в окрестностях Талдыкоргана и Текели собирали колоски, толкли дикорастущее просо, выкапывали корешки, а если повезет и найдется кусок кожи, засохший желудок или старая шкура, долго кипятили их, мелко стругали, а потом съедали — мы такое частенько видели.

Когда добрались до Кемераши, где проживала материнская родня, оказалось, что ее родной брат Керимбек живет в Малогоровке. По своим взглядам он был противником большевистской власти.

К нему мы дошли зимой 1930 года. Перезимовали. В ту зиму население Кемераши и Еркина почти полностью вымерло. Ну а жители второго и шестого аулов Малогоровки, куда мы прибыли, ту зиму перенесли благополучно. Дело в том, что у местных жителей были большие запасы картошки, капусты, соленых огурцов и помидоров и других овощей.

Да, я уже говорила, что в Талдыкорган мы пришли с двумя братишками матери, Жаксылыком и Мыктыбеком, с нами был еще приемный сын Жаксылыка Сулеймен. Все вместе мы перезимовали в доме Керимбека. Жену Керимбека звали Айкумис. Совестливая, очень щедрая по натуре, добрейшей души человек.

Жаксылык позже обосновался в Кемераши. Там у него родились две дочери: Гайни и Даметкен.

Поскольку Керимбек-агай был против власти, то зимой часто прятался под кроватью и старался не попадаться на глаза людям. Кончилась зима, с приходом весны народ вышел собирать по полям колоски. Многие стали откочевывать в Китай, целыми аулами бежали. В тот год Керимбек всю зиму напролет уговаривал мою мать тоже уйти в Китай.

— Доберемся до Китая и продадим твою дочь, говорят, в той стороне женщины и девушки в большой цене, — соблазнял он.

У него самого был единственный сын — Малай. Мы с ним одного возраста.

Когда я однажды услышала слова Керимбека, то сразу завопила: “Не поедем!” — и, топоча ногами, разрыдалась. Мать меня поддержала.

Едва стаял снег и дни стали теплее, как мы присоединились к людям и тоже стали собирать на прошлогодних посевных площадях оставшиеся колоски, рвали съедобные травы, тем и кормились.

Керимбек все-таки уехал в Китай. Мы остались вдвоем с матерью. Жаксылык с семьей и Мыктыбеком жили отдельно. Ближе к лету в окрестностях Кемераши образовали 4 небольших колхоза, назвали их “Еркин”, “Сарыбулак”, “Кемераши” и “Казахстан”. Поехали в Еркин, мать вступила в колхоз. Мне тогда шел шестнадцатый год.

В Еркине жили родственники моего покойного отца Койшимана по материнской линии. Они меня пристроили в школу. В школе я и познакомилась с отцом Максута Султаном и впоследствии вышла за него замуж.

Он был высоким, сухощавым, красивым черноволосым джигитом. Старше меня на три года, то есть 1916 года рождения. Поженились мы в 1936 году. Когда я была на сносях, в наш аул однажды приехали артисты и показали спектакль. Ни о чем не тревожась, я беззаботно сидела в первых рядах. Неожиданно в ходе спектакля разыграли сцену скандала, во время которой раздался ружейный выстрел. Только-то, но я так испугалась, что упала в обморок. В общем, из-за этого у меня случился шестимесячный выкидыш. Младенец не выжил, как жалко, это был сын.

Там в Еркине я получила семиклассное образование. В комсомол вступила. Муж воодушевлял и

дальше учиться. На первых выборах 1937 года меня избрали депутатом аульного Совета.

Султан был очень жадный до знаний. Выучился в Талдыкоргане на бухгалтера. Стал главным бухгалтером колхоза. Коммунист. Поскольку он хорошо работал, местное начальство в первый год войны оставило его в колхозе по брони. На следующий год они опять хотели его освободить от воинской службы, но Султан сам попросился и ушел на фронт. Это было 9 января 1942 года.

Мы часто получали от него письма. Однако большинство наших писем до него не доходили. Дело в том, что их воинское подразделение не стояло на одном месте. И хотя Султан прекрасно знал об этом, все равно обиженно писал: “Зинаш-ау, что с тобой, у тебя же рука не отвалится, неужто трудно хотя бы пару фраз чиркнуть, мол, живы-здоровы мы?” — а я расстраивалась до глубины души. В тот же день, в ту же ночь садилась за ответ, всегда начиная со слов “ты мне дороже золота и серебра”, и сразу отправляла ему, но что поделаешь, многие письма опять до него не доходили. В тот год у нас родился сын, Нарикбай-ата назвал его Махмудом. Мы и об этом радостном событии сообщили в письме. Я даже не знаю, дошла до него эта весть или нет, — в конце июня получили похоронку. Из нашего аула одновременно на фронт ушли трое. На всех трех пришла “черная бумага”. Максуту было два годика. Махмуд еще со-сал грудь.

Надо отдать должное, за обоими моими сыновьями присматривала, растила, опекала их моя свекровь Гизатбану. Светлейшая, она была чиста душой, как ребенок, очень добра и милосердна. Мухе не давала сесть на детей, ночами не спала, ни минуты покоя не знала, все заботы только о них, мир ее праху.

Раз выдался случай, я обязана сказать несколько слов о своем свекре Нарикбае и свекрови Гизатбану.

Когда я стала их невесткой, отец Султана — Нарикбай, был уже пожилым человеком. По происхождению он из жалаиров, из рода мырза, потомок Есберли и Ескары. У старика Жуниса родились четыре сына: Оразбек, Оразгул, Нарикбай и Смагул, — а также единственная дочь, тезка моей старшей сестры Бибигайша. Слава Аллаху, от них остались наследники, и род продолжается.

Из дома, в который я вошла как сноха, до нас отделилось 20 молодых семей, которые подняли собственные отау. Видимо, поэтому Нарикбай-ата частенько напоминал родным и близким: “Ваш долг свято чтить этот священный шанырак”.

У свекра были большие легкие, после войны в возрасте около шестидесяти лет от этой болезни легких он и скончался, почтенный. Всем миром, насколько позволили наши возможности, мы проводили покойного в последний путь.

Байбише Нарикбай-аты Гизатбану была дочерью купца-татарина из Шубарагаш-Ойжайлау — одного из самых красивых мест в Жетысу. Слов нет, она была прекрасной женщиной, с множеством человеческих достоинств.

Свекровь обладала замечательным даром — она мастерски играла на однорядной и двурядной гармониях. Задорно наигрывала и казахские, и татарские песни, прекрасно пела. Бывало, в моменты приподнятого настроения как запоет:

*На веселый, многолюдный, я приехала на той,
Если бы не праздник этот, я б не встретилась с тобой.
Так давай же веселиться, песнь пусть льется до утра,
В танце будем мы кружиться, словно мельничный ветряк!** —

а потом и вовсе в пляс пустится:

* Перевод М. Жанузаковой.

*Налетай, садись с раздольем —
Щедрым обещает быть застолье.
Будем мы сегодня веселиться,
Чтоб врагам осталось только злиться!**

С мужем я прожила всего лишь семь лет, а вот со свекровью — тридцать семь. Необыкновенно скромной, очень гостеприимной, невероятно чуткой и внимательной была покойная. Ушла она от нас в 92 — в 1972 году. Похоронили ее, по возможности, с почестями.

А теперь расскажу о некоторых фактах из своей биографии. Во время войны я три года заведовала аульным магазином. Как-то наш магазин обокрали, и мне предстояло ответить за образовавшуюся недостачу. Но вышестоящее начальство рассмотрело случившееся со справедливостью, поэтому украденный товар и деньги за него были списаны. После этого я работала на ферме — заведующей. Где бы ни трудилась, свои обязанности исполняла, насколько могла, преданно и аккуратно. Никогда никому не причиняла зла, не стремилась воспользоваться чьими-то правами. Трудилась честно, а на долю мою выпадали одни страдания. Вот и на службе — сделала несколько шагов вперед, но дальше так и не продвинулась.

Любимый супруг Султан, с которым я соединилась еще юной девушкой, в конце июня 1942 года пал на поле битвы.

Ближе к концу Великой Отечественной войны ушел из жизни Нарикбай-ата — опора и счастье нашего шанырака.

Я успокаивала себя: “Моя надежда и поддержка — два моих крыла”, но кто-то сглазил Махмуда, и в 1948 году шестилетним он умер.

В шумном когда-то дворе, под осиротевшим ша-

* Перевод М. Жанузаковой.

ныраком мы остались только втроем: моя свекровь Гизатбану, я и мой сын Максут. Конечно, и за это я благодарна Богу! Моя мать Алила жила в то время отдельно, в ауле Кемераши, потом она переехала к нам.

Похоже, главный долг живого человека, солнце мое, — продолжать жить. Тяготы и горе войны коснулись не только нас, практически всех. Но и в годы войны, и в послевоенный период люди не замыкались, оплакивая свою судьбу. Все до единого, даже инвалиды войны, занимались тем, что было под силу, и прилагали все свои старания, чтобы поднять разрушенное войной хозяйство. Мы тоже дружно трудились вместе со всеми, не сетуя на вдовство и сиротство.

После войны я полгода проучилась в Талдыкоргане в школе механизаторов и освоила профессию комбайнера. Комбайны в ту пору цепляли к тракторам. Трактор, который тащил мой комбайн, водил парнишка из нашего аула по имени Жанайбек. Время от времени он кричал мне из своего трактора:

— Тетя Зинакай, остановиться? — причем слово “тетя” произносил по-русски.

Я же в ответ показывала кулак и кричала:

— Каншай!*

Эта наша перекличка (“Тетя Зинакай” — “Каншай”) стала притчей во языцех у наших аулчан, а потом и вовсе превратилась в веселую поговорку.

Словом, в те трудные годы никто не отлынивал от работы, жалуясь на беспомощность, мол, я еще ребенок, или я сирота, у меня дети малые, я несчастная вдова. Есть специальность, нет ее — все, не считаясь со временем, с самого рассвета и до темноты трудились или в поле, или на току. Все до единого, включая согбенных стариков и подростков, вкалы-

* Искраженное русское “кончай”.

вали на стройке, пасли скот, доили коров, поливали и пололи сахарную свеклу, ухаживали за посевами и занимались другой подобной сельской работой.

В те годы случилась еще одна перемена в моей жизни. В нашем ауле жили два брата, наполовину казахи Жансеит и Байсеит Болатбаевы. Когда-то их отец, кажется, был баем. Можно только удивляться, какими активными и неутомимыми по части сватовства были в свое время наши отцы и матери! Не успела я и пикнуть, как моя покойная свекровь Гизатбану, пока я была на работе, ввела в наш дом одного из братьев — Жансеита. Раньше он служил в милиции, но, должно быть, из-за своего характера попал в “отсидку”. Как он свекрови понравился, до сих пор не пойму. Свекор уже умер, скончался малыш Махмуд, Максут был еще маленьким. Вот и замыслила она нас соединить. Я долго не соглашалась на ее уговоры. В конце концов свекровь одержала победу. Мы поженились. Жансеит стал членом нашей семьи. Его двоюродный старший брат Байсеит долго на него обижался и злился: “чирий на ровном месте, приبلудным мужем заделался”. Жансеит был на два года старше меня. На войне не был, потому что на него тогда завели дело и посадили за решетку.

Как только провели брачный обряд, взяли с ним под присмотр отару овец и уехали чабанить. У Жансеита было одно дурное качество, он был страшным ревнивцем. Ревновал меня к каждому встречному. На этой почве устроил дебош заведующему фермой и в итоге был во второй раз осужден — на семь лет.

После осуждения первое время сидел в Талдыкоргане, я переехала поближе к нему. В 1955 году он вернулся, умолял простить, мол, взбесился по дурости, больше такого не повторится, в общем, соединились мы снова.

Примирившись, опять нанялись в чабаны и четыре или пять лет пасли овец. Заработок был непло-

хим. Жили средне: беднее одних, но лучше других. Максутжан повзрослел, привел в дом невестку. Что греха таить, к чему тут лгать — свадьбу детям справил Жансеит. Да успокоится его душа, очень уж он любил лошадей. Был у него один красивый конь по кличке Акбоз. Довольно часто он выставлял его на скачках, поэтому тщательно за ним ухаживал. Следует признать правду, прежние ревнивые выходки он оставил в прошлом. Но пристрастился к водке и как-то пьяным свалился с этого коня прямо на центральной улице села и от полученных травм головы через день умер. Акбоза мы зарезали на поминальный ас в годовщину его смерти. Максутжан установил на его могиле памятник.

Есть еще одна вещь, о которой я должна рассказать. Если не напутала, то где-то в 1940 году моя старшая сестра Бибигайша, которую увезли в свое время в край, где живут наши соотечественники из рода Ысты, разошлась со своим мужем Ошакбаем и осталась одна. Об этом прослышал двоюродный братишка моего отца Ахметше, который в свое время притеснял мою мать, разыскал Бибигайшу и взял ее к себе. Услышав об этом, Алила-шеше упросила Султана съездить в Баканас, и он привез мою сестру в Еркин. Вот так через много лет мы наконец свиделись.

Через некоторое время Султан сосватал ее за одноаулчанина из Еркина Есжана — сына Мамбета Шарипа из рода мырза. Есжан в ту пору работал в аульном Совете сборщиком налогов.

У Бибигайши от прежнего мужа Ошакбая был единственный сын, который умер в детстве. От Есжана она родила дочь. Зовут ее Жумагуль. Родилась в 1942 году. Сейчас у нее 12 детей — “Мать-героиня”.

Ну а Ахметше, который в течение какого-то промежутка времени был свидетелем нашей жизни, уже ушел в мир иной. У него остались два сына. Одного

зовут Тойшибеком, другого — Кабылтаем. Оба семейные, с детьми, живут в Баканасе, в последние годы мы стали общаться.

Я уже говорила выше, что у основателя нашего рода Жуниса было четыре сына. От самого старшего, Оразбека, родились две дочери — Жамал и Бижамал, которые подарили нам кучу племянников. От Оразгула наследников не осталось. От Нарикбая — Султан, от Султана — Максут.

У Максута шестеро сыновей и дочерей: Асхат, Лора, Ляззат, Жибек, Талгат и Канат. Хвала Аллаху, уже и внуки подрастают.

От младшего сына Жуниса Смагула родился Тасболат. От него тоже пошла ветвистая родословная.

Дочь старшей сестры Нарикбай-аты Биbigайши живет в ауле Жетысу в окрестностях Талдыкоргана, а два ее сына Жакып и Жамели Искаковы по-прежнему обитают в Еркине. У всех семьи и дети.

Вместе с ними в Еркине проживает и младшая сестра Султана Курманбала, она на восемь лет младше меня, часто болеет, у нее восемь детей. С ними мы тоже общаемся.

А вот из моих сношениц никого не осталось.

Как я уже говорила выше, если главный шанырак рода Жуниса в свое время через Нарикбай-ату достался нам с Султаном, то теперь его хозяева — Максут с Касией.

Когда я вошла в эту семью невесткой, то все наши многочисленные родственники перед тем, как уехать куда-то, когда отправлялись на войну или же если собирались в дальнюю дорогу по какому-то ответственному делу, в обязательном порядке заглядывали в наш дом, отдавая дань уважения главному шаныраку, и только после этого уезжали туда, куда наметили. Эту дедову традицию строго соблюдают и наши внуки, и правнуки.

Я рада этому и воздаю хвалы создателю!

Ораз: Зинаш-апа, как и договаривались, я слушал вас не перебивая. Но в голове у меня родилось несколько вопросов.

— Спрашивай, душа моя.

— Вы перечислили своих внуков по именам, но ни слова не сказали о своей первой невестке Парихе и о нынешней — Касие, о том, как они вошли в ваш дом, как Максут с Парихой разошлись. По-моему, Асхат с Лорой — от Парихи, а Ляззат, Жибек, Талгата и Каната родила Касия.

— Ты не напутал, сынок. А о Парихе мне и в самом деле не хотелось ничего говорить. Плохая у меня от нее осталась память. Человек, который сильнее всех в жизни обидел меня, — это Париха. И руку на меня поднимала, и оскорбляла, негодная. Да что я, все в ауле Еркин шумели: “Выгони ты эту келин*”, Зинаш. Никогда в жизни мы не видели женщину с таким необузданным и трудным характером!” В душу она мне наплевала, вот я и прокляла ее напоследок: “Да не сойтись тебе больше в этой жизни ни с кем, пусть духа мужского рядом с тобой не будет, живи до самой смерти в гордом одиночестве!” Потом она, по-моему, вышла за кого-то замуж, но в настоящее время живет одна. Самое плохое — она настроила против меня Асхата и Лору.

Ну а Касия, свет очей моих, вот она, передо мной. Буду благодарна ей и на этом, и на том свете. Нашла путь к моему сердцу, влила в меня новую жизнь, одарила внуками и счастливой старостью. Когда Максутжан, на руках у которого была обуза в виде двоих детей, впервые привел Касию через порог нашего дома, я и вправду, вместо того чтобы обрадоваться, испугалась. Девушка-то совсем еще молоденькая, только-только расцвела. “Эта бедняжка, похоже, и не ведает о том, что Максутжан бросил свою первую жену. Иначе...” — пронеслось у меня в голо-

* К е л и н — невестка.

ве. Наутро я встала пораньше, сходила в дом Парихи и привела с собой 13-летнего Асхата. Думаю: “Если она не знает историю жизни Максутжана, так пусть узнает, пока не поздно. Чтоб не кусала завтра локти”. Зря печалилась, она, оказывается, обо всем знала — прижала к себе Асхата и погладила по головке. Я истолковала это как хороший знак. Оттаяла сердцем, а на душе стало тепло.

В СТРЕМНИНЕ СУДЬБЫ

Ораз: Ну, Батима-апай, берите пример со сватьи, попробуйте и вы размотать нить разговора.

Батима-апай: Ой, светик мой, о чем ты просишь, в памяти моей мало что осталось. Ну ладно, так и быть, попробую. По свидетельству о рождении записано, что в 1916-ом, но на самом деле я родилась в 1918 году. Мой отец — Исмагул. У него было девять братьев. А их отец — Туяк, кокшетауский, из рода уак. Мою мать звали Газизой, она дочь тобыктинского рода мамы. От рождения была очень одаренной, страстной поклонницей искусства, на гармони лихо играла, а при слове “песня” обо всем на свете забывала.

Только возьмет в руки гармонь, так тут же затянет какую-нибудь грустную, мелодичную татарскую песню:

*Мои родные города —
В Семей спешу из Исламбула.
Пишу, прощаясь навсегда,
Родне из дальнего аула.
Сверкает золотом кольцо,
Надетое чужой рукою,
А в памяти знакомое лицо
Манит щемящею тоскою* , —*

и долго-долго еще поет.

* Перевод М. Жанузаковой.

Ну а религиозность ее вообще трудно передать словами. Крошки хлеба в рот не возьмет, глотка воды не сделает, пока “бисмилля” не скажет. Люди ее Абызтай — “вещуньей” — прозвали. Мать моя выносила 12 детей, одна из них я. Когда отец с матерью соединились и счастливо зажили своим отау*, в один из дней в дом заползла змея. В таких случаях, согласно древнему казахскому обычаю, ее следует поить, но не убивать, полить голову чем-то молочным (молоком или айраном), а потом выпустить на волю. Пока мои братья толпились у входа и совещались, как поступить, один из них, самый горячий, вошел в дом, убил змею и вышвырнул ее наружу. После этого случая братья один за другим стали хворать и умирать от разных болезней.

Но кто превзойдет своей щедростью Аллаха? Вскоре мать моя забеременела и родила двух сыновей. Когда они подросли и самостоятельно сели на коней, отец наш скончался. В то время я только родилась.

Известно ведь, как в любое время живет вдовой женщине с сиротами на руках. Нищета и нужда — их вечные спутники. Однажды, когда кончились дрова, чтобы согреть дом и сварить еду, мать отправила самого старшего из сыновей Кусмана вместе с другими жителями аула, собиравшимися в лес. Что сделаешь против предписанного судьбой? Одиннадцатилетний Кусман, который увязался в тот раз за заготовителями дров, замешкался, не зная куда бежать, когда на него стала валиться подпиленная сосна, да так и остался под нею, простившись навеки с миром. Вот так нашу мать Газизу снова накрыл черной тучей горький удар жестокой судьбы, и она погрузилась в горе. Однако, поскольку на руках еще оставался Айтмуханбет, требовавший к себе внимания, она, плача, молила: “Поцпади, Аллах!” — и сама себя успокаивала.

* О т а у — юрта или дом молодоженов.

Через некоторое время уже беременной вышла замуж вторично за акына Сейсена Тулакулы. Как раз, когда они поженились, началась Октябрьская революция, и в семипалатинских краях тоже появились красные. Однажды целая их группа ввалилась и в наш дом. Встревожившись, мой приемный отец подхватил на руки Айтмухамбета и убежал в лес. Но, что греха таить, эти красные оказались людьми добрыми, попили чаю и никакого вреда нам не причинили. Наоборот, заметив, что у моей матери два младенца, достали из своих дорожных вещевых мешков конфеты, сахар, чай и оставили на столе. Когда в доме появились красные, мы с Гайшой как раз заливались плачем. Однако и эта материнская радость длилась недолго — моя младшая сестренка Гайша умерла десятимесячной.

Говорят, “человек и тучи на небе раздует”. В связи с этим хочу сказать несколько слов о своем приемном отце Сейсене. Мир ему и покой, он, как и моя мать, любил искусство, при звуках песни сразу преображался и не мог на месте устоять, впечатлительный был человек и к тому же сам акын. Как-то к Айтмуханбету пришла девушка по имени Бакир, дочь Исы, который приходился нам родичем по материнской линии, из тобыктинских мамаев, и предложила:

— Завтра в нашем ауле справляют шильдехану, подготовься и приходи — будем с тобой в айтысе состязаться.

Айтмуханбет забеспокоился, потому что знал: эта девушка отличается твердым характером и от своих слов не отступает. Поделился своими сомнениями с нашим отцом Сейсеном. Тот внимательно выслушал и успокоил его:

— Оу, сынок, да удача сама к тебе в руки плывет! Не бойся: если она тебе эдак скажет, ты ей вот так ответь, — и всю ночь натаскивал Айтмухамбета на стихи.

Брат не только честь нашу отстоял, благодаря отцу, Айтмуханбет на следующий день в пух и прах разнес на айтысе дочь Бакира.

Забегу немного вперед, позже Айтмуханбет учился искусству в Семипалатинске, освоил не хуже матери гармонь и баян, на всех концертах и праздниках был "гвоздем" программы.

...Прошло несколько лет, и в 1930 году наш отец Сейсен решил перебраться с семейством в Семипалатинск. Но, то ли законы того времени были преградой, то ли порядок тому противоречил, на переезд ему разрешения не дали. Тем не менее, от своей задумки отец не отказался, и в 1931 году мы снова собрались и направились в сторону Семипалатинска. На этот раз нам улыбнулась удача, и все вместе мы благополучно добрались до города. Одно плохо, к тому времени голод уже давал о себе знать и в Семипалатинске. Правда, Аллах нас хранил, и мы сводили концы с концами. Прошло немного времени, и в нашей семье снова произошло печальное событие. Отец Сейсен внезапно тяжело заболел и вскоре умер. После этого нас со старшим братом Айтмуханбетом приняли учиться на курсы строителей под опекой государства. Самым лучшим в учебе было то, что ежедневно нам выдавали немного хлеба, чтобы мы не умерли от голода. Мы и этому радовались до небес, а тут накануне Первомайского праздника в 1932 году нам, вместо ежедневной порции хлеба, выделили в качестве подарка по небольшому мешочку белоснежной муки. Я тогда была еще совсем девчонкой с торчащими косичками, меня так рапирало от радости, что я всучила свой мешочек с мукой брату, а сама птицей помчалась домой. Следом за мной явился и Айтмуханбет.

Заметив светившуюся в наших глазах радость, как только мы вошли в дом, мать, которая уже давно мучилась сердцем и лежала в постели, тоже вся за-

сияла. А когда узнала причину нашей радости, то вообще, бедняжка, расцвела, заулыбалась и, без конца воздавая благодарность небесам, снова и снова прижимала нас с Айтмуханбетом к себе.

Человек, оказывается, порой и от радости плачет. Улыбаясь, мать в тот раз и слезами одновременно омылась. Потом, чтобы дать нам понять, что плачет не от страха или печали, а от радости, ласковым, приятным голосом весело скомандовала:

— А ну-ка, живо — один пусть огонь разведет, другая тесто замесит, пожарьте семь лепешек в помин своего отца!

Вероятно, я нисколько не ошибусь, если скажу, что чай, который мы пили в тот день, был слаще меда. Нашей общей радости не было предела. Мы с братом, неизмеримо возгордившиеся, вдоволь насладились искренним и чистым материнским вниманием и лаской. Но какое до всего этого дело властителю Аллаху — Через несколько часов мать, сидя и улыбаясь, внезапно покинула этот бранный мир. Накануне она весь день чувствовала себя бодрой и совершенно здоровой, словно бы готовилась уйти в вечный мир.

Айтмухамбету тогда исполнилось 16 лет, мне — 14. Будто гром неожиданно ударил в наш дом. Поплакали. Порыдали. Погоревали. Но некому было даже внимания на нас обратить. Утешили друг друга и приступили к заботам о похоронах матери.

И смерть под властью Аллаха, но нрав у нее холодный и грозный. Словно бы говорит: “не жалея скота, изворачивайся, нищета”. А что у нас есть, и так едва концы с концами сводили. Растерялись мы с братом. Подсказать что делать, дать добрый совет было некому. А время тяжелое, смутное, от голода сородичи ради крошки хлеба готовы были и с обрыва сигануть, и в воду броситься. Посовещались мы, продали кое-что из домашних вещей и купили мыло.

Заплатили двум нищим старушкам-мусульманкам, которых нашли на улице, и они омыли тело матери. Не найдя подходящей ткани для савана, использовали для этого старую, прохудившуюся домашнюю занавеску зеленого цвета. Еле нашли и уговорили муллу, чтобы прочел жаназу — посмертную молитву. Втроем же, шатаясь на ходу, донесли тело матери до мусульманского кладбища и похоронили. Для того трудного времени сделали все возможное.

Следующая трудность поджидала нас на учебе. По совету учителей Айтмуханбет устроился в мужское общежитие.

Я же, оставшаяся в доме одна, вскоре вместе с другими 24 девушками, с которыми училась, выехала на практику в Рубцовку, что в окрестностях Новосибирска. Из Семипалатинска мы с трудом почти что через два месяца добрались до места. Честно скажу, никто из нас себя не щадил. Трудились изо всех сил, полностью отдаваясь работе. За это всех нас одарили подарками. Мне достался отрез на платье. На обратном пути, когда до Семипалатинска оставалось примерно 35-40 километров, я страшно проголодалась, потому что шли мы пешком, и, поняв, как покидают меня силы, выменяла отрез на булку хлеба.

Как только добралась до Семипалатинска, стала разыскивать старшего брата Айтмуханбета, но не нашла. Исчез бесследно. Не зная куда идти, я загрустила, и тут меня позвала к себе домой одна моя ровесница. Что говорить, она приняла меня как дорогого гостя и всячески ухаживала. Незаметно подошел 1934 год, мы завершили школу строителей (говоря нынешним языком строительное училище или колледж). Получив документ о “специальности строителя”, я освоила такие профессии, как каменщица, укладчица печей, штукатур, маляр, отделочница, а мою работу строительное начальство высоко оценивало. Но, что делать, видно, не судьба мне была быть

строителем. Неожиданно повстречалась с джигитом по имени Кадыр — он внес резкие перемены и в мои мечты, и в поставленные цели, и во всю мою жизнь. Я тогда налилась, как полная луна, мне шел уже семнадцатый год. Кадыр был старше на шесть лет. У него тоже неверные сведения в документах — там написано, что он 1915-го года. После нескольких встреч он предложил пожениться. Кроме девчонок-сверстниц, мне не с кем было посоветоваться; единственный брат Айтмуханбет куда-то пропал, без вестей и малейших следов. Подумала-поразмышляла, но больше, чем на вывод “путь пшеницы на мельницу”, меня не хватило, поэтому твердо решила ухватиться за этого парня. К моему счастью, Кадыр оказался неплохим человеком. Если заговорит, слова весомые, мысли уместные, характер спокойный, уравновешенный. Получив мое согласие, он привез меня в дом своего старшего брата Мажита, который жил в ауле Шалабай Чарского района, и объявил:

— Вот, даст Бог, будет вам невесткой, зовут Батимой! — и заставил меня правой ногой переступить порог.

Вот так в семнадцать лет я попала в окружение чужих людей. Вошла снохой в род Уали.

Уали был потомком Туйте из рода тобыкты. Старшим сыном у него был Мажит (нареченный Кабдылмажит). Уали-ата был человеком богатым, святой силой помечен. По этому поводу я слышала предание: однажды дед Уали Туйте нашел на дороге спящего черного ягненка. Он подрос и принес многотысячное потомство.

Другой вариант легенды связан с более дальними предками. Два брата, Сак и Тогалак, нашли как-то на дороге торсык* кумыса. Однако Тогалак, которо-

* Т о р с ы к — кожаный сосуд для хранения жидких продуктов.

го обуяло подозрение, пить его не стал. Сак же запрокинул торсык кверху и разом выпил до дна. Впоследствии все его потомки стали зажиточными баями. В народе много ходило таких баек о том, что богатство даровано Уали свыше. Старый летописец Бастеми, который был женат на дочери внука Абая Абдрахмана, рассказывает, как однажды сын Абая Турлыгул спросил у него:

— Скажи правду, кто богатством крепче, Бейсенбай или Уали?

На что Бастеми ответил:

— Наверное, и Бейсенбай не слаб, только у Уали жирок внутри.

Похоже, и вопрос, и ответ указывают здесь на богатство и авторитет обоих. К слову сказать, в ту пору имена Уали, Бейсенбая и Суйкимбая упоминались в одном ряду. Из истории известно, что эти люди своими корнями связаны со знаменитыми нашими прадедами Санмурыном, Баимбетом, Айдосом и Анетом.

Вообще, благородное происхождение Уали-аты сразу бросается в глаза. В свое время он считался одним из соратников великого поэта Абая, как-то даже продал коня под собой и привез Абаю из Семипалатинска названные им газеты и журналы. Они вместе учились, общались.

Сын Суйкимбая Озихан Жекебаев, доктор юридических наук, профессор, который ныне заведует кафедрой уголовного права и криминологии в Казахском гуманитарно-юридическом университете в Алматы, лично слышал от величайшего писателя современности Мухтара Ауэзова такие слова: “Сеит — собирательный образ, в котором я суммировал черты трех людей, Уали, Суйкимбая и Бейсенбая”.

Кажется, сынок, я все время отвлекаюсь. Когда я стала келин, у моего кайнаги* Кабдылмажита была

* К а й н а г а — старший родственник мужа.

байбише по имени Даметкен. Очень добрый и милосердный человек, да упокоится она. Хозяйство, в котором они жили, было заложено на берегу реки Кызылсу в 1920 году, а начиная с 1930 года оно было преобразовано Шалабайский завод племенного скота. Кайнага работал на коровьей ферме этого завода скотником, а его жена — дояркой. Примерно через полгода Кадыр стал учетчиком на этой ферме, а я приступила к обязанностям доярки. Заведовал фермой Кайса Шорманов. Он был безоговорочно предан Советской власти, строг в отношении трудовой дисциплины, душа беспокойная. На нашей ферме жили только шесть семей, поэтому рабочей силы не хватало. Когда у нас освобождались руки от дойки, Кайса-агай привлекал нас к другой работе: то почистить скотный двор, то принести сена из стогов.

Нахлебавшись за год такой работы, мы с Кадыром задумали продолжить учебу. На это нужно было согласие Кайса-агая.

— Времена смутные сейчас, вы же с голоду померете, бедняги! — пустился в разглагольствования о “голодном времени”, отругал нас и учиться не отпустил.

Вот так благородная мечта горячей юности была похоронена в хозяйственных битвах далекого аула.

Заведующий фермой, чтобы подавить во мне рвение, прибавил к 10 коровам, которых я выдаивала, еще 14.

— Во имя Родины и любимой Ленинской коммунистической партии, вперед, комсомол! — призвал директор завода, обнажив в улыбке золотые зубы.

В том безликом в буднях работы 1936 году у нас с Кадыром появился наш первенец — Орынбек. Что скрывать, ребенок с рождения был очень беспокойным, рос озорником. Ни огня, ни воды не боялся, между жизнью и смертью не видел разницы, своевольный упрямец. Он так носился с места на место,

что, если мне нужно было выйти во двор, я его ножки к постели привязывала. Разве нынешнее поколение сможет осознать тогдашний наш быт? Нищета, нужда во всем, плохая одежка, со всех сторон пылица. В те годы ни у кого не было таких, как сегодня, типовых домов. Все мы жили либо в землянках, либо в домах из саманного кирпича. И крыш, подобных нынешним, не было. Посредине устанавливали бревно, а чтобы сделать небольшой скат, поверх укладывали толстые железные прутья, затем покрывали остов тальников, укладывали саман, сверху посыпали слоем земли, а в самом конце промазывали крышу жидкой глиной вперемешку с грязью. Причем такую “штукатурку” приходилось обновлять каждую осень. Так вот, этим я и была занята в тот день на крыше нашего дома. Орынбеку тогда исполнилось два годика, он твердо встал на ножки. Носился по двору. Не зря говорят: “Внимание матери — на ребенке”, — хоть и занята работой, а время от времени присматриваю за ним. Вдруг заметила, что Орынбек успел подняться на вторую перекладину прислоненной к стене дома деревянной лесенки. У меня душа ушла в пятки, но пока я подросла, он уже свалился вниз. В то время наготове в ауле не было никакого доктора, провели “изгнание недуга” по казахской традиции, а больше ничего не смогли. Несколько дней его мучила боль, но потом опять играми занялся, ходил, переваливаясь, думали, ребенок ведь. Через полгода малыша увидел старик Амире из нашего аула и огорченно сказал нам:

— Вы что же, милые, куда смотрите, у вашего ребенка ведь поясничный позвонок с места сдвинулся.

В ту пору наша дочь Калымбуби была еще грудной. Но что делать, коли свалилась на голову беда: взяла сына за руку, дочь прижала к груди и отправилась в Семипалатинск. Тамошние доктора сказали: “Мы вашему ребенку поясницу выправим, но вы

должны будете посадить его в ящик и накрепко привязать, чтобы он не мог двигаться". Но разве нашего егозу можно было усмирить, вот я и смирилась: "брось, еще хуже сделаю, грех на душу возьму", однако, показала малыша хозяину дома, в котором мы остановились, костоправу Токымбету. Хороший был человек, внимательно осмотрел ребенка, прощупал его с ног до головы, смазал несколько раз поясницу гусиным жиром и промассировал. На следующий день снова стал слегка массировать и, внезапно хрустнув, поставил позвонок на место. Потом туго стянул поясницу широким куском плоской резины наподобие шины и перевязал.

— Снимайте только, когда купаете. Самое меньшее, до следующего новолуния резину не снимайте, хорошенько следите за ним, не давайте много двигаться, — наказал костоправ.

Но разве ребенок послушается, разве поймет — едва вернулись домой, начал играть, прыгать, и все мои труды пошли насмарку. Повторное лечение не принесло никаких результатов.

Раз уж заговорила об этом, забегу немного вперед — сынок наш недолго прожил. Около восьми лет промаялся, а в 1946 году в возрасте 10 лет умер.

В моей жизни на ферме были не только трудности, но и множество интересных сторон. В нашем обществе в тот период пришел в жизнь ударный труд, названный "стахановским движением", по всему Советскому Союзу день ото дня усиливалось социалистическое соревнование. Я сама надаивала от каждой из порученных мне 24 коров больше молока и телят, чем предусматривалось по плану, и стала передовиком нашего завода, выращивающего племенных коров. За успешные месячные, квартальные, полугодовые и годовые показатели я очень часто награждалась похвальными и почетными грамотами и ценными подарками.

Соревнование всегда возбуждает самолюбие, желание не ударить в грязь честью — доярки с нашей фермы, Кулия и Магрипа тоже решили стать “стахановцами”, и мы соревновались между собой втроем. Как победителей соревнования нас не только окружали почетом, в числе подарков были пальто с цыгейковыми и лисьими воротниками, отрезы ценного панбархата. Мне даже вручили путевку на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства в Москве. Правда, Кадыр вопреки воле и не пустил меня. И был прав, вскоре я родила дочь Калымбуби, о которой уже упоминала выше. “Ворона зовет вороненка белоснежкой”, — так ведь говорят; Калымбуби у нас с детства была красавицей. Люди, увидев ее черные как смоль волосы и черные, как смородинки, глаза, невольно оборачивались и восхищенно цокали языками.

Пока водила Орынбека на лечение, не заметила, как Калымбуби выросла из пеленок. Однажды, когда я приготовилась ее искупать, к нам зашла одна русская женщина (кержачка), которая никогда просто так не приходит. Увидела нашу дочку и так и впилась в нее глазами, восхищаясь:

— Что за глазенки, черные-пречерные, ясные-преясные. А волосы какие?!

Испугавшись сглаза, я схватила дочку и бросилась во внутреннюю комнату. Но поздно спохватилась: через несколько часов на ребенка напала непрерывная икота, она заболела, а изо рта у нее пошла белая пена. В случаях сглаза надо срезать небольшой лоскуток с головного убора или платка того человека, которого подозревают в порче, причем так, чтобы он не заметил, потом сделать так, чтобы он тлел, поднести к носу младенца и дать вдохнуть дым, а потом потереть этой тряпочкой область сердца и лоб.

Едва рассвело, пошла искать ту женщину, она оказалась дома. Очень шустрая была, тут же пошла

ставить чайник в переднюю, а я мигом достала из кармана прихваченные ножницы и отрезала кусочек от ее заячьей меховой шапки, потом сослалась на то, что спешу по делам, и вернулась домой. Тут же провела обряд, о котором рассказала выше. Делаю, а сама плачу. О, Алла, верьте не верьте, но я убедилась в истине: пена, которая бежала изо рта моей девочки, тут же прекратилась, словно ножом отрезала. Следом она быстро поправилась.

В 1941 году у нас родился еще один сын, мы называли его в честь отца Каздаусты Казыбек-бия — Кельдибеком. Младенца сглазила женщина из нашего аула, которая была маслобойщицей, и он в одиннадцать месяцев навечно закрыл глаза. Вот так, по велению Аллаха, нам удалось спасти от сглаза Калымбуби, а Кельдибека не уберегли. Вся спинка у него почернела, ушел у нас на руках.

В тот год немецкие захватчики напали на нашу страну, и началась Великая Отечественная война, мужчины аула один за другим стали отправляться на фронт. Среди них и глава нашего семейства Кадыр. Попав на войну в самый разгар сражений, он почти сразу же попал под жестокий артиллерийский обстрел и с тяжелым ранением, без сознания был доставлен в госпиталь. Несколько месяцев лечился под Москвой, а поскольку правая рука и правая нога стали увечными, его приписали к инвалидам первой группы и отправили на родину. В конце 1943 года его привезли домой две медицинские сестрички.

Наш старик смолоду был крепким, энергичным и волевым человеком. Дней через десять после возвращения пошел на завод, напросился и всю занялся внутрихозяйственными делами.

В 1944 году родилась наша дочь Тлеуке, скончавшаяся потом в 13 лет.

В 1947 году появилась Данегуль, но и она умерла в семь лет.

Ну а в 1950 пришла на свет Касия (настоящее имя — Касиет), которую вы сами знаете. Вышла замуж за Максутжана, зажгла собственный очаг, родила четверых детей.

После Касии в 1953 году родилась Мария, в 1956 году — Кумарбек, в 1959 году — Баян. Слава Богу, все завели семьи, у всех есть дети. Трое живут в Алматы, двое — в Астане.

Когда дети, начиная с Калымбуби, все один за другим стали уезжать в Алматы, чтобы учиться, мы с Кадыром задумались. В конце концов решили: “Жить где-то в глуши, оторванными от детей не годится. То зима, то лето, а дорога длинная. Решат приехать к нам, не дай Бог, попадут в какое-нибудь происшествие, уж лучше мы к ним поближе переберемся”. Вот так в 1969 году мы со стариком продали свой дом в Шалабае и переехали в аул Джандосов Каскеленского района, рядом с Алматы. И надо же какая удача, вскоре купленный нами дом попал в городскую черту, и на его месте собрались строить микрорайон “Аксай-2”. Наш ведь старик — инвалид первой группы Великой Отечественной войны, поэтому в первом же построенном в микрорайоне доме нам выделили трехкомнатную квартиру. Из этого дома вышли замуж Калымбуби с Касией, а потом нашли свое место в жизни и младшие — Мария, Кумарбек и Баян.

Глава нашей семьи Кадыр ушел из жизни в 73 года — 15 марта 1987 года. Шанырак моего старика теперь в моих руках. Хвала создателю, я не одинока, со мною вместе живут мои внуки Айгерим, Айман, Даулет, Бибигуль, навещают и все остальные.

Да, кстати, мой единственный пропавший без вести брат Айтмуханбет был тогда призван на курсы подготовки милиционеров, и у него не было возможности меня искать. Но потом его перевели в Актобе. Там он женился, стал отцом и осел. Мы нашли друг

друга позднее. Брат, родившийся в 1916 году, ушел из этой жизни в 1993 году.

17 июня 2000 года Касия с Максутжаном установили на его могиле памятник с надписью: “ Айтмуханбет Туяков — 1916-1993”.

Простите старушку, дети. Забыла еще об одном сказать. После моего старика Кадыра (Кабдылкадыр) и кайнаги Мажита (Кабдылмажит) была сестренка Бибиажар. Они втроем родные, от одной матери и одного отца.

Рожденный Бибиажар Бекен Асылгазин уже покойный, но после него остались дети.

У Мажита сыновей не было, единственная дочь — Турсун, ее уже тоже нет. Но три ее сына Серик, Берик и Ермек, и три дочери Айнур, Гульмира и Карлыгаш живут дружной семьей. Всем им советчики, заместо отца и матери Касия с Максутом. Всем помогли перебраться из аула Шалабай и из Семипалатинска в Алматы, нашли им кров, работу, помогают с учебой и вообще, все трудности берут на себя. Двух девушек выдали замуж, проводили, устроили в счастливые семьи.

Вот такова краткая история нашего рода, айналайн!

Максут: “Жизнь человека — сама история”, — верно говорят. Ореке, тебе большое спасибо, неожиданно-негаданно заставил выслушать наших матерей.

Касия: За это и мне спасибо скажи, Максут!

(Мы хором рассмеялись.)

Часть вторая

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев:

— После распада Советского Союза в начале 90-х годов мы пережили трудные времена становления самостоятельного независимого государства. Все это далось нелегко. Но мы справились с нелегкой задачей и оправдали ответственность перед народом и государством. И в то переходное время одним из моих соратников был — Максут Нарикбаев.

(Из поздравительной речи в честь 60-летия Максута Нарикбаева.

30 марта 2000 г., Астана, зал Верховного суда РК.)

НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Ораз: Думаю, настало время перевести наш разговор и в сферу политики.

Ближе к концу ноября 1998 года было много шума в связи с решением суда, которое воспрепятствовало регистрации Акежана Кажегельдина в качестве кандидата в президенты. Какой вообще человек Акежан Кажегельдин, и правда ли, что эти препятствия чинились умышленно?

Максут: Свой рассказ я начну непосредственно с ответа на твой вопрос: “Что за человек Кажегельдин, и устраивались ли ему препятствия умышленно?”.

В то время, когда Акежан Кажегельдин возглавил правительство в качестве премьер-министра, я был генеральным прокурором республики, а затем приступил к исполнению обязанностей председателя Верховного Суда.

Будучи генеральным прокурором, то есть в течение девяти месяцев 1995 года, я не принимал участия ни на одном из совещаний, которые проводил Кажегельдин, и даже ни разу не бывал в его рабочем кабинете. Конечно, дело тут вовсе не в моем высокомерии или зазнайстве. Просто положение генерального прокурора в нашем государстве особое. В Конституции, которая считается Основным Законом страны, сказано: “Он осуществляет свои полномочия независимо от других государственных органов и должностных лиц и подотчетен только Президенту Республики”. То есть генеральный прокурор никогда не отчитывается ни перед одним из государственных должностных лиц, а у них нет никакого права требовать у него какой бы то ни было отчет. Аналогично и положение прокуроров низовых звеньев. Однако в действительности находится немало государственных чиновников, которые при случае стремятся подчинить прокурора, в том числе и генерального, и заста-

вить его действовать по их усмотрению. К примеру, такое свойственно акимам разных уровней: очень часто областной аким в области, районный — в районе, а городской — в городе пытаются подмять прокуроров под собственную власть. На республиканском же уровне отдельные руководители ведут подобную “политику” в открытом виде. В итоге можно заметить, что некоторые прокуроры, считающие, будто “от тесной связи с высокопоставленными должностными лицами вреда не будет”, при исполнении своих обязанностей порой поступают несправедливо. Для того чтобы не быть голословным, приведу пример. После меня на пост генерального прокурора республики был назначен Степан Иванович Шуткин. Прежде он руководил юридическим отделом в аппарате правительства. К сожалению, по выработавшейся в тот период привычке Степан Иванович и на новой должности продолжал регулярно “как штык являться” к премьер-министру А. Кажегельдину. Дело закончилось тем, что через год он оставил свой пост. Потому что у такого генерального прокурора не было в государстве ни авторитета, ни репутации, ни престижа, ни собственного голоса.

Ну а я, как уже сказал выше, в период своей девятимесячной работы генеральным прокурором ни разу не был у А. Кажегельдина. Можно было найти десятки благовидных предлогов, чтобы явиться к нему на прием. Но почему я этого не делал? Правительство — поднадзорный орган. Поскольку правительство является частью государственной системы, подлежащей правовому надзору прокуратуры, прокуратура не имеет к нему никакого отношения и не должна вмешиваться в принятие или одобрение им решений. Если прокуратура примет участие в выработке какого-то решения, то завтра, когда выяснится, что в принятом документе допущены юридические ошибки, сама окажется причастной к этому. Сможет

ли она тогда с позиций справедливости осуществлять прокурорский надзор, если и сама оказалась причастной к появлению правовых ошибок? Нет. Значит, генеральный прокурор способен отступить от истины. Ведь кто захочет собственноручно себя разоблачать?

Проиллюстрирую свою мысль одним примером. Я работал тогда генеральным прокурором. Как-то, читая очередное решение правительства, обнаружил, что оно является незаконным. Поэтому подал исковое заявление в Верховный Суд и добился отмены этого решения.

А случилось это в 1995 году. В тот период происходило обесценивание денег. В связи с этим резко вырос объем невыплаченных налогов, и быстро увеличивались ряды тех, кто не мог произвести соответствующие выплаты. Для того чтобы облегчить сложившуюся ситуацию, глава государства выпустил специальный Указ, предусматривающий послабления. Этим Указом налогоплательщикам предоставлялась возможность в течение трех месяцев погасить образовавшийся долг. Указ вышел в свет первого июня. Поэтому предусматривалось: если должники произведут все необходимые налоговые платежи до первого сентября, то они освобождаются от уплаты каких бы то ни было штрафов и пени по старым долгам. Ну а если они не уложатся в предоставленный срок, то правительство обязано взыскать долги через суд вместе с причитающимися штрафами, пени и процентами.

В третьем пункте Указа правительству было поручено принять соответствующее решение для исполнения настоящего Указа. Что еще обращало на себя внимание, так это примечания, в которых конкретно указывалось, на предприятия с каким объемом размещения этот Указ распространяется.

Естественно, вышло соответствующее постановление правительства. И в нем к вышеназванному

третьему пункту со стороны правительства был добавлен еще один пункт. Если, согласно президентскому Указу, на некоторых производителях послабления не распространялись, то в постановлении, подписанном рукой премьер-министра, льготный режим уплаты долгов получили и все богатые частные предприятия.

В ходе нашего анализа и подсчетов выяснилось, что только благодаря этому дополнительному пункту государству мог быть нанесен ущерб в объеме 42 миллиардов тенге. Дело в том, что богатые, финансово стабильные предприятия в то время также не производили необходимые платежи. Причем от уплаты государственных налогов они уклонялись умышленно. Поэтому действия А. Кажегельдина никак нельзя было назвать необдуманными или последовавшими от незнания. Появление дополнительного пункта в постановлении правительства было явно пролоббировано кучкой стяжателей, которые пекутся не о народе, а лишь о собственной выгоде. Далее все понятно.

Я направил на имя А. Кажегельдина письмо с предложением устранить допущенные ошибки. Однако он не придал ему значения. Поэтому я, воспользовавшись своим правом, решил подать исковое заявление в суд. Как раз в это время состоялось большое совещание на государственном уровне. Пользуясь случаем, я взял слово и сказал:

— Уважаемый Президент, только вы, в соответствии с предоставленным вам законом правом, можете отменить данное постановление правительства или же поручить действовать нам, так как у нас есть право обратиться с жалобой в суд и отменить решение в судебном порядке.

Глава государства дал поручение своему советнику Юрию Ивановичу Рогову:

— Изучите ситуацию и оперативно доложите мне об итогах.

Ю.И. Рогов считается весьма сведущим специалистом, из числа очень опытных правоведов, довольно быстро он убедился в моей правоте и доложил об этом Нурсултану Абишевичу. Президент был краток:

— Пусть решение примет суд. Пусть все будет по закону!

Поэтому наша Прокуратура подала на правительство в суд. Такое поразительное событие в истории независимой Республики Казахстан произошло впервые. Правительство было привлечено к суду, и суд полностью поддержал наши исковые требования.

— Думаю, это не просто смелость, но и один из замечательных примеров подлинной демократии в пору становления суверенного Казахстана.

— Этот случай в свое время был широко обнародован в средствах массовой информации. Именно тогда мы, без всякого утрирования, доказали, что перед Законом все, включая даже правительство, равны.

Если взять в общем, то уважение к Закону — это уважение к себе, уважение к своим соотечественникам, наконец, уважение к Родине. Если ты обошел закон, то, как бы ни изощрялся, как бы ни старался скрыть это, народ в любом случае все заметит и узнает. И тогда, утратив доверие к правительству, к людям, его представляющим, народ никогда не окажет им поддержки. А это очень опасная ситуация для любого государства. Повторюсь еще раз, за подобными законодательными нарушениями стоят многоопытные крупные производители, и это не удивительно. И они же через некоторое время будут посмеиваться над тем, что правительство стало послушной марионеткой в их руках.

Ну а если вернуться к А. Кажегельдину, о котором мы ведем речь, то принятие им решения, выходящего за рамки Указа Президента, можно расценить

не только как превышение своих должностных полномочий, но и как предательство, совершенное по отношению к нашему государству. Потому что всего-навсего ради чьих-то интересов он едва не лишил государственную казну огромных средств, чему мы поставили заслон.

Ораз: Максут, мы упустили один момент, который хотя бы вкратце нужно осветить в нашем разговоре. Акежан Кажегельдин осужден на десять лет, пусть и заочно. Кстати сказать, этот срок истек. А если так, возможно ли, что он, вернувшись на родину, не будет взят под стражу и сможет работать наравне со всеми?

Максут: В начале 2002 года вокруг этого распространились всевозможные слухи, что-то типа: “Акежан возвращается”, “Кажегельдин собирается вернуться”, “Говорят, он получил от парламента Евросоюза паспорт, благодаря которому никто в мире не вправе его задержать или арестовать”.

Правда же такова: решение о выдаче документа действительно было принято, но не Европарламентом, а только тремя его депутатами. Причем это постановление должен был одобрить Интерпол. Однако именно Интерпол его отменил. Наказание о лишении свободы может быть аннулировано по истечении времени, равного сроку наказания, то есть в нашем случае через десять лет. Тогда за давностью дела прошлое привлечение к судебной ответственности могут снять. Акежан же полученный срок все еще не отбыл. И пока он его не отбыл, погасить судимость ему не удастся. Пока он не отсидит положенные ему десять лет, приговор суда не утратит свою силу. Правда, экс-премьер может быть оправдан, если его удостоит помилованием глава государства. Словом, пока Кажегельдин не отбудет наказание, к которому его приговорили, он никогда не сможет чувствовать себя свободным. Давность же дела опреде-

ляется только в порядке закона. Так что его возвращение на родину — вопрос проблематичный.

Ну а предложение его кандидатуры на пост президента — событие, происходившее в конце ноября 1998 года. Действительно, Акежан выдвинул себя в кандидаты на должность президента. В это же время на место депутата от Костанайской области была заявлена кандидатура гражданина В. Чернышева. В ту пору я был председателем Верховного Суда. Ко мне поступили на рассмотрение дела обоих. Сначала расскажу по поводу В. Чернышева. Ознакомившись с его делом, мы обнаружили, что районный суд в незаконном порядке лишил его допуска к выборам, а областной суд, несмотря на незаконность, это решение утвердил. Мы быстро рассмотрели апелляцию и решили дело в пользу В. Чернышева. Таким образом, он принял участие в выборах, но по их итогам проиграл Жалыбину. В то же время к нам поступило и дело Кажегельдина. Кстати, решение районного суда не было обжаловано в установленном порядке ни Кажегельдиным, ни его адвокатом. Однако поступила жалоба от имени А. Кажегельдина в Верховный Суд. Сам А. Кажегельдин свою подпись под ней не поставил. То есть из-за несоблюдения установленного законом порядка обжалования настоящей апелляции из поданной жалобы не получилось. А поскольку официального заявления со стороны А. Кажегельдина не поступило, то ни областной, ни Верховный суды не смогли принять решения и с подлинно судебных позиций пересмотреть его дело в процессе судопроизводства. Поэтому решение районного суда, на которое ссылалась жалоба, не было отменено и осталось в силе. В то время существовал закон, действующий и поныне, согласно которому подвергшиеся административному наказанию в период менее чем за год до выборов не могут быть зарегистрированы ни в качестве кандидатов в депутаты,

ни в качестве кандидатов на пост президента республики. Акежан же незадолго до этого был привлечен районным судом к административному наказанию. Для того чтобы общественность правильно расценила сложившуюся ситуацию, глава нашего государства подал прошение в суд, связанное с делом А. Кажегельдина. Это прошение было написано на мое имя, и его содержание сводилось к следующему: “Прошу вас проверить законность решения районного суда по делу Акежана Кажегельдина”. Так как Президент не имеет процессуальных прав обжалования решения суда, разумеется, официального пересмотра не было. Однако дело мы востребовали и, изучив досконально его материалы, ответили Президенту.

— Все это и в газетах опубликовали.

— Да, обнародовали. В общем, повторю еще раз: поскольку со стороны А. Кажегельдина не поступило официальной жалобы, мы его дело рассмотреть не смогли. Зато такое заявление поступило от Чернышева, поэтому дело Чернышева было пересмотрено и решено в его пользу.

— А не был ли Акежан подвергнут административному наказанию с умыслом?

— Такого рода подозрения в свое время высказывались на страницах периодической печати, а в оппозиционной прессе даже давались всевозможные необоснованные ответы на этот вопрос, базировавшиеся на слухах и домыслах. На самом же деле никто А. Кажегельдину не препятствовал и преград ему не устраивал. Всему виною он сам. Всем хорошо известно, что в тот 1998 год к 30 ноября в Центральной избирательной комиссии была завершена регистрация кандидатов в президенты Республики Казахстан и определены претенденты. Если Каришал Асанов и Мэлс Елеусизов, зарегистрировавшись в качестве кандидатов, впоследствии сами от этого намерения

отказались, то Амантай-кажи Асылбек и Акежан Кажегельдин не подлежали регистрации в связи с тем, что привлекались к административной ответственности. Жалобы со стороны Амантай-кажи Асылбека по этому поводу не поступало. Видимо, он трезво оценил и взвесил свои возможности, во всяком случае, никаких претензий не проявил. Тем не менее, несмотря на то, что подвергся трехсуточному задержанию за нарушение правопорядка, он мог, воспользовавшись своим конституционным правом, ходатайствовать перед судом о прекращении административного преследования.

Ну а что касается Акежана Кажегельдина, то экс-премьер в полной мере использовал свое конституционное право. К сожалению, он с недоверием отнесся к работе юридических органов и с целью оклеветать отдельных должностных лиц, нанося вред едва начавшей развиваться в нашей стране демократии, наводнил зарубежные и оппозиционные отечественные средства массовой информации надуманными и не имеющими отношения к истине сведениями. Поэтому ближе к концу ноября пресс-служба Верховного Суда распространила в республиканских и международных иностранных средствах массовой информации заявление о законности решений Центральной избирательной комиссии и Медеуского районного суда, признавшим действия А. Кажегельдина не соответствующими законодательным требованиям, предъявляемым к кандидату в президенты. Было бы правильным с моей стороны упомянуть в этой связи об умелой и оперативной работе тогдашнего пресс-секретаря Верховного Суда, члена Союза журналистов Казахстана Шакизады Куттаякова, ныне покойного. Он провел очень плодотворную работу, чтобы среди общественности не установилось одностороннее мнение, и любой свой материал, связанный с этой темой, писал, придерживаясь позиций точности и

последовательности, опираясь на материалы суда, не допуская никакой излишней эмоциональности и тенденциозности. По-моему, такое умение владеть пером привлекает к автору и внимание народа.

И вот еще о чем надо бы сказать: за что Акежан Кажегельдин был подвергнут административному наказанию? Скрывать тут нечего, Акежан Кажегельдин был одним из тех, кто вдоволь использовал свое положение, пока держал в руках бразды правления правительством. Свое намерение принять участие в президентских выборах он проявил тогда, когда уже оставил этот пост и был советником Президента по экономическим вопросам. Предоставил необходимые документы в Центральную избирательную комиссию. Сдал экзамен на владение государственным языком. Все, как положено.

Однако господин А. Кажегельдин не должен был отходить от законодательных требований, предъявляемых к кандидату в президенты, не только как экс-премьер и экс-советник, но и как гражданин Республики Казахстан. “Перед законом и судом все равны”, — ясно гласит 14 статья нашего Основного Закона. Зная об этом и хорошо понимая, что накануне такой важной политической кампании, имеющей очень большое государственное значение, какой являются выборы президента, он как лицо, участвующее в этих выборах, не должен был допускать нарушения закона. Господин А. Кажегельдин, тем не менее, умышленно и явно преступил статьи Кодекса об административных правонарушениях. Из чего это прослеживается?

Как явствует из его административного дела, 5 сентября 1998 года в Алматы была организована учредительная конференция по созданию республиканского общественного объединения “За справедливые выборы”. Учредители этого объединения, еще не получившего государственную регистрацию, 3 октября

провели в санатории “Коктобе” свое первое собрание, не санкционированное в должном порядке. Акежан Кажегельдин принял участие в этом совещании, где обнародовал свои политические цели и программу в связи с предстоящими президентскими выборами. В ходе заседания было принято Обращение, адресованное депутатам парламента. Однако, так как объединение не было официально зарегистрировано в соответствующем государственном органе, согласно закону, Обращение участников этого собрания не подлежало обнародованию. Поэтому участники совещания приняли постановление об обнародовании Обращения от имени А. Кажегельдина.

Когда встал вопрос о том, что это собрание не было санкционировано, А. Кажегельдин, воспользовавшись предоставленным ему законом правом, подал 22 октября жалобу в Медеуский районный суд города Алматы, где было возбуждено дело по фактам административного правонарушения. В этой жалобе А. Кажегельдин сообщал, что на вышеназванном совещании обсуждались только организационные вопросы. Поэтому его нельзя считать проведенным в качестве собрания незарегистрированного общественного объединения, заключал он. Однако это даже близко не соответствует истине. По сути же дела на этом несанкционированном совещании обсуждались не только организационные вопросы объединения, но наряду с ними и его цели и задачи, предстоящая деятельность и планируемые мероприятия, что было обозначено и в повестке дня. Ну а в Законе “Об общественных объединениях” предусмотрен порядок проведения только одного собрания — учредительного. Все организационные вопросы учредители обязаны решить до регистрации общественного объединения. Причем это должно касаться только технических юридических проблем. Например, подготовки и сдачи соответствующих документов в регистра-

ционный орган: необходимо представить протоколы конференций или собраний о создании структурных подразделений объединения на местах, а также документы, подтверждающие, что такие подразделения созданы в более чем половине областей республики. Ну а для проведения какого-нибудь собрания незарегистрированного объединения нет необходимости прилагать столько усилий, чтобы в нем приняли участие представители каждой области.

Для того чтобы оправдать себя, А. Кажегельдин старался изо всех сил. Однако в своей жалобе сам же сообщил о том, что работники правоохранительных органов не запрещали и не препятствовали проведению совещания. Тем не менее, даже если отделение полиции не окружает место проведения любого несанкционированного собрания, конференции либо митинга и не вмешивается в их ход, это вовсе не должно рождать мысль, что данное мероприятие законно.

Далее в своей жалобе А. Кажегельдин пробует настаивать на том, что его права в ходе рассмотрения дела были нарушены, поскольку он не принимал участия в суде. Во-первых, если судебный процесс ведется открыто, как в нашем случае, то в нем имеет право принять участие любой желающий. Во-вторых, если человек непосредственно причастен к рассматриваемому в суде делу, то он не только имеет право, но и обязан прийти на заседание в установленное время. Потому что в суде рассматривается не дело какого-то неизвестного, а непосредственно его собственное. То есть первым человеком, у кого должна была быть заинтересованность принять участие в суде, являлся сам А. Кажегельдин. К тому же он не был в неведении о том, что состоится судебное заседание. Его заранее оповестили, что 24 октября будет рассмотрена поданная им в суд жалоба и что ему в обязательном порядке необходимо явиться в суд. Зная о

том, что 24 октября состоится судебный процесс по поданному им заявлению, он, тем не менее, по неизвестным причинам уклонился от явки в суд. Более того, если бы, допустим, появилась необходимость срочно выехать в командировку, А. Кажегельдин мог даже в день суда проинформировать об этом письменно и попросить отложить рассмотрение дела. Но ничего этого он не сделал. Тем не менее, громко заявил потом, что не принимал участия в суде. Несмотря на его недостойное поведение, суд проявил выдержку и в связи с неявкой А. Кажегельдина перенес судебное заседание на 27 октября. И на этот раз его через адвокатов известили о дне, времени и месте проведения процесса, а также выслали специальную повестку. К сожалению, и на повторное заседание суда он не явился. Как можно расценить такое высокомерие и упрямство?

Суду ничего не оставалось, как провести заседание в отсутствие А. Кажегельдина. За участие в деятельности не прошедшего регистрацию общественного объединения районный суд, согласно статье 188-2 Кодекса “Об административных правонарушениях”, наложил на А. Кажегельдина своим постановлением штраф в размере 6600 тенге.

В свою очередь, Центральная избирательная комиссия, опираясь на это судебное решение и в соответствии с Указом Президента, имеющим силу Конституционного закона “О выборах в Республике Казахстан”, приняла постановление о том, что он не может быть зарегистрирован в качестве кандидата на пост президента. Поскольку, согласно закону, лица, баллотирующиеся в качестве кандидатов в президенты либо в депутаты парламента и местных маслихатов, а также в члены других органов самоуправления, не подлежат регистрации, если в течение последнего перед выборами года привлекались к судебной ответственности за умышленное нарушение правопорядка.

В связи со случившимся наш Президент Нурсултан Абишевич, продемонстрировав свою приверженность верховенству Закона, выразил обеспокоенность по поводу того, что А. Кажегельдин лишился возможности вступить в предвыборную борьбу в качестве кандидата. Как я уже говорил выше, руководствуясь целью обеспечения широкой альтернативности и состязательного характера выборов, он обратился с просьбой проверить законность судебных решений, касающихся А. Кажегельдина и А. Асылбека. Естественно, он знал, что никто, даже глава государства, не имеет права вмешиваться в деятельность суда. Он отправил свое прошение только с чистой и светлой мыслью, чтобы права и свободы граждан не омрачила даже тень несправедливости.

Однако просьбу нашего лидера мы удовлетворить не смогли. Поскольку посчитали, что решение Медеуского районного суда, подвергнувшего А. Кажегельдина административному наказанию за нарушение закона, а также заключение Центральной избирательной комиссии, сделанное на основе этого судебного решения, не рождает необходимости о каком-либо разборе или повторном рассмотрении вышеназванных дел. Другими словами, мы выразили доверие итогам суда, который вершился в соответствии с нашим законодательством и руководствуясь нашими законами. Последнюю точку в поднимаемом вопросе поставила Центральная избирательная комиссия, которая тщательно изучила решение суда, связанное с А. Кажегельдиным, и нашла, что оно полностью соответствует нашему Основному Закону, а также и другим необходимым действующим законам.

Таким образом, судебная тяжба была окончательно завершена, определив, кто был прав, а кто виноват. Есть еще одна вещь, о которой следует упомянуть: А. Кажегельдин не обратился с жалобой в Верховный Суд, выразив свое недовольство лишь в по-

слании в адрес местного суда. То есть у нас не было правовых оснований пересматривать решение нижестоящего суда.

Вот вкратце то, что мне известно в связи с делом А. Кажегельдиным.

Ораз: Максут, как бы там ни было, предвыборная кампания накануне президентских выборов 1998 года проходила в горячей борьбе. Не остался в стороне от нее и один из бывших наших учителей, писатель и кандидат исторических наук Каришал Асанов, который позже стал называться Каришалом Жалаири. Как бы ты оценил задачи и цели, предвыборную программу нашего учителя, если еще конкретнее, уровень его возможностей и ваши с ним отношения?

Максут: Прости, Ораз, но лучше я не буду говорить об этом человеке. Действительно, в свое время он был одним из выдающихся наших учителей, человеком, с которого мы с тобой брали пример. Правда и то, что, приехав в наш отдаленный аул из Алматы, он приобщил нас к культуре и передовым традициям, соответствующим тому времени. Мы ведь об этом вспоминали в начале нашего разговора. Но что поделаешь, как говорил великий Абай, “мир не остается неизменным”. И человек, и жизнь, как видно, подвержены переменам. Только изменения эти могут быть и позитивными, и отрицательными. Если позитивные перемены делают индивидуума привлекательным и для всей общественности, и для молодого поколения, то отрицательные превращают его в подобие Азраила*, человека, который отталкивает не только собственных противников, но и самых близких друзей. Ты и сам знаешь, что Каришал-агай в свое время ярко выделился, написав замечательные повести “Мы из Жетысу” и “Сватья”, но впоследствии он перессорился со своими коллегами, вплоть

* А з р а и л — ангел смерти.

до того, что судился с ними, и на почве этого бросил писать. Затем он защитил кандидатскую диссертацию в области исторических наук и работал преподавателем на кафедре истории Казахского национального университета имени Аль-Фараби, в котором мы с тобой учились. Вот в ту пору и открылась вторая грань личности этого человека в качестве “борца за правду”. Сначала он выпустил в свет объемистую книгу под названием “Открытое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву и обстоятельства декабрьских событий в Казахстане”. Следует быть справедливым, в этом труде смело осуждены некоторые неприглядные, узурпаторские стороны империалистической идеологии, и никого не оставило равнодушным явно ощущавшееся в повествовании громкое биение сердца писателя, болеющего за свой народ. Однако в последующих изданиях этой книги автор замусорил ее содержание пространными рассуждениями о редкой, особенной личности, выдающемся государственном и общественном деятеле, кавалере двух Золотых звезд Героя Социалистического Труда Д.А. Кунаеве, который на протяжении нескольких десятилетий безукоризненно руководил нашей республикой, а следом и о первом Президенте нашего независимого государства Н.А. Назарбаеве, причем нынешнему поколению нет никакой нужды в подобных суждениях, способных лишь породить ложное общественное мнение. И вот что удивительно: внутри этих записей он коснулся и меня, а немного дальше объявил, что я не казах, а татарин. Выходит, те, у кого бабушка татарка, должны по национальности считаться татарами. Жаль, что эта книга не вышла чуточку раньше, иначе я извлек бы из нее пользу, вручив ее тому самому начальнику отдела Министерства юстиции, который не хотел брать меня на работу, мучаясь от сомнений, потому что я не оказался представителем “национального мень-

шинства”. (Смеется.) Это, конечно, шутка. Иначе куда я денусь от правды, которую люди знают.

Говоря в общем, у Каришал-агая не должно было сложиться предвзятого мнения обо мне. Потому что мы родились и выросли в одном ауле, он был мне в школе учителем, между нами не было никакой отчужденности и плохих взаимоотношений. Он называл меня братишкой, я его старшим братом. Одно время мы тесно общались. Сам знаешь, с его двоюродным братишкой, покойным Шалтаем, мы спали под одним одеялом, ели за одним столом. Настолько тесно сблизились, что люди, с подачи Каришал-агая, потом прозвали нас “братьями Карамазовыми”.

Шалтая ты и сам хорошо знаешь по годам учебы в школе, он и тебе стал хорошим другом, не просто прекрасным парнем был покойный, можно сказать, лучшим из джигитов, человеком широкой души. А какой способный?! Хочешь песню — залетится на зависть, хочешь рассказ — заслушаешься, хочешь танец — вихрем закружится. На любом музыкальном инструменте сыграет. Кого хочешь рассмешит и растормошит. Выдумщик по части развлечений, каких поискать, поэт, из которого стихи так и льются. За словом в карман не полезет, да и находчивости не занимать. Кажется, в 1967 году мы с ним вдвоем сдавали вступительные экзамены во ВГИК (Всесоюзный государственный институт кинематографии). Каришал-агай, видимо, потому, что был старше и как учитель, заметив в нас какие-то способности, сам посоветовал нам с Шалтаем попытать удачу во ВГИКе. В ту пору у агая было двое детей и небольшая двухкомнатная квартира. Несмотря на это он не считал нас обузой и на целый месяц приютил в своем доме. Если говорить дальше, то, бесспорно, он проявлял по отношению ко мне и гораздо более осязаемое добро. Характер агая в то время был удивительным. Ни при каких обстоятельствах не хмурился и

не разговаривал с людьми жестко. Когда бы ты ни увидел его, он всегда жизнерадостно сиял, проявлял душевную широту и расточал любезность. Не пойму, что с ним потом произошло, но он вдруг начал считать меня “врагом”.

Когда я работал в Верховном Суде, агай однажды пришел ко мне в кабинет. Незадолго перед этим он был осужден, а затем дело в отношении него было прекращено Верховным Судом в связи с исключением по закону ответственности за деяния, которые были им совершены. А еще раньше он наплел обо мне несусветную клевету в книге и опубликовал отрывки из нее в газете, словом, совершенно “задрал нос”. Однако, несмотря на это, я не только не стал подвергать его никаким притеснениям, но не препятствовал, чтобы его дело было решено законно. Ну и что же агай? Вместо благодарности — очередная порция грязи.

Во время нашей беседы я слово за словом выговорил ему накопившееся:

— В чем я провинился перед вами, что такого плохого натворил? Я молчу, а вы распалаетесь все больше и больше. С чего это вдруг вы взялись меня преследовать? Зацепились за то, что когда-то со мной произошло несчастье, и объявили, будто “Нарикбаев — преступник”. Но я, слава Аллаху, был полностью оправдан по тому случаю, как говорится, “Бог на стороне невинного”. Говорите, “Нарикбаев — человек, пользующийся покровительством Президента”, в этом вы правы. Однако кого не поддерживает Президент, если доволен его деятельностью и выполняемой работой? И что плохого в этом для вас? — задыхаясь от обиды, я даже ляпнул: мол, какое тебе вообще дело до меня?!

Он, конечно, все хорошо расслышал и тут же возмутился:

— Да как ты смеешь говорить мне “ты”, где твой стыд?

Тут уж в меня вообще бес вселился.

— Я обращался к вам с уважением на “вы”, но оказался не по нраву. Так как же теперь не “тыкать”?! — разорался я.

Собравшись с духом, испуганный агай растерянно ответил:

— Я не сомневался, что ты так вырастешь, а все, что я говорил и написал, — это для отвода вражеских глаз.

У него в портфеле было несколько экземпляров книги, в которой он хулил меня. Я сам попросил одну с его автографом на память. С тех пор я с ним ни разу не встречался и вообще не видел его.

ПРАВДА ОБ ИСТОРИИ, ВSKОЛЫХНУВШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Ораз: Общественность нашей страны, наверное, не забыла, как ты поднял вопрос об освобождении от должностей и увольнении с работы шести судей республиканского уровня во главе со своим собственным заместителем Кайратом Маами. Но дело даже не в осведомленности о вине тех судей, а в том, что это был вопрос исторической важности.

Максут: Это произошло в то время, когда я исполнял обязанности председателя Верховного Суда Республики Казахстан. Действительно, шесть судей, включая Кайрата Маами, были освобождены от своих должностей. Само по себе это стало небывалым событием не только в истории Верховного Суда Республики Казахстан, но и вообще в истории нашей страны. Несмотря на то что сам факт взбудоражил общественность, вызвал неадекватную реакцию, случившееся все-таки, как мне кажется, послужило фактором более доверительного отношения населения к суду, особенно к высшей его инстанции.

Когда я с должности первого заместителя председателя Верховного Суда был назначен генеральным прокурором республики, Кайрат Маами был председателем Алматинского городского суда. Я открыто высказал тогда свое мнение, что на мое место в Верховном Суде подходит его кандидатура. Мое предложение было учтено, и Маами избрали первым заместителем председателя Верховного Суда. Прошло примерно девять месяцев, когда меня избрали председателем Верховного Суда, Кайрат по-прежнему работал в должности первого заместителя, на которую я его выдвинул. Мы стали коллегами. Поскольку по службе всегда были рядом, то постепенно стали общаться и семьями. Работал он хорошо. Был оперативен. Любое дело доводил до конца.

Ну а в нашем случае допустил ошибку. Как говорят, “павлин, допустивший промах, попадает в сеть”, а то, что Кайрат ошибся, яснее ясного. А событие было таковым: две большие машины были загружены в ауле в окрестностях Талдыкоргана контрабандным грузом и направились в сторону государственной границы с Китаем. Для того чтобы в пути никто не останавливал эти автомашины, их сопровождали двое высокопоставленных сотрудников полиции. Они проводили автокараван до железнодорожной станции Бесколь в Алакольском районе и вернулись назад. Но на беду контрабандистам, автокараван с контрабандным грузом был задержан на границе с Китаем.

Уже сам по себе этот случай стал в свое время из ряда вон выходящим событием, вызвавшим много шума, о котором писали на страницах всей периодической печати. Поскольку речь зашла о тесной связи с коррупцией, то на одном из республиканских совещаний, организованных по этой теме, наш лидер Нурсултан Абишевич высказал острую критику в адрес правоохранительных органов:

— Если на такой несправедливый путь ступают те люди, которые должны защищать закон, если они сопровождают контрабандный груз до границы, то какого порядка, какой законности можно от нас ожидать?!

Талдыкорганский городской суд, рассмотрев тогда это дело, назначил полицейским, причастным к этой истории, легкие наказания. Прокуратура оставила это решение без внимания. Областной суд, рассмотревший дело по апелляции подсудимых, утвердил прежний приговор. Областной прокурор также не заявил протеста на решение областного суда в связи с тем, что причастные к перевозке контрабандного груза отделались легким наказанием. Через некоторое время один из осужденных, решив добиться своего оправдания, подал апелляцию в Верховный Суд. Вот здесь-то допустила ошибку коллегия по уголовным делам. На заседании коллегии, в котором, кроме Кайрата Маами, приняли участие еще двое судей, было принято решение об отмене приговора городского суда и оправдании вышеназванных осужденных. Один из тех людей, кто был привлечен к ответственности за участие в перевозке контрабандного груза, даже успел вскоре восстановиться на прежней должности. Мне же об этом не было доложено. Однако кто-то, похоже, довел это до сведения генерального прокурора, в один из дней в наш президиум поступил его официальный протест по поводу того, что коллегия Верховного Суда приняла неверное решение по делу. Поскольку поступил протест, мы не имели права не рассматривать его, поэтому снова подняли дело. Не я один решаю — президиум Верховного Суда в составе девяти человек под моим председательством отменил незаконное решение коллегии по уголовным делам. Президиум также принял отдельное постановление по поводу мер по наказанию судей Верховного Суда, допустивших извраще-

ние закона в таком нашумевшем уголовном деле, прогремевшим на всю страну, и поставил этот вопрос передо мной как председателем Верховного Суда. В такой ситуации я обязан был возбудить дисциплинарное дело. Так и поступил. Было открыто дисциплинарное дело на шесть судей Верховного Суда во главе с Кайратом Маами, а позже и на судью Талдыкорганского городского суда Рымжана Бидильданова, который и стал виновником всей этой неразберихи. Я сдал это дело на рассмотрение дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

— Наверное, эти судьи не сразу смирились с наложенным на них дисциплинарным взысканием?

— Куда там мириться, разве легко в одночасье лишиться хорошей работы такого высокого ранга? Не зря говорят: “Утопающий хватается за соломинку”, естественно, все они воспротивились и затеяли возню, дошло до того, что стали склонять на свою сторону членов дисциплинарной коллегии Верховного Суда. В связи с этим я потерял надежду, что дисциплинарная коллегия поступит в соответствии с законом, поэтому решил вынести вопрос относительно упомянутых шести судей на усмотрение Высшего Судебного Совета.

Они этого страшно испугались.

Для того чтобы доказать свои слова, приведу письма некоторых из них, адресованные на имя главы государства и председателя Высшего Судебного Совета республики Н.А. Назарбаева. Вот письмо Кайрата Маами.

“Освобождение от должности шести судей Верховного Суда собираются осуществить на основе извращенных сведений, изложенных в предложении председателя Верховного Суда. В постановлении президиума Верховного Суда от 7 февраля 1998 года, приложенном к этому предложению, говорится: “В 1997 году судебная коллегия по уголовным делам не рассмотрела в срок

76 дел, протестов и апелляций". На самом деле это не постановление, а проект постановления. Поэтому, когда в ходе последующего анализа выяснилось, что судебная коллегия не допустила никаких дисциплинарных нарушений относительно сроков рассмотрения дел, члены президиума признали это и проголосовали за другое заключение. Это доказывают соответствующие документы.

Изменение или отмена судебных постановлений в некоторых случаях связана и с обновлением нашего законодательства. Это, естественно, нельзя вменить в вину судебной коллегии.

Кроме того, президиум Верховного Суда и сам допускает ошибки. Однако это еще больше усложняет дело, поскольку отсутствует правовой механизм, который мог бы исправить их. В числе этих ошибок встречаются и случаи, упомянутые в нашем законодательстве, такие как слишком строгое наказание, незаконное осуждение и т. п.

Не имеется также оснований для пересмотра президиумом постановления судебной коллегии, вынесенного по уголовным делам Е. Жунисова и Т. Мыханова, и увольнения с работы судей, участвовавших в ведении этих дел. Согласно статье 52 Указа Президента, имеющего силу Конституционного закона "О судах и статусе судей Республики Казахстан", если допущенные ошибки не являются грубыми, судья, нарушивший закон, не привлекается к дисциплинарной ответственности. В этой же статье ясно указано: "судьи, вынесшие решение или участвовавшие в принятии такого решения об изменении или отмене судебных постановлений, что не относится к грубому нарушению закона, к ответственности не привлекаются".

В соответствии с постановлением пленума Верховного Суда "О некоторых аспектах применения законодательства по отношению к судебной власти", факт грубого нарушения закона при изменении или отмене

приговора должен быть выявлен в судебном постановлении. Однако президиум таких ошибочных фактов не обнаружил. Исходя из этого, становится ясным, что дисциплинарное взыскание необоснованно.

Предложение об увольнении с работы судей отправлено в Высший Судебный Совет в разрез с законодательно закрепленным порядком. Председатель Верховного Суда изъял дисциплинарное дело, касающееся судей Верховного Суда, накануне его рассмотрения. В то же время дело областного судьи Б.Д. Макулбекова, привлеченного к ответственности на точно таких же основаниях, не только не дошло до уровня дисциплинарной ответственности, но и целиком приостановлено соответствующим определением.

8 июля 1998 года.

Председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан Кайрат Мами (стоит подпись)”.
Заметил, как мечется из стороны в сторону Мами:

то он упоминает об изменении и пополнении законодательства, то обращает внимание на то, что и президиум Верховного Суда допускает ошибки, то апеллирует к тому, что Б.Д. Макулбеков в аналогичной ситуации не был подвергнут наказанию. Таким образом, он не смог выразить определенную позицию по вопросу и ничего существенного сказать не сумел.

Ну а теперь обратимся к письму судьи Верховного Суда Республики Казахстан Р.М. Тойматова.

“Уважаемый Нурсултан Абишевич!

Меня вынудила обратиться к Вам с жалобой следующая ситуация.

9 июня 1998 года судебная коллегия Верховного Суда Республики Казахстан в составе судей К.А. Мами, Е.С. Искакова и меня, рассмотрев дело, возбужденное в отношении Жунисова и Мыханова, отменила вынесенный по делу судебный приговор в связи с отсутствием в их

действиях состава преступления. Таким образом, производство по делу было прекращено.

Хотя я и не был знаком со всеми обстоятельствами дела, поверив заключению своего коллеги Искакова, согласился с его выводами и поставил свою подпись под принятым постановлением.

Когда был поднят вопрос о рассмотрении этого дела в президиуме Верховного Суда, вникнув в его суть, я обнаружил, что судебная коллегия допустила ошибку, приняв необоснованное решение. Однако теперь я должен держать ответ перед Высшим Судебным Советом республики наравне с другими судьями, причастными к вынесенному решению.

Я не хочу уйти от ответственности за допущенную оплошность. Но вместе с тем, хочу еще раз повторить, я, к сожалению, в свое время не ознакомился с делом. К тому же в тот день, 9 июня, я не был докладчиком. Поэтому по установившемуся в нашей работе порядку я не должен был тогда участвовать ни на одном из заседаний Верховного Суда. Однако по непонятной для меня причине я был приглашен в последний момент и включен в состав трех судей, рассматривавших выше-названное дело.

Искренне сожалея о случившемся, я хотел бы обратиться Ваше внимание на то, что работаю в судебной системе с 1972 года, начал свою трудовую деятельность с должности секретаря судебного заседания, потом был избран военным судьей, сначала был заместителем председателя, а затем выбран председателем военного суда, работал в городах Семипалатинске и Алматы, на Камчатке и в Кыргызстане.

В течение этих лет в ходе судебных разбирательств я не допустил ни одной ошибки, за что получал лишь благодарности и похвальные отзывы. И в настоящее время, являясь судьей Верховного Суда республики, в ходе изменения или отмены судебных решений, а также в своей повседневной работе стараюсь не допускать не-

дочетов. Я человек, искренне преданный судебной работе, более половины своей жизни отдал этой сфере и ни о чем другом никогда не печалился и не мечтал.

Господин Президент, я обращаюсь к Вам как к председателю Высшего Судебного Совета, а также ко всем членам Совета с просьбой принять справедливое решение по предложению председателя Верховного Суда Республики Казахстан об освобождении меня от обязанностей судьи Верховного Суда. Если есть такая возможность, не лишайте меня статуса судьи высшего судебного органа нашего государства.

Даю Вам обещание, что с честью оправдаю Ваше доверие и впредь в своей судейской работе никогда не допущу подобной постыдной оплошности.

С уважением, судья Верховного Совета Республики Казахстан Р.М. Тойматов. 28 сентября 1998 года”.

Дабы показать, что во время своей работы я не совершил в их отношении никаких злоупотреблений, прочту жалобу еще одного из упомянутых трех судей — К.А. Абдрахманова.

“Уважаемый Нурсултан Абишевич!

Я, Абдрахманов Кобеген Аскарлович, работаю судьей с 1976 года. Вначале был судьей Советского района города Караганды, а с ноября 1977 до октября 1996 года — судьей Карагандинского областного суда. 9 октября 1996 года меня избрали судьей Верховного Суда. В течение всех этих лет при исполнении обязанностей судьи я стремился справедливо вести судебные разбирательства. Семнадцать лет рассматривал и принимал решения по уголовным делам первой инстанции.

Когда коллегия Верховного Суда приступила в порядке надзора к пересмотру уголовного дела Мыханова и Жунисова, я принял в нем участие в качестве третьего судьи лишь в период выработки окончательного заключения.

Ознакомившись с выводами по делу, я решил, что доводы, приведенные в ходе его проверки в первоначаль-

ном заключении и доказывающие необходимость пересмотра уголовного дела, убедительны.

Я сожалею, что согласился с аргументами, изложенными в данном заключении, не изучив дела с должной тщательностью, и признаю свою вину. Посчитав, что все факты, изложенные в надзорной жалобе, полностью раскрыты и установлены в ходе окончательного рассмотрения судебной коллегией, я допустил ошибку. Однако никаких других далеко идущих целей я при этом не преследовал.

Ознакомившись с постановлением президиума Верховного Суда, я понял, что заблуждался относительно фактов, приведенных в заключении.

Исполняя на протяжении свыше 22 лет обязанности судьи, я никогда не допускал грубого нарушения закона. Буду стараться и впредь вершить справедливый суд.

Уважаемый Нурсултан Абишевич! Учитывая мое искреннее раскаяние, прошу Вас дать мне возможность продолжить работу в качестве судьи Верховного Суда Республики Казахстан.

С уважением, К.А. Абдрахманов”.

Уже из самих этих писем видно, что все эти судьи — высокообразованные специалисты с большим опытом. Но как же тогда такие квалифицированные юристы, которые столько лет проработали в сфере закона и досконально разбирались в запутанных уголовных делах, споткнулись на ровном месте и проявили оплошность там, где невозможно было ошибиться? Даже если один допустил ошибку, остальные ведь не должны были. Ни один из них не испытывал недостатка в образовании, знаниях и опыте. До сих пор меня поражает поступок моих коллег, которые при разговоре всегда тщательно взвешивали каждое слово и наизусть цитировали статьи и пункты нашего законодательства. Думаю, было бы правильным в связи с этим познакомить читателей с еще одним

письмом, попавшим в почтовый ящик главы государства 25 сентября 1998 года, которое говорит о необыкновенном упорстве этих людей и в то же время о потере трезвости.

“Уважаемый Нурсултан Абишевич! Как нам стало известно, в Высший Судебный Совет поступило предложение председателя Верховного Суда об увольнении нас с работы, нарушающее законный порядок освобождения судей от должностных полномочий.

На основе предложения председателя Верховного Суда в нашем отношении возбуждено также дисциплинарное дело, которое сейчас находится в ходе рассмотрения.

Поэтому просим Вас изучить поступившее к Вам предложение после вынесения решения дисциплинарной коллегией Верховного Суда. Кроме того, в данном предложении содержатся сведения, не совместимые с истиной и требующие тщательной проверки. Обращаемся к Вам с просьбой создать специальную комиссию, которая изучила бы достоверность изложенных в предложении фактов до того, как вопрос будет вынесен на рассмотрение Высшим Судебным Советом.

С уважением, судьи Верховного Суда К. Мами, К. Абдрахманов, Б. Алибеков, Р. Тойматов, Д. Толеуов, Б. Искаков”.

Как видишь, коротко и ясно, ничего лишнего, но как много в этих словах скрыто смысла. Откуда такие толковые юристы вытащили столько грязи поверх совершенно чистого асфальта? А куда подевалось их умение распознавать суть по одному лишь намеку и чутко улавливать любую изворотливость и ухищрения? Какой уважающий себя юрист, закрыв глаза, мол, была не была, я тебе доверяю, пойдет на риск и поставит подпись под вынесенным кем-то решением, если речь идет о судьбе человека?

Вот почему, взяв все это во внимание, президиум Верховного Суда, рассмотрев дело упомянутых су-

дей, квалифицировал их действия в своем постановлении как "грубое нарушение закона".

Ладно, оставим пока это. Теперь ведь и мне надо было, защищая свою позицию, донести до Президента правоту каждого своего слова. Поэтому приведу вкратце свою объяснительную записку, написанную на имя главы государства.

"Вопрос об освобождении с работы в связи с несоответствием занимаемым должностям, согласно пункту 3 статьи 47 и статье 50 Указа Президента РК, имеющего силу конституционного закона, от 20 декабря 1995 года "О суде и статусе судей Республики Казахстан", председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РК К.А. Мами и судей Верховного Суда К.А. Абдрахманова, Б.С. Алибекова, Е.С. Искакова, Д.М. Толеуова и Р.М. Тойматова основывается на следующих причинах.

Третьего октября 1997 года Е.Т. Жунисов и Т.С. Мыханов приговором Талдыкорганского городского суда были признаны виновными в совершении следующего: Жунисов, будучи начальником отдела по особо важным делам Управления по борьбе с экономическими преступлениями Талдыкорганского областного государственного следственного комитета, и Мыханов, работавший сотрудником с оперативными полномочиями того же управления, 23 октября 1996 года, присоединившись к организованной преступной группе Отеева, Найзабекова, Капсаланова и Тундебаева и используя поддельные документы, чтобы обманным путем беспрепятственно доставить контрабандный груз до таможенного поста Бахты, а затем незаконно переправить его через государственную границу Республики Казахстан в Китай, сопровождали тайную перевозку 59 900 кг цветного металлургии стоимостью 3 млн. 699 737 тенге тремя автомашинами марки "Супер МАЗ" из аула Енбек Талдыкорганского района в направлении Талдыкорган — Ушарал — Коктума. В районе таможенного поста

Бахты эти машины были задержаны другими сотрудниками правоохранительных органов.

Дело, подсудное суду первой инстанции, было рассмотрено в Талдыкорганском городском суде лично председателем этого суда Р.Ж. Бидильдановым, который, в нарушение требований, изложенных статье 34 Уголовного кодекса Казахской ССР, назначил виновным очень мягкое наказание по статье 40 того же кодекса. Вынес условный приговор. Однако он не учел одно из вмененных Жунисову и Мыханову обвинений — причастность к контрабанде. Люди, призванные сами бороться с подобными нарушениями законодательства, вступили в сговор с преступниками, встав на преступный путь, ведущий к ослаблению экономики нашего государства, и за использование своего служебного положения в незаконных целях потребовали уплаты 500 долларов США для каждого. По закону это относится к тяжким преступлениям.

Вынося условный приговор Жунисову и Мыханову, господин Бидильданов в качестве дополнительного наказания объявил конфискацию их имущества. Однако в статье 40 Уголовного кодекса Казахской ССР конфискация имущества в ряду дополнительных наказаний к условному приговору не применяется.

Помимо этого, при квалификации дела Жунисова и Мыханова господином Бидильдановым допущена грубая судебная ошибка. Если обратиться к описательной части приговора, он признает Жунисова и Мыханова виновными лишь в помощи вредительским действиям организованной преступной группы по перевозке контрабандного груза в особо крупном объеме. Однако квалифицирует их дело без ссылки на статью 17 Уголовного кодекса Казахской ССР.

Судебная коллегия по уголовным делам Алматинского областного суда (в то время Алматинская и Талдыкорганская области были слиты, и официально образована Алматинская область) в составе Б. Макулбекова,

Л.Г. Березовской и Н.А. Чупрыновой не внесла никаких исправлений по устранению ошибки, допущенной в квалификации действий Жунисова и Мыханова, и изменению связанного с этим мягкого приговора, а также не проронила ни слова по поводу нарушения статьи 40 УК Казахской ССР в части дополнительного наказания. Суд кассационной инстанции также не воспрепятствовал отступлению от закона. Он рассмотрел дело только в связи с кассационной жалобой Жунисова и не принял во внимание основания, дающие право в этой ситуации повторно рассмотреть в качестве надзора дела всех остальных причастных осужденных. Поэтому в заключительной части определения судебной коллегии указано, что приговор в отношении остальных осужденных оставлен без каких бы то ни было изменений.

Рассмотрев надзорную жалобу осужденного Жунисова в соответствии со статьей 463 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, судьи Верховного Суда Республики Казахстан Д.М. Толеуов (единолично), а затем К.А. Абдрахманов, Б.С. Алибеков и Толеуов (коллегиально), вместо того чтобы выявить неправомерность актов нижестоящих судов, как не соответствующих закону, извратив обстоятельства дела по имеющимся на руках материалам совершенных преступлений, сочли необходимым повторно рассмотреть дело в порядке надзора только в отношении Жунисова и Мыханова. Более того, из их заключения явствует, что в действиях Жунисова и Мыханова нет никакого состава преступления. Ну а о том, по каким причинам либо на каких основаниях не рассматриваются повторно дела остальных осужденных, даже не говорится.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан в составе председателя К. Мами и судей Е.С. Искакова и Р.М. Тойматова 9 июня 1998 года в соответствии с заключением вышеназванных судей заново подняла дело и, хотя причастность Жунисова и Мыханова в злостном совершении контра-

банды ясно прослеживается, закрыла на это глаза и незаконно прекратила их уголовное преследование, не найдя в их действиях состава преступления и отменив ранее вынесенный приговор.

В то же время было доказано, что осужденные по этому делу *Отеев, Найзабеков и Капсаланов* в период 1995—1996 годов без необходимой лицензии и какой бы то ни было регистрации незаконно занимались сбором цветного металлолома. В течение указанного периода они, используя в обманных целях фальшивые документы, в несколько приемов переправили контрабандным путем в КНР 111 (сто одиннадцать) тонн металлического лома и получили за это от потребителей со стороны Китая 100 тысяч долларов США.

Точно таким же образом они без установленных законом обязательных документов заготовили вышеупомянутые 59,9 тонны металлолома. Для того чтобы переправить его через границу, *Тундебаев* подготовил ряд фальшивых документов (бланков) не существующих в природе, но имеющих печать и штампы малых предприятий. Во время перевозки металлолома тремя «Супер МАЗами» к пограничной таможне *Жунисов* и *Мыханов* сопровождали груз вплоть до пограничного поста на железнодорожной станции *Коктума*. Когда автомашины останавливались сотрудниками ГАИ и пограничных постов, *Жунисов* и *Мыханов*, важно называясь представителями органов власти, сообщали ложные сведения о хозяевах груза, полном наличии необходимых документов, месте доставки, и т. п. и, скрыв отсутствие законных документов, властно следили за тем, чтобы дежурные ГАИ, ГСК и пограничники не задерживали груз, а также их самих, его сопровождавших.

Все это убедительно доказано, и достоверность этих фактов не вызывает никаких сомнений. Однако вышеупомянутые судьи судебной коллегии Верховного Суда, первоначально участвовавшие в вынесении решения по надзорной жалобе осужденного *Жунисова* и рассмот-

ревшие дело в порядке надзора, сделали заключение, не соответствующее материалам дела. На его основе было принято незаконное решение о полном оправдании Жунисова и Мыханова.

Президиум Верховного Суда, рассмотревший дело в связи с протестом Генерального прокурора, своим постановлением от 21 августа 1998 года аннулировал необоснованное решение судебной коллегии. Согласно обвинению, внесены необходимые изменения в части квалификации действий Жунисова и Мыханова, в приговор и кассационное определение (ст. ст. 17, 15, пп. "б", "г" § 2 ст. 64 Уголовного кодекса Казахской ССР), а также относительно дополнительного наказания. Вынесены отдельные постановления в отношении всех выше-названных судей. Также обращено внимание председателя Верховного Суда на нарушение закона, допущенное судами во время рассмотрения названного уголовного дела.

Таким образом, по вине председателя судебной коллегии по уголовным делам К.А. Мами и судей Верховного Суда РК Д.М. Толеуова, К.А. Абдрахманова, Б.С. Алибекова, Е.С. Искакова и Р.М. Тойматова был грубо нарушен закон, благодаря чему должностные лица, соучастники преступления, получили возможность незаконного освобождения от наказания. Подобные действия судей роняют авторитет высшего судебного органа нашего государства в глазах общественности, к тому же могут считаться основанием для порождения полного недоверия к высшей судебной системе республики. Это идет в разрез с целями и задачами ведущейся борьбы с преступностью, в особенности с ее организованной частью".

Ораз: Максуд, когда эти шесть судей за допущенные ошибки были освобождены от занимаемых должностей (6 ноября 1998 года), появилось ведь письмо за подписью 27 человек, в котором выражалось недовольство неправомерностью этого решения, как расценить эти действия?

Максут: Да, все это далось мне нелегко. В связи с тем, что не согласные с решением забросали Президента ложными сведениями посредством письменных жалоб и телефонных звонков, глава государства за каких-то полдня звонил мне дважды. В первый раз он сказал: “Максут, что происходит — ко мне уже заходил Бауржан Мухамеджанов, пришел и Игорь Иванович Рогов. Все обеспокоены. Говорят, судьи невиновны. Как это понимать?”, а во второй раз сообщил: “Поступило письмо в защиту Маами, которое подписали 27 судей. Что ты на это скажешь?”

Я почувствовал, что провинившиеся пытаются все замаять, не вынося свой вопрос на Высший Судебный Совет, поэтому ответил Нурекену:

— Во-первых, я обо всем доложу вам сам. Во-вторых, этот вопрос не найдет справедливого решения, если не будет рассмотрен на заседании Высшего Судебного Совета.

Президент со мной согласился и вынес дело на расширенный Совет. И этот шаг дался мне нелегко. Сколько ночей я не спал, сколько дней ходил мрачным! Говорят ведь: “будь предан другу и справедлив к врагу”, и днем, и ночью я мучительно размышлял. Но сколько бы ни думал, всегда мысленная чаша весов склонялась в мою сторону. Я никому не причинял вреда, не устраивал притеснений и не винил во всех смертных грехах. Лишь доказывал допущенные ошибки, раскрывал бросающиеся в глаза, недопустимые недостатки. Я не подсылал, подобно им, людей к Президенту, испугавшись предстать перед коллегиальным органом. В моих руках было светлое знамя Справедливости. Однако, несмотря на это, меня не покидали сомнения. Кто знает, ведь Президент такой же живой человек, возможно, проявив сочувствие, он поддержит их. Тогда не им, а мне придется уйти с работы. Дело чревато подобными последствиями. То есть вопрос упирался в дилемму: “либо пан, либо пропал”.

Довольно об этом, в конце концов в тот день ближе к вечеру мы собрались и открыли заседание. И вот что любопытно, приличная часть собравшихся членов Высшего Судебного Совета с ходу выступила с заявлением: "В данном случае никакой вины судей нет". Более того, некоторые даже легкомысленно ссылались на существование "чести мундира". Депутат сената К. Ескендиоров в этот момент не выдержал и привел яркий пример того, как надо защищать честь.

— Мой сын работает судьей в районном суде, — сказал он. — О некоторых поступках этих судей Верховного Совета я знаю не понаслышке, а хорошо осведомлен по делам, с которыми сталкивается мой сын в своей ежедневной работе. В чем суть их ошибки? Прежде всего, не стыдно ли судьям Верховного Суда отговариваться подобным образом, дескать, поступили так и эдак, не знали и не ведали? Разве это может служить оправданием? Это не оправдание, а потеря стыда и совести. И это не оплошность, а настоящая трагедия. Иначе как еще можно назвать то, что отборные, лучшие из лучших судьи, все с высшим образованием и многолетним опытом работы, споткнулись на ровном месте?

Если названные судьи все еще не лишились честности, то они должны признать свои явные ошибки и по собственному желанию уйти с занимаемых должностей. Как мы будем выглядеть, коли западные журналисты прознают, что в Верховном Суде у нас подобные судьи? С каким лицом мы предстанем перед миром, если враги, усмотрев в этом вершину позора, разнесут по всему свету крик: "И такие судьи у них в Верховном Суде!" — В данном случае мы обязаны думать не о "чести мундира", а о чести народа, о чести нашего независимого государства!

После этих слов перевес мнений членов Совета, разделившихся на два лагеря, изменился, и чаша ве-

сов склонилась в мою сторону. Следом меня поддержал и Президент, предложив Кайрату Мами:

— Если хочешь уйти как лучше, напиши заявление, милый!

Кайрат там же написал заявление на имя Президента с просьбой отправить его в отставку по собственному желанию. Высший Судебный Совет одобрил это заявление. Ну а оставшиеся судьи за допущенные нарушения были освобождены от должностей. Таким образом, Высший Судебный Совет под руководством Президента утвердил принятое ранее решение и поставил в этом деле последнюю точку.

По моему мнению, предложение Президента в общем и решение относительно К. Мами — очень справедливое решение. Потому что вина Кайрата лишь в том, что он, доверившись членам коллегии, находившимся в его подчинении, сам лично не изучил, как следует, дела и согласился с их предложением...

В этой истории наглядно столкнулись в непримиримой борьбе законность и сила разнузданности. Секрет того, что я в такой переломный момент добился успеха, кроется, во-первых, в моем правильном обращении к Высшему Судебному Совету под руководством Президента, во-вторых, в том, что мое выступление на Совете вышло удачным, а в-третьих, в действенной, острой и вовремя сказанной речи на заседании К. Ескендинова. Самое главное — победила справедливость. Это одно.

Второе. Каждый, конечно, имеет право писать письма. Однако если письмо написано не по собственному желанию, не по выбору сердца, а под чью-то диктовку, кем-то организовано, то рано или поздно оно рождает в душе сожаление. Как появилось вышеназванное письмо? Его инициаторы собирали подписи, обивая пороги кабинетов всех судей, лясь, упрашивая и умоляя их расписаться под ним. Один

из этих инициаторов — Мухтар Есжанов. По натуре он человек с мелкой душонкой, и тут прямо-таки из кожи вон лез, агитируя всех и каждого. Я обо всем знал, но никого не остановил. И хотя по отношению к “агитаторам” был обижен, поступок тех, кто расписался под письмом, меня, скорее, поразил. Практически все из них, каждый в свое время, именно по моему постановлению поднялись до должности судьи Верховного Суда. Ни в рабочем порядке, ни в свободное время между нами не возникало размолвок. Когда я проанализировал, поразмышлял над тем, почему же так вышло, то понял, что вопрос не в том, сделал ли я что-то плохое по отношению к ним или не сделал, — проблема в “агитаторах”, в том, что они посеяли в душах коллег испуг: “Говорят, час быка наступит и для теленка, если М. Нарикбаев убрал таких мощных, подобных львам, шестерых судей, то, думаете, он не постарается избавиться, как от использованных вещей, и от нас, оставшихся? Это только начало, он собирает свою команду. Если хотите обогнать надвигающийся на нас катер, подпишитесь”. На первый взгляд, вполне правдоподобные слова. Но, с другой стороны, слухи, не имеющие под собой основания. Правда в том, что шесть судей Верховного Суда действительно лишились своих мест. А необоснованная болтовня потому, что они были уволены с работы не в результате каких-то ссор и размолвок со мной, а в наказание за допущенные грубые ошибки в собственной работе. Это вообще небывалое, никогда не случавшееся ни прежде, ни после событие в истории Верховного Суда. Что делать, когда я вынес на всеобщее обозрение допущенную ими оплошность, я понимал, что и мне придется нелегко. Как говорится, “у палки два конца”, я чувствовал, что один ее конец непременно ударит по моей собственной голове. Но разве можно отречься от честности и совести ради собственного благополучия? А что каса-

ется нашего государства, так оно в ту пору еще не успело вырасти из пеленок. Если, делая первые шаги, мы будем поддаваться настроению и закрывать глаза на вопиющие недостатки, то что ожидать от нашего будущего, какие надежды мы можем питать? Я долго раздумывал. И в конце концов пришел к заключению: "Все они во главе с Кайратом Маами мои братья, однако, и для них, наверное, дорога истина".

И хотя именно в тот момент мои действия были не по нраву Кайрату Маами, без всяких сомнений, в глубине его души теплилось чувство благодарности за проявленную мною честность. Поскольку позже мы не только стали вновь общаться с взаимным уважением друг к другу, но и совместно решаем, как прежде, проблемы суда. Не забываем и поздравлять друг друга с праздниками и радостными событиями. Возобновили наше общение семьями, особенно от-раднo, что искренне дружат наши дети.

Вот это письмо тому доказательство:

"Уважаемый Максут Султанович!

Вам свойственно приносить новое туда, где вы по-являетесь. С Вашим приходом Казахская государственная юридическая академия — главное гнездо будущих юристов, изменилась и преобразилась, а ее здание принарядилось, став еще одной прекрасной достопримечательностью красавца Алматы. И вот теперь открылась площадь Фемиды, которая не только украсила его, но и добавила значимости.

Если сама Фемида — понятие всемирного масштаба, то ее собирательный образ, который вы установили, обогатив национальными традициями, бесспорно, немного ближе нам. Ясно, что он, указывая будущим юристам светлый путь к истине, проникает в их сознание и невольно изо дня в день вливает в их души светлые лучи справедливости. Они будут стойко придерживаться того, что познали в родном гнезде, когда из него вылетят.

Желаю Вам успеха во всех Ваших полезных делах во имя будущего нашей независимой Родины!

С огромным уважением, Кайрат Мами”.

Вообще, происшедшее с Кайратом напоминает то, что пережил когда-то и я. Мне понятно, что он, горько сожалея о допущенной ошибке, проявил мужество, не став предаваться отчаянию, а упорным, плодотворным трудом добился таких выдающихся успехов, какие мы наблюдаем сегодня.

У нашего лидера Нурсултана Абишевича есть особое чувство человечности, не свойственное ни одному из других руководителей. Он не ставит крест на судьбе тех должностных лиц, которые оступились, если они сделают правильные выводы из своих ошибок, если проявят честность, инициативу и преданность в работе, то он, проявив доверие, снова поднимает их до уровня высокой должности.

Сколько таких министров и акимов, которые вновь поднялись с его помощью! И одно из доказательств тому решение Президента в отношении Кайрата Мами. Да благодетельствует его Аллах!

Ну а те, что поддались речам “агитаторов против” и поставили свои подписи под письмом, почти все пришли ко мне и извинились, мол, мы вас не поняли, проявили человеческую слабость, поддавшись на уговоры. Я не затаил на них обиду. Меня обрадовало, что, пусть и поздно, но они осознали мою честность и поняли меня. В истинном смысле я их вообще не винил. Дело в том, что у нас еще не изжита берущая начало со времен советской власти ложная солидарность товарищей, родичей, земляков или коллег, то, что мы называли: “один за всех и все за одного”. В тот период подобные моральные недостатки были присущи всем членам нашего общества. И то, что такой недостаток проявился и у сотрудников Верховного Суда, заставило погрузиться меня в размышления. Если каждый судья Верховного Суда,

отступив от справедливости, будет предаваться чувствам товарищества, родства, землячества и солидарности с коллегами, то как быть с честностью?

Всем своим коллегам, которые, признав свою вину, заходили ко мне попросить прощения за то, что поставили свою подпись под письмом, я говорил о том, что поддержку и одобрение чего-то необходимо оказывать лишь на основе справедливости. Позже я даже оказал поддержку самому Мухтару Есжанову в защите его кандидатской диссертации, сделав на нее теплый отзыв.

Я напомнил всем о необходимости быть настолько же преданными клятве нашей Фемиде, насколько медицинские работники верны клятве Гиппократата. Ну и строго предупредил, что не смогу находиться в одном ряду с теми судьями, кто блуждает, свернув с пути справедливости. Я благодарен всем моим коллегам, поскольку после этого случая мы в течение двух лет трудились вместе, глубоко понимая друг друга.

ЖИЗНЬ — ЭТО НЕСКОНЧАЕМЫЙ ФРОНТ

Ораз: Максут, в 1997 году со 2 по 4 ноября ты по приглашению Центра демократии США в качестве председателя Верховного Суда РК побывал во Франции, участвовал в Международной юридической конференции, которая ежегодно проходит в городе Страсбурге. Что это за форум с точки зрения авторитетности, и с какими умозаключениями ты вернулся с этой конференции?

Максут: В современном мире проводятся две постоянные международные конференции, которые объединяют в дискуссионных залах председателей верховных судов из разных стран. Одна из них — «Постоянно действующая конференция верховных судей

Западной и Восточной Европы”, а вторая носит название: “Конференция верховных судей Азии и Тихоокеанского региона”. Обе организации престижные. Если первая проводится ежегодно, то вторая — один раз в два года.

В работе первой конференции я впервые принял участие в Страсбурге, а во второй раз — в Москве, что касается второй конференции, то участвовал лишь в проходившей в Сеуле. Упомянутое же совещание, которое собралось в Страсбурге, проводилось, как оказалось, в шестой раз со дня создания организации.

На что, во-первых, хотелось бы обратить внимание: учредители этой конференции — два юриста из США и два структурных подразделения Совета Европы. К учредителям присоединились еще двое и в этом компактном составе они устраивают и проводят такие вот конференции мирового уровня. Вообще, похоже, среди граждан США, имеющих собственные фонды, установилась добрая традиция — объединившись между собой, дружно браться за организацию подобных крупных мероприятий.

Всем известно, что 20 декабря 1995 года мы приняли Закон “О суде и статусе судей Республики Казахстан”. Но перед нами стояли теперь задачи по внесению изменений в этот закон и совершенствованию судебной системы в вопросах защиты прав человека. Поэтому в тот период для нас крайне необходимым было участие в таких крупных конференциях, чтобы, изучив мировой опыт, мы могли оперативно перенять оптимальные положения. Конечно, чтобы попасть на те конференции, куда нас приглашали, нужны были средства. И хотя с этой стороны мы испытывали некоторые затруднения, на совещание в Страсбург отправились вдвоем с председателем Конституционного Совета РК Юрием Алексеевичем Кимом. Что ни говори, а не зря Международная конфе-

ренция именуется международной. Прибывшие из каждой страны самые разные видные юристы выступили с очень содержательными докладами. И хотя в них не было таких новостей, которые способны были нас поразить, мы с интересом слушали доклады на такие отдельные темы, как права юридических и физических лиц в международном положении или ведение уголовных дел в международных условиях, усиленно впитывая те моменты, на которые стоило обратить внимание. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, стоило нам только выйти на перерыв или же остаться одним после окончания рабочего дня конференции, как нас тут же окружали работники международной прессы. Щелкая затворами объективов, наперебой снимали. Подсовывая микрофоны, задавали вопросы от радио либо телевидения. Как я заметил, в толпе журналистов были охотники, преследующие и совсем иные цели. Уже по подоплеке их слов можно было понять истинные цели: желание собрать такие сведения о молодом независимом государстве, его экономической мощи, социально-политическом положении, национальном единстве, праве работников правоохранительных органов, которые можно пересказать в извращенном виде. И хотя они улыбались и проявляли льстивую любезность, сразу чувствовалось, что их подловатым замыслам нет конца. Естественно, и у них есть право задать вопрос. Однако какой ответ заставит их замолчать, целиком зависит от твоей политической зрелости и интеллекта. Что замечательно в вопросах и ответах, так это то, что, какой бы ни была личность интервьюируемого, такой обмен сразу раскрывает глубину его миропознания, уровень образования, мировоззрение и общую культуру. Слава Аллаху, но с этой стороны мои друзья-коллеги и в Страсбурге, и в Москве, а также и в Сеуле оказались на высоте положения по части своей осведомленности, образо-

ванности и квалифицированности. Помимо этого, тщательно проанализировав все увиденное, услышанное и познанное на этих конференциях, они нашли пути использования наиболее полезного и у нас. Это касается выгодных сторон участия наших специалистов в тех международных конференциях.

Ораз: В 1995 году между 6 и 8 декабря ты принял участие во встрече генеральных прокуроров СНГ, которая состоялась в Москве в зале заседаний Генеральной прокуратуры России. Ведущий заседания начал с того, что зачитал приветственное письмо Президента РФ Б.Н. Ельцина к участникам совещания. К тому же основным докладчиком был генеральный прокурор РФ Юрий Ильич Скуратов. Глядя на все это, становится ясно, что, похоже, этому совещанию придавали огромное значение. Поэтому, я думаю, было бы совсем не лишним, если бы ты вспомнил полезные впечатления, вынесенные с этой встречи.

Максут: 1995 год — это время, когда у власти стоял покойный Нагашбай Амангалиевич Шайкенов. В то время он был вице-премьером и министром юстиции. То есть держал в своих руках все вопросы права. Глава государства очень доверял ему. Ну а Шайкенов в ту пору поставил на повестку дня вопрос ослабления влияния Прокуратуры, более того, ее присоединения к Министерству юстиции. Такие примеры на нашей планете присутствуют. Так, в Америке министр юстиции именуется генеральным атторне-ем. А по смыслу это наименование и означает “генеральный прокурор”. Нагашбай Амангалиевич задумал перенять правовую систему этой страны. И это небезосновательно. Поскольку отдельные направления деятельности Министерства юстиции, точнее сказать, правовые направления, соотносимы с направлениями деятельности генерального прокурора. Разница в том, что министр юстиции не может принять

по ним решения, а генеральный прокурор такие решения принимает. Выступая против беззакония, он так и поступает. Чтобы отменить какие-то решения, он имеет право заявлять протест, вплоть до обращения в Верховный Суд. У министра юстиции такого права нет. Время, общество, естественно, не стоят на одном месте. Возможно, придет время, когда мы перейдем к подобной системе. Возможно, она изменится, объединившись подобным образом. Однако в настоящее время, когда принцип верховенства закона не возвысился до необходимого уровня, крайне обязательна система Генеральной прокуратуры в сегодняшнем виде. По той причине, что уважение к закону, законопослушность и понимание в этой сфере у наших граждан пока не развиты в достаточной степени. Поэтому ни в коем случае нельзя сегодня включать прокуратуру, привязывать ее к Министерству юстиции.

Ну а покойный Шайкенов, слишком опережая время, намеревался даже упразднить арбитражный суд. Поднял вопрос по этому поводу. И пытался реализовать задуманное. Прокуратуры большинства стран СНГ также подняли этот вопрос и были близки к уничтожению старой системы. Как раз в это время в Москве и собрались генеральные прокуроры всех государств СНГ и вынесли проблему на повестку дня. На совещании состоялся всесторонний разговор о современном состоянии прокуратуры и ее будущем. Дело в том, что структура этой сферы в получивших независимость молодых суверенных государствах очень схожа друг с другом. Как в тех крылатых словах: "Все мы вышли из гоголевской "Шинели", — так и мы все являемся государствами, вышедшими из вчерашнего Советского Союза. Однако в нашей республике велась в этой отрасли массовая работа, и прежний образец системы претерпел значительные изменения. Был разработан и принят За-

кон в отношении Прокуратуры. Его проектной подготовкой руководил непосредственно я. В настоящий момент прокуратуры стран СНГ нельзя даже сравнить с прокуратурой Республики Казахстан. Даже прокуратура россиян, преобразованная после глубокого анализа мировых систем, в принципе, осталась в прежнем виде. Функция следствия в ее составе не изменилась. Ну а из структуры нашей прокуратуры следствие выведено. Вместо него укреплена надзорная деятельность.

Как я уже говорил выше, вопрос, поднятый Нагашбаем Амангалиевичем, не был новаторским. Подобные идеи высказывались и до него. Он же эти идеи собрал, развил, дополнил и, благодаря своему красноречию, успел свято уверить в них и Президента. В то время у Шайкенова было такое влияние, что то, что он называл белым, считалось передовым, а то, что именовал черным, воспринималось как проклятое. Этот вопрос зазвучал с новой силой в мою бытность генеральным прокурором, наш брат Нагашбай восседал в ту пору прямо-таки на “деревянном коне”, но по итогам прошедшей в Москве конференции наша прокуратура сохранилась в своем нынешнем виде.

Ораз: 24 апреля 1996 года я прочел в одном из источников поздравление нашего Президента Н.А. Назарбаева в связи с выходом журнала “Заң және заман” (“Закон и время”), где были высказаны теплые слова в твой адрес. Если не ошибаюсь, ты был в то время генеральным прокурором республики, с какой стати, занимая столь высокий пост, ты вдруг повернул голову в сторону нашей стези — журналистики?

Максут: Действительно, в тот период я работал в должности генерального прокурора и, решив, что у нас должен быть свой печатный орган, приложил немало сил, чтобы вышел в свет журнал “Заң және

по ним решения, а генеральный прокурор такие решения принимает. Выступая против беззакония, он так и поступает. Чтобы отменить какие-то решения, он имеет право заявлять протест, вплоть до обращения в Верховный Суд. У министра юстиции такого права нет. Время, общество, естественно, не стоят на одном месте. Возможно, придет время, когда мы перейдем к подобной системе. Возможно, она изменится, объединившись подобным образом. Однако в настоящее время, когда принцип верховенства закона не возвысился до необходимого уровня, крайне обязательна система Генеральной прокуратуры в сегодняшнем виде. По той причине, что уважение к закону, законопослушность и понимание в этой сфере у наших граждан пока не развиты в достаточной степени. Поэтому ни в коем случае нельзя сегодня включать прокуратуру, привязывать ее к Министерству юстиции.

Ну а покойный Шайкенов, слишком опережая время, намеревался даже упразднить арбитражный суд. Поднял вопрос по этому поводу. И пытался реализовать задуманное. Прокуратуры большинства стран СНГ также подняли этот вопрос и были близки к уничтожению старой системы. Как раз в это время в Москве и собрались генеральные прокуроры всех государств СНГ и вынесли проблему на повестку дня. На совещании состоялся всесторонний разговор о современном состоянии прокуратуры и ее будущем. Дело в том, что структура этой сферы в получивших независимость молодых суверенных государствах очень схожа друг с другом. Как в тех крылатых словах: "Все мы вышли из гоголевской "Шинели", — так и мы все являемся государствами, вышедшими из вчерашнего Советского Союза. Однако в нашей республике велась в этой отрасли массовая работа, и прежний образец системы претерпел значительные изменения. Был разработан и принят За-

кон в отношении Прокуратуры. Его проектной подготовкой руководил непосредственно я. В настоящий момент прокуратуры стран СНГ нельзя даже сравнить с прокуратурой Республики Казахстан. Даже прокуратура россиян, преобразованная после глубокого анализа мировых систем, в принципе, осталась в прежнем виде. Функция следствия в ее составе не изменилась. Ну а из структуры нашей прокуратуры следствие выведено. Вместо него укреплена надзорная деятельность.

Как я уже говорил выше, вопрос, поднятый Нагашбаем Амангалиевичем, не был новаторским. Подобные идеи высказывались и до него. Он же эти идеи собрал, развил, дополнил и, благодаря своему красноречию, успел свято уверить в них и Президента. В то время у Шайкенова было такое влияние, что то, что он называл белым, считалось передовым, а то, что именовал черным, воспринималось как проклятое. Этот вопрос зазвучал с новой силой в мою бытность генеральным прокурором, наш брат Нагашбай восседал в ту пору прямо-таки на “деревянном коне”, но по итогам прошедшей в Москве конференции наша прокуратура сохранилась в своем нынешнем виде.

Ораз: 24 апреля 1996 года я прочел в одном из источников поздравление нашего Президента Н.А. Назарбаева в связи с выходом журнала “Заң және заман” (“Закон и время”), где были высказаны теплые слова в твой адрес. Если не ошибаюсь, ты был в то время генеральным прокурором республики, с какой стати, занимая столь высокий пост, ты вдруг повернул голову в сторону нашей стези — журналистики?

Максут: Действительно, в тот период я работал в должности генерального прокурора и, решив, что у нас должен быть свой печатный орган, приложил немало сил, чтобы вышел в свет журнал “Заң және

заман”, непосредственно сам занимался выпуском первых его номеров. Вообще-то, о том, как я пришел в журналистику, тебе самому известно. Одно время именно благодаря твоему приглашению и настойчивой агитации я работал редактором в Талдыкорганском областном управлении радио и телевидения. Позже, когда перевелся на работу по специальности в Алматы, а именно, в один из отделов республиканского Министерства юстиции, я стал внештатным корреспондентом республиканского радио и телевидения и вел специальные передачи о сфере закона. Общался и с корреспондентами газет и кое-какие мысли выносил на всеобщее обозрение в прессе. В те годы ничто не могло сравниться по силе воздействия со страницами всесоюзной печати, особенно для тех, кто хотел поделиться своим мнением и мыслями, я сразу понял, что это то орудие, подобных которому не найти. К тому же привлекало, что это то место, где итоги твоих размышлений и сделанные тобой дела будут на виду. Если раньше я считал, что средства массовой информации — “рабочая площадка” журналистов, то теперь всей душой понимаю, что и для юристов — это один из самых мощных инструментов. Именно поэтому с того самого дня, как стал генеральным прокурором, я затронул вопрос об издании нашего собственного журнала и в конце концов осуществил свою мечту, стал свидетелем и непосредственным инициатором появления на свет первых номеров журнала “Заң және заман”. Но я не ограничился тем, что всей душой болел за новое издание.

Начиная с июня того же 1996 года я стал председателем Верховного Суда и замыслил появление еще одного юридического издания. Если не запамятовал, республиканский съезд судей. В нем принял участие и глава государства. Выступил с речью. Вместе с тог-

дашним премьер-министром А. Кажегельдиным, министром юстиции К.А. Колпаковым, депутатами О. Байгельды, М.О. Оспановым и рядом других я сидел в президиуме этого собрания. В один из моментов рабочего заседания наши сотрудники внесли в зал и раздали всем принимавшим участие в съезде 300 судьям и высокопоставленным должностным лицам в президиуме экземпляры первого номера органа Верховного Суда журнала “Тура би” (“Справедливый судья”), еще пахнувшие не успевшей как следует высохнуть типографской краской.

Сейчас у двух этих журналов множество авторов. Для сотрудников, работающих в сфере закона, для известных и молодых ученых, занимающихся юридической наукой, они стали одними из лучших изданий. Моя точка зрения в этом вопросе не изменилась и сегодня. Мы открыли при нашем университете собственное издательство, где выпускаем в свет созданные нашими учеными учебники, учебные пособия и научные монографии. Помимо этого, организовали выход газет “Көзқарас”, “Позиция” и “Фемида қаламы” (“Перо Фемиды”), которые публикуются на казахском и русском языках. В этих изданиях сейчас трудится группа сильных журналистов, инициативных, преданных, с большим литературным опытом.

Ораз: Максут, для того чтобы молодежь — поколение будущего, понимала, что жизнь — это не прямой торный путь, подобный полету пули, что она наполнена борьбой, мне хотелось бы задать тебе один слегка некорректный вопрос.

В Указе главы государства, имеющем силу Закона, от 27 декабря 1993 года “О наделении Президента Республики Казахстан и местных акимов временными дополнительными полномочиями” говорится: “Первым заместителем председателя Верховного Суда Республики Казахстан назначается Максут Султанов

вич Нарикбаев”, а далее сказано: “Настоящий Указ подлежит утверждению на первой сессии вновь избранного Верховного Совета Республики Казахстан”. Насколько я знаю со страниц печатных изданий, вторая сессия Верховного Совета РК открылась 13 октября 1994 года в 17 часов 28 минут. И хотя по порядку эта сессия была второй, в действительности в новом составе депутаты собрались впервые. Возможно, поэтому с самого начала заседание проходило в горячей атмосфере, а желающих высказать свое мнение было множество. Накал страстей был таким, что, похоже, под конец перерос в настоящую схватку.

Читая об этом, я восхитился смелостью новоизбранных депутатов и пришел к мысли, что в нашем государстве, кажется, установилась подлинная демократия. Конечно, я не был участником либо непосредственным очевидцем этого заседания. Обо всем знаю понаслышке. Поэтому мне хотелось бы услышать подробности из твоих уст.

Максут: Это было время, когда, собственно, парламента как такового у нас вообще не было. Если помнишь, впоследствии он был распущен и его обязанности исполнял Президент. В соответствии с этими полномочиями, он же принимал новые законы и назначал руководителей государственных органов. А иначе, и председатель Верховного Суда, и его первый заместитель, даже сами члены Верховного Суда избирались бы парламентом. Поэтому глава государства и назначил меня своим Указом первым заместителем председателя Верховного Суда. А впоследствии, когда будет избран новый парламент, он должен был утвердить Указ Президента.

Когда новый состав парламента приступил к работе, я уже более шести месяцев исполнял обязанности первого заместителя Верховного Суда республики. Кое-кому это было не по нраву, так разве они успокоятся? Распустили повсюду слух: “Не зря Пре-

зидент издал Указ, специально посвященный Нарикбаеву, в свое время они вместе учились. Вот теперь, благодаря дружеским связям, он и пошел в гору". Более того, как мне казалось, была создана специальная группа против меня. Среди молвы, которая пошла гулять как ветер, было много лжи. К примеру, Указ главы государства вовсе не был посвящен одному лишь мне. Если я названным распоряжением был назначен первым заместителем председателя Верховного Суда, то этим же Указом на должность председателя был утвержден Михаил Федорович Малахов.

В один день с М. Малаховым наши кандидатуры и были предложены для утверждения парламентом. Однако парламент документы по Малахову рассмотрел, а мои по неизвестным для меня причинам отложил для отдельного рассмотрения.

Это была пора, когда только появились признаки подлинной демократии. На утверждении М. Малахова в парламенте Президент присутствовал лично. Он взял слово и выразил поддержку предложенной кандидатуре. С перевесом в один голос Указ Президента в отношении М. Малахова был утвержден.

Что касается меня, то приход Президента на заседание парламента в день моего утверждения был под вопросом. Потому что моя кандидатура не предлагалась на должность первого ранга. К тому же неприятное впечатление оставляли гулявшие слухи. Кроме того, новоизбранные депутаты то и дело шумели, дескать, мы рождены только ради демократии, и, естественно, всеми силами старались это продемонстрировать. Скажу честно, я очень сильно волновался. А печалился вот о чем: "Если вдруг меня не утвердят, то Указ Президента окажется напрасным, и это нанесет определенный вред авторитету Нурекена". А Нурекен, возможно, обидится, мол, из-за твоего назначения я вызвал недовольство людей. В общем,

Когда я был целиком погружен в эти невеселые размышления, бывший редактор газеты "Егеменды Казахстан" ("Независимый Казахстан"), ныне депутат парламента Уалихан Калижанулы поделился со мной: "Маха, тут против вас развернули настоящую "кампанию". Нехорошее замыслили. Похоже, Указ Президента могут и не утвердить. Нужно, чтобы вы провели соответствующую работу. Они, кажется, даже листовки распространяют".

Как мне стало известно, на следующий день, во вторник, было намечено заседание парламентских комитетов, на котором должны были рассматривать мой вопрос. Ну а в среду запланировано заседание самого парламента, где состоится утверждение. В то время депутаты не делились на две палаты, а работали одной. Я крепко задумался по поводу совета Калижанулы. В конце концов пришел к заключению: "Я обязан действовать, не только ради себя, а чтобы сохранить авторитет Президента!" Так как же следует поступить? Бездействие сродни бессилию. Как бы там ни было, а побегать, видно, придется!

Всю ночь меня одолевала раздумья и волнения, а наутро во вторник, ровно к началу рабочего дня, я пришел в парламент. Переговорив кое с кем, понял, что среди порочащих меня сведений — тот давний случай, когда я попал в дорожную аварию и был осужден. Но никто не упоминал о том, что я искупил соответствующее наказание, а затем был полностью оправдан. А такие депутаты, как Владимир Чернышев, находившийся тогда в рядах оппозиции, и Тагир Сейсенбаев, в свое время вынужденный уйти из Верховного Суда в связи с недостатками в работе, вообще расхаживали задрав нос и косо на меня поглядывая, а у них под мышками были зажаты пухлые папки. Как оказалось, в них лежали отпечатанные листовки, которые они собирались распространить среди депутатов. Так и вышло. Еще до начала

рабочего дня они опустили по листовке в специальный почтовый ящик каждого депутата. Я взял одну, ее содержание, изложенное на русском языке, сводилось к следующему: "Уважаемый народный избранник! В повестку завтрашнего дня включен для рассмотрения один вопрос — утверждение Указа Президента о назначении Максута Султановича Нарикбаева первым заместителем председателя Верховного Суда РК. Если мы не подойдем к этому рассмотрению бдительно, то рискуем потерять свою репутацию. В 1971 году М.С. Нарикбаев был осужден, он преступник. В вопросе роста служебного положения осужденным свойственно мошенничество. Если Указ Президента будет утвержден, это, бесспорно, приведет впоследствии к ошибке. Поэтому будет правильно, если все мы проголосуем против. Информация предоставлена вашими же коллегами!"

Пока я читал эту несусветную чушь, мое сердце едва не выпрыгнуло из груди. Тем не менее, я сохранил спокойствие и, взяв себя в руки, тотчас же принялся обходить комитеты парламента, работающие по каждой отрасли, и подробно рассказывать о себе. Одно хорошо, все руководители комитетов оказались на своих рабочих местах. Председателем одного комитета был космонавт Тохтар Аубакиров, председателем другого — Газиз Алдамжаров, и т. д.

Начав с восьми тридцати утра и до пяти вечера, я зашел во все парламентские комитеты (только в два не успел) и всесторонне себя представил. Большинство знало меня только по моей работе в Министерстве юстиции, в Аппарате Президента, как заместителя генерального прокурора РК и по другим ответственным должностям. Поэтому я постарался изложить целиком свой трудовой путь, не скрывая и того, что был осужден, однако впоследствии, в связи с происшедшей судебной ошибкой, был в 1980 году полностью оправдан. Свои слова заканчивал тем, что

группа моих противников, переступив через честность и справедливость, успела положить в почтовые ящики каждого депутата и на места в зале заседаний тайно отпечатанные провокационные листовки, а в самом конце говорил, что взять во внимание или не брать содержащуюся в них клевету, не имеющую под собой никаких оснований, дело чести и совести каждого.

— И воля, и власть в ваших руках. Однако истинную правду я хочу рассказать сам, — и подробно рассказывал об упорно преследующем меня случае: в каком году, как это произошло и какими были последствия.

В другом комитете сообщал:

— До настоящего времени я дважды, не скрывая при этом своего прошлого, избирался судьей Верховного Суда. Разбирал множество запутанных и сложных дел. Тщательно вникал и пристально изучал каждое. Потому что каждый раз, участвуя в судебном разбирательстве, я переживаю сердцем, невольно вспоминая, что однажды и сам был несправедливо наказан. Именно поэтому я свято придерживаюсь клятвы никогда не давать дорогу несправедливости. Я хорошо знаю, что такое несправедливое решение суда и какова его цена. Из-за вреда, который оно нанесло мне, я и сегодня не могу свободно ходить, и нынешняя ситуация — яркое тому подтверждение, — и завершал свои слова надеждой, что справедливость и честность восторжествуют.

То, что я обошел комитеты, было куда правильнее и уместнее, чем переживать и молча наблюдать за происходящим. На следующий день среди депутатов сразу разгорелась настоящая схватка мнений, спор, по своему накалу не уступающий раскаленным кузнечным мехам. Истинная культура интеллигентов проявляется именно в такие моменты. Не буду говорить о тех, кто знал меня издавна, но даже те из

незнакомых мне депутатов, к которым я заходил накануне и искренне обо всем рассказывал, стали выступать в мою защиту. Однако мои противники не собирались так легко сдаваться. “Если сегодня у руководства одним из высших органов нашего государства встанет человек, на которого вчера было заведено дело и он был осужден, то как это будет выглядеть с позиций морали?” — красноречиво спрашивали они, со стороны же тех, кто придерживался справедливости, тут же парировали: “Чего только не случается в жизни человека, более того, даже если он ошибся, почему мы не должны брать во внимание его сегодняшние достоинства и успехи, его труд и работоспособность?” В этот момент взял слово избранный от Восточно-Казахстанской области депутат, бывший начальник областного управления внутренних дел генерал М.И. Баранов:

— Господа! “Перед законом и судом все равны”, — гласит 37 статья принятой 28 января 1993 года Конституции Республики Казахстан. Всем нам это хорошо известно. А теперь обратите внимание на статью 1 Конституции — золотого Основного Закона нашей страны. Разве там ясно, черным по белому не написано: “Гражданам Республики Казахстан, ранее подвергшимся уголовному наказанию, гарантируются равные права и свободы”?

Если вы вменяете в вину господину Нарикбаеву то, что он был судим, значит, вы все выступаете против нашего главного Закона. Президент не допустил ошибки, назначив этого человека на высокую должность.

То, что вы не учитываете полное оправдание Нарикбаева в законном порядке, — ваша непростительная ошибка. Кроме того, назначенный Указом Президента на свою нынешнюю должность, он уже около года безукоризненно исполняет свои служебные обязанности, — сказал он и своими словами осадил

некоторых особенно ретивых депутатов, разгоряченно дравших глотки. После этого присутствующие, поостудив свой пыл, пришли к спокойствию. Число голосов резко перевалило в мою пользу.

Следует сказать правду, заседание действительно проходило сложно, в бурных спорах. В результате затянувшейся дискуссии, противоборства сторон и колебаний между двумя решениями собрание, которое началось в девятнадцать часов тридцать минут, закончилось лишь около девяти вечера. Когда я, видевший все это собственными глазами, слышавший все собственными ушами и в течение всего заседания ощущавший себя воином на передовой линии фронта, еле волоча ноги, выходил из зала, несколько поддерживавших меня депутатов выкрикнули:

— Поздравляем, Маха!

Оказывается, когда человек утомился после нервного напряжения, когда он устал всей душой, теплые слова производят на него обратное впечатление — расслабляют и окончательно ломают его. Едва моих ушей коснулись эти сочувствующие, приободряющие реплики, как я совершенно размяк и растаял. Если бы в тот момент, когда я был в таком душевном состоянии, кто-нибудь подошел ко мне и ободряюще похлопал по спине, скорее всего, я бы тут же разрыдался. К счастью, никто не успел этого сделать. Шаркая и заплетая ноги, я вышел наружу, сел в машину и отправился прямо домой. Касия встретила меня, как обычно, широко улыбаясь. Однако, заметив мои хмуро сдвинутые брови, растерянно замерла, не зная что сказать и как себя повести. Я же быстро прошагал к буфету, достал водку и тут же опрокинул один стакан. Ой, и вот тут-то горло сдавили рыдания, не выдержав, я расплакался. Причиной этих слез стала копившаяся годами горечь от возводившейся на меня напраслины, лжи и слухов, клеветнических наветов, зависти и ненависти, кото-

рые отравляли мое сердце, нервы и каждую клеточку, подобно ядовитому жалу змеи. “Боже мой, да кому я хоть раз насолил, кого унизил? На чей хлеб покусился? Против кого воду мутил, кому набил морду? Кому, пытаясь навредить, сделал что-нибудь плохое? Как сыр в масле не катался, с жиру не бесился. Все, что я видел с детства, — нужда да сиротство. Вдовая мать, отчим, одинокая старушка — вот и вся моя семья. Не было ни отца, который вел бы меня по жизни, ни близких, которые бы проталкивали меня. Одна лишь заветная мечта, хранимая в сердце, помогает мне и поныне двигаться вперед. Но невезение вечно со мной, и до сих пор я не могу избавиться от беды, которая всегда оборачивается подлостью против меня...”

Наверное, я слишком громко всхлипывал, потому что ко мне подошла Касия и, встряхнув за плечо, сказала:

— Да что с тобой, что ты так раскленлся?! Слава Богу, жив-здоров, с детьми все в порядке. Мать жива. Пропади пропадом эта работа, из-за нее, что ли, переживаешь?

Я тут же вскочил с места.

— Нет, Касия! Я не из-за должности плачу. Я плачу от благодарности, что на этом белом свете есть, кроме нашего творца Аллаха, люди, которые способны различить, где белое, а где черное, я плачу потому, что в конце концов победили Честность и Справедливость. Это слезы радости, которые разрывают мне грудь. Большинство голосов я победил, поздравь меня, Касия! — и крепко прижал ее к себе.

Воспрянув духом, Касия воскликнула:

— Так почему ты так и не скажешь:

*Коль, повинуюсь настроенью,
Ты слез не льешь и не смеешься,*

*Выходит, к жизни уваженья
Ты не питаешь, к сожаленью!**

К счастью, тот вечер, когда я так расслабился и, потеряв мужество, дал волю слезам, обернулся теперь лишь поводом для воспоминаний.

ЭТАПЫ ПОКОРЕННОЙ МЕЧТЫ

Ораз: Максут, в прежние времена — я имею в виду период советской власти — промежуток между защитой кандидатской и докторской диссертаций в сфере общественных и гуманитарных наук составлял, самое малое, лет десять. В последние годы, если кандидатская защищена нынче, то уже на следующий год человек защищает докторскую. Среди таких первых ласточек оказался, по-моему, и ты. Как же тебе удалось?

Максут (посмеиваясь): Понимаю, думаешь, не являются ли мои научные работы своего рода “мусором”, “самопалом”— (Пауза.) Вообще-то, наукой я начал заниматься еще с 1980 года. Моя первая исследовательская работа вышла в свет в 1981 году в издательстве “Мектеп” отдельной книгой на русском языке под названием “Подросток и закон”. В объеме трех печатных листов. В 1984 году в том же издательстве издан второй мой труд — “Правовая охрана детства”. Объемом шесть печатных листов. В этих книгах я поднял ранее не исследовавшиеся проблемы, связанные с семейными, гражданскими и трудовыми правами детей и подростков.

В 1983 году я был принят как аспирант-заочник в научно-исследовательский Институт философии и права, которым тогда руководил ныне депутат, ака-

* Перевод М. Жанузаковой.

демик Ж. Абдильдин. Поступил как положено, сдав экзамены на кандидатский минимум по нескольким предметам. В настоящее время тот институт разделился на два, и один из них, который носит название “Научно-исследовательский институт государства и права”, теперь входит в состав нашего Казахского гуманитарно-юридического университета.

Позже, когда я, перейдя на другую работу, переехал в Алматы, у меня была одна цель: защитить кандидатскую и устроиться преподавателем на юридический факультет Казахского государственного национального университета. Однако позже я расстался с этой мечтой. А изменить ей заставила жизнь. Если честно, меня с головой захватила работа, а поскольку открылась возможность карьерного роста, по этому пути и пошел. Подталкивала к этому и материальная нужда. Касия в то время не работала. Включая меня, в семье было семь человек. Дети еще маленькие. До трудового возраста не доросли. Жили мы в тесноватой квартире в шестом микрорайоне, площадь которой никак не соответствовала количеству членов нашей семьи. Единственный доход на всех — мой месячный заработок. Для того чтобы содержать семью, я иногда в целях дополнительного заработка брал в издательствах книги на перевод. И то, что я, опять же ради гонорара, обратился к твоей профессии — журналистике, стал публиковаться в газетах, выступать на радио и по телевидению, тоже случилось в тот же период. Однако, находясь на службе в учреждении, не так уж много заработаешь и журналистикой. Стала давать о себе знать стесненность в средствах. И порою так остро, что я стал подумывать вернуться в Талдыкорган и продолжить адвокатскую деятельность. Ведь большинство моих близких и дальних родичей, друзей и товарищей жили в Талдыкоргане. Много ли, мало ли, но они бы мне помогли, да и продукты там куда дешевле. Когда я

уже укрепился в этой мысли и собирался обменять свою трехкомнатную квартиру в Алматы на двухэтажный особняк в Талдыкоргане, приехал мой двоюродный братишка Жармухамбет, привез жирного барашка и принялся отговаривать:

— Выбросьте из головы мысль о возвращении в Талдыкорган, ага. И друзьям, и врагам насмех. Стыдно будет. Как бы трудно ни было, потерпите — дети подрастут, потом и для женеше работа найдется, — и ему удалось-таки отвратить меня от намерения уехать из Алматы.

В общем, я прислушался к совету, а затем постепенно все уладилось, потому что я стал расти по службе. Когда переехал в столицу, то первое время, с июня 1987 года до мая 1988 года, работал старшим консультантом по судебным органам Министерства юстиции, потом пошел на повышение и до апреля 1989 года трудился в республиканской прокуратуре прокурором отдела систематизации и пропаганды законодательства, а с апреля 1989 года по август 1990 года исполнял обязанности прокурора отдела надзора по уголовным делам в судах Прокуратуры Казахстана. В августе 1990 года получил повышение и ровно два года работал на посту начальника Управления систематизации и пропаганды законодательства Министерства юстиции РК.

С августа 1992 года до сентября 1993 года служил в Аппарате Президента и Кабинета министров Республики Казахстан: заведовал отделом правоохранительных органов, затем перешел на место руководителя отдела защиты права. Следом повысился до заместителя генерального прокурора РК и исполнял его обязанности до декабря того же года. Ну а в декабре был назначен заместителем председателя Верховного Суда РК, через год утвержден парламентом и вплоть до октября 1995 года трудился на этом посту. В октябре получил назначение на должность гене-

рельного прокурора РК, исполнял его обязанности в течение девяти месяцев.

Ну а с мая 1996 года до сентября 2000 года был председателем Верховного Суда Республики Казахстан. Далее судьба привела меня в Казахский гуманитарно-юридический университет, где я работаю и поныне.

Вот, как видишь сам, попав на удочку карьеры, увлекшись должностным ростом, я на время прекратил так удачно складывавшуюся поначалу научную работу. Однако не оторвался полностью от науки, так как принимал участие в законодательной деятельности, работал над проектами всевозможных законов, был автором множества постановлений пленума Верховного Суда, которые потом обрели силу нормативных актов. Не перестал писать и статьи. В результате без отрыва от основной работы 28 марта 1996 года защитил в Алматы свою диссертационную работу на соискание степени кандидата юридических наук по теме: “Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступностью несовершеннолетних”.

Наверное, будет верным, если я приведу аргументы в пользу того, что мой труд — не “самопал” и не “мусор”, как может показаться кое-кому. Для этого, прежде всего, я хотел бы познакомить с одним из отзывов, написанных на мою кандидатскую диссертацию. Его автор — известный, крупный ученый из Российской Федерации.

Ораз: Ну-ка, ну-ка, дай-ка я сам прочту...

ОТЗЫВ

*на диссертацию М.С. Нарикбаева, предложенную на соискание научной степени кандидата юридических наук, “Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступностью несовершеннолетних”
(Алматы, Казахский университет, 1996, — 175 страниц)*

С точки зрения теории и практики диссертационное исследование М.С. Нарикбаева посвящено важней-

шей проблеме — уголовно-правовым и криминологическим сторонам борьбы с преступностью среди несовершеннолетних.

Нет сомнения в том, что в нынешней ситуации эта проблема является сердцевиной. Преступность среди несовершеннолетних повсеместно становится неприемлемо обыденной, а ее сегодняшний уровень и качественные показатели дают основания для прогнозов совершения преступлений в предстоящие годы и криминогенной обстановки в обществе в целом. Значимость выбранной М.С. Нарикбаевым темы — в выяснении роли правовой науки в анализе вопросов ведения борьбы с преступностью, повышения ее эффективности — одного из необходимых условий по возведению основ правового демократического государства в суверенной Республике Казахстан.

Проблеме борьбы с преступностью несовершеннолетних посвящено множество исследований ученых-правоведов из стран СНГ. Однако нельзя утверждать, что все грани этого вопроса исследованы, проанализированы и обоснованы в достаточной степени. Множество проблем в этой области еще ждут своих исследователей. Поэтому следует всячески поддерживать диссертационный труд М.С. Нарикбаева, посвященный этой теме; кроме того, в нем собран практический опыт и размышления видных государственных деятелей и руководителей правоохранительных органов Республики Казахстан. Эта работа весьма ценна, в особенности своей актуальностью, теоретической новизной и практической значимостью.

В основу исследования взят огромный практический материал, соответствующий поставленным задачам. Он дает базу для анализа, выводов и предложений по исследуемой теме.

В целом, по нашему мнению, диссертационное исследование М.С. Нарикбаева заслуживает высокой оценки. Такое заключение, бесспорно, складывается на основе следующих моментов.

Первый. Автор успешно справился с поставленной перед собой задачей, в исследовании уголовно-правовых и криминологических аспектов борьбы с преступностью несовершеннолетних он показал глубокое знание предмета, творческий подход в рассмотрении выбранной темы, новаторские качества, редко встречающиеся среди ученых-исследователей.

Второй. Работа написана на высоком теоретическом уровне, чувствуются огромные знания автора, его глубокая осведомленность в вопросах уголовного права, уголовного процесса и криминологии, в теории смежных научных дисциплин, а также знакомство со специфическими исследовательскими методами.

Третий. Знание М.С. Нарикбаевым на профессиональном уровне практики ведения борьбы с преступностью и главных нужд в сфере охраны и применения права мы также должны назвать одним из его преимуществ.

Четвертый. Понимание того, что результаты конкретных социально-правовых и криминологических исследований, проведенных М.С. Нарикбаевым в ходе подготовки диссертации, целесообразно использовать, также можно отнести к преимуществам диссертационной работы. На этой основе базируется большинство выводов и предложений автора, касающихся темы.

Пятый. Одна из особенностей работы — рассмотрение выбранной проблемы со всех точек зрения. В ходе исследования диссертант опирается на базовые основы множества специализированных отраслей науки, крепкую методологию и теоретическую оценку. Формулировки, выводы и предложения диссертации основываются на большом научно-теоретическом, нормативном и практическом материале.

Шестой. Диссертация М.С. Нарикбаева, возможно, породит неоднозначность мнений. Автор не останавливается на рассмотрении сложных и запутанных проблем теории и практики борьбы с преступностью и в выводах и предложениях по теме проявляет научную смелость.

Седьмой. Диссертация содержит ряд свежих выводов и новаторских предложений. Автор дает разъяснение ряда серьезных аспектов рассматриваемой проблемы и выносит ценные предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства и улучшение профилактической и правоприменительной работы в сфере противодействия преступности среди несовершеннолетних. С этой точки зрения следует поддержать такие предложения диссертации, как уточнение возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних (стр. 151-155); введение в Уголовный кодекс раздела "Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних (стр. 156-157); введение уголовной ответственности за умышленное невыполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних родителями или другими лицами, на которых возложены эти обязанности (стр. 149-150); перспективная организация профилактической работы в Республике Казахстан (стр. 133-136); совершенствование криминологической профилактики правонарушений среди несовершеннолетних (стр. 136-145). Следует также отметить, что выводы и предложения диссертации проверены опытом (стр. 7).

Восьмой. Диссертация написана грамотно, и ее традиционный порядок не рождает споров. Хочется обратить внимание на ясность и обоснованность мотивировок автора. Основные положения диссертации содержатся в публикациях автора. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Давая высокую оценку диссертационному исследованию в целом, следует отметить и наличие некоторых недостатков, а также ряда встречающихся спорных формулировок и неточностей.

Первое. В изложении отдельных разделов работы автору не удалось избежать некоторой немотивированности. Это относится к § 1 раздела II (общие вопросы усиления борьбы с преступлениями) и к § 2 этого

же раздела (некоторые вопросы квалификации преступлений в корыстных целях). Изложенные здесь материалы не стыкуются с темой исследования, выходят за ее рамки, создается впечатление, что они притянуты силой.

Второе. Как нам кажется, было бы верным учесть в исследовании итоги законодательной работы по подготовке новых уголовных и уголовно-процессуальных кодексов в странах СНГ. Возьмем, к примеру, конкретно проекты Уголовного кодекса Российской Федерации и Модельного уголовного кодекса для стран СНГ. Они бы обогатили настоящее диссертационное исследование, а именно, усилили некоторые выводы и предложения автора.

Третье. Было бы также не лишним затронуть вопросы сотрудничества стран СНГ в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних, а именно, в рамках работы Координационного совета прокуратур государств СНГ, в области совместных научных исследований.

Четвертое. По нашему мнению, заключение о том, что “при определении разбоя следует искать причинную связь между действиями человека (через создание угрозы или применение силы) и конечной целью, итогом которой является присвоение имущества” (стр. 121), ошибочно. Это утверждение, как правильно показал сам автор, не соответствует его заключению, что разбой установленной конструкцией в порядке формального состава, начиная с момента разбойного нападения, считается завершенным преступлением, создающим угрозу для жизни или здоровья человека.

Пятое. Необходимо внести поправки в значительное отсутствие сведений (в том числе вынужденную, “искусственную” неосведомленность) при анализе числовых параметров преступности среди несовершеннолетних (§ 1 первого раздела).

Возможно, в приведенных замечаниях есть и спорные моменты. Большинство из них относятся к вызы-

вающим полемику формулировкам, однако их число незначительно.

В целом, оценивая проведенные М.С. Нарикбаевым исследования, мы должны признать их нацеленность на решение серьезных уголовно-правовых и криминологических проблем, наличие заслуживающей упоминания научной новизны, огромное научное и практическое значение и серьезную роль в совершенствовании работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Это проиллюстрировано диссертацией и основным содержанием опубликованных работ.

Считаю, что диссертационное исследование М.С. Нарикбаева, посвященное уголовно-правовым и криминологическим аспектам борьбы с преступностью среди несовершеннолетних отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, а ее автор заслуживает присвоения степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент
советник генерального прокурора Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор Э.Ф. Побегайло.

12 марта 1996 г. "

* * *

— Что примолк, не понравилось?

— Нет, просто удивлен, что твой официальный оппонент отзывается о работе с таким восхищением.

— Эдуард Филиппович личность авторитетная не только в Российской Федерации, но и во всех странах СНГ.

— Недаром он профессор, даже в этом небольшом отзыве видна глубина его знаний и широта мышления. С какой точностью он показал наряду с выигрышными сторонами диссертации и ее недостатки.

Уже по подбору слов в этом отзыве я словно наяву вижу представительный облик Эдуарда Филипповича, соответствующий его глубоким теоретическим познаниям.

— Спору нет, Эдуард Филиппович — удивительный человек. Российские ученые вообще замечательный народ.

— Максут, а задумался я потому, что мне вспомнились слова воспитанника нашего с тобой аула, доктора химических наук, профессора, лауреата Государственной премии республики Немеребая Нурахметова, который присутствовал на твоей защите кандидатской диссертации. Вот что он рассказал мне: “Максут очень успешно защитил свою диссертацию. Было задано множество вопросов, более того, постепенно дискуссия вышла за рамки диссертации, и посыпались всевозможные вопросы в области права вообще. Официальный оппонент доктор юридических наук, профессор Э.Ф. Побегайло, довольный основательностью данных на все вопросы ответов, встал с места и заявил: “Уважаемые коллеги! Среди ученых по естествознанию, математиков, химиков, физиков, существует опыт присваивать за успешные исследования сразу звание доктора. Даже не принимая во внимание ответов, прозвучавших на заданные вопросы, я прошу присвоить Максуту Султановичу за его работу докторскую степень”, — после этих слов раздались дружные аплодисменты”.

Максут: Для того чтобы избежать досужих разговоров, свою докторскую диссертацию я защитил в Москве, в Академии Министерства внутренних дел России. И там было высказано много таких же теплых отзывов. Во время защиты, наряду с официальными оппонентами, выступили и другие ученые и особо остановились на том, что проведенные мной исследования о борьбе с несовершеннолетними преступниками очень ценны в направлении совершен-

ствования уголовного законодательства, что их можно отметить как полный свежих решений, незаурядный монографический труд, а содержащиеся в диссертации выводы правоохранительные органы могут легко использовать при выработке конкретных мер по предупреждению преступности среди подростков. В итоге было принято единогласное решение о присвоении мне звания доктора юридических наук.

Очевидцами моей докторской защиты стали Бауржан Мухамеджанов (в то время заведующий отделом Администрации Президента), ректор АГУ профессор Тохтар Садыков и другие.

Я бесконечно радовался тому, что полностью осуществил свою заветную мечту. А в общем, похвальных отзывов было куда больше, чем я ожидал.

Ораз: Древнеримский поэт Дионисий Катон как-то сказал: "Если кто-либо похвалил тебя, проверь, насколько он прав". Думаю, ты найдешь для этого время.

Максут (разразившись смехом): И то верно. Ну что, дружище, давай перейдем к следующему вопросу.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ИНАУГУРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Ораз: Максут, ты, естественно, не предвидел, что твой соотечественник, с которым ты некогда учился в Днепродзержинске и с которым сдружился благодаря спорту и искусству, со временем станет Президентом республики. Но именно так случилось в жизни. Скрывать здесь нечего, дружеские отношения подразумевают общение и встречи. Вот, в этом приглашении сказано: "Приглашаем Вас на торжественную инаугурацию Президента РК, которая состоится 20 января 1999 года в 10. 30 час. в Конгресс-холле города Астаны".

Как думаешь, что для тебя дороже, тот день инаугурации или же обычное общение в будни?

Максут: Вообще-то, приведение Президента к присяге было традицией и до 1999 года. Однако инаугурация, проходившая 20 января 1999 года, была особенно запоминающейся. К этому времени у нас накопилось множество впечатлений от увиденного, изученного и прочитанного по поводу церемоний приведения первых руководителей государств к должности, установились и зародившиеся собственные традиции. До этого после выборов глава государства, дав клятву перед парламентом, объявлял о своем официальном вступлении в должность и приступал к работе.

Ну а в 1999 году наш Президент, внимательно изучив, как проходит инаугурация в других цивилизованных странах, привнес в нашу жизнь развитую на этой основе новую замечательную традицию, для того чтобы превратить момент вступления в должность в большое торжество, символизирующее государственность.

Двадцатого января трескучие морозы на землях Арки вступили в полную силу, установилась настоящая стужа. “Глухонемому слепцу нет дела до другой живой души”, — говорил наш великий Абай, так и в тот день: и степь, и город укрылись густым белым покрывалом, снег под ногами скрипел, ударил сильный мороз с порывистым, пронизывающим ветром. Повалил густыми хлопьями и снегопад.

И вот время приблизилось к 11 часам утра. Зазвучал кюй Курмангазы “Сарыарка”. Глава государства вышел из своей резиденции, несмотря на жестокий мороз, он был без головного убора, и точно по центру выстеленной белым снегом улицы направился в сторону Конгресс-холла, где должна была состояться церемония инаугурации. Под его ногами — белая ковровая дорожка с голубой каймой, белый снег,

белая дорога. словно яркие символы благословения чистых намерений народа и Президента.

Улицу с обеих сторон тесно обступил народ. Нурсултан Абишевич бодро шагает, время от времени склоняя голову и приветствуя собравшихся рукой. Его непокрытая голова, без сомнения, — знак уважения и почтения к народу. Прямой встречный студеный ветер развеивает его тронутые сединой волосы.

Находясь в здании Конгресс-холла, все участники торжественной церемонии наблюдали за происходящим по установленному на стене огромному экрану. Нурекеен вновь склонил голову перед собравшейся вдоль улицы общественностью, улыбаясь, с большой благодарностью смотрит на людей и, непрерывно помахивая в приветствии рукой, продолжает свой путь. Корреспонденты телевидения не умолкая ведут прямой репортаж. Чувствовал это Нурекеен или нет, но каждым своим движением и жестом демонстрировал свою любовь к родному народу. Шел не останавливаясь. За его спиной семь первых, незабываемых и полных трудностей лет нашей независимости. словно в напоминание об этих семи годах зенитные орудия грохотнули семикратным залпом салюта. То ли из-за трескучего мороза и густого снежного покрова, а может, из-за чистоты небесного купола над великой степью, этот торжественный салют, казалось, сотряс не только величественную грудь Сарыарки, но даже бездонное небо и глубь земли.

Столпившаяся вдоль улицы общественность не обращала внимания ни на сильный мороз, ни на студеный ветер. Казалось, она вообще о них забыла. Люди аплодировали Президенту, призывно приветствовали его, выкрикивали: “Мы вместе с тобой, Нурсултан!” Подобно валившему снегу, со всех сторон сыпались поздравления. Среди собравшихся седые матери и почтенные аксакалы, представители

разных национальностей и молодежного поколения — студенты и учащиеся школ. Их горячее внимание и чистые, светлые пожелания словно подмяли под ноги трескучий мороз и завывающий ветер Сарыарки, так, что эфир заполнился скрипучими звуками. Когда видишь, с каким огромным уважением и почетом встречает Президента народ и каким радушным вниманием отвечает ему глава государства, душа невольно расслабляется, а на глаза наворачиваются слезы.

Когда Президент в сопровождении начальника своей охраны генерала А.С. Шабдарбаева достиг Конгресс-холла, на весь его путь от резиденции ушло всего каких-то семь минут. И меня вдруг осенила счастливая мысль. Во все времена число семь считалось в нашем народе священным и благословенным. Исполнилось семь лет со дня обретения нашим народом независимости. За этот отрезок времени Казахстан успел стать известным во всем мире. За прошедшие семь лет он стал членом Организации Объединенных Наций, в стране был принят Основной Закон, введена собственная валюта — тенге, реализовано множество других добрых и полезных начинаний. Наше суверенное государство вступает в новое столетие с новыми социально-политическими свершениями, а наш голубой стяг развевается теперь над новой столицей. Семь лет. Семь минут. Семь залпов салюта. Все это добрые приметы. Да к тому же день инаугурации Президента выпал на среду* — какое удачное совпадение!

Под шумные аплодисменты собравшихся Нурекен поднялся на сцену Конгресс-холла. Задержавшись на мгновение перед Государственным флагом, выражая почтение, склонил голову.

Ты и сам знаешь, что издревле наши деды и прадеды, избрав хана, усаживали его на белый войлоч-

* Среда у казахов считается удачным, счастливым днем.

ный ковер, сделанный из шерсти ягненка, и в знак почтения поднимали его вверх. В развитие этой старинной традиции появился ее новый красивый вариант. Длинная белоснежная ковровая дорожка была выстелена до самой трибуны и рождала в сердце каждого теплоту и чувство родства. Трибуна, установленная в самом конце белой дорожки, тоже привлекала взгляд приятным, светлым цветом.

Глава государства, проявив учтивость и верность народным традициям, поначалу не ступил на белый ковер, а стоял у его края. В это время председатель Центральной избирательной комиссии РК Загипа Балиева вручила ему удостоверение Президента. И только после этого Нурекен шагнул на белую дорожку и не спеша поднялся на трибуну. Держа правую руку на Конституции — Основном Законе нашей страны, он присягнул в верности народу Казахстана. Раздался Государственный гимн Республики Казахстан, все присутствующие в зале поднялись со своих мест и присоединились к звучащему хору. Всем нашим существом завладели чувства радости и гордости, а душа и сердце таяли от волнения.

Затем Нурекен взволнованно объявил о том, что приступает к исполнению обязанностей Президента.

Просторный зал Конгресс-холла был заполнен до отказа. На передних рядах расположились прибывшие на торжественную церемонию зарубежные делегации и члены правительства. Среди приглашенных — депутаты парламента, руководители республиканских общественно-политических объединений, главы аккредитованных в Казахстане дипломатических миссий, видные деятели науки, культуры и искусства. На инаугурации присутствовали президенты Кыргызстана, Узбекистана, Башкортастана, Татарстана, Ингушетии, Республики Саха Аскар Акаев, Ислам Каримов, Муртаза Рахимов, Минтемир Шаймиев, Руслан Аушев, Михаил Николаев; пред-

седатель правительства Российской Федерации Евгений Примаков, премьер-министры Украины, Молдовы и Таджикистана Валерий Пустовойтенко, Ион Чубук и Яхье Азимов; вице-президент Ирана Мохаммад Хашеми, председатель Великого национального собрания Турции Хикмет Четин, вице-премьер Госсовета Китайской Народной Республики Цянь Цичэнь, государственный министр Грузии Важа Лордкипанидзе, исполнительный секретарь СНГ Борис Березовский и другие.

— Я только что произнес присягу в качестве Президента Республики Казахстан, — сказал в своем слове Нурсултан Абишевич. — Поклялся беречь нашу Конституцию, наши законы, национальную честь и достоинство. И эту клятву никогда не нарушу. Набрал силу и мощь за прошедшие годы, мы твердо шагаем в новый век!

В разных странах приведение к присяге главы государства происходит по-разному. В США рядом с президентом стоит председатель Верховного Суда, и, давая клятву, президент обращается к нему. Этот момент считается одним из самых знаковых в государственной жизни Америки. В других западных странах совершенно иные традиции. А, к примеру, в нынешней Российской Федерации вместе с президентом на сцену поднимается председатель Конституционного совета, который стоит рядом во время проношения текста присяги, однако клятва президента обращена к народу.

Согласно нашей традиции, которая не повторяет церемониал других государств, Президент присягает напрямую перед народом.

ЖИЗНЬ — НЕ ТОРНЫЙ ПУТЬ

Ораз: В нашем народе бытуют верные слова: “С места, облеченного властью, никто не уходит по доб-

рой воле”. Одной из самых высоких должностей, которую ты занял, поднимаясь по служебной лестнице, был пост генерального прокурора нашей республики. Ты пробыл на нем около девяти месяцев, с октября 1995 года по июнь 1996 года, а затем был избран председателем Верховного Суда Республики Казахстан. Это считается повышением или же, пусть на ступеньку, но ниже?

Максут: Таким переводом с одного места на другое я обязан мудрости нашего Президента. Для того чтобы было понятно, приведу один пример. До Жармахана Туякбаева генеральным прокурором был Г. Елемесов, который перешел на этот пост с должности председателя Верховного Суда. Это произошло еще в разгар советской власти. В ту пору должность генерального прокурора считалась выше поста председателя Верховного Суда. Потому что тогда большинство дел реализовывалось и подчинялось силе. По этой причине Г. Елемесов был переведен в виде повышения на место генерального прокурора из Верховного Суда.

Мудрость главы нашего государства в том, что он эту традицию перевернул прямо противоположно, и впервые в истории республики предложил избрать генерального прокурора председателем Верховного Суда. И этим человеком оказался я. Сейчас Верховный Суд рассматривает протесты генерального прокурора.

Прямо перед этим событием я подумывал: “А не выйти ли мне на пенсию с поста генерального прокурора, выразив благодарность Президенту?” Ведь к тому времени я и генеральское звание получил вместе с двумя звездочками. Если честно, о новой должности наяву не мечтал и во сне не грезил. Перемена произошла для меня абсолютно внезапно. Возможно, потому, что когда-то я уже работал судьей в суде нижней инстанции, судебная работа мне нравилась.

К тому же стать председателем Верховного Суда, наверное, мечтает любой юрист.

Короче говоря, обе эти должности нужно воспринимать как очень высокие посты. Один другого не слабее. Статья 81 Конституции Республики Казахстан гласит: “Верховный Суд Республики Казахстан является высшим судебным органом по судопроизводству гражданских, уголовных и других общих дел, рассматриваемых судами; в указанных законом процессуальных целях осуществляет надзор за их деятельностью, дает разъяснения по вопросам судебной практики”. А в статье 83 охарактеризованы полномочия прокуратуры: “Прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и неукоснительным соблюдением действующих на территории Республики законов, указов Президента Казахстана и других нормативно-правовых актов; законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства; принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законодательства, а также заявляет протест на законы и другие правовые акты, входящие в противоречие с Конституцией и законами Республики. Прокуратура представляет в суде интересы государства, а также осуществляет уголовное преследование в случаях, порядке и рамках, обозначенных законом”. Вот и подумай сам, попробуй разобратся, кто сильнее, а кто слабее?

Ораз: Видный общественный деятель, несколько десятилетий возглавлявший нашу республику, Д.А. Кунаев как-то сказал: “Неосвоенный университет, как незнакомое препятствие, учит познавать себя”. Ты был вынужден уйти с работы в Верховном Суде Республики Казахстан, можно ли приоткрыть тайну этих обстоятельств?

Как мне кажется, всю свою жизнь ты преодолеваешь какие-то преграды и препятствия. Но, похоже, с

молодости не теряешь оптимизма и бойцовских качеств — смело плывешь против течения. Откуда в тебе эти упрямство, энергия и мощь? Разговор у нас и в самом деле завязался интересный, так будь же до конца искренним.

Максут: В Верховном Суде я проработал четыре года два месяца. В 2000 году 30 марта мне исполнилось шестьдесят лет. За дней пять до этого ушел из жизни Нагашбай Шайкенов, прежний ректор Казахского гуманитарно-юридического университета, который я сейчас возглавляю (в то время он назывался Казахской государственной юридической академией). И один из моих друзей подсказал мне тогда: “Максут, когда-то ты говорил, что мечтаешь стать преподавателем, почему бы тебе не пойти в этот университет, вместо того чтобы сидеть там, где вечный крик и споры?”

В тот период возглавляемая мной группа готовила проект нового закона о суде, и мы вели борьбу за сохранение его статей и параграфов. Я дважды выносил свои идеи на пленум Верховного Суда и уже почти оформил их в соответствующую систему. Но для того, чтобы полностью усовершенствовать ее, требовалось некоторое время. По этой причине я не придавал особенного значения прозвучавшему совету и, стремясь реализовать начатое дело, занялся дальнейшим развитием своего законопроекта. Однако во время этой работы вновь задумался об университете. И до этого я уже не раз размышлял о своей прошедшей и предстоящей жизни. В итоге, когда мысль окончательно созрела, я, справив свой юбилей, написал на имя главы государства вот такое письмо с просьбой.

“Уважаемый Нурсултан Абишевич!

Я Вам искренне благодарен. Огромное спасибо за ту поддержку, которую Вы мне оказывали все время. Думаю, что я с честью исполнял те задачи, которые Вы на меня возлагали. Знаю, что вложил и свой посильный

вклад в становление и укрепление нашей молодой республики в соответствии с требованиями времени. Вам хорошо известно, что я преданно трудился во благо нашего народа. Моя давняя мечта — работать в сфере образования и просвещения. Для того чтобы осуществить ее, несмотря на множество трудностей, я защитил диссертацию и получил степень кандидата юридических наук, а затем стал и доктором. Похоже, настало время использовать накопленные знания во благо будущей волны наших юристов — молодого поколения. Если есть такая возможность, направьте меня, пожалуйста, на какую-нибудь работу в высшем учебном заведении согласно моей специальности. С огромным уважением к Вам, Максут Султанович Нарикбаев”.

Нурекен ведь человек очень чуткий, сразу, как мне кажется, понял, на какое место я намекаю. Быстро прочел мое письмо и со словами:

— Хорошо, Максут, давай посоветуемся с правительством, — тепло проводил меня.

Спасибо и тогдашним членам правительства, и сотрудникам Министерства образования, благодаря их поддержке, я получил назначение и, фактически до официального освобождения от должности председателя Верховного Суда, начиная с июля 2000 года приступил к обязанностям ректора Казахской государственной юридической академии.

Ораз: Поскольку наша беседа коснулась юридической академии, давай-ка сосредоточим наш разговор на твоей научной деятельности. Что касается собственно науки, то ко времени своего назначения ты, слава Богу, был уже доктором юридических наук. Другой вопрос — воспитание молодого поколения, если не упускать из внимания мудрые слова, что “бесплоден тот учитель, у которого нет учеников”. Сколько молодых ученых ты взял под свое покровительство, осуществляя научное руководство? И продолжил ли на новом месте писать научные труды?

Максут: Как я уже говорил выше, свою кандидатскую я защитил без отрыва от основной работы, когда исполнял обязанности генерального прокурора. А уже на посту председателя Верховного Суда защитил и докторскую диссертацию, кстати сказать, мой пример оказался заразительным и по-настоящему встряхнул не только всех сотрудников Верховного Суда, но и моих бывших коллег из прокуратуры. Особенно это было заметно по коллективу Верховного Суда: большинство наших судей повернулись в сторону занятий наукой и поставили перед собой цель добиться научного признания. Судейская работа в своей основе — на самом деле подлинная научная деятельность. Рассматривая любое уголовное или гражданское дело, судьи не выносят решение, полагаясь только на собственное мнение, а опираются на закон. Найдя соответствующие разъяснения в законе, они обдумывают их в применении к рассматриваемому делу. Подбирают нормативные акты Верховного Суда, подходящие в данной ситуации. Ну а в случае особенно трудных и запутанных дел, когда разбирательство и вынесение заключения по делу оказывается крайне сложным, судьи углубляются в научно утвердившиеся теоретические положения и обдумывают, как их использовать. То есть каждый судья, по сути, сродни исследователю, который ежедневно занимается наукой. Правда, по большей части руки у них всегда заняты, а свободного времени не хватает. Оно постоянно протекает в русле рассматриваемых ими дел, поскольку, в силу своих служебных обязанностей, им необходимо обобщать результаты ежедневной работы, выносить соответствующие определения и делать выводы.

Когда в далекие 1975—1976 годы я работал адвокатом, мне не раз доводилось в связи с делами моих подзащитных бывать в Москве, в Верховном Суде Советского Союза. Участвовал я там и непосредственно в работе суда. И вот что заметил — члены тогдаш-

него Верховного Суда Советского Союза, а ныне и Верховного Суда Российской Федерации, помимо всего прочего, доктора либо кандидаты юридических наук. Вот какими должны быть специалисты в развитии государстве!

Конечно, первое условие для членов Верховного Суда — наличие большого опыта. Ну а если они к тому же являются учеными, честь им и хвала. Именно поэтому, став председателем Верховного Суда, я в первую очередь сам защитил докторскую диссертацию, а затем стал помогать тем своим коллегам, которые занимались наукой, и всячески поддерживал их инициативу. К примеру, пусть я и не был непосредственным научным руководителем своего сотрудника Бахытжана Абдраимова, но зато командировал его в Санкт-Петербург и дал возможность написать научную работу. В результате он успешно защитил докторскую диссертацию в сфере гражданского судопроизводства. Работавшие вместе с ним судьи Верховного Суда Улбосын Сулейменова и Максут Абылкаиров стали кандидатами наук.

Позже защитил работу на соискание кандидатской степени еще один сотрудник Верховного Суда, азербайджанец по национальности, Мирбашир Алиев, у которого я был непосредственным научным руководителем. Кроме того, работая в Верховном Суде, стал кандидатом наук и Мухтар Есжанов, который в настоящее время является председателем Кызылординского областного суда.

В конце 2003 года защитила кандидатскую диссертацию Раиса Юрченко, председатель коллегии Верховного Суда, ну а Кайрат Маами стал обладателем научной степени доктора юридических наук. Обрели ученые степени также несколько председателей и судей областных судов.

С приходом в нынешний коллектив — Казахский гуманитарно-юридический университет, мои шаги в

научной сфере стали еще более заметными. Став научным руководителем ряда молодых соискателей, своими подсказками и советами я старался помочь им полностью освоить выбранную для диссертации тему. Если говорить конкретнее, то уже в самом начале своей работы в университете я взял под опеку молодого карагандинского ученого Нурлана Даулетбекова, и в 2002 году он защитил докторскую. Также под моим руководством стал доктором юридических наук депутат мажилиса парламента, председатель комитета по законодательству Сергей Михайлович Жалыбин, заместитель председателя Комитета национальной безопасности республики Козыкорпеш Карбузов. Владимир Васильевич Роот и еще несколько других моих учеников, успешно защитив кандидатские диссертации, стали обладателями первых научных степеней. В настоящее время я готовлю к научной деятельности несколько аспирантов и соискателей.

По-моему, необходимо, чтобы у каждого ученого, занимающегося наукой, впоследствии образовалась собственная научная школа. Кроме тех, кого я уже назвал, у меня сейчас около десяти аспирантов и магистрантов. По их просьбе, я стал научным руководителем их работ. Если все сложится хорошо, надеюсь, все они со временем станут крепкими и заметными фигурами в сфере науки.

Ораз: Максут, когда-то ты подарил мне написанную на русском языке книгу “Подросток и закон” — твой самый первый труд, выпущенный в 1981 году издательством “Мектеп”. Через каких-то три года, в 1984-ом, в том же издательстве вышла в свет еще одна твоя книга — “Правовая охрана детства”, тоже написанная по-русски. Твой третий труд, посвященный этой теме, носит название “О некоторых вопросах борьбы с корыстно-общественными преступлениями несовершеннолетних”. На основе этой книги, допол-

Максут с супругой Касией и сыном Канатом у памятника, где захоронен отец Максута — Султан. село Переездное, Украина.

Слева направо: мать Максута — Зинаш, двоюродный брат Максута — Жармухамбет, теща — Батима-апа.

Слева направо: Касия — супруга Максута, ее двоюродная сестра Менкеш и Максут.

Слева направо: Ораз, Максут и младший сын Максута — Канат. Апрель 2002 г., побережье Шардарьинского водохранилища.

Максут с друзьями. Слева направо: Абдиганар-Капаш Серикбаев, Максут Нарикбаев, Ибадулла Умбетаев, Ораз Исмаилов и Кайрат Балабиев.

Встреча однокашников спустя 42 года после учебы в Днепродзержинске (1958-1959). Слева направо: К. Саркенов (доктор технических наук), С. Ибрагимов (доктор экономических наук), Н. Назарбаев (Президент Республики Казахстан), М. Нарикбаев (доктор юридических наук, профессор, ректор КазГЮУ).

Максут — Генеральный прокурор РК.

Максут — Председатель Верховного суда РК.

ненной требованиями нынешнего дня, появилась большая монография “Правовая охрана детства в Республике Казахстан”. Как мы уже говорили ранее, в апреле 1997 года по этой же теме ты защитил в Академии Министерства внутренних дел Российской Федерации докторскую диссертацию. Похоже, данная тема занимает центральное место в твоей научной биографии?

Максут: Ораз, сначала дополню сказанное тобой. В 1997 году в городе Алматы в издательстве “Елимай контакт” я выпустил свою книгу “Дорога к правосудию”, а в 1999 году в издательстве города Астаны — монографию “Актуальные вопросы применения нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан”, написанную в соавторстве с двумя моими коллегами Р.Н. Юрченко и М.М. Алиевым. В том же году в алматинском издательстве “Жеты Жаргы” был опубликован сборник нормативно-правовых актов “Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях”, который мы подготовили вместе с А.Н. Агыбаевым и У.А. Сулейменовой. Кроме того, данное издательство выпустило в свет две книги нашего общего с А. Кравченко и У. Сулейменовой труда “Практика рассмотрения хозяйственных споров судебной коллегией по хозяйственным делам Верховного Суда” (1998, 1999). Также в 1999 году в издательстве Алматинского государственного университета имени Абая было издано написанное в моем авторстве учебное пособие “Правовое регулирование охраны детства в Республике Казахстан”. В 2000 году в издательствах Астаны вышли в свет две мои книги на казахском языке: “Тұғыры берік туған ел” (“Страна, рожденная с крепкими устоями”) и “Ақиқаттың ақ жолы” (“Светлый путь истины”).

Как видишь, за каких-то четыре года я выпустил в свет восемь книг общим объемом свыше ста печат-

ных листов, причем четыре из них в единоличном авторстве. Как мне кажется, уже одно это должно свидетельствовать о том, с каким вниманием и усердием я отношусь к творческой научной работе.

Ты правильно заключил, что я вновь и вновь возвращаюсь в своих трудах к вопросу: "Какими должны быть пути предупреждения уголовных деяний среди подростков?" Человек, который вчитается в заголовки и внутреннее содержание ряда названных моих книг, без труда это заметит. Спросишь, почему я так предан данной теме? Остановлюсь немного на этом.

Будущее преступности беспокоит всех, вне зависимости от границ их полномочий. Равнодушно взирать на эту проблему не могут ни в обществе, ни в самой сфере права, где специалисты беспристрастны.

Юристы стран Содружества с тревогой отмечают, что в настоящее время происходит рост совершения преступлений подростками. Если мы сумеем его "погасить", не дав разрастаться дальше, то сразу начнет падать и показатель уголовных преступлений. Самый важный вопрос в этой области — профилактика нарушений подростками закона, поиск путей предупреждения преступлений. Если мы, обобщив мировой опыт и судебную практику, сделаем уголовно-правовой анализ и, самое главное, все свои силы и энергию направим на искоренение преступлений, совершаемых малолетними, причем отнесемся к этому серьезно, а не с беспечностью, то со временем достигнем и значительного снижения взрослой преступности. Ведь, согласно статистическим сведениям, 70-80 процентов преступлений совершаются теми, кто нарушал закон в раннем возрасте и стоял на учете в детских отделах полиции. Сейчас мы лицом к лицу встали перед проблемой организованной преступности и рэкета. Судьба подростков, заслоненная боль-

шими цифрами и громкими делами в этой сфере, нами почти забыта.

Если прежде над этой проблемой работали и школьные родительские комитеты, и комсомольские организации, и детские комнаты милиции, то теперь делами несовершеннолетних занимаются лишь детские инспекции. Да и те плохо финансируются.

Основная цель моих научных трудов данной тематики — непрерывно поднимать эти вопросы и привлечь к участию в их решении все заинтересованные организации. В книгах высказаны и конкретные предложения. Одно вызывает досаду — моему мнению не удосужатся придать значение с какой бы то ни было точки зрения. Я даже написал письмо по итогам своих исследований о необходимости принятия специального закона о молодежной политике. С тех пор, а это было в 1995 году, уже прошло восемь лет. Однако закон, инициатором которого я выступал, до сих пор не принят.

В 2001 году группа инициативной молодежи и студентов нашего университета под прямым моим руководством подготовила проект “Закона о государственной молодежной политике” — замечательный документ, который мог бы послужить основой для будущего закона. Он был широко обсужден студентами и молодежью, а затем предложен в парламент. Но что поделаешь, как говорится, “старый утес — он всегда утес” — этот проект так и не рассмотрели. Вопрос не в том, пройдет наш проект или не пройдет, а в том, что необоснованно затягивается принятие закона, необходимого обществу как воздух.

Не секрет, что в отсутствие такого закона вопросы воспитания подрастающего поколения усложняются, а совершаемые в их среде уголовные деяния, которым не поставлен заслон, учащаются. Говорят, “лучше поздно, чем никогда”; если бы парламент поскорее обратился к этой проблеме и принял соот-

ветствующее решение, то, бесспорно, придал бы со своей стороны огромную эффективность профилактике преступлений и работе по организации предупредительных мер.

ИДЕИ И РЕФОРМЫ

Ораз: Сейчас мы много работаем над продолжением реформ в судебной ветви власти. Одно из предложений, выдвинутых тобой в этой сфере, — роспуск инстанций подчинения в областных судах — президиумов. Второе заключение, которое ты вынес по организационному преобразованию судов, — их вывод из системы Министерства юстиции. Что бы ты сказал не только в связи с этим, но и в целом о своей деятельности по обеспечению стабильности судебного реформирования? Была у тебя также идея упразднить областные и районные суды, создав вместо них окружные и участковые. Вместе с тем, ты, похоже, обдумываешь создание института суда биев, который бы соответствовал принципу третейского суда. Добился ли ты каких-либо итогов по этим задумкам?

Максут: Во-первых, отдельные мои наметки, о которых ты сейчас упомянул, реализованы, а часть находится в стадии реализации. Только решение относительно суда биев пока запаздывает. К примеру, в свое время я высказал мнение, что нам надо избавиться от понятий “пленум” и “президиум” Верховного Суда, что следует их упразднить. Согласно нынешнему закону и порядку, такие структурные наименования уже упразднены в областных судах. Если уж признать истинное положение вещей, то подобные наименования появились в подражание партийной системе. Таким образом, используя инстанции, подобные структуре коммунистической партии, во времена советской власти ввели механизм подчине-

ния нижестоящих судов вышестоящим. Ну а вышестоящие суды (республиканского, областного уровня) подчинялись, в свою очередь, партийным комитетам. Такая зависимость никогда не позволяет правдиво высказываться и придерживаться принципа справедливости. Судьи, не решавшиеся принять окончательного заключения, оказывались в бедственном положении, думая о том, что на это скажут в партийном комитете: угодят они партийным функционерам или вызовут недовольство.

О другой моей идее. В соседней России уже давно действует институт “мирового судьи”, эквивалентный “суду биев”, который отправляли наши прадеды. Подобные примеры существуют и в большинстве штатов США.

Почему я поднял вопрос о суде биев? Во-первых, такой суд был в нашей истории издревле, а во-вторых, к его созданию подталкивает сама жизнь. Например, ближе к концу 2002 года в уголовное законодательство Республики Казахстан было внесено множество изменений. Согласно этим поправкам, за ряд правонарушений предусмотрено не лишать преступников свободы и не заключать в тюрьму, а подвергать наказанию в виде значительного денежного штрафа. Другими словами, можно сказать, что “суд биев” узаконивается в реальности. Только вот мировых судей, которые бы наподобие биев вели мелкие уголовные дела, у нас пока нет. Если хорошенько задуматься, то значение суда биев весьма огромно. Почему мы обязаны за незначительную кражу, за драку без тяжких последствий, за мелкое нарушение общественного порядка растоптать человека и непременно “засунуть” его в тюрьму? Почему бы не попробовать, проявив человечность, примирить обе стороны — виновного и пострадавшего? Отчего не подвергнем такого преступника денежному штрафу за причиненный материальный ущерб и моральный

вред? Почему не ставим перед собой задачи заставить его признать все свои проступки, извиниться перед народом и перед пострадавшим?

Разве тот же суд биев из нашей истории не примирал в свое время враждующих через выплату отступных, которые назначались за убитого в ходе драки или ссоры человека его родичам, и не просто примирал, а помогал им сдружиться? Разве бии не старались сблизить обе стороны, чтобы на сердце у виновных не осталось злобы, а в груди обиженных не затаилась месть, вплоть до того, что выступали в роли сватов и способствовали обмену невестами? В общем, разве это не торжество гуманного решения, которое становилось уроком сознательности, когда ошибившаяся сторона, споткнувшийся человек, подвергшийся наказанию юнец вставали на путь исправления? Если мы хотим облегчить жизнь простых людей, которым и без того трудно, если хотим, чтобы согласие в народе поднялось на новую ступень, мы не должны затягивать с введением суда биев.

Я уже около десяти лет настойчиво поднимаю этот вопрос. Тем не менее, и ныне у меня мало сторонников. Возможно, в будущем и для этого моего предложения станет проводником путеводная звезда, наступит время, когда и его признают верным. Такие проблемы обычно разрешает и утверждает в жизни само время.

Ораз: Максут, мы с тобой только что обсудили вопрос о суде биев. Суд биев хорошо сохранился и в нашей устной литературе, и в народной памяти; похоже, в прошлом он был одним из крупных институтов общественного управления в жизни нашего народа.

Ныне мы накрепко, подобно клещам, привязались к слову "судья" и никак не можем от него отойти. Ну а если обратиться к легендам, бытующим на устах у народа, начиная с "Тысячи и одной ночи", и

к некоторым письменным источникам, то можно заметить, что у нас существует аналог слову “судья” — “казы”. Когда же мы наконец перейдем к применению слова, которое есть в нашем родном языке? И как ты сам на это смотришь?

Максут: Слово “казы” действительно присутствует в казахском языке и в свое время использовалось. Ну а если углубиться в его происхождение, то мы обнаружим, что это арабское слово, в то время как “судья” происходит из русского языка. Оба эти слова, вошедшие в наш язык из двух других языков, имеют одинаковое значение. Первое стало применяться еще в древнюю эпоху, а второе вошло в употребление с того времени, когда казахский народ попал в подчинение Российскому государству. В течение последних трех столетий общественно-социальная жизнь казахского народа проходила под влиянием Российской империи, поэтому ее законы стали действовать и на территории Великой степи. В тот период вместо вошедшего из арабского языка слова “казы” стало использоваться русское “судья”, которое, по-видимому, постепенно вытеснило предшествующий аналог.

И вот теперь мы стали независимой страной, обрели суверенитет. Какое слово наш народ считает для себя более удобным и начнет употреблять — исключительно его воля. Каких-то методов принуждения, приказного порядка тут быть не должно.

Действительно, наряду с судом биев, которые разрешали тяжбы и дела по разным преступлениям, в истории казахского народа существовал в сфере права и суд казы — суд высшего ранга. О существовании такого чина говорится, например, в произведениях классиков казахской литературы А. Байтурсынова, Ж. Аймаутова, М. Ауэзова, Г. Мусрепова, С. Муканова и др. Основываясь на различных сведениях, можно заключить, что, по-видимому, чин “казы”

по своему рангу был выше бия и даже верховного бия. Если народ в целом и наши специалисты решат ввести в употребление слово “казы”, то первым делом было бы правильным исследовать и выяснить вопрос: а соответствует ли оно в точности по своему рангу слову “судья”?

Ораз: Думаю, ты правильно отметил влияние Российской империи в сфере общественного управления. Однако даже в XIX веке, когда русское самодержавие полностью “подмяло” казахскую степь под свои указы и законы, использование чина “казы”, тем не менее, не прекратилось. К примеру, если наш прадед батыр Балпык, который вел борьбу с джунгарами и калмыками в период истребительных захватнических войн 1723—1755 годов, известен в истории под званием “бия”, то его сын Тленши всю свою жизнь провел в чине “казы” и именно как “казы” поставил свою подпись под актом о добровольном присоединении к Российской империи, который был подписан в 1848 году на землях Великого жуза — в местечке Шубарагаш-Ойжайлау (на родине твоей бабушки Гизатбану). Через много лет за заслуженный труд Тленши присвоили русское воинское звание хорунжего, и в выданном в связи с этим свидетельстве к имени Тленши было прибавлено слово “казы”. Этот документ до сих пор хранится у его потомков. А в окрестностях населенного пункта Сарыбулак Кербулакского района нынешней Алматинской области есть даже местности, которые и поныне именуются “Стойбище Тленши-казы” и “Воды Тленши-казы”.

Вполне уместно и твое замечание о необходимости исследования точного значения слова “казы”. Поскольку это звание очень редко присваивалось биям. Во всем огромном крае Жетысу нет ни одного человека, который бы слышал, чтобы кого-то еще, кроме Тленши, называли “казы”. Глядя на это, мож-

но предположить, что “биями” народ именовал тех своих талантливых сородичей, кто вызывал его восхищение непревзойденной мудростью, красноречьем, остротой мысли и превосходными человеческими качествами, а звания “казы” удостоивал людей ученых, образованных, с глубокими познаниями, владеющих несколькими языками. В любом случае, я думаю, было бы верным, если бы действительно была выяснена полная семантика этого слова, которым особо выделяли имена некоторых наших прадедов в доказательство их заслуг перед народом, и оно как можно скорее вошло в употребление.

Максут: Согласен. Вообще, бии проводили в свое время огромную работу. Известно, что казахи полностью вошли под власть России в период правления императрицы Екатерины II. Тогда же Указом царицы появилось и специальное постановление об упорядочении деятельности судов биев, которые действовали на нашей земле. Судя по всему, если обратиться к работам исследователей того периода, русские чиновники, похоже, уже тогда стали называть наших биев “судьями”. И хотя общий смысл этих понятий совпадает, нельзя не упомянуть и о некоторых особенностях. Дело в том, что бии рассматривали не только уголовные либо гражданские дела, такие, как споры о земле, вдовьи тяжбы, жалобы на барымту*. У биев, помимо судейских функций, было также множество представительских и должностных обязанностей. К примеру, знаменитые бии Толе, Казыбек и Айтеке проводили огромную работу по урегулированию политико-дипломатических взаимоотношений Казахского государства с Китаем, Бухарой, Монголией и Россией. Бии Ескельды, Балпык, Кабан-ата, Жолбарыс и Айту тоже выходили за рамки бийской деятельности по примирению сторон и

* Б а р ы м т а — насильственный угон скота.

разрешению споров в своей округе, занимаясь вопросами государственного управления и международного сотрудничества. В зависимости от задач времени, они проявляли себя по-разному: и как батыры, и как полководцы, и как народные лидеры. Для того чтобы сохранить единство, мир и благополучие народа, выработали необходимый свод правил и норм жизни и приняли, например, такой закон, имеющий, по сути, силу конституции, как “Жеты Жаргы” (“Семь установлений”). Поскольку обнародованные ими решения и приговоры удовлетворяли большинство населения своей безукоризненной справедливостью, то общественность подчинялась им беспрекословно. Короче говоря, их деятельность превосходила судебские обязанности и по своему объему сближалась с вопросами общенародного масштаба.

Ораз: В последнее время все чаще в нашем языке встречается употребление словосочетаний “қазылар алқасы” (“коллегия судей”, или “жюри”) и “әділ қазылар алқасы” (“коллегия справедливых судей”). Как ты к этому относишься?

Максут: Сегодня проводится множество различных мероприятий вроде спортивных состязаний, айтысов, конкурсов, развлекательных программ, где для выявления победителей создается небольшая группа наблюдателей, которую действительно именуют иногда “қазылар алқасы”, а иногда “әділ қазылар алқасы”. Думаю, в этом нет ничего плохого. Во всяком случае, очень радуется то обстоятельство, что вновь вошли в употребление слова “қазы” и “қазылар” (множ. число). Если будем продолжать в том же духе, то, возможно, “воскресим” и множество других старинных слов. Вот, например, в Саудовской Аравии и в других арабских государствах до сих пор тех, кто вершит суд, называют “хази”.

— В таком случае мы движемся к тому, чтобы заменить слово “судья” понятием “қазы”. Хорошо, что мы об этом вспомнили, спасибо тебе!

— Тем не менее, исследования по этому вопросу тоже не будут лишними.

Ораз: Максут, в настоящее время все судьи, и городского, и районного, и областного уровня, утверждаются и освобождаются только указом Президента. Сам собой напрашивается вопрос, есть ли в таком случае необходимость в Союзе судей?

Максут: К созданию этого общественного объединения судей — Союза, я сам приступил в свое время засучив рукава. Министром юстиции был тогда Константин Колпаков. Его предшественник Нагашбай Шайкенов выступал категорически против этой моей идеи. Позже к нему присоединился и М. Малахов, бывший председателем Верховного Суда. Не знаю почему, но против создания объединения, общества, союза судей выступали многие люди. По моим наблюдениям, большинству из высокопоставленных чиновников, похоже, требовалось держать судей в подчинении, ограничив и разделив их. Потому что с обретением независимости у множества чиновников появилась собственность в товариществах с ограниченной ответственностью, частных предприятиях, открытых и закрытых акционерных обществах и т. п. Не зря говорят: “Завидев золото, и ангел с пути сбьется”; это естественное явление, когда у тех, кто почувствовал вкус денег, проявляются ненасытность и алчность. В таких случаях всегда недалеко до нарушения закона. Если судьи объединятся, обретут мощь, то появится опасность их разоблачения. Ведь судьи — защитники государственных и народных нужд. Они заинтересованы в том, чтобы доходы от национальных богатств попадали не в карманы отдельных корыстолюбивых собственников, а в государственную казну. Понимая это, отдельные чиновники изо всех сил стремились помешать созданию общественного объединения судей, учреждению их собственного союза. Однако, слава Аллаху, создан-

ный 19 декабря 1995 года, наш Союз безукоризненно функционирует вот уже девятый год. Первым председателем судьи избрали меня. Сейчас объединение выпускает и свой собственный замечательный журнал "Зангер" ("законник", "юрист"). В первые годы Союз судей после меня возглавляли мои талантливые ученики Серик Байбатыров и Бахытжан Абдраимов, а в настоящее время его председателем является Бекет Тургараев. В свое время он работал в моем подчинении в Генеральной прокуратуре, потом трудился в аппарате Министерства юстиции, очень сведущий и деятельный юрист. Он и к опыту организаний зарубежных коллег обратился, сосредоточив внимание на наиболее полезном. Вместе с председателем Верховного Суда К. Мами они наладили хорошую взаимосвязь с Союзом судей Германии и сейчас тесно общаются с немецкими друзьями. Сложно найти более лучший способ для совершенствования собственной деятельности, чем наблюдение за работой других. В свое время я сам открыл дорогу этому сотрудничеству, наладив первые связи. Замечательно, что это начинание нашло свое продолжение. При поддержке друзей из Германии наш Союз судей организовал несколько научно-практических конференций, на которых велся очень содержательный разговор о месте и роли судей в продолжении судебной реформы. Я считаю, что, в первую очередь, это принесет огромную выгоду и эффективность самому реформированию.

Ораз: Максут, пусть только девять месяцев, но ты все же исполнял обязанности генерального прокурора нашей страны. Насколько помню, это время как раз совпало с 75-летием (1996 г.) Прокуратуры Казахстана. Но вопрос не в истории, а в будущем прокуратуры. Думаю, было бы верным, если б ты теперь коснулся в своем рассказе современного состояния и проблем прокуратуры.

Максут: Работающие там люди всегда старались не запятнать честь прокуратуры и проявляли огромную активность, поднимая очень важные вопросы относительно того, чтобы ее авторитет оставался на высоте. Присоединившись к ним, я тоже придерживался этого и очень гордился, что наша Прокуратура — самая сильная среди аналогичных структур всего СНГ. Наши достижения в сфере контроля и надзора и в самом деле намного выше, чем в других странах Содружества. Несмотря на это, мы получили поддержку со стороны Парламента, и в наше законодательство был внесен ряд изменений, чтобы расширить рамки ограничений в этой области. То есть система не ослабляется, не движется к своему упадку, а наоборот, в соответствии с требованиями времени, в период становления правового государства происходит ее усиление. Поэтому, по моему мнению, нынешнее положение прокуратуры полностью отвечает задачам предстоящих 20-30 лет. За это время национальная психология нашего народа изменится в верном направлении, появится новое поколение, которое будет думать и жить только в соответствии с законом, будет беречь закон, и тогда, я считаю, появится возможность рассмотреть какие-то новые грани в деятельности прокуратуры.

В этом смысле огромную работу проводит нынешний Генеральный прокурор нашего государства, один из самых любимых и уважаемых мною моих учеников Рашид Толеутаевич Тусипбеков. К сожалению, немало тех, кто стоит у него на пути.

Я считаю, что этот человек, который искренне и глубоко, всем сердцем печется об интересах народа, мог бы стать примером для нынешней молодой интеллигенции.

Ораз: Жизнь ведь никогда не проходит гладко, Максут. В 1998 году в номере газеты “Егеменды Казакстан” от 22 июля была опубликована небольшая

статья покойного ректора Казахского государственного юридического университета Нагашбая Шайкенова, в которой говорилось:

“Я ни на кого не в обиде. Тем не менее, наверное, необходимо сказать, что Rogov, Нарикбаев и другие препятствуют продвижению хороших идей. Более того, они доводят ложные сведения до Президента. К примеру, когда я сделал предложение о том, чтобы судьи были облачены в мантии, они сказали ему, будто такое одеяние стоит 600 долларов. Боже мой, разве может столько стоить платье, пошитое из обычной ткани?! Это всего лишь один из примеров, чинимых ими препятствий. К сожалению, они до сих пор никак не оставляют меня в покое. Выступают и против моей идеи об окружном суде, и против моего мнения о сдаче судьями экзамена”.

Следом, в 146-ом номере газеты от 28 июля того же года, появилась коротенькая заметка за подписью того же Нагашбая Шайкенова, где он писал: *“Приношу свои извинения по поводу того, что невольно причинил моральный ущерб высокой репутации М.С. Нарикбаева и И.И. Рогова”.* Как все это понимать?

Максут: Я не читал заметку, в которой он признал свою ошибку и принес извинения. А вот с предыдущей статьей знаком. Покойный ведь задел не только меня, но и других известных в нашей стране ученых и должностных лиц. Теперь, когда его уже, увы, нет с нами, что можно было бы о нем сказать? Не в традициях нашего народа говорить плохо о человеке, ушедшем в мир иной. Но кое-какие моменты, наверное, следует вспомнить — только ради истины. *(Максут слегка задумался, а потом продолжил.)* Конечно, споры во мнениях у нас были. Все они вились в основном вокруг судебной реформы. Если по справедливости, то мы начали судебную реформу еще в то время, когда Нагашбай не приехал к нам из России. По распоряжению Президента в отделе по воп-

росам законодательства президентского аппарата была создана специальная рабочая группа, которой вначале руководил Игорь Иванович Рогов, а затем около двух лет ее возглавлял я. В течение этого отрезка времени мы подготовили свыше десяти проектов Закона о судебной реформе. Потом к руководству группой пришел Нагашбай и сосредоточил в своих руках дело, которое начал И.И. Рогов и продолжил я, то есть подготовленный нами проект закона. Все наши предложения он выдал за свои и распространил это мнение в народе. Хотя бы тот же вопрос о мантии, который он затронул, — в свое время ношение судейской мантии было предложено и разработано нами. Более того, я не ограничился одним предложением, а сам же его реализовал: в течение двадцати пяти дней после моего избрания председателем Верховного Суда все судьи Верховного Суда были облачены в мантии. Хотя закон о судейской мантии был к тому времени уже давно принят, его исполнение по разным причинам задержалось на два года.

В ту пору Нагашбай Шайкенов был уже министром юстиции. Предложенный им образец мантии все мы видели, но никому из нас это одеяние, напоминающее своим строго черным цветом одежду европейских монахов, не понравилось.

Ну а что касается меня, то я не стал предаваться самоуверенности, а объявил традиционный конкурс, чтобы привлечь к участию в нем известных в республике модельеров и художников. Итоги конкурса рассматривали все до единого члены президиума Верховного Суда (в том числе и нынешний председатель Кайрат Мами), и в конце концов мы выбрали тот образец мантии, который носят сегодня наши судьи.

Но все это дело прошлое. Нагашбая уже нет с нами. Я благодарен покойному, что он все-таки успел признать свою ошибку и принести извинения, как говорится, “лучше поздно, чем никогда”. В свя-

зи с этим хочу заметить, что перед уходом в мир иной он написал два письма — своей жене и нам. Видимо, одна из его копий и была опубликована в газете. Что говорить, для человека, осознавшего свой промах, — это мужественный и благородный поступок!

Сам я, по мере своих возможностей, не жалел помощи семье покойного. К годовщине со дня его смерти мы выпустили книгу воспоминаний о нем, провели научную конференцию. Достаточно сделано и другого. Мало того, придя ректором в университет, я учредил специальную стипендию имени Нагашбая Шайкенова. Множество документальных свидетельств о его жизни и деятельности заняли свое место в университетском музее.

Ораз: Максут, я помню, как в одном из средств массовой информации ты упомянул проект Закона о лоббировании и статью в Гражданском кодексе об особом вреде в чьих-то интересах. Может, ты разъяснишь этот вопрос немного поподробнее?

Максут: У нас существует определенный порядок принятия законов. Во-первых, тот, кто готовил проект закона, и должен представить его в парламент. Согласно Конституции, проекты новых законов готовит правительство. Во-вторых, представить такой проект может и отдельный депутат. Как видишь, законопроекты могут быть представлены только двумя государственными структурами: правительством и законодательным органом в лице отдельного депутата (либо группы депутатов).

Когда законопроект полностью подготовлен, постановлением правительства он отправляется на рассмотрение в парламент. Само правительство готовило проект или нет, но в нем заложены его интересы. Подготовку проекта необходимого закона правительство обычно поручает своему органу в соответствующей сфере. Например, проект закона о налогах, делает Налоговый комитет. Потому что этот закон не-

обходим ему. Это и есть лоббирование. Лоббирование — это вынос в парламент интересов авторов, готовивших проект закона. Другими словами, за каждым проектом, за каждой нормой закона стоит чья-то заинтересованность. Именно поэтому мы и говорим о необходимости принятия закона о лоббировании. Если мы не пропишем законодательно эту проблему, то в некоторых моментах проиграем. Например, вполне может случиться так, что заинтересованные лица, для того чтобы добиться принятия отдельных законов, привлекут на свою сторону депутатов определенным интересом и таким образом “протащат” свой проект. Несколько подобных примеров были раскрыты в России. Вполне возможно, что стремление пойти таким путем появится и в нашей стране. Более того, я слышал, что такие действия уже имеют место. Но пока никого на этом не поймали и таких фактов не выявляли. Поэтому сложно однозначно сказать: верить этим слухам или не верить. Во всяком случае, за рубежом довольно часто встречаются случаи “протаскивания” необходимых законопроектов, когда в этих целях не жалеются ни силы, ни средства. В общем, повторю еще раз, за каждым законом, за каждой его отдельной статьей стоят чьи-то интересы. Приведу такой пример: если выгодная для тебя статья войдет в закон, то ты сможешь не платить налог с дохода в несколько миллиардов тенге. Яркое доказательство тому — приведенное выше постановление А. Кажегельдина. Если бы его постановление вошло в силу, то наше государство лишилось бы 42 миллиардов тенге. Вот почему я считал необходимым для нас специальный закон о лоббировании и еще несколько лет назад подготовил его проект. Один раз он даже дошел до парламента. Однако был возвращен обратно. В конце концов проект вообще исчез.

По моим наблюдениям, ни правительство, ни парламент не проявляют особой заинтересованности в

этом законе. Потому как, в случае его принятия, сразу раскроются сторонники лоббирования. Тотчас же станет ясным, кто пытается внести изменения в законопроекты в целях лоббирования чьих-то интересов. Ну а если закон будет все-таки принят, установится какой-то определенный порядок. И если решишь “купить” депутата за деньги, то налицо будет явное правонарушение. Возможно, даже гораздо слышнее станет то, что ты нашептываешь кому-то на ухо. И тогда сразу возникнет вполне логичный вопрос: “А чьими словами ты говоришь, чьи интересы преследуешь?” Так что, когда будет принят Закон о лоббировании, вышеназванные силы пусть и не исчезнут совсем, но их возможности будут ограничены в определенных рамках.

— Выходит, это ясный путь к тому, чтобы разрешить проблему в интересах народа и государства.

— Да, а иначе, хотя некоторые законы и принимаются, но в несколько извращенном виде, благодаря чему в чьи-то карманы попадают миллионы тенге. Об этом ходит достаточно “закулисных” разговоров, не говоря уж о тех, что ведутся открыто. Все это проблемы, растущие и размножающиеся в связи с лоббированием, которое присутствует в тайном, скрытом виде.

Ораз: Вчера в своем вечернем рассказе ты немного остановился на президентской и парламентской системе управления. Решив не перебивать тебя, я забыл задать один вопрос: почему парламентская форма правления для нас неприемлема? Разве президентское управление в корне своем не есть полное поклонение одному человеку, не породит ли оно упомянутую тобой монархию?

Максут: Нет, не породит. Во-первых, президентское правление в нашей стране введено на основе образцов самых демократических структур и демократических государств. Механизм, обеспечивающий

невозможность перехода президентской власти к монархической форме правления, заложен в нашем Основном Законе — Конституции. Конкретно, в пункте 3 статьи 40 есть такие строки: “Президент Республики обеспечивает согласованную работу всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом”. Видишь, разве тут не сказано ясно: “...согласованную работу...” — Кроме того, и сам парламент не допустит монархии. Поскольку: “Парламент — высший представительный орган Республики Казахстан, осуществляющий законодательную деятельность” (пункт 1 статьи 49 Конституции РК). Сила парламента сама по себе огромна. Если парламент примет какое-то решение, правительство, да и сам Президент обязаны будут его выполнить. Прежде чем назначить любого члена правительства, премьера, и не только их, но и генерального прокурора, председателя Комитета национальной безопасности и др., Президент должен добиться согласия парламента. Даже если в отдельных особых случаях он производит назначение заранее, все равно ему в обязательном порядке нужно его согласовать с парламентом. То есть существует много парламентских механизмов, служащих тормозом, чтобы не допустить перехода президентской власти в монархическую форму. Поэтому у нас нет опасности, что власть Президента, президентское правление превратится в монархию. Достаточно и других механизмов, которые не допускают полной свободы президентской власти.

У КАЖДОЙ ПОРЫ СВОИ ДОСТОИНСТВА

Ораз: Максут, нить нашей беседы несколько застопорилась, может, пора перейти на другую тематику? Среди богатства крылатых слов, которые всегда

были на устах у наших стариков, есть и такая содержательная по смыслу, мудрая поговорка: “Голова человека — это мяч для Аллаха”. Гляжу я на твою биографию, на твой трудовой путь, и эти верно сказанные, напоминающие правило слова часто возвращаются в мои мысли. Ты начинал с аульного клуба и заведующего районным отделом культуры, из рядового следователя стал членом областной коллегии адвокатов, был и судьей районного суда, работал в Министерстве юстиции, в Аппарате Президента, занимал посты генерального прокурора нашей республики, заместителя и председателя Верховного Суда — в общем, работал на всевозможных должностях. Признайся честно, на какой из этих работ ты, как тебе кажется, испытывал наибольшее чувство удовлетворения?

Максут: Говоришь, заведовал аульным клубом, а разве не был еще и артистом областной филармонии? Остальное ты все, вроде, перечислил. На всех этих местах я работал не жалея ни душевных, ни физических сил. И когда был следователем, и когда работал адвокатом, никогда не уходил со службы рано, так как завершился рабочий день; пока не закончу начатое дело, покоя не находил. Поэтому Касия часто жаловалась моим друзьям и товарищам: “Наш Максут ради работы умереть готов. Уходит в контору с утра пораньше, а возвращается домой запоздно. Мало того, даже дома не знает покоя, всё бумаги свои просматривает, ну что ты тут будешь делать?!” Я и в самом деле любую работу выполняю с интересом и увлеченно. Возможно, именно поэтому на любой своей должности я испытывал удовольствие, и везде мои усилия увенчались заметными плодами. Например, работая заведующим Талдыкорганским районным отделом культуры, я в течение года создал не только ряд ансамблей песни и танца и кружков художественной самодеятельности, но и снял часовой

документальный фильм из жизни района, озвучил его и показал всей сельской общественности — и пастухам в горах, и хлеборобам в поле, и жителям населенных пунктов. Тогдашний первый секретарь районного комитета партии В. Косарев остался очень доволен этим фильмом, посвященным 50-летию Казахской ССР, и объявил мне и моему оператору благодарность. Это было в середине июня 1970 года. Кто ж не воодушевится, если его труд признан и получил справедливую оценку? Я написал сценарий еще одного интересного фильма и, когда уехал, чтобы обеспечить своего оператора необходимым оборудованием, попал в печально известную автоаварию, из-за которой был вынужден навечно распрощаться с увлекательными делами в сфере культуры.

Я и доньше не могу забыть те дни, когда днем и ночью носился по служебным делам в гуще трудового народа в качестве работника культуры. Если б я не попал в то дорожное происшествие, возможно, и до сегодняшнего дня не ушел бы с той работы. Ни с чем не сравнить то наслаждение от встреч и родства с бессмертным искусством, которое подарила мне отрасль культуры. Насколько точно сказаны слова: “Народ — это неисчерпаемая золотая кладовая”. В течение какого-то года я нашел в народе столько замечательных певцов, танцоров, музыкантов, других талантов и дал им путевку в жизнь, что просто слов нет для восхищения! Они окрыляли и одухотворяли меня, я — их, и вместе мы не жалея сил, с подлинно творческим огоньком трудились во славу родной округи. Установившаяся в ту пору моя привязанность к людям искусства не утеряна и поныне. И в Астане, и приезжая в Алматы я всегда расспрашиваю, когда состоятся концерты Алибека Днишева, Розы Рымбаевой, Кайрата Байбосынова, Рамазана Стамгазиева, Нургали Нусупжанова, Айман Мусаходжаевой и других наших прославленных мастеров. Когда есть та-

кая возможность, мне хочется и помочь им чем-нибудь. Этот мой восторг перед деятелями искусства Касия порой весело высмеивает шуткой: “Завидишь артиста, так в тебя точно бес вселяется, а глаза прямо горят!” Однако она и сама поклонница лучших представителей искусства и всегда зазывает всю нашу семью на спектакли драматического театра или постановки театра оперы и балета. Для меня это своего рода защита. Потому что руководящая работа порой очень утомляет человека. И в такие моменты, послушав превосходные песни, прекрасные переливы мелодий, посмотрев какой-нибудь замечательный спектакль, ты вновь ощущаешь бодрость, быстроту мысли, прилив сил и энергии. Искусство ведь тем и дорого людям!

Ораз: В разное время у тебя, бывало, просили оказать различную помощь и содействие. Один просил поспособствовать получению звания народного артиста, другой — чтобы выделили грузовую машину, кто-то хотел, чтобы ты помог выпустить книгу, и даже устроить сына на работу в таможеню. Это то, о чем слышал и знаю я. А сколько того, о чем и не ведаю. А были ли такие, кому ты оказал помощь невольно? То, что я перечислил, просьбы чисто корыстного характера, иначе разве можно отнести к честно заслуженному званию народного артиста, полученное с твоей помощью? Да и остальные трое вовсе не нуждаются в куске хлеба, но ими двигает низменное желание любыми путями умножить свое богатство, пусть и обманным путем, но добыть себе славу. Я же думаю, что помощь нужно оказывать инвалидам и калекам, страдающим от клеветы и безвинно осужденным или же тем, кто, пребывая в нужде, лишился последнего, вот тогда такую помощь можно считать венцом добрых дел и самым человечным из человеческих поступков. Много ли раз тебе приходилось делать добро в подобных случаях?

Максут: Читал ты или не читал, но в одной из наших республиканских газет известный деятель искусств, Халық қаһарманы Азербайжан Мамбетов на вопрос корреспондента: “От кого в своей жизни вы познали незабываемое добро?”, ответил: “От генерального прокурора нашей республики Максута Нарикбаева”. А сказал он так в связи с одной историей.

В свое время театральные деятели Казахстана учредили свой собственный Союз, и его председателем был избран А. Мамбетов. У Союза в Алматы было свое здание в районе перекрестка улиц Желтоқсан и Қазыбек-би — Дом актера. Когда началось рыночное время, содержать это здание стало трудновато, и, для того чтобы добыть для этого средства, Азекен сдал несколько комнат этого здания в аренду каким-то преуспевающим предпринимателям.

По своему нраву люди искусства народ удивительный, у многих из них души настолько чистые и абсолютно невинные, словно у младенцев. Их совершенно не заботят мысли о том, что кто-то их обхитрит, что они останутся обманутыми. Как они верят себе, с таким же доверием относятся и к другим. Такой характер присущ им по естеству. Потому что люди искусства, и в частности мастера сцены, всю свою жизнь ведут борьбу за добро. Создавая образы героев, условно называемых “отрицательными”, они вызывают отвращение к злу и призывают к добру. Поскольку вся их жизнь проходит в этом направлении, то в них самих крепко укореняются традиции человечности, честности, добра, и потому всех людей, без тени сомнений, они видят подобными себе.

Вот такой же добродушный человек и маэстро казахского искусства Аз-ага, пока он ходил благодушно настроенный, эти нечистоплотные предприниматели решили, не теряя попусту времени, приватизировать здание и документально оформили его в свою собственность. Об этом Аз-ага, конечно, не знал,

а когда он, ни о чем не подозревая, поинтересовался у предпринимателей:

— Эй, ребята, почему вы деньги не платите?

Те ответили:

— А за что платить, здание принадлежит нам, наоборот, это вы должны нам заплатить!

— Как это ваше? — поразился Аз-ага.

— А так, вот и документы.

Посмотрел — вроде все верно, все законно. Нечистоплотные дельцы тщательно подготовились, чтобы не быть застигнутыми врасплох, — к документам не придиришься, все в порядке. В некоторых местах они даже обманным путем ухитрились заставить Аз-агу подписаться. Ознакомившись с бумагами, Азекен встревожился и совсем пал духом. Какой позор, если завтра люди скажут: “Продав кому-то, Азербайжан Мамбетов “проглотил” не просто верблюда со всеми потрохами, а целое здание с подворьем, прилегающей территорией и оградой”! Как лев, неожиданно попавший в ловушку, Азекен поневоле начал метаться: ходил на поклон к незнакомым людям, открывал двери, за которые никогда прежде не заглядывал, всюду объяснял происшедшую с ним ситуацию. Стал судиться. В районном суде его не поддержали. И в городском не стали слушать. Вышел на областной суд. Однако и там ничего не добился. Подошвы истер о пороги, совсем был измучен бесконечным хождением по инстанциям и в самом конце попал наконец ко мне. Тогда я был генеральным прокурором республики.

Когда я увидел упавшего духом, совсем потерявшего надежду Аз-агу, в моей душе шевельнулось какое-то странное чувство жалости. Но, не показывая этого, я ободряюще поговорил с ним и внимательно ознакомился с документами. Яснее ясного было видно, что его обманули. Что касается законности документов, то здесь попахивало аферой. Если б нашелся

судья, который взглянул бы на дело справедливо, то он мог бы прижать проход, как говорится, не за одно, а сразу за семь мест. То есть оснований поддержать Азекена было с избытком. Да разве можно отказываться, когда правда налицо. По инициативе генерального прокурора дело пересмотрели и в конце концов вернули здание Азекену. Вот так, придя на помощь, я и сам получил удовольствие. Потому что не только уважил большого мастера искусства, но и вступился за невинного человека, который был оскорблен и пострадал из-за своего добродушия и наивности.

Тысячу и одно спасибо и Аз-аге за то, что он не забыл мой скромный труд, когда я помог ему добиться справедливости не силой, а законом. Как благородно с его стороны ответить на вопрос корреспондента, что самое большое добро в жизни сделал для него Максут Нарикбаев.

Точно таким же образом известный писатель, имеющий мировую славу, лауреат Государственной премии СССР Абдиджамил Нурпеисов лишился помещения ПЕН-клуба литераторов, который он сам же и основал. И ему я оказал помощь с позиций закона. Думаю, это тоже было добрым делом. Потому что люди искусства из-за своего добродушия беззащитны и постоянно терпят в похожих жизненных ситуациях поражения.

Вот истории, которые именно сейчас пришли мне на память. Для упомянутых людей — это добро, а для меня — итог судейской работы. Слава Богу, когда я выезжаю в командировку в разные районы нашей страны, то часто встречаюсь с людьми, которые тоже выражают мне благодарность. Большинство из них я даже не узнаю. Думаю, вообще объективная оценка труда судьи начинается после того, как он уходит с судейской работы.

Ораз: А как ты смотришь на недосыгаемый статус депутатов, почему, в отличие от рядовых граждан, их

нужно наделять отдельными, особыми правами? И почему это закреплено в законодательном порядке?

Максут: По-моему, наличие у депутатов недосыгаемых прав — вещь необходимая. Основа их деятельности — выступления в парламенте. А выступая, они порой настолько горячатся, что местами говорят чересчур жестко. Если бы им не были даны выше-названные права, если бы не было специальных статей в законе, то они засудились бы друг с другом и погрязли в скандалах. Либо, не имея известных прав, они бы говорили с опаской, тщательно подбирая слова, и лишились свободы высказывания своих мыслей и мнений.

Однако в законе, посвященном депутатам, есть и свои особенности. Депутаты не несут ответственности за совершенные в момент исполнения своих депутатских полномочий действия, то есть не считаются ответственными за них. Они всегда должны высказываться искренне и без ограничений. Именно поэтому, приступая к депутатским обязанностям, они дают клятву народу Казахстана.

Депутаты парламента обязаны участвовать в работе парламента. Для того чтобы быть депутатом представительного органа, они не имеют права заниматься предпринимательством, входить в состав руководящего органа либо наблюдательного совета коммерческой организацией или выполнять любую другую работу, за которую выплачивается заработная плата, кроме преподавательской, научной и другой творческой деятельности. Нарушение депутатом этого правила приводит к лишению его представительских полномочий.

Ораз: Известно, что в 1998 году Президент Республики Казахстан утвердил государственную программу, ориентированную на борьбу с коррупцией в 1999—2000 годах, почему реализация этих мероприятий не дала заметного результата? Или хотя бы

не была разоблачена какая-нибудь крупная группа коррупционеров? Кроме того, борьба с коррупцией не должна быть разовой кампанией, отчего же тогда в настоящее время она не ведется с такой же силой?

Максут: Неуместно говорить о том, что борьба с коррупцией ведется плохо. Глава государства ежегодно возвращается к этой проблеме. Ведь коррупция очень глубоко пустила свои корни. Самое главное, если ты читал, Ораз, то в ответе на вопрос одному из корреспондентов я сказал: “Дорогу коррупции открывает сам народ”. Скрывать тут нечего, нынешняя психология у народа такова, что он ошибочно считает: если кому-то что-то не дашь, то твой вопрос не разрешится, хотя ты имеешь на это законное право. Вот отсюда народ и старается всячески ублажить чиновника, от которого зависит исход дела: зазывает на угощение, сует взятки, как говорится, “под седло ему — коня, а на плечи — дорогой чапан”. Задаривает подношениями его жену. В крайнем случае, дарит ему ко дню рождения или юбилею дорогие подарки и деньги. В общем, находит способ, чтобы как-то угодить и что-то втихомолку сунуть. Вот таким образом люди и портят сами неискушенных, не пристрастившихся к взяткам чиновников. Самое плохое, что они сбивают с пути истинного молодых, только приступивших к работе специалистов. Если эта зловредная привычка будет передаваться от старшего поколения к младшему, то мы от нее никогда не избавимся. Именно поэтому борьбу с любым видом взяточничества должен вести каждый из нас начиная с себя и не приучать к нему наше молодое поколение — будущее страны. Преследуя эту цель, преподаватели и студенты нашего университета организовали движение под лозунгами: “Мы против коррупции!”, “Борьбу с коррупцией начнем с себя!”. К примеру, было предложено, чтобы во время сессии преподаватели цепляют себе на грудь значок: “Я не беру взяток!”, а

студенты — другой: “Я не даю взяток!” Это, конечно, скромная по своим масштабам мера. Однако, несмотря на скромность, она оказывает должное влияние на психологию человека. Кроме того, на каждом курсе, на каждом факультете проходят тематические вечера, на которых дискутируют на тему взяточничества и коррупции, анализируют и осуждают их проявления, организуются и митинги, призывающие: “Честность — дело чести и совести!”, “Суд — борьба за справедливость!” Цель всех этих собраний — вызвать у молодежи отвращение к недостойным поступкам и приучить их держаться от них подальше.

Итак, как говорится, “приучай невестку смолоду, а ребенка с пеленок”; если каждая семья займется соответствующим воспитанием подрастающего поколения, если мы будем проводить его всем народом, только тогда удастся перерубить корни коррупции и взяточничества. То есть нам следует усилить народное воспитание, избавиться от пережитков старой эпохи и изменить свою психологию. В настоящее время у нас, слава Аллаху, хватает законов, которые способны защитить чьи бы то ни было права, поэтому мы должны следовать чисто законным путем, не вкладывая в чужие карманы денежные подношения. Самое плохое в попустительстве коррупции и взяточничеству — это то, что, избавляя от наказания одного преступника, мы открываем дорогу десяти другим. Некоторые идут на преступление сознательно, мол, дам взятку и избавлюсь от проблем. Надо искоренить такое мнение. Если ребенок, который уже способен понимать, будет расти с внушенным и угнездившемся в сердце сознанием, что не только совершение преступления, а даже сама мысль о нем — уже огромный проступок, то он никогда, ни при каких обстоятельствах не ступит на путь бесчестья и подлости.

Ну а проводимая в этой области работа под началом Президента и масштабна, и разносторонняя.

Хочу сказать одно: нельзя все корыстные преступления называть коррупцией. Каждое правонарушение следует именовать своим именем. Иначе мы в таком случае получаемся как бы страной, где процветают одни коррупционеры. Как мне кажется, в первой статье Закона о коррупции разъяснение понятия “коррупция” очень поверхностно и узко. Коррупционер здесь выглядит подобием обычного взяточника. А какое отношение единоличное взяточничество имеет к организованному?

Так что и с этой стороны у нас есть над чем подумать. Мне кажется, если каждый из нас, каждый гражданин нашего государства, начиная с сегодняшнего дня, дабы на корню уничтожить и коррупцию, и взяточничество, будет жить по правилу “Я не даю взяток! — Я не беру взяток!”, то мы быстро достигнем победы. Не изменив в нужном направлении свое сознание, свою натуру и свое мнение о коррупции и взяточничестве, трудно победить эти преступления.

— Для этого ведь требуется немало времени.

— Если будет массовая поддержка, если на этот путь ступят все поколения, то и времени хватит. А дальше это обернется в народную традицию, в дедовский обычай и будет сохраняться в последующих поколениях.

— Эй, да куда там, разве ты забыл народную поговорку: “Ушла болезнь, а привычка осталась”?

— Если уж быть точным, то эти слова сказаны по отношению к отдельному человеку. Например, одному нравится без конца сплевывать, другой вечно почесывается, третий приучился жевать насыбай. Однако эти привычки не повторяются в их детях. Потому что у детей другое сознание и иные чувства. Словом, если улучшится воспитание, мы уже в следующем поколении можем полностью избавиться от неблагоприятных черт характера.

Ораз: Максут, в народе говорят: “Бог один и я один”. Во-первых, я думаю, такое могли сказать те, кто был обижен на судьбу за свое одиночество, испытал много страданий и унижений. Во-вторых, мне кажется, что это что-то вроде плача одинокого человека, у которого нет близких, который рос, не ощущая ничьей поддержки и похвалы, пережил много трудностей. А были ли у тебя моменты, когда ты страдал от одиночества?

Максут: Эта пословица точно про меня: “Бог один и я один”. От отца нас было двое сыновей, мой младший братишка Махмуд умер еще в детстве. С тех пор я один. Когда ни впереди у тебя, ни за спиной нет брата, это, конечно, причиняет боль. Но вместо них у меня, спасибо Аллаху, достаточно друзей. Да и детьми Бог не обделил. Три сына и три дочери. Всех, кроме одного сына и одной дочери, я поженил и выдал замуж. У меня восемь любимых внучат. Они уже подрастают. Так что сейчас я не могу сказать, что одинок. Но это ведь лишь мое нынешнее положение.

Ну а раньше было немало моментов, когда я ощущал горькие последствия своего одиночества. Мой отец Султан ушел на Великую Отечественную войну, когда мне было два годика. Разве мог он сохраниться в моей памяти? Если б не было его фотографии, я бы даже не сумел представить черты его лица. Даже не знаю толком, поцеловал ли он меня в лоб, когда отправлялся на фронт. Это время полностью выключилось из моей памяти. Я не могу представить ни выражение его лица в момент прощания, ни само лицо. Видимо, поэтому отец мне никогда и не снится. Тем не менее, я рос думая о нем, скучая по нему. Не раз в детстве, когда получал тумаки от ребят или слышал презрительно брошенные в мою сторону слова “несчастный сирота”, я прятался за нашей землянкой и плакал навзрыд. “Отец, папочка, приди,

пожалуйста, хотя бы на денек! Если б ты пришел и хотя бы раз, ну хоть на одно мгновение избавил меня от этих насмешек, я бы больше ни о чем не мечтал. Отец, папочка, ну как мне вытерпеть все их унижения, нападки и оскорбительные слова?” — плакал я и, обняв коленки, погружался в свои горестные мысли.

По отношению к отцу в человеке от рождения заложен, видимо, какой-то особый инстинкт. Пусть я и не сохранил в памяти образ отца, но он никогда не уходит из моих мыслей. В 1997 году мы втроем — я, Касия и наш сын Канат — специально съездили на место его захоронения в Украине, прочли над изголовьем Коран и вернулись на родину, захватив с собой горсть земли с отцовской могилы. И тогда отец впервые приснился мне. А недавно он явился во сне моей супруге. “Он поблагодарил меня, а я назвала его “ата”, — с гордостью похвалялась потом Касия. Спасибо Аллаху и за это, у меня тоже поднялось настроение. Хотя сам я уже стал любящим дедом, хотя у меня много друзей и товарищей, все равно мне не хватает отца, и его место так никто и не занял.

Не так давно, когда я отправился навестить мать, одна моя тетушка по материнской линии, которая у нее гостила, сказала мне:

— Разве у нас не говорят: “Спутник одинокого — один Аллах”. Ты, Максутжан, добился своих целей и нынешнего положения только собственным трудом. Да благодетельствует тебя Аллах! — благословила она.

Это правда, и со стороны нагаши мне не на кого было опереться, рос чисто волею своей собственной судьбы.

— То, что ты вырос крепким и закаленным, без чьей-либо поддержки и помощи, наверное, в какой-то степени именно благодаря тому, что был сиротой. А в этом случае можно, пожалуй, и спасибо сказать такому сиротству, как думаешь?

— И то верно! (*Рассмеялся.*)

Ораз: Максут, изначально твоей самой заветной мечтой было стать кинорежиссером, каким же образом, в какой ситуации тебе вдруг пришла мысль стать юристом? Или же к этому решению тебя вынудили прийти какие-то определенные обстоятельства?

Максут: Ты сам хорошо знаешь, Ораз, что я с детства был близок искусству. Еще совсем мальчонкой под влиянием своей бабушки Гизатбану научился играть сначала на однорядке, а потом и на небольшой двухрядной гармонии. Пора нашего детства совпала с послевоенным временем, когда жизнь народа только начала потихоньку налаживаться. В те годы возвращались на родину избежавшие смерти отцы, в основном калеки — либо без одной ноги, либо с изуродованной немецким снарядом рукой, либо получившие тяжелые огнестрельные ранения. Ну а что касается моего отца и других, кого смерть достала, то стало совершенно очевидным, что они никогда не вернутся, принеся себя в жертву на алтарь войны. В детстве происходит множество интересных и увлекательных событий, о которых сладко вспоминать, и немало печальных, пропитанных горечью, не так ли? Те из мальчишек, чьи отцы вернулись на родину, пусть с ранениями и увечьями, вели себя по отношению к нам, тем, у кого отцы навечно остались на полях войны, как хозяева положения, задирали носы, более того, ранили наши души, презрительно обзывая “сиротами”. Подкараулив и окружив кого-нибудь вдвоем-втроем, они принимались донимать несчастного тычками и обидными словами. В такие моменты я всегда мечтал во что бы то ни стало превзойти ребят, у которых отцы остались живы, своими успехами и в учебе, и в спорте, и в искусстве. В те годы, когда учился в пятом и шестом классах, я этой мечты достиг. Успеваемость у меня была хорошая, и в спорте заметно выдвинулся. Но самое главное, мне

стала приносить “славу” моя игра на гармонии, которой меня научила бабушка. А причина этого в том, что наши аулчане, оставив позади тяжкие годы войны и не жалея сил энергично приступившие к борьбе на трудовом фронте, все большие праздники — Новый год (1 января), День Советской армии (23 февраля), Международный женский день (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1 мая), День Победы (9 мая), праздник Великого Октября (7 ноября) и День Конституции (5 декабря) — в обязательном порядке сообща отмечали либо в клубе, либо в школе, либо на центральной площади аула, ну а в горячую пору страды — прямо на току.

К этим большим праздникам прибавлялись и другие радостные события: начало учебного года, когда дети отправлялись после каникул в школу, его завершение в конце мая и той внутри аула — проводы невесты, свадьбы, шильдехана. На той не собирали по списку или пригласительным билетам, любое событие шли отмечать всем аулом, не дожидаясь особого приглашения. Ну а какие народные гулянья проходят без песен, музыки и танцев — вот в такие моменты и меня усаживали в центр, прося что-нибудь исполнить на гармонии. Нахваливали, аплодировали, окружали почетом. А меня распирала гордость, нос задирался кверху, а настроение взмывало к самым небесам. Если я замечал среди тех, кто с любопытством смотрел и слышал, как я залихватски перебираю лады гармонии, вечно звавшего меня обидными словами “несчастный сирота” Ораза (твой тезка, мальчишка, у которого был отец), то старался еще пуще прежнего, так, что руки немели. А потом наседал на него: “Ну, Ораз, чем я хуже тебя, даже если у меня нет отца?!” Вот благодаря таким моим “маленьким” победам, которых становилось все больше, мое мастерство и шло постепенно в гору.

Мою жизнь, начиная с восьмого класса, ты и сам хорошо знаешь. В сфере спорта я серьезно занимался акробатикой. В свободное от уроков время переводил стихи и рассказы Есенина, Пушкина, Чехова, Тургенева, сам стал писать стихи. Свое увлечение фотографией и игрой на различных музыкальных инструментах я никогда не бросал. Продолжал рисовать карандашом и масляными красками. В постановочной режиссуре я впервые попробовал свои силы еще в стенах школы, в те годы, когда учился вместе с тобой, а позже занимался этим в аульном клубе и продолжил, когда работал в районном отделе культуры.

Как я уже рассказывал вчера вечером, занимался и съемкой документальных фильмов, пробовал даже поступить во Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве. Но в этом мне не улыбнулась удача.

Наверное, потому, что рос, страдая от горького сиротства и крайней бедности, я, чтобы поскорее избавиться от нищеты и нужды, продал единственного теленка матери и сдал документы для поступления на лесной факультет сельскохозяйственного института в Алматы. Но и здесь мне не повезло, и в тот же год я уже знакомился с Украиной.

То, что я стал юристом, — чистая случайность. Когда я окончил с красным дипломом техническое училище № 8 в украинском городе Днепропетровске и вернулся на родину, работы по моей специальности не нашлось, поэтому около трех лет я провел в родном ауле. Но от своей мечты поступить в высшее учебное заведение и получить образование по-прежнему не отрекся, так что в 1962 году снова вернулся для этого в Алматы.

Дядя Парихи генерал Макан Есболатов, которого я уже упоминал ранее и который очень хорошо знал нашу семью и то, как мы жили, дал мне совет посту-

пать в училище милиции, а когда я согласился, обещал помочь лично. В этом училище был выгодный плюс — до самого завершения учебы ты находился на полном государственном обеспечении. “Сознанием правит быт”, — эти слова сказаны в точку. Смирившись внутренне со своим выбором, я, живя в доме родичей Парихи, прошел медицинскую комиссию и начал готовиться к поступлению. Однако экзамены в училище начинались лишь в сентябре. “К чему столько времени без дела сидеть, дай-ка я попытаю счастья еще где-нибудь”, — решил я и сдал документы на юридический факультет Казахского государственного университета. Когда того хочет Бог, трудности куда-то исчезают: без запинки сдал все экзамены и поступил. Стал студентом. Но после окончания первого курса меня призвали в армию. В то время срок воинской службы был трехлетним. После демобилизации из-за семейного положения мне пришлось перевестись на заочное отделение. Вот так, благодаря его величеству случаю, я и стал юристом.

Ораз: Когда 16-18 декабря 1986 года произошли известные события, взволновавшие весь мир, ты еще работал на должностях нижнего ранга, а к тому времени, когда это историческое выступление подверглось тщательному расследованию и анализу, ты уже занимал высокие посты, вот я и хочу попросить тебя поделиться своими размышлениями о декабрьских событиях.

Максут: Хотя в самих декабрьских событиях я не участвовал, но рассмотрением этих дел мне пришлось заниматься непосредственно. С мая 1988 по апрель 1989 года я работал прокурором отдела систематизации законодательства и пропаганды Прокуратуры Казахской ССР. Потом перевелся на ту же должность в отдел надзора за рассмотрением уголовных дел, где трудился с апреля 1989 до августа 1990 года. Именно на эти годы пришелся пересмотр уголовных дел, свя-

занных с декабрьскими событиями. Я заново рассмотрел тогда свыше десятка таких дел и направил ряд протестов на имя генерального прокурора Казахстана Г. Елемесова о их надуманности. Он мои протесты поддержал. А еще под несколькими поставили свои подписи его заместители, отправив их на рассмотрение Верховного Суда. В итоге множество молодых людей были полностью оправданы.

Ну а еще позже — между июнем 1996 и июлем 2000 года, когда я уже сам был председателем Верховного Суда, мне снова пришлось столкнуться с делами по декабрьским событиям. А произошло это так. Надо было утвердить несколько новых судей Верховного Суда в парламенте. Депутаты проголосовали против нынешнего члена коллегии Верховного Суда С. Раимбаева и еще одного судьи, русского по национальности, обвинив их в том, что, когда возбуждались уголовные дела в связи с декабрьскими событиями, они, озабоченные лишь благополучием собственной головы, стали игрушкой в руках тогдашнего первого секретаря Центрального комитета Компартии Казахстана Г. Колбина. Помимо того, им поставили в вину осуждение ни в чем не повинных молодых людей, участвовавших в этих событиях. Я тогда вмешался в разгоревшийся спор мнений и, защищая судей, сказал, что нельзя винить их в том, что они поддались влиянию господствовавшей тогда политики. Ну а если быть честным, то депутаты были правы. Владелец первого поста во второй по значению структуре управления огромной империи Г. Колбин силой власти, сосредоточенной в своих руках, оказывал давление на все исполнительные органы, подталкивая их к совершению гонений. Это яснее ясного. Приведу пример. Нынешний председатель Костанайского областного суда Ергали Канаданов был в то время заместителем начальника отдела по рассмотрению уголовных дел Алматинского

городского суда. Когда перед ним оказалось дело, связанное с декабрьскими событиями, он не изменил зову своего честного сердца и, объявив, что факты должным образом не проверены, вернул дело на дополнительное расследование. За это ему влепили строгий выговор по партийной линии. Поэтому он вынужденно перешел в Министерство юстиции и долгое время работал там на низших должностях, лишь позже, когда настала пора торжества справедливости, он смог вернуться на судейскую работу. Вот, такова была цена за верность истине!

Ну а как поступили вышеупомянутые С. Раимбаев и другой судья? Мысленно взвесив на чаше весов оказываемое сверху давление и взывающую к справедливости истину, они выбрали нечто среднее, чтобы, как говорится, “и быка не убить, и телегу не сломать”. То есть, вроде бы выполнили указание сверху, однако, на слишком жесткие меры не пошли. Уже по одному этому можно видеть, что внутренне они сочувствовали тем, кого наказывали. Здесь, конечно, может огорчать только то, что они не проявили, подобно Ергали Канаданову, мужество. Все-таки судьи, как бы ни менялось общество, какие бы политические вихри ни кружили, должны вершить праведный суд, следуя букве закона, и стойко его защищать, подобно настоящим батырам, которые подставляют свою грудь под пули.

Что скрывать, когда поднимались дела в связи с декабрьскими событиями, выявилась нерешительность многих наших судей. Именно поэтому я считаю необходимым во время выбора судей, наряду с их образованием, квалификацией и опытом, обращать внимание и на их природные свойства, и на их происхождение. Ведь на самом деле некоторые люди по существу своей натуры никогда не пойдут на совершение зла по отношению к другому человеку, потому что воспринимают его как своего ближнего. И

никто и ничто не смогут заставить их отречься от этого своего нравственного принципа, так как он устоялся в них от рождения. С какими бы обстоятельствами ни столкнулись, они всегда говорят то, что видят и знают, ни на шаг не отступая от истины. Если мы будем привлекать в судебную сферу, на судебскую работу потомков именно такой породы людей, то честь нам и хвала, не так ли? Например, ты сам некогда нахваливал сына Сарыарки Сагымбека Токайбаевича Турсынова, который на протяжении многих лет был руководителем Талдыкорганской области, говорил, что это прямой потомок бия Каздаусты Казыбека, что он мастерски говорит, всегда держит данное обещание и справедлив в решениях, когда к нему обращаются, и будто эти достоинства в нем от далекого прадеда, что они передавались в их роду от потомка к потомку. Возможно, и наш Президент отметил это, взяв во внимание происхождение С. Турсынова, когда назначил его послом в западной стране. Или же он ошибся, поступив таким образом? Конечно, нет! Не зря говорят: "Мир и согласие в руках у посла" — и поныне Сагымбек трудится на посольской работе, стараясь, чтобы ни единое пятнышко не легло на авторитет нашей страны, и отношение к нам тех государств, где он был послом, необыкновенно дружественное. Традиционное уважение к людям благородного происхождения можно увидеть и в России. Не напрасно ведь там окружают столь благосклонным вниманием, например, наследников А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева, И. Павлова, С. Рахманинова, Н. Римского-Корсакова, В. Стасова, К. Станиславского, П. Чайковского, Б. Шереметьева, потомков дворян и династии Романовых? Ну а взять западноевропейские страны — с каким огромным почтением там относятся к царским, королевским и графским династиям. Почему? Всего один пример: на яблоне вырастают яблоки, на

ягодном дереве — ягода, если посадить между ними карагач, поливать его и ухаживать за ним наравне с двумя другими деревьями, все равно на нем ничего не вырастет. По этому поводу наш древний прадед Майкы-бий сказал когда-то:

*Тулпар рождает резвого тулпара,
И станет соколом у сокола птенец.
Потомок благородного недаром
Достоинствами славен, как родной отец.
Лентяй же порождает дармоеда,
И нерадив у непослушника сынок.
Гулёна воспитает непоседу,
А лодырь даст начало роду лежебок.
Плешивца сын не разлучится с плешью.
Родится жадина у скряги и скупца.
Сын пустомели языком лишь чешет.
И будет так же слеп рожденный от слепца.**

Что ни говори, никогда нелишне обратиться к прошлому человека и сделать соответствующие выводы. С этой мыслью, работая председателем Верховного Суда, я собрал всех судей в нашем зале, для того чтобы они вместе посмотрели созданную киностудией “Казахфильм” картину “Аллажар” (“Испытание”). На демонстрацию я пригласил кинорежиссера, продюсера, оператора, артистов, снявшихся в главных ролях, а также наших коллег прокуроров.

Когда кинофильм закончился, я выступил перед собравшимися.

— В этом фильме, посвященном декабрьским событиям, помимо его исторической точности, подлинности и достоверности, я думаю, есть немало горьких уроков для всех судей, особенно для тех из наших коллег, кто непосредственно участвовал в рассмотрении дел, связанных с этими событиями. Со-

* Перевод М. Жанузаковой.

бытия прошли. Были рассмотрены дела. Многие молодые юноши и девушки были наказаны, а те, что наказания избежали, попали в черные списки. С тех пор прошло два года. Вчерашние уголовные дела пересмотрены. Теми же судьями, на основании того же закона. Закон, который позволил вчера кого-то обвинить, сегодня оказался пригоден для оправдания. Как же так вышло? В чем секрет? Почему вчера мы не могли применить для оправдания закон, который сгодился сегодня? Кто виноват? Сегодня те, кто участвовал тогда в рассмотрении дел, оправдываются: "Судьи не виноваты. Ведь никого из них не привлекли к ответственности". Но правильно ли это — Разве взятых под стражу участников выступлений судил кто-то пришедший извне, а не вы, сидящие сегодня в этом зале? Возможно, вы скажете, что заблуждались, что "нет человека, который не ошибается, и нет коня, который не спотыкается". Возможно, скажете, что и герой нужнее живым, мол, испугались партии. И то и другое не может служить оправданием. Разве можно считать сознательностью попираание справедливости ради благополучия собственной головы? Мы должны назвать это изменой чести, говоря мягче — трусостью. Боже мой, это ведь были те мгновения, которые могли бы вписать имена многих судей золотыми буквами на страницах истории! Почему, отчего мы так испугались? Ведь не один из тех судей, кто сказал правду и вынес справедливое решение, не был осужден. Самое большее, выгнали бы с работы. Это, что ли, стало камнем преткновения? Ответы на эти вопросы ищите у себя внутри, в своем сердце. Трезво оценим прошлое и будем с надеждой смотреть в будущее. Давайте извлечем урок из той горькой, как яд, истины, на которую указывает этот фильм! — с горечью закончил я.

Мои коллеги, на сердца которых словно свалился стопудовый груз, не проронили ни звука. Понуро

свесив головы и тяжело вздыхая, стали выходить из зала.

Следует сказать, что С. Раимбаев, которого я взял под защиту, позднее на заседании Верховного Суда выступил против, когда глава государства хотел назначить меня председателем Высшего Судебного Совета. Потому что стремился угодить своему новому начальству, которое меня не жаловало. Таким образом, он снова показал себя как человек, готовый пойти на недостойный поступок, лебезя перед собственным руководством. Боже сохрани от таких судей!

Ораз: Максут, в 1995 году ты исполнял обязанности первого заместителя председателя Верховного Суда Республики Казахстан. В тот год 6 марта в связи с обращением в Конституционный Суд Республики Казахстан моей коллеги по профессии, журналистки Татьяны Квятковской о допущенных в ходе выборов депутатов Верховного Совета ошибках и их несоответствии Конституции, Конституционным Судом было вынесено постановление о нелигитимности парламента последнего созыва. На основе этого решения 11 марта Президент Н. Назарбаев специальным Указом распустил Верховный Совет РК. Это беспрецедентное событие, которое не случилось в истории ни одного государства.

На страницах периодической печати тогда писали, что это не пробел в Конституции, а недоработка, допущенная со стороны Центральной избирательной комиссии. То есть, похоже, принятый комиссией акт по выборам противоречил Конституции. Все мы учимся на ошибках, если ты подробнее расскажешь и разберешь эти противоречия, я думаю, это внесло бы ясность в понимание происшедшего не только для меня, но и для будущих молодых поколений.

Максут: Центральная избирательная комиссия действительно допустила в 1995 году оплошность. Правда и то, что об этом написала Т. Квятковская,

открыв три разные стороны проблемы. Эта статья, написанная в форме заявления, попала в Конституционный Суд, и в конце концов по ней было принято решение. Тем самым мы всему миру продемонстрировали, что в нашей стране подчиняются закону, а не должностному рангу. Вместе с тем наш Президент доказал, что неукоснительно соблюдать закон должны не только рядовые граждане, но и все должностные лица, включая Президента. Если говорить конкретнее, Президент, чтобы смыть с парламента пятно, выступил в его поддержку и обратился в Конституционный Суд с письмом, в котором выразил несогласие с его решением. Однако исключительным большинством голосов Конституционный Суд отказал Президенту в просьбе пересмотреть свое решение. Президент подчинился. Таким образом, весь мир мог увидеть, что в нашем молодом государстве безукоризненно действует механизм демократии. Эта история очень высоко подняла авторитет нашей страны в глазах мировой общественности. Значительно выросла и репутация нашего Президента. Более того, сама отставка нелегитимного парламента ясно продемонстрировала, что мы живем в правовом государстве, и оказала большую помощь в наших дальнейших смелых шагах к будущему.

На этом остановился Президент и в своем интервью российскому журналисту, которое он дал ближе к концу 2002 года (в декабре).

— Наша приверженность демократии открыла дорогу тому, что наше государство, пусть хотя бы на шаг, но впереди соседних стран СНГ и с экономической точки зрения, и с политической точки зрения.

На самом деле, демократия развивается у нас мощными шагами. Одно из ярких ее проявлений — роспуск парламента, который, воспользовавшись в полной мере своим правом, всю власть в официальном

порядке передал соответствующим документом Президенту. Таким образом Президент в предусмотренном законом порядке взял на себя законодательную функцию парламента. И в результате до выборов нового парламента издавал указы, имеющие силу закона.

Появление в 1995 году Закона о суде также произошло благодаря его указу. Всего же за год было подписано более 160 указов Президента, имеющих силу закона. Это открыло путь к стремительному, без остановок продвижению экономики нашего государства вперед. Потому что в тот год Нурекен принял множество экономических законов. В предыдущем же году парламента принял втрое меньше законов, чем за такой же срок Президент. Потому что депутаты большую часть времени провели в нескончаемых спорах на тему: кто выше, Президент или парламента. Похоже, они посчитали, что принятие законов для них — дело второстепенной важности, и оно никуда не убежит. Следующий вопрос, которым они занялись, — их собственное обеспечение, служебные машины и прочее, а однажды некоторые из них стали даже заботливо и не спеша обсуждать разные хозяйственные мелочи, хотя у каждого было по два помощника.

Что касается Президента, то, во-первых, он, с пользой проводя каждый час, каждый день рабочего времени, прежде всего, нацеливался на то, что было в интересах народа и в интересах государства. Во-вторых, воспользовавшись временным отсутствием противостоявшей ему политической структуры, он создал Конституционную комиссию, которая подготовила проект новой Конституции. На республиканском референдуме, прошедшем 30 августа 1995 года, она была принята.

Ораз: А мне сейчас вспомнился другой август, Максут. Ты был в то время первым заместителем

председателя Верховного Суда РК и 31 августа 1994 года отправил Президенту республики подготовленное тобой письмо с предложением о создании единой судебной системы, каким был результат?

Максут: О реформировании судебной системы я написал две статьи. Одну из них я назвал "Нужен ли Конституционный Суд, или не нужен?". Дело в том, что, хотя парламент был распущен, Конституционный Суд продолжал действовать. А я в то время исполнял обязанности первого заместителя председателя Верховного Суда. Кое-кто мне сказал: "Маха, глава государства прочел вашу статью". Видимо, окрыленный таким вниманием, я написал еще одну статью под названием "Необходимости в Конституционном Суде нет", где попробовал доказать свое твердое мнение. Почему я так считаю? Конституционный Суд не похож на традиционный суд, больше напоминает политическую структуру. И в определенных исторических ситуациях он, возможно, решит, что необходимо отправить в отставку Президента, так же, как он способствовал роспуску парламента. Если будет принято такое решение, вопрос будет куда сложнее и чреват последствиями. Вообще с судебным решением нельзя играть. Это официальный документ. Определение, имеющее законную силу.

Может, ты помнишь, как в Пакистане после схватки Верховного Суда с правительством разразился настоящий политический кризис. В любое время вмешивание судебной системы в политику приводит к трудностям. В любом государстве начиналась смута, если судебная система смешивалась с политикой. Несколько лет назад на грани вмешательства в политику был и Конституционный Совет России. Знаю, что сейчас такого нет.

Сведения, которые я получил, оказались верными. Президент позвонил мне по телефону.

— Максут, я прочел твои статьи, — сказал он. — Ты написал, что Конституционный Суд не нужен. Объясни, почему?

Неожиданно у меня в голове шевельнулась мысль: по всей видимости, нашлись доброхоты, которые, извратив мои слова, донесли ему, будто мое мнение противоречит принципам демократии. Но я не стал слишком долго раздумывать и тут же выложил те мысли, о которых сказал выше:

— Нуреке, Конституционный Суд можно считать и политической структурой. Вполне допустимо, что он в любой момент резко развернется в сторону политики. А суд, каким бы он ни был, обязан во время принятия решений не вмешивать политику и вообще держаться от нее подальше. Конституционный Суд вообще не вписывается в рамки общенародной демократии. А именно сейчас снова и снова переизбирать парламент и президента, что не исключено, нам ничего, кроме вреда, не принесет, — твердо закончил я.

Президент мне ответил:

— В любом случае я нуждаюсь в таких вот прямых, открыто высказанных суждениях. Будь готов, если в связи с вопросом, высказанным в твоих статьях, разгорится спор мнений. Эту проблему стоит поднять и хорошенько продумать, — завершил он наш разговор.

Ораз: В 1995—1996 годах ты, обдумав некоторые проблемы по борьбе с преступностью, высказал ведь еще одно предложение — о необходимости создания в республике центра, который вел бы уголовную статистику. Что с реализацией этой идеи?

Максут: Это предложение тоже не повисло в воздухе: центр был создан, сформирован и приступил к работе. Результат оказался неплохим. Все совершенные в стране уголовные преступления подсчитывались, классифицировались, распределялись по вы-

боркам. То есть теперь в любой момент мы могли получить необходимые статистические сведения. Правда, к большому сожалению, центр постепенно утратил свою самостоятельность. После того как я ушел, он попал в ведение Прокуратуры. Тем не менее, такой информационный центр все-таки был создан.

Ораз: Затронь, пожалуйста, функции созданного при непосредственном участии Президента Высшего Судебного Совета Республики Казахстан. Он и сейчас действует?

Максут: Да, действует. Основной вопрос, который он рассматривает, — это кадры. Например, через Высший Судебный Совет как совещательный орган председатель Верховного Суда предлагает Президенту кандидатуры своих заместителей, членов и председателей коллегий, президиума, судей Верховного Суда и председателей областных судов. Второй вопрос, который обсуждается Советом, — это реформы в судебной системе. Таким образом, эти две темы и являются главными в обязанностях Высшего Судебного Совета. Поэтому Совет занимает очень важное место и в нашей системе, и вообще в структуре государства.

Ораз: Максут, желая обратить внимание главы государства на конкретную деятельность некоторых лиц, которая противоречит нормам Конституции РК, ты 20 августа 1999 года честно, без всяких ухищрений изложил свое мнение в докладной записке на имя Президента. Какова история появления этого письма?

Максут: Я занимал тогда пост председателя Верховного Суда. Стояла середина августа 1999 года. Свой очередной трудовой отпуск я проводил за границей. Для многих чиновников я оказался “неудобным” человеком. Потому как, что бы ни делал, что бы ни говорил, какие бы шаги ни предпринимал, во всем

старался быть честным и справедливым. Ни в одном деле не сворачивал с этого пути, поддавшись на указание сверху либо чьи-то уговоры. Это мое качество было не по нраву многим людям. Когда представлялась возможность, они распространяли обо мне через корреспондентов газет, радио и телевидения нелепые сплетни, старательно организовывали грязные слухи.

Перед уходом в отпуск я назначил члена президиума, председателя коллегии по хозяйственным делам Верховного Суда Александра Ивановича Кравченко временно, до своего выхода из отпуска, исполнять обязанности председателя Верховного Суда.

Прошло примерно десять дней, как я уехал отдыхать. Однажды мне позвонил А.И. Кравченко и испуганным голосом сообщил:

— Ой, Максут Султанович, мне только что звонил по телефону глава государства и с большой обидой строго отчитал меня.

— И что сказал?

— Обиделся. “Я, — говорит, — по всему миру езжу, прилагаю усилия, чтобы привлечь в страну инвестиции. А вы чем занимаетесь? Своими незаконными решениями перераспределяете эти средства в пользу первого встречного?!”

Я понял, о чем идет речь. В основе его обиженных слов — скорее всего, сплетни, связанные с тем, что акционерное общество открытого типа “Карагандацемент” не сумела выкупить иностранная компания, так как оно, якобы с нашей помощью, с легкостью досталось “Буте”.

Когда названный объект был выставлен на торги, претендентами на его приобретение выступили, с одной стороны, иностранная компания, а с другой стороны, фирма “Бутя”. Тендер на соответствующее предприятие в законном порядке выиграла “Бутя”.

Но дело этим не закончилось, второй претендент

обжаловал итоги тендера вплоть до Верховного Суда. Мы не стали поддерживать ни одну из сторон, а так как в деле были места, которые нужно было изучить и подкрепить доказательствами, вернули его на повторное рассмотрение в Карагандинский областной суд. Видимо, сторонники проигравших, недовольные нашими действиями, решили, что мы в сговоре с "Бутей", и донесли свои подозрения до Президента. И не просто донесли, а судя по рассерженному тону главы государства, обильно приправили факты клеветой.

Вообще-то, это исключительное событие, когда глава государства выходит на прямую связь и лично звонит по телефону. Более того, до этого случая такого вообще не было. Нурекен сам строго придерживался принципа не оказывать какого-то давления на суд и требовал это от других. А давешняя обида, безусловно, говорит о его крайнем огорчении. У А.И. Кравченко душа ушла в пятки. Его аж трясло всего, еле-еле слова выговаривал. Чувствовалось, что готов заплакать. Сильно испугался. Похоже, Президент и в самом деле был порядком разгневан под впечатлением полученных сведений.

— Не знаю, что и делать, Максут Султанович. Генеральная прокуратура выносит дело на президиум. Как мне поступить с их протестом? — спросил совета Александр Иванович.

— Ладно, если дело обернулось таким образом, даст Аллах, через пару дней или даже завтра, нет, послезавтра я приеду. Сам буду руководить заседанием президиума.

Как и обещал, прилетел в Астану. Снова тщательно и внимательно рассмотрели все факты по делу на президиуме, оставили прежние решения в силе и попытались разузнать, откуда пошли слухи.

В конце концов выяснилось, что подлил масла в огонь и расписал ситуацию, не жалея черных кра-

сок, один из многочисленных советников главы государства — некто господин М. Тимкин, известный юрист, который в свое время был заместителем председателя Государственного комитета по приватизации. В докладной записке Президенту он писал:

“По Вашему поручению на основе судебных и других материалов, в том числе и документов, предоставленных акимом Карагандинской области, мною было рассмотрено письмо председателя Казахстанского инвестиционного фонда, созданного в Малайзии, господина Т. Азми. Предыстория такова: в феврале-марте 1997 года АООТ (акционерное общество открытого типа) “Карагандацемент”, заводы которого простаивали свыше полутора лет, объединившись с другими акционерами, создало два ЗАО (закрытых акционерных общества) — “Карагандацемент” и “Карагандаконтракт”. В качестве паевого взноса АООТ “Карагандацемент” внесло имущество своих заводов и на его стоимость приобрело акции дочерних предприятий. Приказом Карагандинского областного управления юстиции от 4 апреля 1997 года ЗАО “Карагандаконтракт”, а второе ЗАО — приказом от 29 октября того же года, были зарегистрированы и внесены в государственный реестр юридических лиц.

Через год, а именно в мае 1998 года, их владельцы, поняв, что своими силами запустить заводы им не удастся, продали 100 процентов принадлежащих им акций компании “Централ Азия цемент”, созданной Казахстанским инвестиционным фондом в Малайзии. Инвестор, вложив в предприятия собственные средства, запустил производство и заново открыл 1300 рабочих мест. Выплатил рабочим долги по зарплате, а также взял в свои руки регулярное осуществление мероприятий по решению социальных проблем жителей города. Если в прошлом (1998) году компанией было произведено 150 тысяч тонн цемента, то в нынешнем (1999) запланировано произвести 250 тысяч тонн. Таким образом, про-

изводство стабилизировано, рынок сбыта товара расширен, налоги регулярно выплачиваются.

Однако компания-основатель — АОТ “Караганда-цемент”, весной 1998 года терпит банкротство. Его основными долгами посредством крупного дисконта (через снижение стоимости валюты) завладевает ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью) “Стройсервис” и заявляет свои требования о признании незаконным решения о регистрации вышеупомянутого ЗАО, находящегося в собственности иностранного инвестора.

В феврале-мае того же года было вынесено несколько решений областного суда, а впоследствии, 20 мая 1999 года, принято постановление президиума Верховного Суда РК. В соответствии с ними, государственная регистрация двух ЗАО признана незаконной. А Карагандинскому областному управлению юстиции дано указание вывести их из государственного реестра; рекомендовано также произвести обратный двусторонний обмен и вернуть имущество ЗАО их учредителям.

Все судебные инстанции свои решения основывают на нарушении закона в момент создания ЗАО. Это действительно так, что были допущены процессуальные и другие нарушения. Но самое главное — ни одна из судебных инстанций не выполнила в должном порядке вмененных ей обязанностей, то есть не защищала равноценно соответствующие права и интересы всех причастных к этому делу сторон, упустив из своего внимания клубок сопутствующих проблем. Судебные решения сформулированы так, будто в этом деле есть только интересы кредиторов, ЗАО созданы лишь вчера, а зарубежный инвестор к тому времени еще не стал собственником заводов и не понес в течение года никаких затрат. Эту ситуацию точно характеризует определение: “Внешне все верно, ну а на самом деле это издевательство над законом”.

В данном случае суд обязан был защитить в первую очередь права инвестора, очень полезного и для государ-

ства, и для области, и для сотен рабочих предприятия, к тому же необходимого и честно работающего. Принимая решение об обратном двустороннем обмене, Верховный Суд должен был проявить сильную обеспокоенность, наряду с требованиями кредиторов, и о средствах иностранного инвестора. Так как, в отличие от ТОО "Стройсервис", инвестор потратил средства не на сомнительную скупку долгов, а на возобновление производства, последовательно занимался его развитием и социальными проблемами рабочего города. Однако он остался беззащитным перед судом и государственными структурами. В итоге имущество заводов, причитающееся иностранному инвестору, решением суда было возвращено АООТ "Карагандацемент". Таким образом, 20 июля под официальным "предложением" банкротства АООТ это имущество было выставлено на аукцион и приобретено фирмой "Бутя".

По мнению акима Карагандинской области М. Есенбаева, происшедшая ситуация нанесет вред не только инвестору, а в первую очередь, самим предприятиям, до этого простаивавшим свыше двух лет без работы, и жителям города Актау. Если решение проблемы затянется до осенне-зимнего периода, то появится угроза непоправимых последствий. Аким опасается, что в связи с вышеназванными обстоятельствами производство на предприятиях забуксует, а то и вовсе остановится. По-моему, у него есть все основания так думать. Если положение не исправится, бесспорно, так и произойдет.

Чтобы ситуация не уперлась в тупик, областной аким, используя собственные полномочия, запретил в настоящее время смену руководства предприятием. Но долго это продолжаться не может. Потому что распоряжение и действия акима не основываются на законе. Для тщательного выяснения всех обстоятельств происшедшего было бы уместным, чтобы в дело вмешался, в первую очередь, Генеральный прокурор и вре-

менно приостановил силу принятых судебных решений. Немного раньше аким области внес в Правительство предложение о возможном исправлении данной ситуации, поскольку для окончательного и справедливого решения вопроса требуется участие Правительства, а также его структур.

Выводы и предложения. Этот скандал сильно мешает работе государственных органов. Было бы уместным, если бы Президент использовал его для проведения "показательных уроков".

Сам я уверен, что на все государственные органы, рассматривавшие этот вопрос, в том числе и суды, оказали влияние причастные к этому спору, такие очень авторитетные в Казахстане структуры, как фирма "Бутя" и "Казкоммерцбанк". Фирма "Бутя" взяла под свое крыло деятельность ТОО "Стройсервис", а "Казкоммерцбанк" выступил в скрытой роли банковского поручителя участников аукциона по продаже имущества. Конечно, трудно найти неопровержимые доказательства того, что долги были скуплены, чтобы воспользоваться ситуацией банкротства сегодня, когда пришел иностранный инвестор. Однако точное совпадение этих событий по временным срокам нас несколько настораживает. В адресованном Вам письме господин Азми пишет, что объявит на весь мир об используемых фирмой "Бутя" и "Казкоммерцбанком" приемах, о том, каким бессовестным образом они зарабатывают прибыль — отбирая у иностранных инвесторов большую часть причитающегося им возврата. Мне кажется, он очень верно говорит. Однако наши бизнесмены не берут это во внимание.

Поэтому, я считаю, первый урок, который Президент может преподать казахстанским бизнесменам, должен быть посвящен тому, что деловая репутация всегда выше какой-то удачной материальной выгоды. Первоначальная эпоха накопления капитала (время использования всевозможных приемов и хитростей, среди

которых были и сомнительные) ушла безвозвратно, тот, кто этого не понимает, проиграет в долгосрочном будущем.

Второй урок могли бы получить рассматривавшие этот спор государственные и судебные органы. Во время принятия решений они никогда не имеют права поддаваться чьему-то прямому или косвенному влиянию, и ничей авторитет над ними не должен довлеть. Самыми главными для них должны быть общественные и государственные интересы. При защите этих интересов нельзя подрывать закон или его отдельные статьи. Если бы в рассматриваемом ими споре все проблемы и законы учитывались бы не отдельными блоками, а в общем комплексе, то названное событие не имело бы места.

Ну а результат третьего урока Президента необходим всему обществу. В Конституции нашей страны написано, что государство защищает частную собственность. Но для большинства это до сих пор всего лишь декларация. Многие люди до конца не осознают введшегося за столетия в нашу кровь понятия о святости частной собственности. Мне кажется, главная причина сложившегося положения — в переделе частной собственности. Действия по ее периодическому перераспределению часто исходят со стороны Правительства и всевозможных государственных структур. Об этом без умолку шумят международные средства массовой информации.

На западе, любой чиновник или политик, который до решения суда заявит перед общественностью “такой-то имярек незаконно стал хозяином частной собственности”, лишится своей дальнейшей карьеры. У нас же подобными заявлениями многие люди делают собственную карьеру. Довольно часто и большие руководители громко сообщают: “Такой-то человек в незаконном порядке стал владельцем собственности, это надо исправить, мы направили необходимые материалы в прокуратуру либо в суд, для того чтобы вынесли со-

ответствующее решение". Во-первых, это "указание" на то, как должен поступить суд, является давлением. Во-вторых, подобное поведение сродни призыву, обращенному к бессовестным чувствам той части общества, которая готова схватиться за частную собственность.

Если мы сумеем преодолеть такую безответственность, то это будет успешным шагом в сторону цивилизованного общества.

***Заключение.** Все случившееся неприятно отразится на взаимоотношениях с Казахстанским инвестиционным фондом. Судя по словам господина Азми, идея о создании такого фонда родилась после Вашего визита в Малайзию. Акции фонда ценятся на Дублинской фондовой бирже. Недобрая молва о ситуации, с которой столкнулся фонд, нелицеприятна для Казахстана. Мы порой не придаем значения, не принимаем во внимание, какими последствиями чреватые такие истории для установившегося инвестиционного облика нашей страны.*

Считаю правильным взять изложенное дело на учет, принять председателя фонда по его просьбе и дать необходимые указания компетентным органам по справедливому разрешению этого конфликта. Такая встреча еще раз ярко продемонстрирует, что Президент всячески защищает рыночные завоевания и выступает надежным гарантом законных прав инвесторов".

Официальное письмо. Хотя читал я его не спеша, призывая себя к разуму и терпению, но содержащиеся в нем слова лжи, которые проникали в самую душу, не позволили мне сохранить спокойствие. Особенно сказанное в адрес судебных органов: "...были допущены процессуальные и другие нарушения"; "...не выполнила в должном порядке вмененных ей обязанностей"; "...не защищала равноценно права и интересы всех причастных"; "...это в истинном смысле издевательство над законом", — подобные строки словно иглы вонзались в сердце. Кроме того, искус-

ственно раздутые преувеличения, которыми пронизана записка, действительно могли породить испуг. Например, такие: “Этот скандал сильно мешает работе государственных органов”; “В адресованном Вам (Н. Назарбаеву) письме господин Азми пишет, что объявит на весь мир об используемых фирмой “Бутя” и “Казкоммерцбанком” приемах, о том, каким бессовестным образом они зарабатывают прибыль — отбирая у иностранных инвесторов большую часть причитающегося им возврата. Мне кажется, он очень верно говорит”; “Акции зарубежного фонда ценятся на Дублинской фондовой бирже. Недобрая молва о ситуации, с которой столкнулся фонд, нелицеприятна для Казахстана”.

Еще хуже, когда автор письма такими словами, как: “Сам я уверен, что на все государственные органы, рассматривавшие этот вопрос, в том числе и суды, оказали влияние причастные к этому спору, такие очень авторитетные в Казахстане структуры, как фирма “Бутя” и “Казкоммерцбанк”, — не останавливается перед готовностью оклеветать и очернить. Подоплека видна и слепому. Если фирма “Бутя” и “Казкоммерцбанк” оказывают влияние на суды, то, выходит, судьи сбились с праведного пути, подобно тем ангелам, что польстились на золото. Но где доказательства этому? Предположения и догадки никогда не служили уликами, и служить не будут. А тут одни слухи, сплетни и недостойный вымысел, граничащий с клеветой. Людей, которые делятся такими мыслями и распространяют такое мнение, народ называет провокаторами.

Подспудное желание М. Тимкина, явно сочувствующего иностранному инвестору, — зажечь искру и поссорить Президента с судебными органами, и оно ясно прослеживается в его лживых восхвалениях и лести: “идея о создании такого фонда родилась после Вашего визита в Малайзию; “встреча с господи-

ном Азми еще раз ярко продемонстрирует, что Президент всячески защищает рыночные завоевания и выступает надежным гарантом законных прав инвесторов”.

Однако этими высказываниями М. Тимкин явно проявляет и свою открытую озабоченность интересами иностранного инвестора. То есть стремится каким бы то ни было способом спровоцировать давление Президента на Верховный Суд и повернуть в итоге дело в пользу господина Азми, причем делает он это, дождавшись моего ухода в отпуск. Его умысел — породить мнение, что, решив спор нужным образом, я благодаря “Буте” отдыхаю теперь за границей.

После этого события я крепко задумался. Хотя глава государства мне и не позвонил, слова, сказанные им А.И. Кравченко, все равно предназначались мне. Поэтому решил не пороть горячку и сел за основательный ответ на провоцирующее панику письмо М. Тимкина, который, по-видимому, намеревался этой запиской “срубить, если не тополь, то хотя бы ветку”.

Понимая, что мое письмо через Президента обязательно попадет и к самому М. Тимкину, я написал его на чисто русском языке, стараясь полностью раскрыть подоплеку его действий. Вот оно.

*“Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву.
Уважаемый Нурсултан Абишевич!*

В последнее время в деятельности отдельных должностных лиц высокого ранга наблюдается тенденция, путем обращения к Вам, обвинить Верховный Суд в вынесении заведомо неправосудных решений по конкретным делам. Не анализируя причины этого заявления, считаю обязанным известить Вас о том, что они в своей информации, в корне искажая действительные обстоятельства дела, пытаются дезинформировать Вас. О некоторых таких фактах я Вам устно докладывал.

Особенно беспокоит меня то, что такая информация начала исходить из Вашего ближнего окружения. Я имею в виду записку уважаемого мною М. Тимкина по письму г-на Т. Азми, которая полна лжи.

Первая ложь — автор записки скрыл, что инициировал судебный иск по данному спору прокурор Карагандинской области, а представители Генеральной прокуратуры во всех судебных инстанциях, вплоть до Президиума Верховного Суда, поддерживали все свои исковые требования, в том числе и возврат имущества.

Не вникая в причину обращения в суд прокурора, а не самих истцов, следует отметить, что иск прокуратуры в интересах кредиторов АООТ (акционерное общество открытого типа) “Карагандацемент” как по форме, так и по сути вполне обоснован действующим законодательством.

Вторая ложь — сказав, что в результате судебных решений имущество заводов, принадлежавших иностранному инвестору, возвращено АООТ “Карагандацемент”, автор записки скрыл от Вас, что к моменту принятия судебного решения о возврате имущества 69,13 % акций АООТ “Карагандацемент” принадлежали иностранному инвестору в лице ОАО (открытое акционерное общество) “Central Asia Cement”, 10 % — трудовому коллективу, который по имеющейся информации на стороне новых владельцев, а остальная часть акций — нескольким ИПФ (инвестиционным приватизационным фондам). Никто до сегодняшнего дня не оспаривает законность создания АООТ “Карагандацемент”, а также выкуп 69,13 % акций “Central Asia Cement”. То есть судом имущество передано, фактически, тому же инвестору.

Третья ложь — автор записки, сам подтверждая нарушения законности (л. д. 2), допущенные при создании ЗАО, то есть соглашаясь с законностью судебных решений, путем искаженного толкования подлинного назначения суда, практически обвиняет суды в непри-

нятии незаконного решения в пользу инвестора, не говоря при этом о самом главном. А именно, сам факт признания недействительным создания АОЗТ (акционерное общество закрытого типа) не лишало права "Central Asia Cement" как основного владельца акциями и имуществом узаконить свой статус путем исправления ошибок, допущенных ранее при создании АОЗТ. Для этого, соблюдая все требования закона и устава, надо было, всего-навсего, созвать собрание акционеров АОЗТ, принять новое решение о создании АОЗТ (или другой структуры), зарегистрировать его в органах юстиции и продолжать работать. Они сейчас этим и занимаются, согласившись с моим советом, высказанным на совещании у Калмурзаева, проведенном по результатам проверки фактов, изложенных в записке М. Тимкина.

Вместо этого, автор записки продолжает обвинять суды в том, что над ними довлело участие в этом конфликте таких авторитетных структур, как "Бутя" и "Казкоммерцбанк". При этом умалчивается и то, что судебные дела по банкротству АОЗТ абсолютно не взаимосвязаны с упомянутым выше спором.

Мое объяснение:

Самая главная причина случившегося в том, что неграмотно сработал сам инвестор (его юридическая служба), который после первого решения Президиума Верховного Суда должен был оперативно провести организационные мероприятия, о которых я упомянул выше. Вместо этого, он, теряя время, продолжал необоснованно жаловаться на законные решения судов, чем воспользовались другие. Вместо того чтобы правильно проконсультировать их, своими абсолютно необоснованными выводами и предложениями "подогрел" обстановку и М. Тимкин.

Не говоря о том, что незаслуженно обвинены в коррупции судьи, изложенное привело к очень нежелательному прецеденту, когда специально созданная комиссия, давая оценку вступившим в законную силу, не отмененным в законном порядке решениям суда, невольно вы-

полнила функции надсудебного органа, что противоречит положениям нашей Конституции и законов.

Уважаемый Нурсултан Абишевич!

Данное мое письмо прошу принять не как поступок, преследующий цель оправдаться. Я всегда готов принять от Вас любое наказание за упущения в работе". Далее, завершая свое письмо, я перешел на государственный язык и добавил: "В последнее время стали появляться люди, которые, называя белое черным, готовы, как у нас говорят, "снести голову, если скажут состричь волосы". Используя любую появившуюся возможность, они стремятся "снести эту голову", если не сами, то стараясь принудить к этому других. Надеяться на то, что люди подобного склада вообще исчезнут из нашей жизни — конечно, пустая мечта. Но я прошу Аллаха, чтобы таких становилось как можно меньше, а в Вашем окружении вообще не было. Именно это — основная цель данного письма! 20.08.1999 г."

Мое письмо дошло до главы государства. Пусть от него и не поступил специальный ответ, но зато я узнал, что М. Тимкин позже ушел работать в другую сферу.

НАРОД — ОПОРА ЯЗЫКА

Ораз: Закон о языке вышел в 1997 году, а его новый вариант — в 2001 году. Существуют ли проблемы в деятельности судов, вообще в юридической сфере, связанные с государственным языком?

Максут: Если взять с общегосударственной и правовой точек зрения, то, я считаю, что никаких проблем с позиций права и в Законе о языке, и в нашем Основном Законе — Конституции, нет. Вся загвоздка — в самой реализации Закона "О языке".

Ну а если обратиться к работе судов, то в этой сфере и раньше, и в настоящее время никаких про-

блем не было. Например, судебное дело и прежде рассматривалось, по необходимости, и на русском языке, и на казахском языке. Так происходит и поныне. Вдобавок к этому, в тех районах, где кучно проживают представители национальных меньшинств, судопроизводство может вестись на языке национальных меньшинств, и оно ведется. Судьям, которые не владеют языком, помогают в таких случаях переводчики. То есть и с этой стороны проблем нет.

По-моему, Ораз, все проблемы относительно языка упираются в одно. Я думаю, в нас самих — в казахов. Надо сказать правду, во времена советской власти не только один казахский народ, но и все другие нации, входящие в Советский Союз, сосредоточили все свое внимание на русском языке как на основном общегосударственном. В этом направлении были воспитаны представители двух поколений. Конечно, ничего плохого мы от этого не видели. И культура наша, и наука только выиграли, расширился и круг знаний. Открылись в народе источники талантов. Правда, наш родной язык оказался в тени. В молодом поколении появилось безразличие к нему. Хорошее знание русского языка требовалось и для поступления в высшие учебные заведения, и для работы на престижном месте, более того, оно стало жизненной необходимостью. В итоге к тому времени, когда наша страна обрела независимость, стала суверенным государством, подавляющее большинство представителей двух поколений, выросших за семьдесят лет советской власти, освоили русский язык, являвшийся во времена Союза государственным, так же хорошо, как и родной. В особенности это касается представителей младшего поколения, то есть наших детей, по сути, ставших русскоязычными. Поскольку время не стоит на месте, уходят и наши дни — пора расцвета старшего поколения, а на руково-

дящие посты стали все чаще приходиться наши дети, получившие образование и воспитание на русском языке. Где-то примерно в течение предстоящих десяти лет мы полностью уступим свои места молодому поколению. Вот тогда по-настоящему и познаем “господство” русскоязычной речи. Это одна сторона проблемы.

Если взглянуть с исторической точки зрения, то наше суверенное государство переживает в настоящее время очень суетный, насыщенный событиями период. В такую пору самое ценное — время, время на вес золота. Чтобы сэкономить его, мы же сами, когда хотим что-то втолковать своим детям, и даже внукам, предпочитаем пользоваться не родным языком, который им не всегда понятен, а русским, нетрудным для нас и доступным для них. Правда, нельзя утверждать, что сплошь все в народе поступают так же, однако, я бы сказал, довольно многие, в особенности рабами такой привычки стали в большинстве своем городские жители. Похожее происходит и на службе.

Ну а специалисты по языку и литературе, подобные тебе, находятся сегодня в авангарде движения за сохранение и подъем авторитета государственного языка. Думаю, это проявление естественного чувства самосохранения. Всегда, во все времена опорой языка был сам народ. Ну а у нас пока что ограничиваются призывами и лозунгами, а когда доходит до реализации в жизнь конкретного закона, проявляют апатию. Хорошо ли человек знает язык, складно ли на нем говорит, либо вовсе его не знает, “отставляет в сторону” родной язык и начинает изъясняться по-русски, порой так, что и понять трудно. При общении с русскими или представителями другой национальности это, конечно, правильно, но на кого мы переложим вину, когда казах разговаривает по-русски с казахом?

Иными словами, я считаю, только тогда языковая политика будет успешно реализована, когда наш родной язык станет необходимостью, в первую очередь, для самих казахов. То есть, чем попусту трубить в трубы и шумно призывать, необходимо расширить сферу употребления языка, начиная с собственной семьи, с каждого казаха и далее. Вот так, постепенно, и нужно зародить потребность в родном языке.

Кажется, в одном из хадисов пророка Мухаммеда есть такая мудрость: “Вину ищи прежде всего в себе”. Поэтому каждый казах должен взглянуть критическим взглядом на самого себя и в первую очередь сам говорить на родном языке. Во-вторых, всем известно, что в программе развития до 2030 года Президент заявил о необходимости использования в нашем государстве к 2030 году трех языков. А значит, мы, казахи, должны стремиться к тому, чтобы к названному сроку стать трехязычной нацией. Естественно, государственный язык сохранит свои права. Вместе с тем, и русский язык нам крайне нужен. Будем искренни, мы не можем утаить того, что доступ к всемирной культуре, к мировой науке, к мировой цивилизации мы получили только благодаря русскому языку. В свое время волею судьбы наше государство, в силу своей немощи, не сумело встать в один ряд с окружающими его сильными державами, более того, попало в колониальную зависимость от России. Через некоторое время дети нашего народа, которому изменила удача, стали посещать открытые повсюду царской администрацией школы, учиться и общаться на чужом языке. А так как казахский язык был совершенно не нужен такому мощному государству, как Россия, напоминающая птицу Самрук*, то гра-

* С а м р у к — хищная птица гигантских размеров из восточной мифологии.

ницы его применения невольно сузились до рамок семьи и бытового уровня.

Установление советской власти также не открыло широкое поле для употребления нашего языка. Приедет из Центра какой-нибудь русский представитель — и на любом проводимом собрании участвующие в нем сто, а то и тысяча казахов, вынуждены были, путаясь и запинаясь, выступать по-русски. Постепенно мы стали использовать русский язык как первую ступень, ведущую к ознакомлению народов мира с нашим искусством слова — литературой. Такие поэты и писатели, как Мухтар Ауэзов, Ануар Алимжанов, Олжас Сулейменов, стали известны мировой общественности не через родной язык, а через русский. И Мухтар Шаханов, который пришел в литературу немного позднее, раздвинул горизонты своей популярности, когда стал переводить свои стихи и баллады на русский язык. Поэтому, если наш народ будет, наряду со своим родным языком, с уважением относиться и к русскому языку, то он ни в чем не проиграет. Ну а третий язык, на который указывает Президент в программе Стратегия—2030, — это английский, один из языков практически любого развитого государства. Во всяком случае, коли мы станем народом, в совершенстве владеющим тремя языками, может, и не обгоним, но уж точно не отстанем от передовых народов мира. Если помнишь, в государственной программе использования и развития языков, ориентированной на 2001—2010 годы, есть такие строки: “В целях обеспечения использования государственного языка в качестве языка государственного управления следует обеспечить его применение как основного языка делопроизводства во всех государственных организациях и местных органах самоуправления посредством совершенствования нормативно-правовой базы и выработки календаря (с обозначением конкретных сроков и мероприятий) перехода делопроизводства на государственный язык”. Это, конечно-

но, всего лишь взятое направление, курс, программа. Но, повторяю еще раз, как мне думается, языковая политика успешно осуществится только тогда, когда казахский язык будет востребован, и, прежде всего, самими казахами. Поэтому, вместо того чтобы сеять панику возгласами типа “Наш язык умирает, наш язык истребляется!”, правильнее претворять в жизнь обозначенный курс, принятую программу, и начинать это каждый казах должен с себя, со своей семьи. Необходимо с раннего возраста приучать собственных детей и внуков говорить по-казахски и превратить это в общенародную традицию. Лишь тогда возникнет насущная потребность в родном языке, лишь тогда появится почтение к нему. По-моему, в одной из сур “Коран-Карима” есть такое наставление нашего создателя Аллаха: “Я дал человеку все. Остальное зависит только от него самого”. Нам ни в коем случае нельзя забывать об этом.

Я ставлю цель достичь трехязычия перед студентами нашего университета. Сейчас у нас работают кафедры казахского, русского и иностранных языков. Для обучения языку прекрасно оборудованы специальные кабинеты. Даст Бог, через 5-6 лет наши выпускники будут выходить из стен университета трехязычными специалистами. Дети представителей других национальностей должны научиться государственному языку со школьной скамьи, а наши братья, я считаю, обязаны знать свой родной язык. Но главная цель — трехязычие. Лишь в этом случае мы, никому, никогда и ни в чем не уступая по уровню, вольемся в число самых развитых стран мира.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДА — ГАРАНТ ПРАВОСУДИЯ

Ораз: В ряде интервью, данных моим коллегам, ты заявил: “С поста председателя Верховного Суда я

ушел по собственному желанию”. Поскольку сам так сказал, нет оснований тебе не верить. Но спросить я хотел совсем не об этом, а совершенно о другом. Кто пытался подчинить суд в угоду себе, были ли у тебя такие моменты, когда высокопоставленные должностные лица, облеченные властью, оказывали на тебя давление, стараясь, образно говоря, воткнуть нож в самое слабое место?

Максут: Если следовать истине, то в период моей работы в Верховном Суде были ситуации, когда свою силу стремились продемонстрировать мне и само правительство, и даже премьер-министр. Другими словами, пытались своими действиями заставить меня сдать под нажимом позиции, согласиться на уговоры и идти у них в поводу. Однако я не брал их слова в голову. Подчинялся и поклонялся только Закону. У главы государства есть одно замечательное достоинство: ни разу за те четыре года и один месяц, которые я провел на посту председателя Верховного Суда, он не вызывал меня к себе и не звонил по телефону для того, чтобы сказать: “вот это дело ты разреши таким образом”. А ведь в процессе судопроизводства к нему на прием приходило множество людей, писали письма с жалобами, апеллировали. По возможности, он их принимал, выслушивал. А потом сообщал мне и произносил всего одну фразу:

— Дело становится шумным. Тщательно рассмотри его в соответствии с законом и прими справедливое решение!

Вот такое особенное, я бы сказал, выдающееся качество, которое отличает нашего Президента.

Однажды в тот же период ко мне пришел премьер-министр Н. Балгимбаев. Дал указание пересмотреть дело, по которому уже было принято справедливое решение. Кроме того, сообщил, что того же мнения придерживается и Президент. Я почувствовал, что это не так, и объявил ему:

— В таком случае возьму дело, отправлюсь к Президенту и все ему объясню.

От неожиданности премьер-министр даже вздрогнул. Поэтому я не стал развивать дальше разговор, случившийся между нами.

Не стану распространяться о том, как в первые годы моего председательства в Верховном Суде на меня пытались оказать влияние отдельные министерства. Остановлюсь на другом. Случались моменты, когда в определенных обстоятельствах правительство проигрывало хозяйственные споры частным предприятиям, причем в законном порядке. Поскольку дела тщательно разбирались до меня, начиная с того дня как стал председателем, я посчитал излишним снова углубленно изучать подобные споры, не сомневаясь в правосудности принятых решений, и был в этом непоколебим. Поэтому члены правительства стали оказывать на меня давление. Приведу один пример. Тогдашний вице-министр Ораз Джандосов в интересах Министерства финансов пошел на незаконие, а поскольку мы его действия не одобрили, написал открытое письмо в адрес нашего Президента, где заявил: “Верховный Суд принял незаконное решение, отменив наше постановление и выступив против нашей программы”.

В то время секретарем Совета Безопасности был Бексултан Сарсеков, ему Президент и поручил проверить это заявление, собственноручно написав в верхнем углу письма указание: “Пригласи правительство, Нарикбаева и выясни ситуацию”. Получив задание, Б. Сарсеков позвонил мне и сообщил:

— Максут Султанович, поступило такое вот заявление, Президент поручил мне тщательно разобраться в деле. Члены правительства уже сидят у меня, вы тоже приходите.

— Хорошо, приду! — ответил я.

Чувствую, уже одно это — своего рода давление. Речь не о телефонном звонке и приглашении Б. Сар-

секова, а в явившихся по делу людях из правительства. Их умысел — хорошенько меня проучить и заставить смириться. Что делать — отправился. Прихожу, а во главе стола уже расположились первый вице-премьер А. Павлов, О. Джандосов, недавно ставший министром финансов, и еще пара людей из правительства. Я сел на свободный стул в нижней части стола. По-видимому, даже это призвано было усмирить меня. Пробежался взглядом и понял, что перед Б. Сарсековым лежит заявление О. Джандосова. Взяв его в руки, секретарь Совета Безопасности обратился ко мне:

— То, что мы встретились здесь, и в таком составе, наши коллеги считают правильным, Максут Султанович. Ну, с чего начнем разговор?

Уверенный в том, что правда за мной, я сам вызвался говорить:

— Можно мне?

— Пожалуйста, — разрешил секретарь.

— В этом заявлении затронуты 5-6 конкретных дел, — начал я. — Если вы, господа, учините мне допрос по конкретным решениям, я буду считать это давлением со стороны членов правительства на председателя Верховного Суда. Подобное возмутительно! Вы тут собрались, как члены правительства расположились повыше, меня усадили у порога и пытаетесь схватить за глотку: почему, мол, ты решил дело таким образом? Хочу напомнить: подобные действия группы правительственных руководителей являются покушением на независимость суда, провозглашенные в нашей Конституции. Если вы надеетесь поставить председателя Верховного Суда на колени и вынудить его выполнить ваши указания, то в ответ на ваши надежды я вызову сюда отечественных и зарубежных журналистов и дам им интервью о происходящем.

Я не собираюсь давать вам отчет по каждому делу, рассмотренному Верховным Судом, да и не обязан

его давать. Некоторые из упомянутых дел уже рассмотрены, по ним принято постановление президиума. Так что решал не я один. Наряду со мной, проголосовали и восемь членов президиума. Поэтому изменить решение я не в силах. Вы проиграли в порядке закона.

Ну а несколько дел вообще не разбирались. На каком основании вы, написав жалобу по еще не рассмотренным делам, вызываете меня сюда и требуете держать ответ? Эти дела будут разбираться либо завтра, либо послезавтра. Может быть, правы окажетесь вы, а может, дело выиграют ваши противники. Я вам не оракул, который может предсказать их исход. Вы хотя бы понимаете, что своей грубой бестактностью наносите мне моральный урон?!

Смотрю, а у всех присутствующих глаза выкатились от испуга. Рты не могут разомкнуться. Лишь сидящий выше всех А. Павлов нарушил молчание:

— Максут Султанович, мы все-таки решаем государственные дела.

— В таком случае, выходит, Верховный Суд в своих решениях не преследует государственные интересы? На каком законном основании вы так считаете? Где доказательства? Ведь и у вас были выигрышные случаи, почему же они являются законными, а те, в которых вы проиграли, должны быть незаконными? Во имя чего Верховный Суд обязан поддерживать ваши незаконно принятые решения? Такого не будет, господин Павлов! — все больше напирал я.

— И все-таки, — немного растерянно ответил он. — Разве у вас не должна быть особая взаимосвязь с правительством, взгляд на его работу под несколько другим углом зрения?

— “Перед законом и судом все равны”. Если вы забыли, то напомню: эти слова из статьи 14 нашего Основного Закона — Конституции. Когда дело поступает в суд, для судей и высокопоставленные дол-

жностные лица, и рядовые граждане равны в своих правах. Давно уже пора, господа, забыть методы партийного диктата, которые применялись в эпоху советской власти! — добавил я и вышел.

В нашем народе есть одна замечательная, простая, но очень точная пословица: “Испуганный первым пускает в ход кулаки”. Со мной случилось еще одно любопытное событие, которое напомнило мне эту пословицу. Как-то мне позвонил глава государства:

— Максут Султанович, тут на вас премьер-министр жалуется.

Всего одна фраза, но я сразу понял, из-за чего Н. Балгимбаев поднял шум. Дело в том, что незадолго перед этим возник крупный спор из-за Павлодарского нефтеперерабатывающего завода. Его рассматривал Павлодарский областной суд и решил дело не в пользу правительства, а в пользу предпринимателей. Правительство, недовольное этим решением, подало исковое заявление, адресованное на мое имя. Поскольку не подошла очередь, этот иск не был еще рассмотрен. Н. Балгимбаев, заподозривший неладное, пожаловался Президенту: “Верховный Суд под руководством М. Нарикбаева собирается вынести определение, направленное против правительственного решения, которое приведет к проигрышу правительства в спорном деле. И тогда один из крупнейших наших заводов перейдет в руки нечистоплотных иностранных дельцов”.

Я не стал долго раздумывать и тут же ответил Президенту, стараясь сохранять выдержку:

— Нуреке, во-первых, дело еще не рассмотрено. Для того чтобы сделать по нему заключение, требуется некоторое время. Если необходимо, я прямо сейчас приду к Вам и все объясню.

Нурсултан Абишевич принял предложение и пригласил меня к себе. Вот так, неожиданно, мне пришлось предстать перед нашим лидером и подробно,

от начала и до конца, доложить о ходе дела. В завершение я сказал:

— Теперь этот спор будет рассмотрен президиумом Верховного Суда. В его составе девять известных Вам членов. Какое они примут решение, я не могу сказать заранее. Ну а загодя сеять панику, заявляя, что Нарикбаев собирается поступить определенным образом, когда дело еще не рассмотрено и решение не принято, со стороны Н. Балгимбаева ошибочно. Это доказательство того, что он хочет оказать давление на Верховный Суд.

Нурекен внимательно выслушал меня и сказал:

— Я не собираюсь ничего диктовать, решай все по закону!

Через несколько дней дело было рассмотрено, и решение принято. Правительство в лице Н. Балгимбаева его проиграло.

Прошло еще около месяца, и при очередной встрече Нурекен сказал мне:

— Максут, то ваше решение было очень справедливым, зарубежные и независимые средства информации всю его расхваливают.

Я поблагодарил Президента за теплое, благосклонное внимание к моей персоне.

Ораз: Максут, судя по твоему рассказу, ты всегда в первую очередь ценил правосудие и ни на шаг от него не отступал, какие бы ситуации ни происходили. Явственно следует и другое: наш Президент честно и преданно стремится способствовать укреплению судебной системы и ее безукоризненной работе. Видимо, такое дружное единство, такая крепкая солидарность бывают тогда, когда во главе угла общее дело?

Максут: Ты и сам хорошо знаешь, сейчас мы находимся на стадии создания правового государства. Эта работа требует реформирования всей системы юстиции, в том числе и судов, и всех правоохранительных органов. Потому что доставшаяся нам в на-

следство старая судебная система в новой ситуации непригодна для всеобъемлющего исполнения возложенных на суды обязанностей. Система правосудия, которая на протяжении долгих лет действовала только по указке партии, не приемля рыночных процессов, порожденных ими взаимоотношений собственников, а также появившегося предпринимательства, порою дает сбой. А разве можно сохранить законность, если осуществление правосудия не соответствует требованиям прогресса?

В нашей новой Конституции, которая была принята под прямым руководством и при непосредственном участии главы нашего государства Нурсултана Абишевича Назарбаева, не только распределены функции законодательной, исполнительной и судебной власти, но нашло свое отражение и решение основных, принципиальных вопросов реформирования системы права. Указ Президента, имеющий силу Конституционного закона, "О суде и статусе судей в Республике Казахстан" от 20 декабря 1995 года поставил точку в дискуссии вокруг данных вопросов. Этот документ, если взять в целом, является смелым шагом на пути реформирования судебной системы. Он, бесспорно, не только поднял авторитет работы судов, которые признаны законом одной из ветвей государственной власти, но и повысил эффективность их деятельности. Указ был серьезно скорректирован и усовершенствован Законом "О судебной системе и статусе судей", принятом в декабре 2000 года. В настоящее время суды, в соответствии с этим законом, независимо, несмотря на попытки всякого рода чиновников повлиять на их деятельность, осуществляют порученную им власть, повинуюсь только закону. Ну а все государственные органы, учреждения, должностные лица и рядовые граждане во всех регионах республики обязаны исполнять вынесенные судами решения, приговоры и другие постановления. Их

неисполнение равносильно проявлению неуважения к суду, что, согласно закону, позволяет привлечь к ответственности. Перед законом и простолюдин, и “великан”, стоящий на вершине власти, равны. Никакой орган, насколько бы выше он ни стоял, не может взять на себя судебные функции. Ни у одного должностного лица и ни у одного государственного органа нет права вмешиваться в деятельность суда, оказывать на него давление либо, как в прежнюю эпоху советской власти, давать соответствующие указания. Скажу еще раз: судьи как исполнители судебной власти независимы и не могут быть смещены. Их независимость охраняется специальными законами. Судьи, их семьи и имущество находятся под особой защитой государства. На эту работу их назначает только Президент республики. Ну а судей Верховного Суда избирает сенат парламента по предложению главы государства. Этот порядок в истории нашей страны также впервые применен.

Из всего вышесказанного видно, насколько почетны и ответственны обязанности судей, осуществляющих правосудие, а также сами суды. Все это обобщено в нашем законодательстве. Ну а теперь сам скажи, когда еще в нашей истории судам предоставлялись такие полномочия?

Я нисколько не сомневаюсь, что все наши юристы понимают: подобного положения мы сумели достичь только с обретением нашей независимости, только на основе единственно верной политики в этой сфере, проводимой первым в нашей истории президентом Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым.

БЛАГОРОДСТВО КОРНЕЙ

Ораз: Максут, в своей книге “От великих биев до Верховного Суда” (стр. 17), вышедшей в свет в 1999

году в издательстве “Атамұра”, а также в статье “Законодательство и судебная власть древней эпохи” из выпущенного в 2003 году издательством “Жеты Жаргы” двухтомника “Древние законы казахов” ты писал: “Мне кажется, если собрать и систематизировать неисследованные сведения, разбросанные в разных исторических источниках, то можно точно определить, что подлинный свод законов Казахского государства “Жеты Жаргы” берет свое начало с Майкы-бия”.

Имена некоторых наших древних прадедов, правивших в далекую скифо-сакскую эпоху, еще до нашей эры, сохранила народная память, другие имена известны по историческим источникам, выбиты на древних памятниках либо сохранились в старинных рукописях. Нелишним будет их напомнить: **Таргитай** (жил примерно за 1500 лет до нашего летосчисления); **Ишпакай** (умер в 674 г. до нашей эры); **Парта-туа** (родился приблизительно в 700 г. до н. э., умер примерно в 650 г. до н. э.); **Мади** (правил в 650—625 гг. до н. э.); **Анакарыс**, или **Анахарсис** (жил приблизительно в 620—555 гг. до н. э.); **Токсары**, или **Токсарис** (родился примерно во второй половине VII века до н. э., ушел из жизни приблизительно в начале VI века до н. э.); **Тумар**, или **Томирис** (жила приблизительно между 570—520 гг. до н. э.); **Ширак-Сирак** (жил примерно в 555—518 гг. до н. э.); **Иданбарыс** (в 525—500 гг. до н. э. был великим царем скифов); **Зарина** (жила в период с конца IV века до начала V века до н. э.); **Ескиль**, или **Скил** (жил в середине V века до н. э.); **Атей** (родился до 429 г. до н. э., умер в 339 г. до н. э.); **Сыпатай**, или **Спитамен** (жил примерно в 345—326 гг. до н.э.); **Сатир** (умер в 309 г. до н. э.); **Евмель** (умер в 304 г. до н. э.); **Балак** (взошел на трон в 310 г. до н. э.); **Саймак** (жил примерно в 150—106 гг. до н. э.). Ну а в эпоху хуннов правили: **Туман** (родился между 270—260 гг. до н. э., умер в 209 г. до н. э.);

Моде (родился приблизительно в 230 г. до н. э., умер в 174 г. до н. э.); **Лаушан-Кызай** (в 174—161 гг. до н. э. был таниркутом*, правителем хуннского народа); **Елжау-би** (родился примерно в 177 г. до н. э., умер в 104 г. до н. э.); **Коянды** (год рождения неизвестен, умер в 68 г. до н. э.); **Онкай-би** (в 93—60 гг. до н. э. — верховный бий уйсуней); **Баутиан** (в 36 г. до н. э. сражался как предводитель с китайскими войсками); **Шоже** (родился между 85—77 гг. до н. э., умер в 36 г. до н. э.); **Моиншор** (год рождения неизвестен, убит в 12 г. до н. э.).

А не извратим ли мы историю, если будем считать, что все эти наши героические прадеды, цари и царицы, ханы и ханши, народные предводители, таниркуты, бии, а также великие мудрецы, народные герои, полководцы и правители последовавшей затем новой эры — времен Восточного и Западного Тюркского каганатов (V-VIII вв.), Тюргешского каганата (704—766 гг.), Карлукского каганата (766—940 гг.), государства Караханидов (940—1212 гг.), Огузского каганата (IX-X вв.), Кипчакского государства (XI в.)** - не считали нужным, ради поддержания порядка в государстве, пользоваться какими-то законами, нормами и правилами?

Максут: Твой вопрос вполне уместен и закономерен, Ораз. Говоря, что “подлинный свод законов Казахского государства “Жеты Жаргы” берет свое начало с Майкы-бия”, я хотел сказать, что наш прадед, великий мыслитель и государственный деятель Майкы-би собрал воедино доставшиеся в наследство от прошлого старинные законы и установления и аккуратно их систематизировал.

Дело в том, что истоки законодательных традиций наши ученые обнаружили в различных письменных источниках, касающихся истории существовав-

* Т а н и р к у т — буквально: “бог счастья”.

** Из книги Т. Журтбаева “Дулыға” (“Шлем”).

ших до нашей эры государств хуннов и уйсуней и каганатов новой эры — Тюркского, Тюргешского, Карлукского и Огузского; отрывки из этих источников уже публикуются.

Ораз: Ну вот, Максут, похоже, наши мысли обратились к одной и той же теме. Научные факты, о которых ты упоминаешь, и меня уже давно заинтересовали. Я увлекся малоизвестными законодательными нормами, которые существовали до “Жеты Жаргы” Аз-Тауке, появившегося позднее свода Майкы-би. Пространные отрывки найденного я переписал и дал прочесть тебе, поскольку ты являешься специалистом в юридической науке. Поделись впечатлениями.

Максут: Я внимательно и с большим интересом прочитал собранное тобой, Ораз. А читая, понял, какую цель ты преследовал. Хотел, видимо, сказать, о тесной взаимосвязи образцов дошедших до нас старинных законов с днем сегодняшним, не так ли?

И в самом деле, если углубиться в нашу историю, то нетрудно заметить, что образцы законов, родившиеся на основе устоявшихся традиций и обычаев и бурно развивавшиеся вместе с естественным общественным развитием Казахского государства еще с древней эпохи, неуклонно и непрерывно поднимались в нашем народе на высоту сознания.

Как и у других народов, формировавшихся на протяжении тысячелетий, законы, порожденные общественными явлениями в государственных образованиях казахской нации, несомненно, служили потребностям народа своей эпохи. Конечно, законодательные нормы государственных образований наших далеких предков, живших еще до новой эры, — уйсуней, канглы, хуннов — не дошли до нас в полном виде и запечатленными письменно. Однако отдельные примеры, отрывки, остаточные следы этих законодательных образцов обнаруживаются в записях

путешественников из дальних и ближних стран, в трудах летописцев и историков, послов и купцов. Уже из них совершенно ясно, что издревле в родах и племенах, в улусах и ханствах, в каганатах и других государственных образованиях наших далеких предков были свои нормы и правила, законы, которых они придерживались. Если бы в государственных образованиях саков, хуннов, уйсуней, в Тюркском, Тюркешском и Карлукском каганатах, в государстве Караханидов и Дешт-и-Кипчаке, в Золотой, Белой и Синей Орде не было своей законодательной системы, то вряд ли бы им удалось на протяжении веков господствовать в Евразии, не раз создавая великие империи, простиравшиеся от гор Алтая до берегов Адриатики, вряд ли бы они сумели сохранить целостность своей территории, свои особенности, традиции и обычаи, заставить других жить по их законам и правилам, и вряд ли бы тогда их слава гремела на весь мир и навсегда осталась в истории.

Все, что ты собрал, — доказательство этому. Какие-то сведения почерпнуты из китайских письменных памятников, какие-то — из арабо-персидских, есть свидетельства из русских, монголо-калмыцких, английских источников. Все-таки лучше поздно, чем никогда: за последние десять лет наши правоведы и ученые-историки проделали в этой области массу работы и достигли значительных научных успехов. Однако пока никто из них не включил образцы законодательных норм и установлений, рассеянных в историческом наследии, в различных источниках и письменных памятниках, в специально написанные труды или книги, чтобы сохранить для последующих поколений; не проведено их сравнение в поисках исторической взаимосвязи, да и научный анализ законодательных традиций далеко еще не исчерпан.

Мне кажется, те, кто решил познать историю и культуру нашего народа, исследовать развитие сис-

темы государственной власти и управления, институт биев, становление законодательного права, продолжив поиски законодательных образцов, могут обнаружить еще немало интересного. Иными словами, если наши ученые направят свои поиски дальше уже достаточно изученных свода “Жеты Жаргы”, устава Майкы-би и нормативной базы Чингисхана “Яса”, то есть расширят свои поиски в глубь веков, то, бесспорно, откроются и восполнятся многие страницы нашей большой истории.

Ты затронул очень важный вопрос, дружище, над которым стоит поразмыслить, может, продолжишь теперь сам? Или же оставишь в виде многоточия на долю интеллигенции?

Ораз: Максут, ты придавал такой большой смысл моему скромному труду, что разом поднял мне настроение. Благодарю тебя за доброе отношение! Ты уже вспоминал поговорку: “Сознанием правит быт”. Так и со мной, а ты, похоже, почувствовал, что я словно путник, который, отвлекшись чем-то, отстал когда-то от поезда. Мое теперешнее обращение к историческим фактам, к письменным памятникам и документальным источникам порождено чистым любопытством. Если это заинтересует и увлечет нынешнее и будущее поколения, разбудит их мысль — честь им и хвала. Я желаю только удачи! Работая с источниками, я убедился в одном: если у всех высокоразвитых наций и государств наблюдается историческая преемственность обычаев, традиций, сознания, то точно такая же взаимосвязь существует и в нашем народе, в нашем государстве. Поэтому, наверное, никаких споров не может вызвать и то, что наша национальная законодательная система последовательно совершенствуется в соответствии со ступенями развития человеческого общества. Чтобы убедиться в этом, я и занялся составлением своих “Неведомых троп закона”, а некоторые фрагменты из этого сборника показал тебе.

Тепло отозвавшись только что о моем труде, ты упомянул слово “интеллигенция”. Если говорить в общем, как бы ты сам растолковал его смысл?

В моем понимании интеллигенция — это мозг, сердце, сливки народа, а самые прославленные ее представители олицетворяют его честь и совесть, это гордость нации. Они не только готовы принести себя в жертву ради собственного народа, а считаются самыми умными и сознательными, самыми уважаемыми и мудрыми его представителями.

Иногда можно услышать мнение, будто в казахском обществе интеллигенция как сплоченная политическая сила не сформировалась.

Русский ученый А.С. Панарин писал: “Каждый специалист, который чутко реагирует на социальное положение, душой переживает любую несправедливость и отличается высоким гуманизмом, может быть причислен к национальной интеллигенции. Если так, то ощущается ли в нашем народе нехватка в таких людях?”

Максут: Интеллигенция — честь и совесть нации. Это мое собственное мнение. Все мы свидетели первых шагов и становления нового, молодого государства — Республики Казахстан. И все мы, по возможности, стараемся вложить свой собственный вклад в такое доброе и благородное дело, как развитие нашей суверенной страны.

Тайны в этом никакой нет, были и такие, кто, ступив в новую жизнь, на путь строительство нового общества, с сомнением смотрел в будущее. Действительно, перед нами не было ясной дороги. Все мы порой сталкивались с отдельными неудачами, но постепенно стали радоваться и достигнутым победам. В конце концов, нам удалось благополучно вывести наше независимое государство из экономического кризиса и духовного уныния. Следует сказать правду, мы приложили немало сил, сделали немало дел

для независимого развития нашей суверенной страны в мирных условиях.

Сегодня мы возвели стены величественного здания независимого государства, фундамент которого был заложен еще нашими далекими прадедами, и можно с полной уверенностью сказать, что наши потомки завершат его строительство и поднимут его голубой купол еще выше, в необозримые горизонты. Вся эта сложная и объемная работа проделана благодаря неустанному труду, духовному подвигу и просветительской деятельности лучших сыновей и дочерей нашего народа, которых сегодня именуют интеллигенцией, считают совестью и гордостью нации.

Действительно, в нынешней научной среде высказывается мнение о некоторой искусственности понятия национальной интеллигенции как реальной общественной силы в прошлом нашего народа. Но, как представляется мне, искусственен в данном случае используемый термин "интеллигенция", а не ее присутствие в нашей истории. В этом смысле будет нелишним вспомнить и привести как прекрасный пример политического предвидения посвящение мудрого Тоньюкука Бильге-кагану и знаменитое толгау нашего прадеда Бухар-жырау "Лихое время". Величайшие мудрецы своего времени в этих своих поэтических размышлениях не только пристально вглядываются во внутреннюю суть множества перемешавшихся событий, явлений и раскрывают факторы, решающие судьбу народа, но вместе с тем, предугадывая будущее, один — тюрков, другой — казахского народа, и современного им общества и государства, анализируют пути их развития. Принимая это во внимание, кто станет спорить, что Тоньюкук и Бухар-жырау были в свое время видными представителями той части общества Великой степи, которую сейчас мы именуем интеллигенцией?! В своей многовековой истории наш народ прошел через периоды быст-

рой перемены уровня этнического, политического, социального, а порой и цивилизационного развития. И в самой гуще этих событий во все времена были люди мыслящие, редкого дарования, с высоким объемом знаний и горячим сердцем. Ведь не зря интеллигентность относят к самому высшему проявлению совестливости и придают ей столь глубокое моральное значение. Кроме того, через деятельность интеллигенции раскрывалось и раскрывается содержание любой эпохи.

Мы знаем, что корни нашего казахского народа уходят в глубь веков, в эпоху древности, когда на бескрайних просторах нынешнего Казахстана, сменяя друг друга, процветали кочевые империи саков, хуннов, уйсуней, канглы, тюрков, тюргешей, огузов, кимаков и кипчаков. Появлялись и уходили в небытие великие державы более поздних эпох — Золотая, Белая и Синяя Орда, Моголистан и многие другие. В истории остались не только их имена, но и культурные, политические, бытовые традиции, которые были восприняты центрами передовой мысли общественной жизни того времени.

Были в истории и такие периоды, когда наши далекие предки, занимая заметное место в судьбе народов Евразии, выступали в роли объединяющего, сплачивающего начала. Вместе с тем, были и такие исторические этапы, когда некогда могучие племена, ставшие глубинными корнями нашего народа, потеряв былую мощь, раздроблялись, рассеивались по степи, пребывали на грани исчезновения. Однако, пройдя через тяжкие испытания, наши далекие прадеды сумели выжить, потому что с незапамятных времен сыновья и дочери нашего народа отличались храбрым сердцем, стойким характером и несгибаемой силой.

Сегодня мы называем интеллигенцией тех, кто занят творческим трудом в сфере научного, технического и культурного развития.

История — зеркало человеческой жизни. Всем известно, что предки казахов — древние тюрки, еще в середине первого тысячелетия создавали мощные империи, с которыми вынуждены были считаться вся Европа и Азия. Они породили и своеобразную, неповторимую культуру. Одно из ярких доказательств тому своя клинопись. И разве не была поражена мировая общественность грозным величием, независимостью и свободолобием наших древних предков, когда удалось расшифровать эту клинопись, известную в мире под названием “Орхоно-Енисейских памятников письменности”? С падением Тюркской империи не исчезли ее великая культура и народ, который был ее творцом и носителем.

Обозревая историю, мы должны сказать и о том, что расцвет государственных объединений, пришедших на смену Тюркской империи, совпал по времени с монгольским нашествием, повлекшим за собой огромные политические перемены. И мы не можем здесь не вспомнить появившуюся в их результате Золотую Орду, которая просуществовала более двух веков, а затем разделилась на ряд мелких ханств. Считается, что одна из ее ветвей, появившихся в результате этого раздробления, стала основой нашего государства, нашей нынешней родной республики. И именно в то далекое время великое понятие “Родины, Отечества” жарким, искрящимся огнем занялось в сердцах прогрессивно мыслящих и сильных духом людей.

Казахское ханство было только создано, когда бурные социально-политические события средневековья, происшедшие на территории Центральной Азии, тут же затянули его в свой водоворот. Набеги джунгар и борьба казахского народа за свою независимость ясно выявили силу его духа и показали, что для него превыше всего чувство свободы.

Мы наследники поколений, которые на своем праведном пути всегда прислушивались к голосу ра-

зума. Даже в том, что наша земля в свое время была принята под протекторат Российской империи, видно, что интеллигенция того времени склонилась к этому, понимая, что на чаше весов лежит судьба народа.

И хотя поначалу этот протекторат носил характер добровольного присоединения, уже в то время отношение к нему в обществе было разным. Если одна из передовых частей нашего народа воспринимала этот акт в качестве военного союза, то другая часть понимала его как политическую зависимость. Как бы там ни было, в итоге это привело к одному — к коренным изменениям в быту и духовно-гуманитарной сфере, а вслед за этим к непримиримой борьбе против колониальной зависимости. Слов нет, наш народ, который привык жить, ощущая простор своей земли, бездонную высоту неба над головой и подчиняясь лишь законам, установленным еще своими прадедами, не сумел стерпеть даже небольшого ограничения своей свободы.

Тем не менее, мы должны понимать и полезные стороны того времени, с уважением помнить о том, что такие выдающиеся просветители нашего народа, как Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, — гордость нации, были воспитаны передовой русской интеллигенцией. Ведь эти наши соотечественники прославились не только в собственном народе, они стали известны всему миру. А что касается ценности их наследия, то на основе именно их прогрессивного учения выросли последующие, полностью обновившиеся поколения.

Именно национальная интеллигенция, ощущавшая необходимость коренных перемен, в надежде на развитие и будущее процветание родного народа активно включилась в революционное движение и политическую борьбу. Деятельность депутатов-казахов в российской Государственной Думе, цели, которых

придерживалась прогрессивная казахская молодежь в период национально-освободительного движения 1916 года, явственно раскрывают характер и облик отечественной интеллигенции.

По нашему мнению, одной из серьезных причин появления на политической сцене царской России партии “Алаш” стала неудовлетворенность программами политических партий России, не отвечающими реальной жизни казахского народа, его интересам, насущным требованиям и устремлениям. Впоследствии партия “Алаш” превратилась в опору национальной интеллигенции, в центр дискуссий и самых передовых идей. Это была попытка на цивилизованной основе создать независимое государство, новую национальную идеологию и определить их место в мире. Однако внезапный поворот истории помешал осуществлению этой мечты — к власти в России пришли большевики. Сегодня вся общественность знает, к чему привели эти события: войдя в доверие части национальной интеллигенции заведомо невыполнимыми лозунгами, они затем умышленно посеяли раскол в ее рядах.

Но, как бы ни поворачивалась историческая правда, в народе всегда жила и будет жить светлая память о потомке великого хана Аблая Алихане Букейханове, об обладателе энциклопедических знаний Ахмете Байтурсынове, о гордости народа Тураре Рыскулове, о Мустафе Шокае, Миржакупе Дулатове, Магжане Жумабаеве, Халеле Досмухамедове, Смагуле Садвакасове, Санжаре Аспандиярове, Жусупбеке Аймаутове, Ильясе Джансугурове, Сакене Сейфуллине, Беимбете Майлине, Мухамеджане Тынышпаеве и о 24 тысячах представителей казахской национальной интеллигенции, расстрелянных в период советской власти.

В те годы, когда силой вводился социалистический строй, особенно много страданий выпало на долю

казахского народа, а вместе с ним и на долю самых лучших его сыновей и дочерей. Через это прошли все, кто в достаточной степени был знаком и понимал свободолюбивые чаяния нашего народа. Насмешкой судьбы эту же участь разделили образованные, прогрессивные представители русского, украинского, литовского и других народов, сосланные на землю казахов. В их числе и такие классики, имена которых известны на весь мир, как Федор Достоевский, Михаил Потанин, Тарас Шевченко.

До сих пор мы не забыли слова сочувствия и поддержки, сказанные знаменитым правозащитником Андреем Сахаровым в адрес нашей интеллигенции, подвергшейся суровым гонениям в 1986 году.

Ораз: Максут, но ведь не один Андрей Сахаров проявил искреннюю солидарность с казахским народом в связи упомянутыми тобой известными декабрьскими событиями. Например, И. Дауренов, татарин по национальности, встал на защиту казахского народа от имени "Казахстанского интернационального комитета" и вступил в открытую схватку с властью, смело выступив с разоблачениями насилия и безжалостного избиения казахской молодежи солдатами, специально привезенных в этих целях из разных уголков Союза, и организованными на местах "народными дружинниками", которых вооружили кусками арматуры и предоставили полную свободу для насильственных действий. Так почему же хотя бы один казахский интеллигент не поступил таким образом? Более того, ведь это их руками И. Дауренов, который произнес те слова, что должны были исходить из наших уст, который выразил наш гнев и защищал честь нашего народа, был изгнан из Алма-тинского медицинского института и не мог потом нигде устроиться на работу. И это та казахская интеллигенция, на которую мы возлагали большинство своих надежд?!

Максут: Было бы несправедливым говорить, что среди тех, кто в связи с известными декабрьскими событиями 1986 года поддержал выступление казахской молодежи, выразил протест против незаконного применения военной силы, требовал привлечь к ответственности всех причастных к этому руководителей советской империи и вступил в открытую общественную борьбу, не было ни одного представителя казахской интеллигенции.

Большинство нынешней молодежи не знает о том, что ровно двенадцать лет назад, в 1992 году, в Конституционном Суде для выяснения истинной картины декабрьских событий было возбуждено специальное дело, и я как представитель Верховного Суда республики принимал участие в его разбирательстве. Тогда в обществе сложилось мнение, что следует призвать к ответу не только ряд прежних руководителей Казахстана, но и соответствующих чиновников высшего эшелона бывшей советской империи, причастных к названным событиям. Инициаторами и ярыми сторонниками этой трудной задачи были первый заместитель председателя правления гражданского движения "Азат" ("Свобода") Жасарал Куанышалин и Хасен Кожа-Ахмет. Они не просто поддерживали эту идею, а не щадя себя активно включились в борьбу за торжество справедливости. А разве мы можем забыть, какую огромную работу провел в ходе этого дела на государственном уровне известный поэт Мухтар Шаханов? И то, что ряд других наших соотечественников в разных сферах подняли свой голос в защиту правды и доказали свою позицию конкретными делами, — историческая истина.

Если говорить в целом, то, во-первых, главный виновник гонений, которым подверглись участники декабрьских событий, не казахская интеллигенция, а тоталитарная партийно-советская система. Это она не дала возможность казахскому народу проявить

свою волю. Во-вторых, в том, что впоследствии было принято политическое решение по кадровому вопросу в связи с декабрьскими событиями, виноваты руководители Союза. Наряду с ними повинны в этом и находившиеся в тот период в руководстве республики Колбин, Камалиденов, Мендыбаев, Мукашев, Елемесов, Айтмуханбетов, Басаров и некоторые другие высокопоставленные казахские чиновники, имена которых еще не названы. Если уж говорить открыто, то мы не можем утаить и того факта, что среди тех, кого считали казахскими интеллигентами, нашлись и такие, кто, стараясь угодить новой власти в лице Геннадия Колбина, оклеветал защищавших честь Казахстана и казахского народа, кто, проявив трусость, совершил предательство или просто молчал, пугаясь собственной тени.

Ораз: Прости, Максут, но самое время перебить тебя ненадолго. Давай обратим внимание на эти вот слова Мустафы Шокая: "Кого называют национальной интеллигенцией? На первый взгляд, вопрос кажется легким, однако, ответить на него правильно не так уж легко. Мы, безусловно, ошибемся, если всех людей, получивших образование и воспитание, будем называть интеллигентными и считать, что, поскольку им присуще это, то их можно отнести к ряду "национальной интеллигенции" нации. По нашему же мнению, интеллигентами можно назвать только тех образованных людей, кто преследует какие-то определенные идеалы и цели и сплачивается вокруг этих идеалов и целей. В ряд национальных интеллигентов входят только те люди, кто честно работает во имя политического, экономического и социального развития собственного народа. Задачи, стоящие перед интеллигенцией, крайне тяжелы, потому что они велики и священны". То есть, я думаю, тех трусов, предателей и безропотных молчунов, о которых ты говорил, несмотря на полученное ими образование, никак нельзя отнести к числу интеллигентов.

Максут: Твое мнение в связи с мудрыми и весомыми словами Мустафы Шокая вполне логично. Потому что, спору нет, каким бы ни было общество, его судьбу, если смотреть в корень, решает уровень зрелости членов этого общества. Слава Богу, подобные трусы и предатели, о которых мы тут с тобой говорили, далеки от национального менталитета нашего народа. Они как “недоразвитый плод” — один на тысячу, а может, и на миллион. Будем надеяться, что Творец не умножит число их “наследников”. Однако истина в том, что в семье, как говорится, не без уroda.

Ну а что касается того, что порой в трудных, скользких обстоятельствах представители национальной интеллигенции остаются “беззвучными”, то не надо забывать и о том, что это может быть и своеобразной формой борьбы с происходящей несправедливостью, выражением протеста. Бывают и такие моменты, когда внутри все кипит от гнева и возмущения, однако, противостоят случившемуся ты не в силах. В таких случаях, подобно тому, как мы стремимся выжить в момент природных катаклизмов, у некоторых людей “включается” инстинкт самосохранения, и называть это ошибкой мы не вправе. Если же ты в подобной ситуации дашь волю гневу, то вполне возможно, останешься в еще большем проигрыше. К примеру, разве можно считать заблуждением то, что наш прославленный поэт Олжас Сулейменов, чтобы предотвратить кровавое избиение казахской молодежи, которая после печально известного постановления партии в середине декабря 1986 года стала стекаться на центральную площадь Алматы, переживая всем сердцем, обратился к разгоряченным молодым людям, в ком затронули чувство патриотического достоинства, со словами: “Дорогие мои единокровцы! Братья и сестры!” — и призвал их остудить свои чувства, проявить мудрость и выдержку? И разве было

излишним, что тот же Олжас потом вышел перед студентами Казахского государственного университета и предупредил, что не следует поддаваться горячности и идти на неоправданный риск? Неужели эти два поступка Олжаса рождены не любовью к своему народу, не желанием во что бы то ни стало спасти молодую казахскую интеллигенцию от неминуемых последствий? Но разве не нашлось таких, кто не понял Олжаса, не согласился с его доводами, вывернул его добрые намерения наизнанку, заявив: “Ты говоришь так, потому что воспитан в русском духе, потому что ты русскоязычный”?

Ну а если обратиться к справедливости, то Олжас не трус, не предатель, наоборот, он подлинный национальный патриот. Назвать глупцами казахскую молодежь и студентов, которые выразили свою “обиду” на то, что события повернулись таким образом, тоже язык не поворачивается. В таком случае, в чем же причина того, что они пошли на столь необдуманный шаг?

По-моему, в порыве возмущения. А когда гнев побеждает разум, это всегда чревато осложнениями. В связи с этим мне хотелось бы привести одно предание, которое живет на устах у нашего народа. Однажды Счастье, Наука и Разум затеяли спор, у кого из них больше преимуществ, но так и не пришли к согласию и обратились в суд. И тогда судья, дав Счастью с Наукой справедливую оценку, говорят, сказал:

— Но оба вы накрепко связаны с Разумом, только с ним вы способны долго здравствовать и обрести авторитет!

А обратившись к Разуму, судья, будто бы, заметил:

— Нет для человека друга лучше в этом мире, чем ты. Однако и у тебя есть недостаток. Когда вскипает Гнев и лезет наружу, ты молча уступаешь ему свое

место и куда-то исчезаешь. А когда Гнев натворит дел и наломает дров, ты возвращаешься и исправляешь то, что он напортил. Если бы ты с самого начала не покидал своего места, и Гнев бы не сумел одолеть верх.

Вывод, который из этого следует, прост: “Когда под прессом гнева поднимается правая рука, то левая должна ее остановить”, то есть в любом своем действии следует, прежде всего, руководствоваться разумом. Именно так сделал и Олжас.

Здесь я не виню поступок тех, кто вышел на площадь в декабре 1986 года, в основном молодой интеллигенции — студентов и молодежи. Я говорю об этом только с доброй мыслью, что если бы они слегка остудили свой пыл и проявили выдержку, то не было бы тогда кровавого побоища, которое унесло несколько юных жизней. К сожалению, ничего уже не вернешь, и молодые люди, так жаждавшие свободы и справедливости, ушли в самом расцвете своей молодости. Но они основательно расшатали фундамент советской тоталитарной системы и ясно показали общественности, что не сегодня, так завтра, она неминуемо рухнет. Другими словами, центральная власть в Москве, которая на протяжении семидесяти лет считала, что она сильнее и мудрее собственного народа, глубоко ошибалась. Мы это с очевидностью осознали после декабрьских событий, они всему советскому народу помогли понять необходимость обновления общества.

Казахская интеллигенция одной из первых поняла, что в течение долгих лет обманывалась в своих надеждах, что на самом деле у нее нет никаких прав и свобод. В те дни в сознании людей ярко проявился протест, не только против происшедшей смены руководства республикой, но против системы в целом. Возмущение тем, что их лишили права выбора, а вместе с ним и свободы волеизъявления, заставило

их выступить с протестом. И в этом смысле молодая интеллигенция, оскорбленная положением собственного народа, пусть и стихийно, но потребовала ответа: "Так нельзя!", и проявленным мужеством, подвигом навсегда останется в памяти.

Смелое выступление казахской интеллигенции во время декабрьских событий, безусловно, сорвало маску с истинного лица московской власти, стремившейся держать другие народы в подчинении, в роли марионеток. Волна протестов, начавшаяся с декабрьских событий, постепенно усиливалась и в конце концов привела к падению советской империи.

Таким образом, все мы хорошо понимаем, что Независимость, которую мы обрели в 1991 году, досталась нам нелегко. Это плод длительной борьбы за то, чтобы наш народ занял в этой жизни подобающее ему место. Тринадцать лет тому назад перед нами появилась возможность претворить в жизнь мечту наших дедов и прадедов. Пришло время, и она осуществилась.

Мне кажется, исключительную, решающую роль в этом сыграла отечественная интеллигенция, которая именно в то время глубоко осознала непреходящую ценность такого богатства, как независимость, и выступила глашатаем новой жизни. Она оказалась способной в нужный момент поднять дух всего народа и призвать его к переустройству общества по имя процветания суверенного Казахстана.

Все мировое сообщество пристально наблюдало за нашими первыми шагами. Когда наше государство приняло конкретные меры к прекращению ядерного безумия, его надежды на то, что Казахстан пойдет по пути мирного демократического развития, полностью оправдались. И во всем этом огромная заслуга отечественной интеллигенции, которая на примере судьбы собственного народа ясно видела и понимала, какие страдания несет с собой необузданный атом. Передовая среда хорошо понимала, что для

нашей еще неокрепшей страны как воздух нужны мир и стабильность. В результате по их инициативе было создано самое мощное в истории человечества движение за мир “Невада—Семей”, которое обрело огромную поддержку.

И жизнь доказала его правоту — сегодня Казахстан прочно удерживает авторитетные позиции на международной арене.

Наши деды и прадеды из поколения в поколение передавали как наследство завет жить в мире и честно трудиться. И эта преемственность, благодаря инициативе и стараниям передовых, прогрессивно мыслящих людей, народной интеллигенции, непрерывно продолжается.

Все это, если подвести итог, говорит о том, что интеллигенция не только внесла огромный вклад в становление нашего молодого государства, но вместе с тем с небывалой ответственностью относится и к будущему этого государства. Ведь и за успехи общества, и за его неудачи должна ощущать высокую ответственность его движущая сила — интеллигенция.

Ораз: Максут, в нашем народе говорят: “Большой верблюд на мосту беспомощен”. Как ты сам только что сказал, на интеллигенцию возложены огромные задачи и ответственность, так почему же тогда она зачастую остается без внимания, особенно в сложный переходный период?

Максут: Я понял тебя. Действительно, в трудное переходное время большинство наших сограждан многое пережили и многое вынуждены были принести в жертву. Не избежала этой участи и отечественная интеллигенция. Все мы были свидетелями тому, как целая армия интеллигентов в поисках хлеба для семьи занялась мелкой торговлей, а доктора и кандидаты наук превратились в коммерсантов.

В одном из своих стихотворений знаменитая поэтесса Марина Цветаева сказала: “Не стыдись, Рос-

сия! Ангелы всегда босоноги...” Нам тоже не стоит стыдиться бедности нашего народа. К тому же, я верю, что она условна и пройдет как кратковременный дождь.

Не зря говорят: “У того, кто трудится, и результат будет”, благодаря честному, неустанному труду нашего народа мы сумели вывести общество из кризиса. Слава Богу, ныне мы можем заметить, как неуклонно возрастает интерес молодежи к науке, технике, культуре и искусству.

Все это плоды той работы, которая была проведена на заре нашей независимости. Под руководством главы государства было подготовлено и реализовано множество программ и проектов по совершенствованию системы образования в соответствии с требованиями времени. Надо признать, что мы выбрали правильное направление, сделав ставку на духовное развитие поколения будущего. В свое время Казахстан подумал об этом своевременно, потому что остро нуждался в квалифицированных специалистах. Несмотря на материальные трудности, республика выделила значительные средства на обучение необходимых в условиях рыночного развития специалистов. Я говорю это тем пессимистам, которые тогда посчитали этот шаг “пустой тратой времени и разбазариванием средств”, а сегодня сделанное принесло плоды: наши надежды оправдали себя десятикратно. Казахстан достиг поставленных перед собой целей и идет вперед семимильными шагами, а львиная доля общественности признает, что выиграла гораздо больше, чем потеряла в сложный переходный период. И здесь я хочу особо подчеркнуть, что все это достигнуто благодаря усиленному труду интеллигенции.

Хочу обратить внимание на то, что, хотя у нас маловато человеческих ресурсов, тем не менее, научные и творческие силы всегда были на достаточно высоком уровне. Во множестве других стран ощущается острая нехватка таких специалистов и кадров, и

они удивляются нашему уровню. Это особо ценное и незаменимое богатство. И мы должны его использовать во благо процветания нашей родной земли. Вот такой и должна быть роль интеллигенции в строительстве независимого государства.

В настоящее время большая часть представителей отечественной интеллигенции работает в сфере образования и здравоохранения. С одной стороны, это вполне закономерно, потому что именно на них возложены обязанности по обучению и воспитанию будущего поколения, с творческой инициативностью и соответствующими времени знаниями, а также задача вырастить здоровую, энергичную молодежь.

Извлекая уроки из прошлого, мы обращаем внимание не только на свое нынешнее положение, но и стараемся скорректировать планы на будущее. Давай-ка поставим перед собой вопрос: “Каково сегодняшнее состояние казахстанской интеллигенции и что можно ожидать от нее в будущем?”

Мы живем в очень насыщенное время. Быстрая смена событий напоминает порой бурный поток — время не дает нам возможности предугадать что-то заранее, а иногда даже лишает надежд на это. Наш Президент Н. Назарбаев в своей книге “Десятилетие испытаний” пишет: “Чувствительность” современной политологической мысли, понимание ею фундаментальных закономерностей общественно-политической эволюции находятся не на должном уровне”. А в такую стремительную, суматошную пору тяготы, в первую очередь, падают на людей умственного труда, на интеллигентов.

Говоря о том, что преподаватели, учителя и врачи — наше бесценное богатство, я считаю, что именно они достойны особого покровительства и защиты. Поэтому мы, прежде всего, должны подумать о том, как улучшить их жизнь, и остановить их массовых выезды в другие страны.

Цивилизованный мир в ходе развития человечества всегда признавал огромную ценность интеллектуального труда. Действительно, создатель не всех нас одарил способностью умственной работы, да и не каждый к этому готов.

Сегодня все понимают, какую роль оказывает интеллигенция на пути к достижению гражданского согласия и становления общественного сознания. Однако тут рождается вопрос: а какими должны быть взаимоотношения, с одной стороны, между интеллигенцией и обществом, а с другой стороны, между интеллигенцией и властью? Если перед представителями нынешней отечественной интеллигенции стоит задача выяснить свое место в общественном процессе, то перед властью встает не менее серьезный вопрос: как правильнее построить свои взаимоотношения с интеллигенцией.

Путь к открытому демократическому обществу лежит через становление новой системы общественных взаимоотношений. Интеллигенция должна обогащать политическую власть не только духовно, но и помогать ей, ни на минуту не обрывая связей с сообществом чиновников, помогать своей принципиальной критикой, своевременными советами, полезной информацией. В то же время и власть должна широко использовать интеллектуальное богатство общества не только в пору выборов, а постоянно.

Интеллигенция всегда была и остается самой демократичной частью общества. Потому что она по природе своей никогда не остается в стороне от политических и общественных событий. Конечно, власть следует критиковать, но не только критиковать, необходимо поворачивать ее к конкретным делам, обращать к жизни простого народа и учить полагать его нужды. Только тогда интеллигенция с лихвой выполнит свою роль, станет подлинной честью и совестью народа.

В ПУЧИНЕ МЫСЛЕЙ

Ораз: Максут, давай теперь в нашей беседе с официальных тем, с политики и истории, перейдем на темы житейские. Как ты считаешь, в чем секрет того, что люди живут не жалея себя, вечно торопятся, стараются изо всех сил, а порой готовы сгореть?

Максут: Наверное, оттого, что стремятся к своему счастью, хотят побыстрее его достичь.

Ораз: А как понимать счастье? Наслаждаться добром и утопать в богатстве?

Максут: По-моему, трудно сказать, что все богатые люди счастливы. Более того, по некоторым подсчетам богатые живут в среднем меньше, чем те, кто перебивается с хлеба на воду. Потому что обладатель несметных богатств тревожит завтрашний день и, похоже, они живут в постоянном страхе лишиться своего состояния. В народе говорят: “три разных человека не смыкают по ночам глаз — это больной, вор и богач”. Больной не спит от боли, вор прикидывает что украсть, а богач — как сберечь свои богатства от воров. Будет ли здоровье у человека, который не спит по ночам? А если нет здоровья, то откуда счастье?

В моем понимании счастье — это душевный покой и комфорт, гармония с самим собой.

Ораз: Выходит, все, у кого на душе спокойно, кто пребывает в беззаботном настроении, счастливы?

Максут: Нет, дружище, смысл здесь несколько глубже. Это надо понимать так: если человек каждым своим поступком, каждым шагом, своими устремлениями, своим трудом будет, по возможности, сеять в собственном окружении добро и сострадание, если он не пойдет на поводу у ревности и ненависти, если не даст ходу чувству соперничества и зависти, если будет щедр и отзывчив, то никогда и ни по какому поводу его не будут одолевать страхи и мучи-

тельные подозрения, он будет жить спокойно, и это не зависит от того, богат он или беден. Вот такое безмятежное состояние в царстве души я и считаю подлинным счастьем. А если взять еще глубже, то любой человек, который, проливая пот, трудится и улучшает свое благосостояние, который к чему-то стремится, тоже человек счастливый. Ведь он жив и обитает на просторах этого прекрасного мира. Подумай сам, чего стоит только сама жизнь — начало и источник всего и всех? Творец подарил ее нам. А разве все остальное не в руках человека? Насколько помню, таковы и Божьи слова, записанные в Коране.

Ораз: Верно говоришь, на этот счет и в нашем народе существует формула жизни: “Не будешь действовать — счастье не придет”.

Максут: Другими словами, благополучие и изобилие приходит к каждому человеку только тогда, когда он правильно распоряжается подаренной ему Аллахом жизнью. То есть люди, благодаря тому, что они живы, способны добиться всего, о чем мечтают. Говоря еще конкретнее, жизнь — это уже огромное счастье!

Ораз: Спорить не стану. Максут, мы с тобой сейчас сидим в тени освященного Аллахом тысячелетнего “святого дерева”, к которому издавна, истощая своих коней, спешили из дальних уголков степи наши прадеды, поклонившись ему, обретали здесь покой, а уезжая, повязывали на его ветвях в знак чистоты своих намерений белые лоскуты. Поэтому и мы должны быть в этом священном месте чисты, честны и искренни.

Меня уже с давних пор волнует ряд вопросов.

Максут: Например?

Ораз: Пророк Мухаммед, говорят, сказал: “Если представить мир в образе некой сокровищницы, то самой дорогой его драгоценностью будет женщина”. С еще большим почтением воспел женщину один из

наших прадедов: “Одной рукой женщина укачивает колыбель, а другой рукой — весь мир”. Ну а слова древнегреческого поэта Еврипида прямо противоположны: “Понятно, что женщина — это сокрушительное несчастье”. Как ты сам отнесся бы к этим высказываниям?

Максут: Хотя последовательно приведенные тобой цитаты очень лаконичны, но в них есть попытка объять необъятное, словно охватить поясом огромный мир. Тем не менее, вопрос поставлен, поэтому попробую на него ответить.

На мой взгляд, все эти три мнения — чисто мужские. Судя по подсчетам моего друга ученого-демографа М. Татимова из почти шести миллиардов двухсот миллионов жителей планеты ровно половину составляют мужчины, так вот, можно догадаться, что все эти представители мужского рода никогда не придут к единому мнению о женщинах. Это — во-первых. Во-вторых, как ты сам заметил, второе мнение отличается возвышенностью, поэтическим характером, а третье, должно быть, рождено в момент душевной горечи, когда такому великому поэту, как Еврипид, который в свое время славился “божьей силой”, изменила его собственная супруга Хирилла.

И совершенно ясно, что слова пророка Мухаммеда далеки от подобных житейских передраг, от конкретных поступков и характеров, это более широкое суждение, зрелое и законченное. Когда даешь чему-нибудь или кому-нибудь оценку, ни в коем случае нельзя давать волю внезапно разгоревшемуся чувству, зато трезвое заключение, пришедшее в результате глубоких и всесторонних размышлений, всегда справедливо.

Ораз: Конечно, в словах нашего пророка заключена мудрость. Однако не только ведь один Еврипид, столкнувшись с предательством своей ближайшей половины, пришел к похожему выводу. К при-

меру, известно, что знаменитый французский философ и историк Карлейль воскликнул: "Если не сумеешь правильно понять женщин, они сущие дьяволицы". Возьмем в общем: вчитываясь в запечатленную на бумаге историю человечества и обращая в ней внимание на биографии великих исторических личностей, с какими только лгунями, коварными и пронырливыми женщинами мы не встретимся в судьбах разных ученых и мыслителей, поэтов и писателей, художников и композиторов, даже монархов и королей! Глядя на все это, поневоле считаешь горестные слова Еврипида верными, а как не обратить внимание на то, что такие женщины, которые вынудили Еврипида к столь потерянному выводу, начинали свою лживую жизнь в большинстве своем именно после того, как побывали под венцом? Выходит, прав Бердяев, когда говорит, что в природе женской закрывать лицо маской, которая великолепно скрывает ее истинный облик?

Максут: Ораз, похоже, ты тут не учитываешь среду и время, в которое жили эти люди, особенности, присущие всевозможным народам и народностям, живущим в разных концах земли. То есть я хочу сказать, что привычки, обычаи и традиции, сознание, потребности народов Европы и Азии ведь совсем не одинаковые. Это — первое. Второе — в эпоху Возрождения, в средние века маркизы и графини, выйдя замуж за прославившихся своим талантом людей либо за королей и монархов, действительно, как ты сказал, вели легкомысленный образ жизни, предаваясь любовным интрижкам. Более того, это было вообще свойственно среде того времени. Однако такая ветреность и блудливость, тем не менее, не обрели характер общенародной черты европейцев.

Действительно, судя по историческим сведениям, супруга французского короля Людовика XIV Монтеспан была легкомысленной хохотушкой и весьма

алчной особой. Но разве следующая жена того же Людовика XIV красавица Ментенон не стала ему верной супругой и мудрой советчицей в управлении делами государства? Или другой пример: супруга Наполеона Мария-Луиза, которая сначала соловьем заливалась, что “хорошая жена должна всюду следовать за мужем”, и начиная со дня его коронации была его достойной половиной, все-таки бросила его в трудное время, зато Валевская, до смерти влюбленная в великого полководца, примчалась на зов Наполеона птицей, когда он, страдая от неудач, тосковал по женским объятьям на острове Эльба.

Ну а какую безграничную, жертвенную любовь своими словами проявила к древнеримскому поэту Овидию Фабия: “если тебя отправят в ссылку, я уеду вместе с тобой”, “если ты далеко уплывешь, я легким грузом упаду в твою лодку”?

Ораз: И все-таки я настаиваю, что в характерах и поступках женщин проглядывает зачастую какая-то вредность.

Максут: Согласен, в женской натуре немало неприятных, полных заносчивости черт. Если ты не сумеешь истребить их вовремя, то, безусловно, твоя жизнь превратится в сплошной скандал. Но в то же время следует более внимательно взглянуть в мир женской души. Женщина — удивительное создание: то она как зима, то словно лето. Сегодня — весна, завтра — осень. Нельзя оспаривать, что они эмоционально многогранные натуры.

Ораз: А куда ты денешь их грехи, которые могут стать ношей для сорока ишаков, или хитроумие, раз в шестьдесят превосходящее уловки лисы?

Максут: Во-первых, грешность в такой же равной степени свойственна и мужчинам. Во-вторых, какими бы хитрыми ни были женщины, бывают моменты, когда они верят одной-единственной обнадеживающей фразе мужчины. Да и как не верить: для того

чтобы удовлетворить свое сиюминутное влечение и страсть, умные и коварные мужчины осыпают понравившихся красавиц лживыми комплиментами, горячими поцелуями, клянутся в любви до смерти, хотя ее и вовсе нет, и таким образом превращают женщин в свои “жертвы”. Так что бедные женщины тоже бывают обманутыми.

Ораз: Они понимают, что им врут, а потом прикидываются обманутыми. Что ты на это скажешь?

Максут: Правильнее это принимать как истинность женского чувства. У поэтессы Фаризы Унгарсыновой есть такие строчки: “Я не грешница перед совестью, и за это простит меня Бог”. То есть желание быть “обманутой”, а не отвергнутой, связано с честностью, подлинностью чувства.

Ораз: Что ни говори, а женщины богаты на эмоции и непредсказуемы в поступках.

Максут: В этом ты прав. В женщинах — и любовь слаще меда, и ненависть едкая, как соль. Не стоит скрывать, что и скандальность близка их натуре. Хитростью они, если не превосходят, то нисколько не уступают мужчинам. Ну а кокетство и покорность — качества, данные им от природы. А уж по части хитросплетенных уловок, когда они, просверлив избранника взглядом, рождают в его душе бурю чувств и умело держат на привязи, мужской половине никогда их не превзойти. Эти “дьяволицы” притягивают к себе мужчин как магнит, привязывают какой-то невидимой колдовской силой и буквально стреножат, разве уже одно это не изумительно?

Ораз: А разве это не есть блудливая ветреность?

Максут: Не-ет, ты так не думай. Женщины — красота и гармония этого бренного мира. Если бы их не было, то мужчины ко всей жизни на этом свете относились бы с равнодушной апатией и прохладцей, а то и вовсе развернулись бы к ней спиной.

Ораз: Пусть и так, но ведь и среди наших прадедов был человек, который не только не заглядывался на женщин, а вообще не обращал на них внимания, это Отебойдак Глеукабылулы, всю свою сознательную жизнь посвятивший целительскому учению. Чем это можно объяснить?

Максут: Во-первых, подобный факт в жизни такого глубоко преданного народной медицине и мудрого ученого, как Отебойдак, мы не должны понимать как отвращение к женскому полу. Видимо, наш единокровный прадед, который всей душой и телом был предан любимой науке, дал себе обет ни на что не отвлекаться, пока не доведет начатое дело до конца. Похоже, найдя высшее наслаждение мира в занятиях своим излюбленным учением, он не заметил, как промчались годы, как улетело время.

Во-вторых, когда Аллах сотворил человечество в виде первой пары, он, как видно, больше внимания уделил женщине. Потому что ее прекрасный облик, изящная фигура, обаятельная улыбка, волшебные глаза и нежность удивительны и влекут к себе мужчин. Разве есть такой, кто хотя бы раз не был сражен ее красотой?

Ораз: Вот-вот, из всего тобой сказанного следует вывод, смысл которого заключен в словах Байрона: "Я вижу в женщине ту, что спасет от скуки, избавит от сомнений и успокоит в час отчаянья. Лекарство от недугов я нахожу только в женщине". То есть получается, что женщина для мужчины — и развлечение, и забава, и утешение. Но назвать женщину "своей любовью, самым близким человеком и другом" можно только условно. Женщина никогда не удовлетворится чистой любовью, душевной близостью и дружбой с одним мужчиной. Если она затаила обиду, то в любой момент может отречься от тебя и искать наслаждения у другого. Именно поэтому еще далекие наши предки оставили нам завет: "не верь коню под

собой и женщине на своем ложе”, и в этом смысле им нет равных среди мужчин. Есть и другие слова, которые тоже дошли до нас из глубокой древности: “Бог женщину придумал, а создал ее шайтан”. А там, где приложил руку шайтан, сам знаешь, никогда не может быть честности, преданности и постоянства.

Действительно, женщина притягивает приятной внешностью, статной фигурой и обаятельностью. Поэтому мужчины и используют ее красоту, чтобы избавиться от тех состояний души, которые упомянул Байрон, — от уныния, грусти и отчаянья.

Максут: Ораз, но казах называет жену “душевым другом”. А это слова, полные большого смысла. Это ведь означает гармонию двух душ, созвучность в мечтах и мыслях, что муж и жена — близнецы. Трудно согласиться с твоими словами, что женщина не может быть мужчине самой близкой душой и другом. Не стану брать примеров из других народов, возьмем из жизни собственного. Неужто Кортка Кобланды-батыра, Гульбаршин Алпамыса, Акжунус Ер-Таргына, Назым Камбар-батыра, Кыз-Жибек Толегена, Баян Козы-Корпеша, Нуриля (Домалак-Ана) Байдибек-бабы, Гаухар Кабанбай-батыра, Канипа (Дарабоз-Ана) Кулжана* и многие другие не были для своих мужей и возлюбленных преданными друзьями и родными душами? Наоборот, разве в этом смысле они не остались для нынешнего поколения вечным, неугасимым образцом для подражания?

Как же так, неужели, глядя на свободные нравы десятка бесившихся от безделья, избалованных европейских императриц и принцесс, королев и графинь, мы перестанем дорожить женщинами — украшением этой жизни? Если мы пристально всмотримся в глубь той же древней эпохи, которую ты вспомнил, то ведь немало в ней было и женщин,

* Герои казахского эпоса и реальные исторические личности.

которые удивляли мир не только своей красотой, но и умом, мудростью, искусством, знаниями и умелой властью. По исследованиям японских ученых, потребности женщин втрое превышают мужские. Если кого и надо чтить, так это их, красавиц. Ведь это они не дают угаснуть огню жизни, это они побуждают нас к новым свершениям!

Касия: Пока вы тут разговаривали, я вспомнила одну поучительную притчу.

В давние-предавние времена, когда козочки были еще пушистыми, а люди стали мудрее и лучше познали мир, в одном могущественном ханстве то ли на берегу реки Чу, то ли на берегу Сырдарьи у человека по имени Тока, владевшего огромным состоянием и несметными богатствами, был единственный родной сын, отважный батыр Домрул, который славился небывалой силой. Враги, обуступившие ханство со всех сторон, боясь его гнева, даже ногой не ступали на их земли. Поэтому ханство год от года крепло, хорошело и расцветало. Народ плодился, множился и разрастался. В те времена передовые люди в здешних местах только приняли мусульманство, а оставшиеся все еще пребывали вне благодати. Однажды тот самый Домрул, которого так и распирали небывалая сила, сболтнул лишнее и обронил богогреховные слова, чем сильно задел всевышнего создателя. В ярости Бог призвал к себе ангела Азраила и сказал ему:

— Что позволяет себе болтать этот глупец? Похоже, он еще не осознал до конца, что я всемогущий и единственный, не научился быть благочестивым. Ступай, приведи ко мне душу этого негодника.

Но разве отдаст батыр просто так свою душу? Схватился с Азраилом в жестокой борьбе, дрался изо всех сил, а когда уже был на волосок от смерти, взмолился:

— Прости меня, Азраил, теперь я верю, что Бог у нас один-единственный. Я не знал, что ты настолько

силен, что сражаешься так, словно в тебе мощь целого народа. Мой народ живет в высоких горах, а там растет виноград с черными-пречерными ягодами. Если выжать плоды винограда и дать соку забродить, получится красное вино. Человек, который напьется этого вина, становится хмельным. Когда ты явился ко мне, я тоже был пьян, не ведал что творил и что болтал. А сейчас я признаю, какой ты герой. О, Азраил, прости же меня, не забирай мою душу!

— Глупец, к чему ты просишь прощение у меня— Спасай свою душу у Бога. Разве это в моей власти? Я всего лишь исполнитель его воли, — ответил ему Азраил.

И тогда отважный Домрул спросил:

— Так значит, дает и отбирает душу сам всевышний?

— Да, он сам, — говорит Азраил.

— В таком случае, с чего бы это ты решил распоряжаться мною? Если ты какой-то безродный бродяга, ступай своей дорогой, прочь отсюда, а с Богом я сам поговорю, — и Домрул взмолился к создателю: — О, Боже, ты выше всех в этом мире. О, лучезарный творец, никто не знает, какой ты. Дураки ищут тебя на небесах. На самом деле ты и не на небе, и не на земле — ты в сердце каждого верующего человека. Ты в сундуке вечно хранящихся загадок. Если хочешь забрать мою душу, возьми сам. Я не стану отдавать ее Азраилу.

Слова Домрула, батыра сокрушительной силы, понравились Богу, и он повелел Азраилу:

— **Глупец признал меня.** Преклонился в вере, что Бог един. Можешь сказать Домрулу, пусть он найдет вместо своей души чью-нибудь другую, а его душу не трожь.

Услышал это Домрул и молвил:

— Оказывается, вместо одной души можно отдать другую? У меня есть старик-отец и состарившаяся мать,

пойдем к ним. Если кто-нибудь из них пожертвует за меня свою душу, ее и возьмешь, — предложил он.

Пришли они к отцу Домрула.

— О мой почтенный, дорогой мой седобородый отец! Ты ведь, бывало, говаривал: “Душу пожертвую за тебя!” Знаешь ли ты, какие тучи нависли над моей головой? Я нелестно отозвался о вере и не угодил тем Богу. За это он приказал Азраилу забрать мою душу. Краснокрылый Азраил одолел меня в схватке, придушил и едва не выдернул из меня душу. Но потом Бог смилостивился и сказал ему: “не тронь его душу, пусть найдет взамен другую”, с этим я и пришел к тебе. Сможешь ли ты, отец, отдать за меня свою душу Богу? Если же она дорога тебе и трудно с ней расстаться, ты скажи об этом.

И тогда отец ответил ему:

— О сын мой, рожденный львом, когда ты появился на свет, я выбрал девять молодых верблюдов среди самых лучших наров, зарезал на угощение и закатил шумный пир. Ты опора моего золотого дома. Если нужно, возьми себе горы Каратау, лежащие перед моим взором. Пусть они станут тучными пастбищами для Азраила. Если нужны колодцы со студеной водой, пусть заберет и их — будет где утолить жажду. У меня тучи косяков резвых, как ветер, коней, пусть и их возьмет под седло. Если захочет, пускай забирает и несметные отары моих баранов, пусть режет всех на пышные трапезы. Если золото и серебро задобряют его, пускай забирает все богатства. Но знай, жизнь сладка и нет ничего дороже души, я не могу отдать ее. Она мне даже тебя дороже. Но есть ведь твоя мать, попробуй у нее спросить.

Поскольку отец не отдал за него душу, Домрул пришел к матери, которая неустанно твердила ему всегда: “если ради твоего счастья Бог хоть сегодня заберет мою душу, я только рада буду”. Однако, когда такой момент настал, и она заметалась:

— О мой сынок! Я родила тебя после того, как девять месяцев и девять дней вынашивала в тесной утробе. Я щедро вскормила тебя своим белым молоком. Если бы тебя заключили в мрачные застенки темницы, если бы ты попал в полон к неверным, я бы вызволила тебя, не пожалев ни золота, ни серебра, которые заработаны тяжким трудом. Но знай, жизнь сладка и нет ничего дороже души. Я не могу отдать тебе свою душу, не проси меня об этом.

Вот так и мать пожалела душу, чтобы спасти сына. После этого вновь явился к Домрулу Азраил и попытался отнять его душу. И опять взмолился батыр:

— Прости, Азраил! Я верю во всемогущество Бога!

— Эй, недалекий болтун! Какое тебе нужно еще прощение? Душу твою требует премудрый наш Бог. Ты уже ходил к своему седоглавому отцу. Не сегодня, так завтра он помрет, но душу свою не отдал. Ты ходил к своей седовласой матери — и она пожалела свою душу. Так кто у тебя остался, что может ради тебя отдать свою душу? — спросил Азраил.

— Есть люди, о которых я забочусь. Дай мне с ними попрощаться, — попросил Домрул.

— Эй, глупец, что за люди такие? — удивился Азраил.

— Есть у меня жена и двое родившихся от нее детей. Хочу сказать им свое последнее слово. Дай мне возможность для этого. А потом можешь забрать мою душу, — смирился Домрул.

Отправился он к своей жёне и говорит ей:

— О моя любимая супруга! Ты знаешь, какие тучи сгустились над моей головой? Спустился с небес краснокрылый Азраил, сел мне на грудь и принялся душить, чтобы забрать у меня душу. Потом сказал, что взамен моей души может забрать другую. Я отправился к своему старику-отцу и попросил у него душу, но он не отдал ее, пошел я к своей матери, однако, и она сказала, что душа ей самой нужна. Оба они при-

знались, что душа для них слаще сына. Вот поэтому я и пришел к тебе попрощаться. Оставшиеся после меня высокие горы пусть станут для тебя удобными пастбищами. Мои колодцы со студеной, как лед, водицей пусть утоляют твою жажду. Пускай достанутся тебе в наследство от меня тучные косяки коней, многочисленные верблюды и несметные отары овец. Пусть моя просторная белая юрта с золотым шаныраком станет для тебя надежным приютом. Выходи замуж за того, кого полюбишь. Лишь бы двое оставшихся от меня детей не познали вкуса сиротства.

И сказала Домрулу жена:

— О мой славный батыр, мой муж и владыка, возлюбленный души моей! О чем ты тут говоришь?! Сердце мое принадлежит только тебе. Мои уста все еще ощущают мед твоих сладких губ. Мы соединились с тобой в одной тесной постели. Какая мне польза от оставшихся после тебя высоких гор? Если облюбую эти горы под джайляу, то пусть они станут моей могилой. Студеная вода твоих колодцев пускай обернется застывшей в моих жилах кровью. Коли пущу в оборот твое серебро и золото, пусть украсят они мой саван. Если выйду после тебя замуж, пускай мой избранник станет черной пятнистой змеей, что ужалит меня.

По неразуменью мои свекр со свекровью не отдали за тебя свои души. И пусть яркое солнце и золотая луна, сотворенные Богом, будут тому свидетелями, пусть свидетельствуют земля под моими ногами и синее небо над головой, пусть будет свидетелем сам Аллах, я жертвую тебе свою душу! Я отдам свою жизнь ради тебя!

Сказав это, жена батыра приготовилась отдать душу. Явился за нею Азраил. Но батыр не мог согласиться на смерть жены. И взмолился он Богу, изливая свою печаль:

— О, Боже, ты выше всех! Никто тебя не видел, никто не знает. Многие дурни ищут тебя на небесах. Другие ищут тебя на земле. Но все они заблуждаются. Ты в сердце каждого верующего человека, ты в его душе. Ты наш вечный судья и правитель! Я воздвигну в честь тебя на больших дорогах высоченные храмы. Я накормлю голодных, я одену нищих. Если тебе так необходима чья-нибудь душа, заведи обе наши с женой души вместе.

О, всемилостивый и всемогущий создатель и творец наш, если решишь оставить, то оставь наши души вместе, — попросил он.

Долетели его слова до слуха ангелов, и они донесли их Богу.

Понравились Богу поступок жены Домрула, искренняя мольба и преданность самого Домрула супруге, поэтому он проявил величайшее милосердие и подарил им долгую и счастливую жизнь...

Ты и сам говорил, Ореке, что читал эту замечательную притчу о чистых, преданных друг друга супругах в книге Коркыт-аты. Разве есть какие-либо тайны, который муж скрывает от своей верной супруги? Когда сливаются тела, когда одна душа продолжается в другой, может ли остаться между ними невысказанный секрет? То есть разве то, как муж откровенно делится всеми тайнами со своей душевной половиной — женой, не равносильно тому, как он искренен перед самим собой? А значит, женщина — неделимая часть мужчины, и нет никакого основания, благоговей перед одной его половиной, отрывать от него его другую часть, считая ее не заслуживающей внимания.

В таком случае нет никакого заблуждения в том, что мужчина в первую очередь изливает свои душевные тайны жене — Богом данной ему половине. Помня об этом, я никак не могу поддержать приведенные тобой слова казахов о том, что нельзя верить

коню под собой и женщине на своем ложе. Почему? Давайте сначала поразмыслим: эти слова сказаны сознательно или в легкомысленной опрометчивости? Наверяд ли они сознательны, если вносят разлад и искру непонимания между двумя супругами, у которых одни желания и общие интересы.

Нельзя ранить женщину, гораздо лучше верить ей! Разумный мужчина и печалью, и радостями прежде всего делится с женой. Более того, даже если он попал в какую-то историю, даже если столкнулся с какой-то неприятной ситуацией, с кем-то подрался или поругался, он в первую очередь сообщает об этом жене. Ей первой обо всем рассказывает, ей первой изливает свои печали и обиды. С нею первой советуется, ей открывает душевные тайны. И свои новые идеи, и поставленные перед собой цели, и обозначенные жизненные интересы он самой первой докладывает ей. Почему? Боже мой, да потому, что она самый близкий ему человек, с которым в тесной постели он сливается и душой, и телом. Она половинка его души! Когда близнецы, повзрослев, разлетаются в разные стороны, эти, наоборот, идут к встрече из двух разных концов света, а встретившись, обнимаются, целуются и из двух половинок сливаются в одно целое. Так что в этом нелепого — верить жене, более того, боготворить ее?

Когда Домрул так нежен к своей половинке, когда она настолько безгранично предана ему, когда в ней такая бескрайняя любовь, как только ты можешь продолжать защищать мнение, будто женщине нельзя верить?

Максут: Один начитанный человек по имени Кайкуас, который родился в XI веке (1021—1022) в грамотной, образованной семье племени Гилан, обитавшем на южном берегу Каспийского моря, в 63 года, точно в том же возрасте, что и мы, написал книгу “Кабуснама” огромного педагогического значения и

посвятил ее сыну. В разделе этой книги “О женитьбе” сказано: “Эй, сын мой, если надумаешь жениться, каким бы дорогим ни было богатство, не жалея его для жены и детей. Всегда чтить жену, вырастить и хорошо воспитать детей — твой долг. Если решишь взять жену, не зарься на имущество, возьми по воспитанию. Не бери в жену слишком красивую, потому что в нее многие будут влюбляться. Возьми честную по натуре, чистую душой, пусть она тебе будет другом. Нужно, чтобы она умела беречь твоё время, могла сберечь твоё состояние. Хорошая жена будет наслаждением твоей жизни...”

Держись подальше от бабы, что не понимает дружбы и семейной жизни. Если жена крепко возьмет в свои руки супружеские взаимоотношения, домашнюю жизнь и быт, вы уже не сможете жить друг без друга и дружба между вами будет только расти. Сознательная жена должна понимать, что мать — хозяйка в доме, а отец — глава семьи и хранитель очага. Если ты встретишь такую девушку, да еще и симпатичную при этом, женись поскорее... И никогда не прекословь тому, что делает понимающая жена. Если ты не будешь ее ревновать, если не станешь презирать, жена с тобой будет добрее, чем отец с матерью. И лучше друга у тебя не будет”.

Видишь, разве и тут не говорится, что “хорошая жена будет наслаждением твоей жизни”, “лучше друга у тебя не будет”?

Ну а в нашем народе один мудрый прадед тоже сказал, что “жена для мужчины — самый верный и преданный друг”. А раз так, тебе бы надо изменить свое мнение.

Ораз: Максут, не могу утверждать, что сказанное вами обоими неверно. Однако остаюсь при своем мнении. Как я понимаю, ты пытаешься мне сказать: “цени друзей и дружбу, прекрасную женщину и любимую супругу”. Слава Аллаху, я и сам хорошо понимаю, что

жизнь человека “ничто без дружбы”, что “добрый друг — самое главное богатство”, а также полностью принимаю сложившееся мнение: “если у тебя хорошая жена, ты тысячекратно счастлив”, более того, осознаю и мудрость, заключенную в словах: “жена ближе отца и матери”. Лучше попытайся растолковать мне, как ты понимаешь разницу между любовью и дружбой.

Максут: Я ведь юрист по специальности, поэтому этот вопрос для меня, Ораз, достаточно сложный. Тем не менее, попробую, как смогу, ответить. Некоторые склонны считать, что “дружба — это то душевное чувство, которое рождается тогда, когда ты с кем-то часто видишься, привыкаешь общаться, начинаешь тесно сближаться, то есть она — верный шаг к любви”. Я это мнение полностью поддерживаю. Во-первых, дружба — основа человеческих взаимоотношений. Во-вторых, она начинается между людьми постепенно и крепнет, совершенно ясно, что происходит это потому, что душа нуждается в любви. Поскольку дружба и любовь — вовсе не два отдельных, разных мира. Это два неповторимых чувства, что идут рядом, словно близнецы. Они зарождаются одновременно в двух душах, которые симпатизируют друг другу. Поэтому именно благодаря огромной взаимной любви меж ними устанавливается неразрывная дружба. По моему мнению, такие отношения могут возникнуть как между людьми одного пола, так и между представителями разных полов, например, между двумя парнями или двумя девушками, а вместе с тем, и между мужчинами и женщинами.

А вот дружба между парнем и девушкой редко перерастает в подлинную любовь, то есть развивается до уровня того страстного чувства, которое основано на взаимоотношении полов. Дело в том, что некоторые парни и девушки, которых с детских лет связывают дружеские отношения, повзрослев, влюбляются в других, повинувшись выбору сердца.

Если подытожить мою мысль, можно сказать, что бывает, конечно, и дружба без любви, а любовь без дружеской взаимосвязи. Только любовь без дружбы неполноценна, а дружба без любви неустойчива. Если между супругами или парой возлюбленных нет в равной степени любви и дружеской привязанности, то их совместная жизнь и взаимоотношения блеклы и зыбки. У двух несчастных, которые соединились не став друзьями, не испытав своей любви, семейная жизнь вряд ли будет интересной. То есть любовь без дружбы бесплодна. Дружба — общее качество, которое необходимо обеим сторонам: и парню, и девушке. Подлинная дружба должна устанавливаться сама собой, без всякой суеты и шумихи. Как бы там ни было, ее необходимо ценить и лелеять!

Дружбу лучше проявлять не громкими заявлениями и показными порывами, а через чувства — сердцем, всем существом. Душа не успокоится, если ты не найдешь друга. Дружба — самое драгоценное качество в натуре человека. Жизнь без дружбы скучна. Не теряй надежду на встречу с другом, а встретишь — чти его. Прекрасно, когда друзей у тебя становится больше.

Жизнь без друзей равноценна дереву без корней. Будь готов принести жертву ради хорошего друга. Если ты опечален, спеши к другу — он поднимет тебе настроение. В старину говорили: “Тот, у кого есть друг, никогда не будет одинок”, “Друг может вызвать в тебе слезы, слова врага — лишь усмешку”. Потому что в отношениях с другом нужны не только добрые намерения и преданность, но и полная искренность, даже если истина жжет сердце и ранит душу. Возможность высказать всю горькую правду — знак подлинной дружбы. Если ты увидишь, что друг ошибается, скажи ему об этом, если заметишь, что сбился с курса — поправь. Как ты относишься к другу в счастливые дни, так же относись и в момен-

ты неудачи. Друга и дружбу нельзя предавать. Будь готов пострадать ради друга. Это истинное проявление человечности и благородства!

Малейшее непонимание в дружбе может привести к катастрофическим последствиям и огромным трудностям. Умение хранить дружбу — большое искусство. А для тех, к кому любовь пришла вместе с равноценной дружбой, — это огромное счастье!

Ораз: Ты хорошо сказал о дружбе. Слушая тебя, я невольно вспомнил великие слова древнегреческого философа Аристотеля: “Дружба — это не только то, чему нет цены, но вместе с тем вещь удивительная: мы восхваляем человека, который любит своих друзей, и нет ничего прекраснее, чем иметь их множество”. Слава Богу, Аллах тебя уважил, столько разных руководящих постов занимал. Не буду называть все, но только в последние десять лет ты и обязанности Генерального прокурора, и председателя Верховного Суда исполнял, а сейчас возглавляешь самое крупное высшее учебное заведение нашей республики, которое готовит юристов. Вдобавок к этому, занимаешь еще одну высокопоставленную должность — являешься председателем Высшего Судебного Совета страны. А как насчет друзей, их становится меньше или больше?

Максут: Есть один хороший анекдот на эту тему. Когда Кожа Насыр был судьей, к нему, вот так же, как и ты, обратился с вопросом один человек:

— Кожеке, сколько у вас друзей?

И тогда Кожа Насыр ответил:

— Не знаю, сколько их будет, когда я перестану быть судьей, но сейчас их у меня бессчетное количество.

Подобно тому, как сказано в этой шутке, рано или поздно и я выйду на пенсию. Думаю, в тот момент многое прояснится.

Ораз: И все-таки?

Максут: Как ни крути, но отдельное, особенное место занимают в моей душе друзья, с которыми я учился вместе в Днепродзержинске. У русского народа есть замечательная, мудрая поговорка: “Лучше один старый друг, чем десять новых”. Я и в самом деле горжусь своими старинными друзьями. В этом смысле, даже если не скажу, все равно понятно, что главная наша гордость — это Нурекен. Есть несколько наших общих друзей, которые волею судьбы тоже работают теперь в сфере образования и науки, назову их. Это Кайрат Исламкулов, с ним мы учились в одной группе, а ныне он доктор технических наук, профессор, проректор Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Яссави в Туркестане. Когда позволяют обстоятельства, мы искренне и душевно общаемся.

Еще один друг — Макаш Татимов, известный ученый-демограф, доктор политологии, профессор, ректор Центрально-Азиатского университета в Алматы.

Ну а место еще двух моих друзей, с которыми я когда-то делил каждую булку хлеба и тесную связь с которыми не разрывал на протяжении сорока пяти лет, вообще особенное. Один из них — Кабидолла Сарекенов, воспитанник аула Шоктыбай Шынгырлауского района Западно-Казахстанской области. Кандидат технических наук. Он автор нескольких крупных научно-исследовательских трудов, таких как “Технология доменной печи”, “Методика и анализ производственного освоения системы работы доменной печи и эффективные способы мазутного продува”, “Комплексное модельное управление производством и освоением порядка нагрева доменной печи”. Опубликовал множество научно-исследовательских статей. Написал докторскую диссертацию, готовится к защите. Сейчас живет в Астане. Председатель Государственного агентства Республики Казахстан по материальным резервам. Общественный деятель, за-

мечательный гражданин, который своим трудом принесет еще много пользы нашей стране. Жену его зовут Тамарой, есть сын Данияр. Все большие труженики.

Второй же друг — Сатыбалды Ибрагимов, доктор экономических наук. Был в свое время председателем совета директоров национальной компании “Казхром”. Сейчас тоже является членом этого совета. По-другому говоря, “глаза и уши” нашего государства в компании, которой управляют иностранцы.

Если я немного шире поделюсь своими мыслями о Сатыбалды, думаю, другие мои друзья не обидятся. Потому что он настоящий человек, о таких говорят: “справедлив к врагам и предан друзьям”. Однажды в нашей жизни произошла любопытная история. На стыке веков, 24 июля 2000 года, моей жене Касие исполнялось пятьдесят лет, поскольку мой трудовой отпуск пришелся как раз на этот месяц, то все мы вместе со свободными от работы и учебы детьми и внуками собрались на берегу Средиземного моря в городе Анталья. Анталья — всем известный курорт, расположенный в Турции, излюбленное место отдыха казахстанцев. Устроив детей в гостинице, мы с Касией вышли прогуляться, и тут прямо перед нами вырос с улыбкой до ушей Сатыбалды. Рядом с ним — его супруга Жанат, дочь Сауле и сын Даулет.

— Дорогие наши, откуда вы свалились? — хором воскликнули мы с Касией.

— Хотели утаить от нас юбилей Касии, так мы вас сами нашли! — с хохотом ответил Сатыбалды.

Вот такие чудеса, он обо всем помнил. Разве может быть большая преданность другу, разве есть уважение выше этого?! Мы крепко обнялись.

Два года назад, в 2002 году, в Москве накануне защиты степени доктора экономических наук вышел в свет серьезный научно-исследовательский труд нашего друга, посвященный экономическим пробле-

мам России и Казахстана, обобщенным на основе теоретического и практического опыта последних десяти лет.

По сравнению с Анталей, куда явился наш друг, Москва кажется едва ли не родным домом, поэтому мы с Касией, отложив все дела, отправились поддержать друга. Аллах его не оставил, и Сатекен, как и подобает, без всяких проблем защитил докторскую диссертацию.

Сатыбалды человек заметный и весьма уважаемый не только среди друзей, но и среди родичей и земляков. Его родина — аул Карасу в Сайрамском районе Южно-Казахстанской области. Хотя живут они теперь в Алматы, но чаще всего Сатыбалды можно найти в родном ауле, который он считает своей “золотой колыбелью”. Он организовал возведение спортивного комплекса в своем ауле, построил там красивую мечеть, архитектура которой притягивает взор. Все это, несомненно, характеризует его как человека огромного благородства.

Недавно я был на родине своего друга, и земляки его не скрыли от меня намерения выдвинуть кандидатуру Сатыбалды депутатом в парламент республики. Я не сомневаюсь, что народ его поддержит.

У Кабидоллы с Сатыбалды есть одно достоинство, которое отличает их от всех остальных ребят, учившихся вместе с нами в училище. Свой трудовой путь они начинали вместе с главой государства рядовыми рабочими и вместе с ним поднялись до руководящих должностей на Карагандинском металлургическом комбинате. Когда Нурекена избрали первым секретарем партийной организации комбината, Кабидолла был ее вторым секретарем, а Сатыбалды выполнял обязанности председателя профсоюзного комитета.

В том, что мы втроем, а также и другие наши друзья, с которыми мы учились в Днепродзержинске, до сих пор тесно общаемся, интересуемся делами друг

друга, поддерживаем непрерывную взаимную связь, самая большая заслуга, если уж говорить честно, Нурекена. Иногда он, используя первую же возможность, появляется в нашем кругу и безмерно всех радуется.

Ораз: Дружище, правду говорят, что одно слово рождает другое, пока я тут внимательно слушал тебя, на язык стал напрашиваться один вопрос. В днепропетровском училище вас учились около семидесяти казахстанцев. Все ли нашли свое место в жизни, на производстве в соответствии с полученными знаниями?

Максут: Я ведь уже говорил раньше, что сам вернулся на родину, потому что работы по полученной мною в училище специальности не было. Перед отъездом руководители производства в Темиртау, дав нам 12 дней оплачиваемого отпуска и 30 дней без содержания, предупредили:

— По возвращении вы будете направлены на работу на металлургические заводы России и Украины. Мы заключили с ними соответствующие договоры. Потому что здесь возможность работы по полученным вами специальностям появится только через два-три года. Если в течение этого времени вы не будете работать, то потеряете профессиональный уровень. И тогда грош цена освоенным вами в училище знаниям и полученным дипломам!

Большинство из парней в условленный срок вернулись в Темиртау и разъехались в разные стороны: в Кривой Рог, Запорожье, Челябинск и другие города России и Украины — на крепкие базовые предприятия отрасли, где им предстояло на практике совершенствовать полученные профессиональные навыки. Я же в связи с семейными обстоятельствами поехать никуда не смог.

Ораз: Максут, раз уж разговор коснулся этого, скажи, а наш будущий глава государства тоже прошел через такую практику?

Максут: Нет, специальность, которую выбрал Нурекен, называлась “горновой”. Если по моей специальности и на водителей мостовых кранов учились в течение года, то профессию горнового в училище осваивали полтора года. Так что Нурекен, если я правильно помню, завершил свою учебу только на следующий, 1960, год, в апреле. Когда они приехали на молодое предприятие, там еще не закончилось возведение доменных печей, и группа джигитов во главе с Нурекеном подключилась к строительным работам.

Да об этом сам глава государства подробно рассказал в своих книгах.

Ораз: Ну ладно, а с кем еще из учившихся вместе с тобой в училище ты общаешься до сих пор?

Максут: Надо сказать правду, что многих ребят я потерял из виду, поскольку в Темиртау не вернулся. С некоторыми обменивался первое время письмами, но постепенно и эта переписка заглохла. Но с Бекболатом Мухамеджановым, Тезеком Исаевым и Ескендиром Рахымбаевым, с которыми учился в одной группе и которые теперь проживают в аулах в окрестностях Алматы, хоть и редко, встречаюсь, обмениваюсь новостями.

Бекболат несколько лет проработал на металлургическом заводе в Кривом Роге, женился там, а потом вернулся, но не в Темиртау, а прямо в родной аул.

А Тезек с Ескендиром, подобно мне, уехав поначалу домой, возвратиться в Темиртау по разным обстоятельствам не смогли. Впоследствии Тезек стал строителем, а Ескендир — журналистом.

Особого упоминания стоит то, что через много лет мы встретились и с Абляшем, нашим другом и одаренным певцом. Он окончил педагогический институт в Кызылорде, стал учителем. Вернулся в Шиилийский район, в свой родной аул Бестам (прежнее

отделение совхоза имени Ленина), устроился в среднюю школу, работал завучем по учебной части. Потом открыл собственный музыкальный класс. Время от времени вместе со своими учениками участвовал в культурных мероприятиях районного и областного масштаба, часто объезжал со специальными концертными программами окрестные аулы. Более того, выезжали в Узбекистан, в Каракалпакию и давали в местных аулах и кишлаках большие концерты.

В 1990 году он принял участие в специально организованной областной культурной экспедиции, посвященной 100-летию юбилею великого жырау, певца и композитора Нартая Бекежанова, побывал с нею в Шымкенте, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Хаттакургане и Нукусе. Там он собирал рассказы древних стариков о самом Нартае, а также старинные легенды и песни. Кое-что записал на магнитофон. Словом, не ограничился сбором наследия Нартая Бекежанова, а вообще внес огромный вклад в пропаганду казахской музыки. Открыл сотни юных талантов, воспитал учеников.

Бедный мой друг, бывая в Алматы, он никогда не уезжал без того, чтобы не заглянуть в наш дом и не встретиться со мной.

В ауле Абляша я был дважды. К сожалению, во второй раз я поехал туда, чтобы выразить соболезнование его жене Фатиме, детям и близким в связи с его безвременной кончиной.

За пару лет до своей смерти, а именно в 1993 году, покойный как-то позвонил мне по телефону домой и поделился приятным событием:

— Максут, я сегодня рад безгранично. Вчера вечером от областного акима Сеилхана Шаухаманова явился специально посланный за мной человек, общил, что меня, мол, разыскивает глава государства Нурсултан Абишевич, и, не дав опомниться, тут же увез в Кызылорду.

По дороге я вспомнил множество забавных моментов, которые мы вместе пережили, когда тридцать лет назад учились в Днепродзержинске. А вспомнив, разволновался. Да и как не волноваться, ведь вызвал меня не кто-нибудь, а сам глава нашего государства, который приехал с визитом в область. Короче, вне себя был от гордости, Максут!

— А песни пел? — поинтересовался я.

— А как же, Нурекен заставил, песни Нартая пел! Долго сидели с ним, вспоминая годы учебы. Мало того, посадил меня вместе с собой в машину, и я его до самого аэропорта проводил. И жестом не показал, насколько высоко взлетел. Все такой же простой и скромный, абсолютно не изменился. Какая все-таки у него щедрая душа, Максут! Бог подарил на счастье казахов настоящего лидера. Пусть все у него складывается благополучно, где бы ни был! — и он пропел в телефонную трубку строфу из песни Нартая, которую исполнил для Нуреkena.

Потом уже я услышал, как крепко обнялись при встрече старые друзья, которые с юности относились друг к другу с особенной любовью. После обычного обмена приветствиями Нурекен попросил Абляша спеть свои любимые песни, по которым истосковался. А потом, поинтересовавшись делами семьи, положением аула, в благодушном настроении неожиданно сказал, чтобы услышали все, кто был рядом:

— Оу, Аблеш, а помнишь шутливую присказку, которую мы часто вспоминали в дни нашей юности: “Пела-пела про Алтай и состарилась Жамал-апай”. Вот и ты подошел к тому возрасту, когда про тебя можно сказать: “Постарел уже Абляш-агай, но на устах по-прежнему Нартай”. Вот уже почти сорок лет, как ты поешь и своим искусством пропагандируешь казахскую музыку, у тебя есть звание?

Очень скромный от природы, Абляш лишь отрицательно покачал в ответ головой. И тогда Нурекен

выразительно воскликнул, бросив искоса взгляд в сторону Шаухаманова:

— А кому тогда вообще мы даем звания?! — подхватил умолкшего Абляша под руку и вывел наружу.

На следующий день утром они прогуливались вместе в саду на берегу реки, и Нурекен спросил Абляша:

— Есть ли у тебя какая-нибудь просьба ко мне, сам знаешь, я приезжаю не каждый день — работы с головой.

— Нет у меня никаких просьб, Нуреке, — ответил Абляш. — За меня не беспокойся, я живу в родных местах, искусство не даст мне умереть. Благодаря тебе ко мне в дом теперь пожаловали люди из районного и областного начальства, авторитет мой повысился, репутация хоть куда. Разве одно это не стоит многого?

Ты, Нуреке, тот, кто рожден не ради блага одного человека, а для счастья всего народа. Я ведь понимаю со стороны, как тебе трудно. У тебя забот и печалей в сто крат, нет, в тысячу раз больше, чем у меня. Вот ты и занимаешься ими, ночами не досыпаешь. Так что моя просьба, мое пожелание одно: пусть твой труд обернется зарей новой счастливой жизни для нашего народа! — искренне, от всего своего доброго сердца пожелал Абляш.

Что я хочу сказать, вспомнив этот случай? Разве Нурекен, используя свои президентские возможности, поручил найти одного из своих старинных друзей Абляша ради того, чтобы облагодетельствовать его? Конечно, нет, он сделал это потому, что всегда с особым чувством относился к людям искусства. Он показал тем самым свою неугасимую любовь к искусству. А такое свойственно далеко не каждому второму. К сожалению, что там говорить, подобных поучительных поступков со стороны таких, как Сеил-

хан, руководителей, увы, не дождешься, когда это нужно!

Ораз: Да не переживай ты так. дружище, этот С. Шаухаманов когда еще ушел со своей должности, и имя его давно в народе забыто. А вот песни, которые написал Абляш, которые он пел, до сих пор исполняются и будут еще долго жить. Так что жизнь всегда прояснит, кто сокровище, а кто человек никчемный. Ты лучше расскажи о вашей встрече в прошлом году.

Максут: Старые друзья, которые достигли возраста пророка, даже перевалили его, собрались на эту встречу в счастливый день, в среду, 22 октября 2003 года, в Шымкенте. Надо отдать должное, инициатором этой встречи был Сатыбалды, он же больше всех приложил усилий, чтобы она состоялась. Благодаря его неустанным стараниям, в те дни, специально приуроченные к рабочей поездке Нурекена в Шымкент, из почти семидесяти казахстанцев, некогда учившихся в Днепродзержинске, приехали двадцать пять человек, проживающих теперь в Алматы, Астане, Караганде, Темиртау и Бишкеке.

На встречу пришел и глава государства, выделив из своего напряженного рабочего графика около пяти часов. Нурекен подробно расспросил всех о нынешней жизни, вспомнил интересные моменты из нашей совместной юности и очень поднял всем настроение.

Ораз, ты ведь и сам по моей просьбе присутствовал от начала и до конца на этой встрече, думаю, пусть и слегка, но все же составил мнение о наших джигитах.

Ораз: Во-первых, конечно, спасибо Нурсултану Абишевичу. Несмотря на усталость в конце рабочего дня, он пришел к своим старым друзьям. Во-вторых, хотелось бы сказать спасибо и твоим старым, посевшим уже друзьям. Они не стали предаваться пустой житейской болтовне и пересудам, а вели речь о куда более серьезных темах, выразили свое удовлет-

ворение внешней и внутренней политикой нашего государства, которая основана на стабильности и межнациональном единстве, с огромной уверенностью и восторженностью говорили о будущем нашей независимой Родины. Было весело, нашлось место шуткам, звучали прекрасные песни. А строчки знаменитого в свое время хита “Армандастар” (“Мечтатели”), которую исполняла популярная группа “Дос-Мукасан”, спетые в самом начале вечера, словно раскрыли его суть:

*Мы начинали вместе жить
Под чистым небом общей эры.
Куда вас завела дороги нить?
Где вы, мечтатели без меры?
Ровесники, кто дружбе верен?**

Как растрогала старинных друзей эта песня, ведь и они некогда учились вместе, а потом разлетелись в разные стороны — каждый за своей мечтой... Да и песня Досыма Сулеева “Жан досым” (“Мой самый близкий друг”) в твоём исполнении не менее растрогала сердца всех участников вечера.

Когда веселье и увлекательный разговор были в самом разгаре, спел и Нурекен — песню Алтынбека Коразбаева “Ушконыр” на свои собственные слова, она украсила вашу встречу.

Да, помню, как все мы хором подхватили: “Навеки в сердце моем твоё имя, о колыбель моя — Ушконыр!”

ЗА ПРАВОВОЙ КАЗАХСТАН

Ораз: Максут, 19-20 января 2000 года все наше общество, в особенности средства массовой информации, словно гром в зимний день, взволновало по-

* Перевод М. Жанузаковой.

явление движения под названием “Демократический выбор Казахстана”. Его первое собрание в здании Алматинского цирка в нашей южной столице и митинг, проведенный на улице, рядом с кинотеатром “Сарыарка”, сильно обеспокоили общественность. Seriously встревожило многих и появление на экранах разных телеканалов этой оппозиционной группы, во главе которой стояли вчерашний вице-премьер О. Джандосов, министры М. Аблязов и А. Байменов, вице-министр Ж Ертлесова, аким Павлодарской области Г. Жакиянов, предприниматель Б. Абилов и другие известные в республике люди.

Однако довольно скоро вскрылась “незрелость” их деятельности, выяснилось, что никакой пользы их “новаторство” нашему обществу не принесет. В числе первых, кто высказал свою точку зрения, что программа и предложения ДВК ничего не стоят, были ученые возглавляемого тобой Казахского гуманитарно-юридического университета, которые, чтобы успокоить республиканскую общественность, написали Обращение следующего содержания. Прочитую его.

ОБРАЩЕНИЕ

ученых Казахского гуманитарно-юридического университета в связи с политической позицией общественного движения “Демократический выбор Казахстана”

В последние месяцы в печати, на радио и по телевидению приводятся позиция и программные заявления политического движения “Демократический выбор Казахстана”. Мы, ученые Казахского гуманитарно-юридического университета, ознакомившись с программой ДВК, опубликованной в СМИ, делаем следующее заявление.

Для совершенствования роли полномочных органов власти в политической программе ДВК намечена реа-

лизация пяти принципов: изъятие государственных функций из центра, выборность местных акимов, придание независимости судебной системе, проведение свободных демократических выборов, свобода слова и независимость СМИ.

Все провозглашенные ДВК принципы нашли очень конкретное и всестороннее отражение в Программе Президента “Казахстан—2030”, гарантированы Конституцией и ежегодно укрепляются в Послании главы государства. Кроме того, в этих декларациях нет ни одного нового предложения, они повторяют то, что осуществляют в настоящее время Президент, Парламент и Правительство.

Усиление государственного контроля за социально-экономическими процессами, борьба с коррупцией рождает тревогу у новых олигархов. В сложившихся обстоятельствах самый оптимальный путь защитить собственные интересы — связать свои действия с шумным призывом к борьбе за демократию, перераспределением государственной власти, ее изъятием из центра. При критике власти используются лозунги, основанные на демократических идеях, признанных большинством, но их поддерживает и постепенно осуществляет и само государство. Однако в данном случае эти демократические идеи являются не поставленной перед собой целью, а средством борьбы за власть. Громкие лозунги и декларации, используя выборность акимов, преследуют своей целью реализацию сепаратистских идей, направленных на расслоение общества и расшатывание основ независимого государства.

Движение намечает замену президентской формы правления на парламентскую, а это противоречит статье 2 Конституции Республики Казахстан, где говорится: “Республика Казахстан является светским государством с президентской формой правления”. Таким образом, программа ДВК покушается на конституционные основы нашего государства.

В соответствии с Законом Республики Казахстан “О республиканском референдуме”, движение поднимает инициативу о проведении республиканского референдума о выборности акимов. Однако на основе статьи 3 указанного Закона вопросы, касающиеся единства государства, изменения его территориальной целостности, относящиеся к управлению Республикой, назначению на должности и к выборам, освобождению от работы лиц, подотчетных Президенту, палатам Парламента и Правительству Республики, не могут быть вынесены на референдум.

То есть, поскольку назначение акимов относится к компетенции Президента, референдум по этому вопросу проведен быть не может.

Предлагается ввести выборность судей. В Конституционном Законе Республики Казахстан “О судебной системе и статусе судей” определен порядок назначения судей на основе их профессиональной квалификации. В этой связи учтен опыт множества стран мира, где выборы судей не дали позитивного результата.

Движение призывает к расширению демократии. Действительно, ряд институтов государственной власти нуждается в скорейшей демократизации. Однако это возможно, принимая во внимание отдельные национальные особенности нашего государства, только при появлении необходимых политических, социальных, экономических и других условий. Не будет лишним напомнить: то, что мы называем демократией, не узко ограниченная цель, а устойчивый, всесторонний социальный процесс, у которого свои законы и правила. Их игнорирование может привести к далекому от демократии процессу застоя и ввергнуть страну в глубокие социально-экономические и политические потрясения.

Мы считаем, что за 10 лет нашей независимости, благодаря коренному реформированию в экономике и политике, заложены основы и достаточные темпы дальнейшего роста экономики, решения социальных задач,

сохранения гражданского единства и национального согласия. Эти успехи и достижения связаны со стойким и последовательным курсом, проводимым первым Президентом нашего государства. Мы полностью одобряем его политику, направленную на демократизацию общества. Поэтому нападки на Президента вызывают наш гнев. Обращаемся к вам, наши дорогие соотечественники, если вам дорога Родина, ее будущее, не верьте громким призывам лживых демократов, чьи лозунги могут привести к разрушению нашего единого государства.

1. Абуов Ж.А., доктор филологических наук, профессор
2. Аубакиров А.Т., доктор юридических наук, профессор
3. Ащеулов А.Т., доктор юридических наук, профессор
4. Жекебаев У.С., доктор юридических наук, профессор
5. Жунисов А., доктор политических наук, профессор
6. Жиренчин К.А., доктор юридических наук, профессор
7. Касабек А.К., доктор филологических наук, профессор
8. Комаков Б.Е., член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук, профессор
9. Мендигулов А.Х., доктор юридических наук, профессор
10. Стамкулов А.С., доктор юридических наук, профессор
11. Толеубекова Б.К., доктор юридических наук, профессор
12. Толеугалиев Г.И., кандидат юридических наук, профессор
13. Уваров В.Н., доктор юридических наук, профессор
14. Усеров Н.У., доктор юридических наук, профессор
15. Чукмаитов Д., доктор юридических наук, профессор

Как только было опубликовано это Обращение, на страницах средств массовой информации потоком пошли письма и отзывы, разоблачающие показную декларативность движения, именуемого “Демократический выбор Казахстана”, доказывающие конкретными доводами его стремление посеять раскол в казахстанском обществе. Если бы это Обращение не

появилось на свет вовремя, то, возможно, те, кто подталкивал общественность к ложным целям, на ошибочный путь, сумели бы одержать победу и, может быть, успели бы нанести вред нашему народу, который живет спокойной жизнью и занимается мирным трудом.

Но Бог нам в помощь, довольно скоро против ДВК повелась целенаправленная борьба: нежданно-негаданно появилось новое республиканское гражданское движение под названием “За правовой Казахстан”, которое ты сам сынициировал. Оно настолько точно отвечало чаяниям общественности, что в течение короткого времени широко расправило свои крылья.

* * *

— Ас-салаумагалейкум!

— Уагалейкум ассалам!

Максут: Ораз, прости, вынужден перебить тебя. Это Серик Абикенулы, журналист одного из независимых телеканалов, он со мной связывался заранее и пришел точно к оговоренному сроку. Хочет, чтобы я рассказал о первых шагах республиканского гражданского движения “За правовой Казахстан” и приоткрыл тайны нашей семейной жизни. Ты сам все это хорошо знаешь и непосредственный свидетель всему.

Ко мне кто-то еще пришел. Расскажи, пожалуйста, этому джигиту о наших беспокойных поездках в период организации движения и об учредительном съезде, сообщи необходимые сведения. А я потом продолжу.

Ораз: Ладно... Всегда трудно затеять что-то хорошее, не так ли? Что ж, слушай, джигит. Наверное, потому, что идея многим пришлась по душе, но это спешно организованное движение крепко поддержала вся общественность.

Когда позднее проект программы и итоговых целей движения был подготовлен и разослан во все регионы, мы отправились в свою первую поездку — на святую землю Туркестана. С самого начала и до конца командировки я был рядом с Максутом. Надо сказать правду, поехал совершенно неожиданно. В то время я работал директором издательства нашего университета...

* * *

Поездка в Шымкент. Четверг, 4 апреля 2002 года.

Часов в 11 утра Маха (Максут Нарикбаев — ректор Казахского гуманитарно-юридического университета, другими словами — президент ЗАО КазГЮУ) через свою секретаршу Динару вызвал меня к себе. Мы тут же разговорились. После обычного обмена приветствиями я сказал:

— Маха, самое обидное в жизни, когда ты не можешь хотя бы раз в месяц свободно поговорить о своих душевных печалях со старым другом, с которым вместе рос, учился в одной школе, в одном классе, сидел за одной партией, а теперь и работаешь вместе. В таком состоянии сейчас и я. Уж не говорю о том, как тосковал, не имея возможности встретиться с тобой, в ту пору, когда ты был генеральным прокурором нашей страны и председателем Верховного Суда Республики Казахстан, но ведь с тех пор, как я устроился в университет, которым ты руководишь и куда сам же меня и пригласил, тоже прошло больше года. Все знаю, все вижу. Дела, которыми ты занимаешься, работа, которую выполняешь, не закончатся в обозримом будущем. Если ссылаться на это, то мы с тобой еще лет десять не сможем встретиться ни у тебя в доме, ни за моим дастарханом. Как же это, неужели мы не можем быть

хозяевами своей собственной жизни? Прямым налетел я на него.

Максут, не изменяя своему добродушному характеру, смеясь ответил:

— В этом ты прав, и работы невпроворот, и мыслей много. Жизнь нашего независимого, суверенного государства, фундамент которого мы заложили и шанырак которого подняли 10 лет назад, неуклонно развивается, и каждый день рождает новые проблемы, они плодятся подобно овцам в окот. Ты, наверное, и сам замечаешь, в какое историческое, очень интересное и полное притягательных моментов время мы живем. Каждый должен внести в него, по мере возможности, свой вклад. Ну а что касается меня, то я человек из команды нашего первого Президента Н.А. Назарбаева, поэтому у меня нет права оставаться в стороне от любого дела в жизни нашей страны. Это моя гражданская обязанность, дружеский долг перед Нурекемом.

Тебе известно, что в начале текущего года (2002 г.), когда Президент находился в краткосрочном отпуске, группа вчерашних высокопоставленных чиновников, в том числе бывший вице-премьер О. Джандосов, министр энергетики М. Аблязов, аким Павлодарской области Г. Жакиянов, заместитель министра обороны Ж. Ертлесова, член парламента Б. Абилов и другие, создали движение “Демократический выбор Казахстана” и взбудоражили всю общественность.

Спасибо Президенту, он сохранил спокойствие и выразил свою точку зрения на это событие, мол, следует выяснить, что за вопросы ими поставлены, есть ли что-нибудь полезное для народа в избранном ими направлении, в их программе и позиции, возможно, есть вещи, о которых стоит задуматься и нашему правительству, и парламенту, в таком случае необходимо прислушаться, прочесть и проанализировать. Од-

нако, к сожалению, никакой Америки они не открыли. Все их заявления свелись к повторению тех полезных мер, реализацию которых поставили перед собой Президент, правительство и парламент и которые ими же претворяются в жизнь. Самое плохое — это то, что они совершенно бездоказательно свели на нет огромное количество самых разных полезных начинаний, которые осуществлены за 10 лет, шлют проклятия в адрес и Президента, и правительства, и парламента и занимаются шумной и пустой болтовней. В такой ситуации, когда навет следует за наветом, как не схватиться с ними? Сам знаешь, 15 докторов наук, профессоров нашего университета поставили свои подписи под Обращением, в котором выразили свой протест этим пустозвонам, сеющим панику.

— Маха, это Обращение и я помню. Поскольку оригинал был написан на русском языке, наши переводчики, среди которых был и я, в течение считанных минут перевели его на казахский, набрали на компьютере и часов в шесть вечера отправили факсом в газету “Егемен Қазақстан”. Наши старания и спешка не пропали даром, на следующий день, то есть десятого февраля, это Обращение вышло в свет. Естественно, такое мнение о движении сложилось у многих, оно и позднее господствовало. Однако, к нашей чести, первыми, кто озвучил мысли, которые волновали большинство, были преподаватели-профессора нашего университета.

— К тому же значимость этого Обращения — в его обоснованности законом. Добрые намерения, светлые мысли, которые стали причиной того Обращения, нашли свое продолжение и сегодня, потому как мы собираемся создать гражданское движение “За правовой Казахстан”. Для того чтобы сделать это движение жизнеспособным, чтобы искренне поведать народу о его целях, отправляюсь в командировку в

Южно-Казахстанскую область. Порой я спохватываюсь поздно, вот и теперь лишь сейчас меня озаботила одна проблема: в Южном Казахстане ведь не только говорят, но и всю документацию ведут на государственном языке. Поэтому я и вызвал тебя, хочу попросить, чтобы ты быстро организовал перевод на казахский язык подготовленного по-русски моего выступления.

— Сколько времени это твое “быстро”?

— В восемнадцать тридцать мы должны быть в аэропорту.

Взглянув на часы, я покачал головой.

— Если ты не против, поехали вместе со мной. Сможешь расширить свои представления о моих идеях и взглядах.

— А сколько страниц в твоей речи?

Максут вручил мне 7 страниц отпечатанного на компьютере выступления и программу упомянутого движения, изложенную на 18 страницах. Я снова посмотрел на часы. До полудня осталось всего лишь 12 минут. Душа ушла в пятки. Дело в том, что один переводчик из нашего отдела совсем недавно ушел с работы, а второй, мастер своего дела, находился как раз в очередном трудовом отпуске. Кроме меня, в отделе сейчас был единственный переводчик Куттыбек Байдильдаулы. Итогом этих молниеносно промчавшихся в голове мыслей стал вывод: “как бы мы вдвоем ни старались, все равно не успеем”, а затем я уперся в вопрос: “что же делать?” Маха же все тем же серьезным тоном настойчиво добавил, то ли прося, то ли в порядке приказа:

— Успеете, если сразу будете диктовать на компьютер!

— Попробуем. А кто мне билет возьмет? — поинтересовался я.

Он снял телефонную трубку и поручил своему помощнику Фархату:

— Приготовь билет на самолет Оразу Исмаилову!

Вернувшись в редакцию, я позвонил отдохавшему в трудовом отпуске Сагадильде Ажибаеву. Сагадильда перевалил уже за возраст пророка, домосед, который надолго из дома не отлучается. Кроме того, он только вчера звонил и спрашивал: “Что если я выйду на работу пораньше, а оставшуюся неделю отпуска отложу на потом?” Это как бы давало мне заранее право говорить свободно, без всяких уловок.

Тут же позвонил ему по телефону. Удивительно, как порою везет, когда дело касается чести: Сакен оказался дома. Что греха таить, без всяких капризов он сообщил, что вскоре приедет. Это было уже после 12 часов дня. Как говорят, “судьба раба — труд без усталости”, вдвоем с Куттыбеком мы тут же приступили к работе и начали переводить. Примерно через час подоспел и Сагадильда. Теперь мы трудились уже втроем. Посадили рядом двух девушек компьютерных операторов (Жанылган с Гульмирой), давали на набор переведенные страницы, что-то надиктовывали устно. В общем, что говорить, старались, из кожи вон лезли, и, когда стрелки часов подошли к 17. 00, успели и перевести 25 страниц вышеназванного текста, и отпечатать, и проверить. В этот момент появилась и моя дочка Жихаз, которая привезла мне необходимые в дороге вещи. Зазвонил телефон, помощник Максута Фархат сообщил:

— Ораз Исмаилович, получите в бухгалтерии командировочные и выходите к гаражу. В 18 часов мы должны быть уже в аэропорту, потому что к этому времени туда приедет и Максут Султанович. Хотя бы на пять минут, но нам надо добраться в аэропорт раньше него.

Когда угодно Богу, все складывается удачно — мы успели. Как и рассчитывал Фархат, приехали в аэропорт на минут пять-десять раньше, чем Маха. Он был не один. К нему присоединились дочь Ляззат с

зятем Ардаком, супруга Касия и младший сын Канат, которые решили, воспользовавшись случаем, поклониться праху Ходжи Ахмеда Яссави.

Без четверти семь вечера наш самолет уже поднялся в небесный простор. Через минут двадцать салон обошла стюардесса, угостив пассажиров приятными сосательными конфетами. Следом принесли легкую закуску с разнообразными вкусными напитками. Пока мы все это попробовали и опустошали свои подносы, стюардесса уже объявила:

— Уважаемые пассажиры! Пристегните ремни, прошу оставаться всех на своих местах. Самолет вошел в воздушное пространство города Шымкента и начал снижение...

Я взглянул на часы, было уже почти 20. 00. Спустя пять минут мы совершили посадку в аэропорту Шымкента. Да, кстати, пока летели, Макен прочел казахский вариант своего выступления. “Надо же, как звонко звучит на казахском!” — воскликнул он, выразив тем самым свою признательность.

Когда самолет подъехал к выделенному для него месту и остановился, я первым поднялся со своего кресла. Снаружи у трапа нас встречали директор Шымкентского филиала нашего университета Кайрат Балабиев и аким Ордыбасинского района Шалатай Мырзахметов. Неподалеку стояли их легковые машины. Воздух был влажным и вязким. Небо заволкли тучи. Накрапывал дождь. Когда мы выехали с территории аэропорта, хлынул ливень.

Шалатай сказал, что завтра к вечеру ждет всех у себя дома, и отправился в свой аул. Кайрат захватил нас в “собственность” и повез к себе домой. Прежде он работал в окрестных районах прокурором, затем заместителем начальника областного управления юстиции, а в последнее время стал директором филиала нашего университета. Его дом находился на территории тенистого парка на окраине города. По-

строен с размахом. Трудно даже передать словами, насколько он просторен внутри. Огромный зал. В центре — большой стол, длиной метров десять и шириной около двух метров. Весь уставлен всевозможными блюдами, ломится от фруктов.

Жену Кайрата зовут Карлыгаш. Она из рода шап-рашты, дочь Великого жуза, оказалась очень приветливым, почтительным, необыкновенно любезным и воспитанным человеком. Хотя живет в богатстве и роскоши, сумела сохранить в себе скромность и безукоризненную человечность, стыдливая и особенная по природе своей женщина. Словами не описать вкус приготовленных ею или под ее руководством блюд, к тому же их было великое множество. За этим дастарханом мы попробовали и жирную баранину, и всевозможное мясо птицы, в том числе и перепелиное в тушках с кулачок, и страусиное, с трудом уместяющееся в чашку, а кроме того, и традиционные казахские деликатесы, такие как казы, карта, жал, жая, язык, которые очень питательны и легко усваиваются.

Ну а о разнообразии плодов и ягод, фруктовых соков, всевозможных напитков, вина и водочных марок и говорить не приходится. У них замечательная традиция — не выставлять спиртное на столе. Горячительные напитки нашли свое место в одном из углов просторного зала. Все с красивыми этикетками, так и сияют своим содержимым. Я уже долгое время не употребляю ни водки, ни вина, поэтому мое внимание эти бутылки особо не привлекали. Однако во время перерыва я нарочно подошел ближе к тому углу и взглянул на напитки. Боже мой, одной водки было сортов десять, столько же видов вина и шесть или семь марок виски. “Вот зараза, а ведь в ту пору, когда я не отказывался от спиртного, ничего такого и в помине не было!” — подумал я про себя.

Вскоре за огромным столом прибавилось гостей. Мать Максута Зинаш, теща Батима и двоюродная сестренка Жумагуль, как оказалось, лечились и отдыхали на курорте в Сарыагаше, и Кайрат тоже пригласил их на угощение. Как хорошо, что среди нас появились старшие, сразу завязалась увлекательная беседа, застолье вышло непринужденным и приятным. Вскоре после того, как пришли новые гости, на смену чаю, утолившему жажду, и закускам подошло главное блюдо — специально приготовленный бесбармак. Была приподнесена и голова. Ее поставили перед Максутом. Мать с тещей сидели по обе стороны от него, поэтому он, решая кому подвинуть блюдо с бараньей головой, поворачивался то к матери, то к теще, но, так и не определившись с выбором, принялся уплетать ее сам. Причину этой нерешительности я узнал позднее: две сватки, которые уже подошли к возрасту восьмидесяти пяти лет, “соперничали” друг с другом. Если Касия покупала им два разных платья, камзола или две пары разных сапог, то старушки начинали “капризничать”, высказывая ей обиду; одна говорила, почему, мол, ты купила Батиме такую-то вещь, а другая вторила, по какой, дескать, причине ты взяла для Зинаш эдакую. Вот поэтому у Максута, Касии и внуков постепенно установилась традиция дарить бабушкам совершенно одинаковые подарки. По той же причине Маха теперь и не стал придвигать блюдо с головой ни к матери, ни к теще, а оставил перед собой.

Когда он отрезал ухо для сына Каната и стал раздавать кусочки мяса с опаленной кожей Касие, мне, своему зятю Ардаку и дочери Ляззат, Касия спохватилась:

— А разве не нужно было тебе сначала благословить угощение?

Максут, который уже разделал голову согласно традиционному обряду, ответил:

— Благословение можно произнести и после того, как трапеза закончена. А до этого еще есть время, байбише!

Однако Касия не смирилась:

— Это благословение по другому поводу, — и строго добавила: — А ты должен благословить приподнесенную тебе голову!

Видимо, понимая, что к их диалогу невольно прислушались сидящие за дастарханом, Маха, не зная, как оправдать себя за допущенную оплошность и выйти из неудобной ситуации, обиженно съязвил:

— Даже когда не знаешь, ты вечно строишь из себя знатока!

Я не стал вмешиваться в их разговор, занявшись поставленной передо мной сахарной косточкой. Понимаю, что Максут допустил ошибку, забыв произнести благословение, так что замечание Касии верное. Возможно, если бы они были дома, она бы смолчала, но здесь напомнить обряд было необходимо ради внимания к Кайрату и Карлыгаш. Так она и поступила. Уже одно это — выражение благодарности Кайрату с Карлыгаш, которые специально готовились и с таким большим почетом принимали гостей. Хозяева дома — люди смысленные и восприимчивые. Поняли и Максута, и Касию.

В этот раз я еще раз убедился, насколько мать предана своим детям и готова ради них на любые жертвы. Чтобы утихомирить спорящих сына и невестку, Зинаш-апай сказала:

— Что вы тут поделить не можете?

— Да это все Касия, строит из себя знатока, мол, ты не произнес другое благословение. А я ей говорю, что его произносят после еды. Но она с этим не соглашается, — громко, чтобы слышали все, объяснил Маха.

Мать всегда есть мать, без всякой задней мысли Зинаш-апай попробовала оправдать сына и смягчить ситуацию:

— Э, Бог ты мой, только-то, и из-за этого вы не можете договориться?! Благословение можно и после трапезы совершить.

Однако Касия, всегда всем своим существом стремящаяся к справедливости, правоте и правильности, на этом не успокоилась:

— Нет, мама, вы так не защищайте своего сына. У благословения приподнесенной головы свое время, у благословения дастархана — свое. Если уж вмешались, то говорите правду. Он не знает этот обряд, и голову он должен был поставить перед вами!

Мне понравился поступок Касии, которая выложила все прямо, без всякого заискивания. Маха и сам понимал, что она права. Потому как он несколько раз прыснул от смеха. Он не дал благословения вовсе не от незнания, а потому, что все еще не избавился от последствий коммунистического воспитания советской эпохи, призывавшего держаться подалеже от древних традиций и обычаев, что совершенно изменило примеры поучительности и едва не искоренило установившиеся традиции. Вот теперь он и защищается как может, подобно тому, как “утопающий хватается за соломинку”, вот и твердит не стесняясь, что произнесет благословение после того, как ужин будет закончен. Мужчина не говорит дважды, так и Макен стоит на своем, подобно Коже Насыру, который на протяжении нескольких лет твердил эфенди, что ему по-прежнему сорок пять лет.

Когда все наелись, напились чаю, насытились разговорами, было уже около двух ночи 5 апреля. Мы улеглись, чтобы хорошенько выспаться. Кайрат с Карлыгаш никого не отпустили в гостиницу, оставили ночевать в своем доме, устроив каждого в отдельности. На улице лил дождь. Я на некоторое время открыл форточку, проветрил и остудил слегка комнату. Заметил, что самочувствие прекрасное. Похоже, кровяное давление в норме, не понизилось

и не повысилось. Настроение было приподнятым, тело бодрым.

Пятница, 5 апреля.

Раннее утро. Дом Кайрата и Карлыгаш. Кажется, будто вчерашний щедрый стол все еще не прибран. Притягивает взор все тем же изобилием. Причем не только изобилием, но и культурой застолья, которая, как выясняется, в этой семье на высоком уровне. К завтраку подали вкусно приготовленную мучную похлебку, разнообразную холодную закуску, соки и чай. Во всяком случае, я, выбирая самое лучшее и вкусное, вдоволь наелся, не преступив при этом своей обычной нормы.

Десять часов утра. Фасад Шымкентского филиала нашего университета. Дождь все льет. Под козырьком на фасаде филиала довольно просторно. Там сбились в кучу встречающие нас студенты и группа преподавателей. Педагоги поздоровались с нами и с Маханом за руку. Со стороны студентов чувствуется любопытное внимание. Максут не стал сразу заходить внутрь здания, а повернулся к молодым и коротко, доброжелательно заговорил с ними:

— Ну, как вы тут, господа студенты, учитесь хорошо? Двоек и задолженностей нет?

— Учимся хорошо, о двойках и задолженностях даже не говорите.

— Не пытаетесь заслужить оценку подношениями преподавателям?

— Боже сохрани!

Раздался дружный хохот.

— А, выходит, все нормально, наши будущие юристы должны выйти отсюда всесторонне развитыми и честными специалистами с глубокими знаниями!

После этого мы заглянули в библиотеку филиала и прошли в читальный зал. В фондах библиотеки, оказывается, насчитывается 35 тысяч книг. Ровно половина из них находится в читальном зале, а дру-

гая половина — на руках у студентов и преподавателей. Обойдя библиотеку, Макен сказал, что еще год назад здесь не было подобного книгохранилища и читального зала, и добавил:

— Будем пока радоваться и этому, однако, для будущего книжный фонд крайне скуден, поэтому в университете в этом плане ныне ведется большая работа, — и он подробно рассказал далее о том, что в созданном в прошлом году отделе переводов опытные специалисты заняты сейчас переводом необходимых учебников и учебных пособий с русского языка на казахский, и пообещал, что соответствующую часть тиража направят сюда. Сообщил, что этот отдел возглавляю я и тоже кое-что перевел, что уже одобрены в виде рукописей 13 книг, в течение года они пройдут производственный цикл и будут отпечатаны, а также довел до сведения, что здешние читатели могут выразить свои пожелания и сделать заказ.

Задали несколько вопросов и находившиеся в читальном зале студенты.

Одна девушка поинтересовалась:

— А можно ли перевестись в базовые учебные учреждения в Астане и Алматы?

Макен ответил, что перевестись можно, напомнив, что правильнее всего устроить это во время каникул.

После этого разговор развился вокруг политических событий в жизни страны. Что меня поразило, так это полная осведомленность молодежи в политической, экономической и социальной жизни нашего государства. Более того, они наглядно показали противозаконные и противоречивые стороны взбуривших поначалу население Алматы, а потом и всех тружеников республики движения “Демократический выбор Казахстана” и партии “Ак жол”.

Затем мы встретились с профессорско-преподавательским составом филиала нашего университета.

Время — 12 часов 15 минут. Разговор с ними Маха начал так:

— Уважаемые мои коллеги!

Уважаемые дамы и господа! Исторически праздник Наурыза отмечают в течение целого месяца, эта традиция продолжается в нашей стране и ныне, так что поздравляю вас с Наурызом!.. Я знаю, что вас волнует ряд вопросов, один из них — размер месячного оклада. Можете не переживать по этому поводу. Мы сейчас изыскиваем пути для его повышения. Только помните вот о чем, откуда у нас средства на заработную плату? Их приносят студенты. Поэтому прошу вас неумолимо давать им качественное образование и сознательное воспитание. Вот уже три года, как создано ваше учебное заведение — филиал. За эти три года вы заметно продвинулись вперед. Только что мы увидели и библиотеку, и читальный зал, которых раньше не было. Вдобавок к этому открылась военная кафедра. Конечно, прежний ректор допустил множество ошибок. Самое грустное, что он растратил на неизвестные цели 10 миллионов тенге. Если бы эти средства были пущены на повышение вашего месячного оклада или на приобретение книжных фондов, какая была бы от них польза. Но что поделаешь, такую возможность мы упустили. По неблагоприятным действиям мошенника Каната мы сейчас возбудили дело, однако, неизвестно, добьемся ли в итоге результата. Потому что он успел собрать фальшивые документы, которые покрывают растрату вышеназванных средств. Самое досадное в этом вопросе то, что некоторые люди из окружения Каната, которые в бытность его руководителем были ему ближайшими соратниками, вместе с ним работали, сидят сейчас в этом зале. Я считаю своим долгом напомнить об этом нынешнему руководству.

Второй вопрос, которого я хотел бы коснуться, — это необходимость приглашать время от времени для

чтения лекций известных ученых-докторов из Алматы и Астаны в целях углубления знаний студентов. Сколько профессоров извне читали у вас лекции в течение прошедшего с начала года квартала?

Балабиев: Приезжали в прошлом году. В нынешнем еще не успели.

Нарикбаев: Поскольку подвернулся удобный момент, скажу еще об одном: настало время по возможности быстро расставаться с теми преподавателями, кто не имеет научных степеней и у кого не хватает профессионального опыта. В особенности среди нас не должно быть места таким педагогам, которые безалаберно относятся к своим обязанностям и проводят занятия совершенно без подготовки. Еще раз повторю, полученные от студентов деньги необходимо вернуть качественными и глубокими знаниями. Если мы не сделаем этого, взятое не принесет нам пользы. И это будет нечестно.

Кемельхан Шайбеков (доктор юридических наук, профессор): Максут Султанович, разрешите, я добавлю несколько слов?

Нарикбаев: Пожалуйста.

Кемельхан: Уважаемые мои коллеги, земляки, ученики!

Поднявшийся сегодня до уровня государственного деятеля Максут Султанович — тоже один из моих талантливых учеников. Его биографию и трудовой путь вы и сами знаете, в какой бы сфере ни работал этот человек, он нигде не искал “тишины”. Везде проявлял себя постоянной инициативой, новыми предложениями, новаторством. Сами знаете, что, когда Максут Султанович пришел в 2000 году в наше главное учебное заведение — юридический университет в Алматы, в городах республики действовало 12 его филиалов. Хорошо, что их стало много, однако, лично объехав все эти учебные учреждения, Максут Султанович отметил, что учебная база в них край-

не слаба, что они не отвечают требованиям нынешнего дня и что в отдельных учебных заведениях даже нет ни одного доктора либо кандидата наук, и резко заявил, что такое поверхностное отношение к молодому поколению, к будущему молодых специалистов недопустимо. Поэтому вместо 11 филиалов он оставил только 5 и направил в правильное русло преподавание знаний и качество образования. Слава Аллаху, наш филиал в авангарде упомянутых выше. По приглашению Максута Султановича я тоже перевелся и пришел сюда работать. Хочу заверить, что здешние мои младшие коллеги и ученики безупречно выполняют поставленные перед ними задачи и не жалея себя стараются поддержать репутацию коллектива.

Нарикбаев: Спасибо, Камеке! Пусть всегда так будет!

Третий вопрос, о котором я хотел сказать вам, таков: с того дня, как в небо взвился голубой стяг независимости нашей страны, в моей голове вертится мысль о создании нового народного движения. Но, поскольку мои служебные обязанности были далеки от политики, эти мысли так и оставались долгое время в виде идеи. Однако, как говорится, вода точит камень, настало время претворить идею в жизнь. Сегодня я, слава Богу, не генеральный прокурор и не председатель Верховного Суда, а один из рядовых ректоров. Всем вам хорошо известно, что в начале текущего года группа молодых оппозиционеров в подлинном смысле взбудоражила наше общество.

Вообще-то, давайте сначала как следует определимся, что такое так называемая оппозиция? В моем понимании, оппозиция в зарубежных странах появляется среди тех, кто стремится перехватить власть. В борьбе за нее они оглашают свои программы и курс, собирают голоса и идут на выборы. Таким образом, представитель многочисленной оппозиции приходит

к руководству государством. Ну а что представляет собой наша оппозиция, наделавшая шуму в январе, что за люди наши оппозиционеры— Не буду называть их имена, все они еще только вчера сами были на вершине власти: один — вице-премьер, другой — министр, еще один — областной аким, четвертый — член парламента. То есть еще недавно они работали в высших эшелонах власти. Однако в связи с допущенными ошибками были сняты со своих постов и понижены в должностях, короче, все они — чиновники. Разве не в результате появившейся обиды они стали оппозиционерами? Подумайте сами, разве можно отнести их поступок к гражданскому и правдивому? Это — если говорить иначе, довольно странные действия. Как же они забыли пословицу: “Устраивайся соразмерно своему одеялу”?!

Так вот, наблюдая за их необоснованными и незаконными действиями, я вновь вернулся мысленно к своей старой идее. Поэтому в настоящее время занимаюсь организацией гражданского движения “За правовой Казахстан”. Оно обрело уже и поддержку, особенно в лице депутатов. Я отправлял вам программу движения... Лица здешних джигитов открыты, как ясное небо, а облик женщин и девушек подобен красоте цветов, я думаю, что и вы поддержите меня. *(Смех, аплодисменты.)*

Я ни в коем случае не собираюсь унижить с какой-либо стороны инициаторов движения “Демократический выбор Казахстана” и партии “Ак жол”. Все они высокообразованные, знающие люди. У некоторых из них имеется по два, даже по три диплома. К сожалению, только в правовой сфере у них весьма поверхностные знания. Более того, их вообще почти нет. По их словам, надо коренным образом изменить Конституцию, убрать Президента и распустить правительство. То есть мы можем считать это призывом народа к противоправным действиям, к попиранию

существующего законодательства. Разве так можно, ни в одном из цивилизованных государств не пойдут на такое. Не было подобного. Ну а кто не понимает, что акимов необходимо выбирать, а не назначать? Только для этого требуется время. Какая нужда ломать в спешке ноги?

Сами поразмыслите, наше гражданское движение не ставит перед собой никаких чуждых целей, наша задача — добиться того, чтобы весь народ хорошо знал свои права, наша задача — борьба за правовой Казахстан. Если граждане не знают своих прав, если не владеют основами государственного законодательства, то есть Конституции — нашего Основного Закона, то они не сумеют достичь высоких результатов. Поэтому мы и призываем всех к углублению и знанию права.

Членами нашего движения стали представители различных партий. Мы нацелены на мир в стране и национальное согласие!

Большое вам спасибо за то, что выслушали меня. Если у вас есть вопросы, задавайте. *(Аплодисменты.)*

Следом со всех сторон посыпалось:

— Вопросов нет, мы выражаем полную поддержку движению, которое нацелено лишь на спокойствие в стране. Наше главное богатство и крепкая опора — это мир в стране, единство и солидарность всех народов и регионов.

— Мы осознанно доверяем вам и движению, которое вы возглавляете. Пошлем своих представителей на учредительный съезд, который состоится в Астане! — ясно слышались голоса.

Эта встреча, растянувшаяся от начала и до конца всего на два часа, закончилась без 15 минут два. Отправились пообедать, потому что в 15. 00 предстояла еще одна встреча.

Мы вновь вкусили угощение от подаренного нам Аллахом обильного дастархана Кайрата. Время при-

близилось к 14. 30. Макен дал мне возможность выбора. Либо сесть в одну из поджидавших машин и съездить повидать один из древнейших городов на казахской земле Сайрам, который расположен километрах в 25-30 от Шымкента, либо отправиться с ним на встречу со студентами и преподавателями Южно-Казахстанского государственного университета. Для меня, конечно, особо ценным было бы увидеть достославный Сауран. Но, поскольку передо мной стояла задача изучить психологию и внутренний мир Максута, я выбрал второе предложение. По словам Кайрата, чтобы доехать до названного университета, требуется не больше десяти минут времени. Поэтому он предложил нам расположиться удобно на диване и отдохнуть, так как в запасе было еще минут 15. Однако Макен на это не согласился, объявил:

— Поехали! — и встал с места.

Видимо, Кайрат прекрасно знал ректора университета, поскольку тут же объяснил:

— Уакен обещал встретить нас ровно в 15 часов, если приедем раньше, его может и не оказаться.

Тем не менее, Маха вновь не согласился:

— Наоборот, нам лучше явиться пораньше, ознакомимся пока с университетской территорией, — и он направился в сторону двери.

Я последовал за ним. Вышли наружу. А дождь все льет. Несмотря на это, Маха неторопливо пошел к машине и сел в нее. Мне предложил устроиться на переднем сиденье.

Как и сказал Кайрат, к университету мы подъехали меньше чем за десять минут. К чести сказать, перед входом в университет нас уже поджидали прослышавшие о нашем визите один из проректоров и двое профессоров-преподавателей. Принялись радостно обмениваться приветствиями, а проректор общил:

— Ректор обещал подъехать за пару минут до 15 часов, — вежливо намекнув, что мы прибыли чуть раньше оговоренного срока.

Затем он провел нас по второму этажу, уставленному музейными экспонатами, в кабинет ректора. Попутно хотелось бы отметить одну замечательную вещь — местные люди остались верны установившейся издревле в нашем народе традиции: “если в аул приехал издалека шестилетний ребенок, то даже шестидесятилетний старик должен выйти навстречу, чтобы поприветствовать его”. До 15 часов в кабинет один за другим заходили поздороваться преподаватели и профессора, прослышавшие о нашем приезде.

Когда до трех оставалась одна минута, в кабинет вошел и ректор. Уалихан Козыбекович Бишимбаев. Простой в общении человек, высокой культуры и, похоже, очень образованный. Просторный университетский зал на 600-700 мест был до отказа заполнен студентами и преподавателями, прежде всего, ректор поднялся на трибуну и представил собравшимся Максута. Потом остановился коротко на истории университета: что он был создан на базе прежних четырех институтов, что в его составе ныне 12 факультетов, на которых обучаются в целом 19 500 студентов.

Свое слово на этой встрече Маха начал так:

— Мы не партия. Мы общественное движение. Мы не ставим своей целью бороться за власть. Оказывая поддержку первому Президенту нашего суверенного государства Н.А. Назарбаеву, мы хотим оказать помощь его упорной работе, сохранить мир и согласие в нашей стране. В ряды нашего движения влились граждане Республики Казахстан самых разных политических взглядов. Более того, члены любой партии вправе соединить свои усилия в совместной с нами деятельности.

Мы призываем с помощью закона защитить нашу демократию, с помощью закона сберечь нашу независимость.

В ходе встречи особенно отличились заданными вопросами и прозвучавшими репликами члены здешнего “Клуба молодых юристов”. Например, один из студентов спросил: “Почему нашу Конституцию не выпускают отпечатанной в маленьком формате? Разве будет лишним, если наш главный, золотой Закон будет всегда в нашем кармане, подобно свидетельству о рождении, как личный оберег?” Мне этот вопрос очень понравился. И порадовал. Про себя решил, что скорейшим образом доведу его до сведения моих издательских друзей. В моем понимании из сути этого вопроса можно сделать два вывода. Во-первых, огромное восхищение, которое испытывает молодой юрист к Основному Закону нашего государства, восхищение, близкое к безграничной любви. Во-вторых, это яркий пример новых веяний и поступков, которые проявляются в казахстанцах, отождествляющих теперь себя с национальным достоинством и государственной честью. Если издатели республики учтут это обстоятельство, то они, бесспорно, не только не проиграют, а наоборот, будут завалены прибылью.

Другой вопрос, заданный еще одним молодым юристом, оказался не из легких. “Если наше государство правовое, почему литература по правовой сфере не продается по более низким ценам, чем другая литература? Более того, если некоторые справочники и комментарии будут распространяться бесплатно, государство только выиграет. Нам хочется многое приобрести, хочется прочесть. Но стоимость книг непомерно высока. Как вы к этому относитесь?” — поинтересовался он. Маха, прежде всего, поблагодарил его за вопрос, а затем дал ответ, которым присутствовавшие остались довольны.

Мужчина лет сорока, то ли один из преподавателей, то ли один из простых сотрудников университета, этого я так и не понял, решив задать вопрос, невольно проявил свою неосведомленность о заметных

событиях в жизни собственной страны. Он спросил: “Какие меры принимаются в нашей республике в области здравоохранения, особенно улучшения здоровья молодежи?”

Маха ответил на вопрос очень спокойно и мудро. Во-первых, он напомнил, что текущий 2002 год Президент объявил Годом здоровья, и остановился на ряде полезных дел, которые были запланированы в связи с этим и начали претворяться в жизнь. Однако ни словом не дал понять спросившему, почему тот этого не знает. Напротив, постарался охватить тему шире, полнее и разъяснил все доступным языком.

— Однако, — добавил он в завершение, — не стоит ждать добра только сверху, со стороны правительства, каждый из нас, каждый гражданин и каждый коллектив должен действовать. Нам следует внести свой вклад. Например, наш университет собирается построить собственное лечебное учреждение рядом с находящимся в ваших краях знаменитым Сарыагашским санаторием. В будущем там будут лечиться и отдыхать наши преподаватели и студенты. Когда мы только что ехали к вам, мой друг на одной из улиц заметил лозунг очень глубокого содержания и показал его мне. На нем были слова нашего великого Абая: “Не проси благоденствия с неба, заработай собственным трудом!” Что если эти выдающиеся слова мы будем использовать не только в виде призывных лозунгов, а постараемся реализовать их?

Собравшиеся были настолько довольны сказанным, что устроили настоящую овацию.

В заключении встречи один из педагогов сказал в своем выступлении:

— В своей содержательной речи Максут Султанович искренне поделился радостью о рождении движения “За правовой Казахстан”, которое стало равноценным противовесом движению “Демократический выбор Казахстана”. Он привел поучительные

слова прославленного Бауржана Момышулы, который сказал: “Без порядка у народа нет будущего, а привыкший к порядку не может быть рабом”, — и подчеркнул, что ради нынешней и будущей жизни нашей суверенной страны необходимо согласие, которое принесет нам счастье и благополучие, а не раздор, что, подобно качелям, расшатывает основы стабильности.

В конце встречи был подписан договор о взаимном дружеском сотрудничестве между двумя университетами. На плечи Максута набросили профессорскую мантию и вручили диплом о присвоении звания почетного профессора университета.

Хотя день уже клонился к вечеру, Маха повез нас к мавзолею Арыстан-баба, что находится в Шаульдерском районе. Здесь нас встретил его друг, аким района Шалатай Мырзахметов, с которым мы виделись вчера, угостил у себя дома щедрым ужином, а потом отвез к мавзолею святого, устроив нам возможность переночевать там, согласно обряду паломничества. В этот момент зазвонил сотовый телефон в кармане Максута. Звонили из Астаны. Похоже, наш проректор Жиренчин. “Министерство образования собирается преобразовать наш университет в Астане в гуманитарный”, — сообщил он, пожаловавшись, что чуть ли не за глотку хватают.

Маха взглянул на меня и разговорился:

— Это и есть, Ораз, борьба за существование... Рано переживать, на этот счет я уже изложил письменно свои предложения Президенту. У нас свое направление. Наш университет и со стороны своей технической базы, и со стороны профессорско-преподавательского состава — единственное юридическое учебное заведение, равных которому нет. Ни один из юридических институтов в нашей республике не дает такие глубокие знания в сфере юриспруденции. Нашим студентам читают лекции известные на весь мир

профессора из стран СНГ, таких как Россия, Украина, Азербайджан, более того, доктора из США, Турции и других зарубежных государств...

...Любой паломник, который остается на ночь в мавзолее Арыстан-баба должен перед сном загадать желание. Поскольку у меня не было какого-то отдельного, особенного желания, я, как обычно, ограничился обобщенным пожеланием и сказал про себя: "пусть будут здоровы моя жена и дети, пусть начатые мною дела успешно завершатся, прости грехи мои и провинности..." Во сне мне явился покойный отец, да успокоится его душа. Мы сидели с ним и беседовали.

Суббота, 6 апреля.

Наутро за чаем Маха поинтересовался у матери, тещи, жены, зятя, детей и племянницы Марии, кому какой приснился сон. Самому ему привиделось, что они вдвоем с Президентом взбираются на гору. Сыну Канату приснилось, что он стоит рядом с каким-то бизнесменом, пересчитывающим доллары.

— Тот человек словно насмеялся надо мной, снова и снова пересчитывал деньги, я так разозлился, что проснулся, — рассказал Канат.

— Этим он хотел тебе сказать, что деньги надо уметь не только тратить, он пытался научить тебя вести им счет, — со смехом разъяснил сыну сон Маха.

Перекусив, мы направились к изголовью могилы Арыстан-баба. Прочли там Коран, совершили богослужение. Напились воды из колодца, омыли лица. В лавке поблизости я приобрел на память вырезанные из дерева четки.

Теперь наш путь лежал в Туркестан, к величественному Мавзолею Ходжи Ахмеда Яссави. После ночного дождя степь приобрела привлекательный вид. Пыль улеглась. Солнце ласкало теплом. Проехали Ордабасы. Это районный центр.

Около 12 часов добрались до Туркестана. Сразу отправились совершить обряд поклонения праху свя-

того Ходжи Ахмеда Яссави. Потом побывали в здешнем казахско-турецком университете. Там мне подарили книгу, в которой описана история университета. Продолжу рассказ, начиная с этой встречи...

В Туркестане Маха также подписал договор о сотрудничестве между двумя учебными заведениями. Получил диплом почетного профессора университета. Ректор Оразалы Сабден еще недавно был депутатом мажилиса. По специальности он экономист.

На обратном пути мы снова заехали в Шымкенте в дом Кайрата, а оттуда двинули в город Жетысай. Дорога туда ведет через Сарыагашский санаторий. После обеда, как только мы выехали из города, снова хлынул дождь. Но через некоторое время прекратился. В Жетысай мы прибыли ближе к вечеру. Там нас встретили старинный друг Максута, бывший аким здешнего Махтааральского района Ибадулла Изатуллаевич Умбетаев и сводный братишка Махана Абдигаппар-Капаш Бердикулович Серикбаев. Остановились в доме Ибадуллы. Похоже, дела у него в порядке, в доме достаток. Угощение — сплошное изобилие. Даже пересказать трудно. Мне вдруг вспомнились слова Шалатая, акима Шаульдерского района: “Гостеприимству нужно учиться у жетысайцев”. Возразить нечего, очень гостеприимный оказался народ.

Воскресенье, 7 апреля.

Отправились на Шардаринское водохранилище пострелять птиц и половить удочкой рыбу. Когда подъехали к берегу просторного, словно море, голубого водоема, подернутого легкой зыбью, нас встретил Чрезвычайный и Полномочный посол нашей республики в Узбекистане Умирзак Узбекович Узбеков в сопровождении группы дипломатов, среди которых были послы Туркменистана, Индии и Афганистана в Узбекистане. Оказалось, они тоже приехали сюда на воскресный отдых.

Максут всегда отличался добродушным, открытым нравом, который располагает к себе людей, приветствовал всех словно старых друзей. Его примеру последовали Ибадулла, Онолбай и Капаш, которые привезли нас на Шардару. Я тоже приветливо поздоровался с послами из ближних и дальних стран, познакомился, однако, с нашим Умирзаком был не столь теплым. Тому есть своя причина.

В 1996 году Умирзак Узбекович Узбеков был назначен акимом тогда еще Талдыкорганской области. Шестого марта его сопровождал в область и представил тогдашний Премьер-Министр республики Акежан Кажегельдин, уже начавший к тому времени терять прежние фаворитские позиции. В ту пору я работал собственным корреспондентом Казахского радио и программы “Хабар” по области.

В связи с заданием начальства написал Узбекову письмо следующего содержания: *“Уважаемый Умирзак Узбекович! Редакция пропаганды Казахского радио просит Вас, основываясь на Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана, выступить в эфире на тему: “Будем трудиться во имя будущего нашей страны”. Объем выступления — 10-15 минут. Язык — казахский. Срок подготовки — 10 дней. Запись на магнитофон можно произвести в Вашем рабочем кабинете”*, — и, поручив передать его заведующему отделом писем А. Сакену, стал ожидать ответ. Не знаю почему, но У. Узбеков так и не нашел возможности принять меня.

Прошло десять дней, я поинтересовался у его помощника А.И. Ширяева судьбой своего письма. Дело в том, что выступление акима уже вошло в редакционный план и его во что бы то ни стало следовало организовать. Поразмыслив так и эдак, я подготовил пять вопросов по обозначенной теме, а так как жизнь области была мне хорошо знакома, набросал и ответы на эти вопросы, передав их через помощника на

утверждение. К сожалению, и после этого никаких вестей от Умирзака не последовало.

Во всей этой истории меня больше всего огорчило не то, что он так и не выступил, а то, с каким пренебрежением он отнесся к нашему родному языку, который для каждого из нас ценнее золота. Мне захотелось рассказать об этом по радио или написать в одну из крупных газет. Даже мелькнула мысль отправить письмо в аппарат Президента, сообщив, как аким не захотел поддержать Послание Президента. Но ничего этого я, конечно, делать не стал. Члены областного совета старейшин, которые были обо всем осведомлены, отговорили меня, мол, к чему это тебе, потом пойдет молва, что казахи обижают инородцев.

Я согласился с их словами и, что называется, “оставил кипящий казан в закрытом виде”.

И вот нежданно-негаданно мы встретились. Иносказательными намеками я напомнил ему давнюю историю. Если честно, то ему явно стало стыдно за свой поступок...

* * *

Поездка в Астану. Пятница, 19 апреля 2002 года.

Пять часов вечера. Я снял трубку зазвонившего телефона, и секретарша Максута Султановича Динара сообщила мне:

— Ораз Исмаилович, вас вызывает Максут Султанович, приходите поскорее!

Приблизительно минут через пять я вошел в кабинет Макена. Разговор состоялся живой и лаконичный.

— Собирайся, поедem в Астану!

— Сегодня?

— Я выезжаю завтра. Ну а делегаты съезда гражданского движения “За правовой Казахстан”, в том

числе и ты, должны выехать в дорогу в воскресенье или понедельник, чтобы ко вторнику быть в Астане. Первый съезд сынициированного нами движения состоится в субботу, 27 апреля. Тебе нужно будет подредактировать переводы некоторых документов и кое-что перевести.

— А где мне там остановиться?

— На вокзале тебя встретят, будешь жить у нас дома, ну как?

— Прекрасно.

Маха снял трубку и поручил помощнику:

— Вот передо мной Ораз Исмаилович сидит, срочно подготовь ему командировочные документы, дай задание бухгалтерии выплатить необходимые расходы, и пусть не задерживают — выплатят сегодня!

Поскольку все было ясно, я встал с места и сказал:

— Ладно, тогда я пошел собираться.

Что значит “чрезвычайный приказ” руководства: зашел в отдел кадров — мои командировочные документы уже готовы; отправился в бухгалтерию — тут же выплатили деньги; собрал все, положил в карман и вернулся в кабинет. Собрав подчиненных, сообщил, что уезжаю в командировку в Астану. Дал всем необходимые поручения. Они пожелали мне счастливого пути, с тем и ушел.

Понедельник, 22 апреля.

Дочь Жихаз проводила меня до вокзала станции Алматы—II. День ясный. Свежесть воздуха после вчерашнего непрерывно лившего дождя не передать словами. Прохладный и чистый. Похоже, дни потихоньку становятся все теплее. Когда я сел в 11-й вагон поезда “Алматы—Астана” подоспел и мой зять Болат (муж Жихаз). Пока здоровались и прощались, поезд тронулся. Чудесный Алматы, красавец Алматы, город, подобный раю на земле, промчался мимо окон покачиваясь и мелькая, словно решил напос-

ледок удивить своей восхитительной красотой. Взглянув на величественные горные хребты, я махнул рукой и тихонько прошептал: “До встречи, мой Алатау!”

Вторник, 23 апреля.

Утром около семи мы доехали до станции Сороковая неподалеку от Астаны, и поезд неожиданно встал. Прежде он, оказывается, никогда не останавливался на этой станции. Незаметно пролетело целых полчаса. Пассажиры забеспокоились. Те, у кого были мобильные телефоны, звонили родным и близким, родичам, друзьям и товарищам, которые ждали их в Астане, объясняли, где застрял поезд. С той стороны кто-то сообщил, что столичный вокзал окружили сотрудники полиции и никого внутрь не пускают. Подчиненные некоторых богатых, высокопоставленных пассажиров, угождая перед начальством, даже пообещали немедленно прибыть на станцию Сороковая. Те, кто очень спешил, а встречать их было некому, вышли из вагона на станции, где мы задержались, и оттуда, поймав такси либо сев в рейсовый автобус, отправились в Астану своим ходом. Меня, конечно, происходящее тоже встревожило, но я предпочел дождаться отправления поезда. Слава Аллаху, через час с небольшим состав наконец тронулся.

Когда мы прибыли на столичный вокзал, на его территории было полно полицейских, работников национальной безопасности солдат из частей внутренних войск. Нас вывели кружным путем, небольшими улочками в обход здания вокзала. Я поинтересовался у пары сотрудников полиции: “А что случилось?” Последовал ответ: “Позже услышите, а сейчас поторопитесь”.

Никто из встречающих мне не встретился, даже сын Мурат, который учился в здешней дипломатической академии и которому через дочь я сообщил о своем приезде, не нашел меня. Приехать-то он приехал, но на вокзал его не пустили. “Всему виной,

видать, эта неожиданная суматоха”, — подумал я. Но разве у народа не сто ушей — столпившиеся на автобусной остановке люди оживленно обсуждали недавние события: оказывается, вчера возле Евразийского университета имени Л. Гумилева (на обочине дороги, по которой проезжает машина Президента) обнаружили взрывное устройство с часовым механизмом, а еще раньше в Доме быта прогремел взрыв. Когда эти слова долетели до моего слуха, меня невольно пронзила холодная мысль: “Боже мой, неужто терроризм добрался и до нашей страны?”

За каких-то десять минут таксист довез меня до столичного корпуса Казахского гуманитарно-юридического университета. Еще не было и десяти, но я прошел в здешний кабинет Максута. Он был на месте. Сидит не отрывая головы от лежащих перед ним бумаг и усердно над чем-то работает, услышав мое приветствие, он вздрогнул, тут же встал с места, поздравил меня с благополучным прибытием и приветливо заговорил:

— Обедать будем в ресторане у Касии, а сейчас отправляйся к нам домой, прими душ и немного отдохни.

Быстренько ознакомившись с университетом, я вышел наружу. Макен вызвал своего водителя Владимира и поручил отвезти меня к ним домой. Здесь Маха ездит, как оказалось, на джипе. Едва ли не в мгновение ока машина доставила меня к дому Максута в небольшом микрорайоне под названием “Караоткель-2”, где расположены элитные коттеджи. Касия была дома. Поздоровавшись, поинтересовавшись семейными делами, мы оживленно побеседовали за чашкой чая. Для меня приготовили комнату Каната, она показала мне ее, а потом и весь дом. Красота! В подвальной части расположен небольшой бассейн — глубиной почти два метра и площадью около десяти квадратов, вода в нем автоматически

очищается специальным аппаратом; есть сауна, в которой свободно помещаются два человека, мраморная ванна, где вспенивается вода, несколько удобных кресел, чтобы можно было охладиться и утолить жажду. Просторный зал уставлен диванами. В кухне — красивые шкафы для хранения посуды и кухонной утвари, прекрасная западноевропейская техника, которая поражает воображение. Во всем угадывается богатство и вкус хозяев.

После небольшой “экскурсии” я с полчаса отдохнул. Время подошло к 13 часам. За нами приехала отправленная Максутом машина. Владимир отвез нас с Касией в ресторан “Скрипка Страдивари”, расположенный в центре города, который принадлежит Касие, там и встретились с Маханом.

Перед рестораном — открытая площадка, внешний вид и внутреннее убранство очень гармоничны, нет ничего искусственного. Удобный зал, в котором могут одновременно обедать человек 140-150. Справа от входа — гардеробная, а дальше безупречно чистые туалеты с небольшими “предбанниками”, где можно помыть руки и привести себя в порядок. Внимательно изучив все, я прошел в обеденный зал. В нескольких шагах от входа расположен бар, где те, кто торопится, могут перекусить стоя, утолить жажду пивом и всевозможными напитками. Если встретишься взглядом с официантами, внутри у тебя теплеет. Настолько приветливые лица и улыбающиеся глаза. Переведешь взор в другую сторону, а потом опять любуешься ими, потому что их приятные, любезные лица невольно берут тебя в плен.

В центре зала у Махана с Касией есть парочка постоянных столов, за которыми обедают только они. Не успели мы сесть, как к нам тут же “подплыла” словно гусыня симпатичная молоденькая блондинка-официантка. Передала один экземпляр ресторанного меню Касие, а другой вручила мне.

— Заказывай, что выбрал, — предложила Касия.

Не зная что выбрать, я поначалу растерялся, но быстро вернулся в привычное состояние, внимательно изучил меню и попросил принести мне солянку, мясо по-казахски, салат из огурцов и помидоров, бокал апельсинового сока и чайник с зеленым чаем.

Заказ же Максута с Касией сильно разнился с моим. Оказалось, они предпочитают легкий обед: по две порции помидоров, по порции огурцов и по две пиалы айрана. Глядя на их скромную закуску, решил побыстрее “расправиться” со своими блюдами.

Наевшись, что называется, до отвала, я оглянулся по сторонам, и на массивной колонне слева заметил портрет человека в сюртуке, с растрепанными волосами, который держал в руках скрипку, упертую в подбородок. Пусть и не узнал его, но, чтобы показать, что немного осведомлен по части музыки, спросил:

— На этой картине запечатлен Паганини?

Похоже, Максут с Касией до настоящего момента, хотя не знали, кто именно изображен на портрете, значения этому не придавали, потому что они переглянулись и умолкли. Однако не успел я и моргнуть, как Касия жестом подозвала ангельского вида блондинку и поинтересовалась у нее:

— Что за скрипач на той картине?

Молоденькая официантка, поглаживая рукой свой белоснежный передник, ответила с улыбкой:

— Это же недавно найденный портрет знаменитого Страдивари, Касия Кадыровна.

— А-а, так ты говоришь, недавно найденный? — тут же парировала находчивая Касия, чтобы не остаться в глазах официантки в неудобном положении.

Поблагодарив за угощение и оказанное уважение, я встал с места и подошел к портрету ближе. Прекрасная работа! Живописец нашел очень удачный ракурс, сумев передать, что скрипка для Страдивари

— это Любовь, скрипка — Истинная Возлюбленная, скрипка — его Божество. Создавалось впечатление, что картина оживает и из нее льются звуки скрипичной музыки.

Хорошо, что я встал со своего места: на следующей колонне, точно на том же уровне, что и картина, мое внимание привлекла изящная рамка, в которой под стеклом была какая-то бумага с рукописным текстом. Подошел ближе и прочел:

“Желаю вновь открывшемуся в нашей столице новому ресторану и его работникам огромных успехов. Подобные заведения среднего бизнеса должны обрести всестороннюю поддержку.

С добрыми пожеланиями, Н.А. Назарбаев. 10. VI. 2000 г.”

— Это автограф, который Нуреке оставил в день открытия нашего ресторана, — объяснила мне Касия.

Раз уж зашла речь об этом, хочу добавить. Глава государства Нурсултан Абишевич всегда лично приходит на торжественное открытие таких вот малых предприятий, которые Касия Кадыровна открывает на благо людей в сфере обслуживания, осматривает новое заведение и, если оно ему понравилось, обязательно оставляет на память теплый отзыв. Немного позже я расскажу еще об одном подобном событии.

Таких людей, кто не может обрести покой, пока не доведет начатое дело до конца, много. С каждым мгновением я все больше убеждаюсь, что Максут Султанович — один из них. Он поражает своей неумной энергией.

Пока я с любопытством изучал зал, а потом начал смотреть по установленному в центре большому телевизору демонстрацию модной одежды на предстоящий летний сезон, которую показывали бесчис-

ленные астанинские красавицы, Маха сказал мне, чтоб я не спешил, а сам уехал на работу.

Я не торопясь наслаждался клубящимся паром зеленым чаем. Когда прошло минут 30 от двух часов дня, вошел в кабинет Максута и обнаружил его старательно готовящимся к выступлению. Ровно через полчаса в пресс-клубе Конгресс-холла должна была состояться встреча с журналистами, и он, очень взволнованный этим, всю готовился, будто студент к предстоящему государственному экзамену: систематизировал свою речь, записывал на бумаге свежие мысли, перечитывал — словом, трудился в поте лица. Мне вспомнилось, что знаменитые ораторы древнегреческой эпохи Цицерон и Демосфен, прежде чем выступить перед народом, в течение нескольких часов изнуряли себя на берегу моря специальными тренировками. Не зря ведь и генералиссимус А. Суворов когда-то сказал: “Тяжело в учении — легко в бою”. Вот и Маха, знающий об этих поучительных примерах, уже больше суток готовится к предстоящей беседе с прессой, которая займет-то всего полчаса. Надо отдать должное: с одной стороны, это говорит о его необыкновенной работоспособности, а с другой — об ответственности, которую он ощущает перед людьми.

Я даже рта не стал раскрывать, чтобы не мешать ему, сел и стал просматривать свежие номера газет и журналов. Когда до 15 часов осталось ровно 15 минут, Маха встал с места и объявил:

— Была не была, поехали, Ораз!

Расстояние между университетом и Конгресс-холлом — минут пять езды на машине, вскоре мы были уже на месте. Сразу встретились с нашим земляком, депутатом сената Куаньшем Султановым, чему очень обрадовались.

На пресс-конференции для сотрудников республиканских средств массовой информации от имени

инициаторов и соратников гражданского движения “За правовой Казахстан” присутствовали: Максут Нарикбаев, депутаты Куаныш Султанов и Сергей Жалыбин, президент Союза адвокатов, член Высшего Судебного Совета РК Роза Куанышбаева, от студенческо-молодежной организации — Нурлан Утешев и Айдар Асанбаев.

Представив журналистам участников пресс-конференции, Маха сначала выступил сам, коротко и емко проинформировав сотрудников прессы о позиции и программе гражданского движения “За правовой Казахстан”. Чувствую, заблаговременная усердная подготовка к встрече полностью оправдала себя. Во всяком случае, мои коллеги-журналисты, которые только что копошились, переговаривались и перешептывались друг с другом, разом утихли и внимательно слушали. Более того, после такого содержательного выступления им, похоже, и спросить было не о чем.

Маха яснее ясного растолковал основную задачу движения: повысить силу закона, сохранить стабильность и единство народа, не давая дороги беззаконию.

Из выступивших после особенно впечатляющим было слово Розы Куанышбаевой. Она сказала:

— Если бы каждый гражданин нашего правового государства знал в достаточной степени свои права, он бы никогда не вмешивался в неуместные споры и тяжбы. Если вновь появившееся движение призывает к правовой грамотности и трезвой рассудительности, если оно собирается приложить силы для реализации конституционных прав, почему бы нам его не поддержать? Думаю, женщины должны проявить здесь свою активность. Я призываю к этому всех девушек и женщин нашей страны!

Немало прозвучало и каверзных вопросов. К примеру, одна молоденькая журналистка спросила:

— А в чем разница между вашим движением и движением “Демократический выбор Казахстана”?

— Очень своевременный и хороший вопрос, скажу даже, необходимый вопрос! — похвалил Маха и далее ответил: — Было бы правильным, если б вы сами не спеша ознакомились с позициями и программами двух движений, сравнили их и лично проанализировали. Тогда, безусловно, разница между ними будет для вас совершенно ясной.

Нужно сказать правду, пресс-конференция, которую инициативная группа движения во главе с Максумом провела с журналистами, на самом деле прошла очень содержательно.

Выйдя из пресс-клуба, Маха снова уехал на работу, а меня Касия пригласила посмотреть еще одно свое малое предприятие — Дом моды “Элит”. Он тоже расположен в центре столицы и вполне соответствует своему названию. Особенно красотой и изяществом фасада, обращенного к улице: мастерство, которое сюда вложено, ярко отражает архитектурное искусство сегодняшнего дня. Здание настолько привлекательно, что идущие вдоль улицы люди невольно оборачиваются и не могут оторвать от него глаз. В просторном пятиэтажном доме на первом этаже работает кафе-ресторан, где люди могут отдохнуть и пообедать, на следующем этаже находятся швейный цех, парикмахерская и другие предприятия сферы обслуживания. Многие помещения здания взяты в аренду разными фирмами, занимающимися всевозможным мелким производством, услугами и коммерцией.

— Если у тебя есть здание, то лучше всего сдать его в аренду, — призналась Касия, знакомя меня со своим Домом моды.

Когда мы поднялись на третий этаж, нам встретился пожилой мужчина, которого Касия тут же представила:

— Это Мухаммед, один из наших арендаторов и к тому же сват, он свекор второй нашей дочери Жибек и отец ее мужа Данияра, — затем, обернувшись к Мухаммеду, сказала: — Сват, мы скоро спустимся в кафе, пусть там приготовят к нашему приходу чай и закуску.

— Ладно-ладно, не беспокойся! — ответил Мухаммед.

Ознакомившись со множеством небольших коллективов разного профиля, расположенных в пятиэтажном здании Дома моды (часть из них — арендаторы), мы спустились вниз, где уже ждал в полной “боевой готовности” сват Мухаммед. Он пригласил нас к дастархану. Признаюсь честно, после недавнего сытного обеда мне совсем не хотелось есть. Однако Мухаммед и слушать меня не стал — передо мной тут же поставили тарелку с аппетитно пахнущей горячей самсой. С мыслью, что меня все-таки уважил представитель братского уйгурского народа, я волея-неволей съел угощение и переключился на поданное следом мороженое. В этот момент в зал вошел шофер Макена Владимир и, заметив меня, сказал:

— Вас срочно попросил приехать Максут Султанович.

— А в чем дело? — поинтересовался я у Владимира.

— Кажется, нужно перевести какой-то материал, во всяком случае, есть для вас работа, — ответил он вежливым голосом.

В 17.00, управившись за пару часов с небольшим переводом и редактированием другого текста, я окунулся в чтение газет и журналов. Без 15 минут восемь мы встали с мест и уже в 20.00 были у Максута дома. Успели как раз к вечерним новостям “Хабара”. Оказалось, не зря: по каналу передали полутораминутный репортаж с прошедшей в пресс-клубе встречи. Махана и других участников пресс-конфе-

ренции показали крупным планом, даже я, сидящий среди журналистов, пару раз попал в кадр.

Касия, поскольку я осматривал ее Дом моды "Элит" в спешке, принесла мне красивый фотоальбом, где, помимо снимков, была кратко описана история этого заведения. После ужина я принялся внимательно его изучать, особенно углубившись в страницы текста и примечаний. На одной из них было написано:

"Вчера в Астане открылся Дом моды "Элит". Накануне его открытия здесь побывал Президент РК Н.А. Назарбаев. Судя по словам заместителя акима города Тулегена Мухамеджанова, тут будут формироваться самые современные тенденции моды столицы Казахстана. Красоту, изящество и утонченность моды "воспел" в ходе презентации знаменитый итальянский кутюрье Стефани Карреро, который привез сюда свою коллекцию.

Самое замечательное, что в "таких же" чудесных нарядах смогут теперь щеголять красавицы нашей Астаны. В Доме моды "Элит" открылся швейный цех, где из отборных импортных материалов будут шить одежду по каталогам самых знаменитых модельных домов и фирм Европы. Наряду с пошивочным цехом, "Элит" объединил под своей крышей салон итальянской мебели, гостиницу и ресторан.

— У нас работают 120 человек, — говорит Касия, президент ТОО "Канагат", учредитель Дома моды "Элит".

Кстати, построили здание отечественные специалисты из коллектива "Кокшетау аул курылысы". Это его строители на месте старого обветшавшего дома, потерявшего внешний вид, возвели красивое, притягивающее взоры современное здание.

Директор "Элита" Серик Шабанов уверен, что в залах этого прекрасного сооружения будут проводиться замечательные вечера классической и джазовой музыки..."

Еще один мой коллега-журналист, ставший очевидцем открытия в столице самого первого Дома моды “Элит”, не пожалел пера для лестной “иноходи”. Свой материал он назвал “Роскошный дом” и, не скрывая восхищения, написал в нем:

“Северная столица приобретает подлинно столичный облик. В центральной части города, на перекрестке улицы Джангильдина и проспекта Победы поднялось ввысь новое пятиэтажное здание. Это Дом моды “Элит”. Еще во время строительства величественное сооружение притягивало взоры горожан, а теперь все знают, что это за здание, возвышающееся над близстоящими подобно грациозной фигуре модели. Не зря оно носит название “Элит”, большинству его продукция не по карману. Тем не менее, здесь каждый может познакомиться с миром моды. И если на то пошло, то мы живем в эпоху перемен, время взлетов и падений. Вчерашний безработный — завтра преуспевающий бизнесмен. Поэтому нам не помешает воспитать свои вкусы на лучших образцах таких известных зарубежных фирм, как австрийская “Ликона”, швейцарская “Бали”, французские “Лapidус”, “Сенсо”, “Живанши” и инвестор Дома моды “Элит” итальянская компания “Стефани Карреро”. Больше всего радуется, что в мировом сообществе верят в становление, укрепление и расцвет нашей республики. Появление в городском пейзаже этого прекрасного здания тоже состоялось благодаря помощи инвесторов. Естественно, в этой связи нельзя обойти молчанием К.К. Нарикбаеву, задумавшую этот проект, и директора Дома моды С. Шабанова. Но самое главное, это здание возведено и отделано руками казахстанских строителей. Выходит, можем, когда захотим! Дизайн интерьера также разработан нашим архитектором С. Жанболатовым.

Хозяева малого предприятия показали пришедшим на торжество гостям свои владения: первый этаж выделен под салон моды, на втором этаже расположился

косметический салон, третий отведен под бар-ресторан, на четвертом находятся производственные мастерские, а на пятом — гостиница, суточная стоимость люкс-номеров которой не превышает 30 долларов США. Осмотрев все и удовлетворив свое любопытство, гости переместились в фуршетный зал. Там состоялась демонстрация авторской коллекции под названием “Весна, лето — 2000” замечательного итальянского кутюрье Стефани Карреро, чье искусство вызывает подлинное восхищение. Таких удивительных нарядов Астана прежде не видела. По помосту вереницей вышагивали с очаровательной надменностью кажущиеся высокомерными светлицы красавицы с лебедиными шеями, притягивая взор дивными одеяниями ярких цветов, мягко ниспадающими с их изящных фигур. Рядом с ними, будто божество, олицетворяющее красоту, стоял сияющий и взволнованный Стефани, который специально приехал на церемонию открытия.

После небольшого концерта государственного камерного квартета РК был устроен показ собственных образцов одежды Дома моды “Элит”. Судя по ним, можно не сомневаться, что со временем, благодаря сотрудничеству со знаменитыми мастерами моды, и у нас появятся образцы одежды мирового уровня. Ну а пока мы не можем скрывать, что наряду с успехами есть у нас и вызывающие сожаление недостатки.

Самое главное, действительно достойное пера, — это то, что положено начало большому и показательному делу.

Таким образом, в Астане теперь есть собственный Дом моды, друзья!”

А вот как подала новость еще одна газета:

“Дом моды “Элит” — не просто одно из новых, во множестве появляющихся в столице зданий, оно уникально. Чтобы добиться всеобщего восторга, коллектив ТОО приложил максимум сил и энергии, внимания и усердия, и даже любви.

Это сооружение — плод усиленной деятельности многих людей, подлинных мастеров своего дела, которые трудились без устали, не зная отдыха. В Доме “Элит” работает элитный коллектив. Это вечные труженики, которые, преодолевая одну трудность за другой, сделали все возможное, чтобы это здание появилось на свет.

Во имя судьбы Дома моды “Элит” они пережили множество тревог и испытаний и в те трудные времена смело взвалили на себя груз ответственности, подобно тому, как породистый черный нар готов поднять любую ношу.

Это умелые предприниматели с горячими молодыми сердцами, которые ясно и четко поняли задачи и цели, поставленные Президентом нашей страны в плане развития малого и среднего бизнеса.

В общем, с открытием Дома моды “Элит” в нашей столице будут устраиваться регулярные демонстрации моды, соответствующей европейским стандартам, уже в ходе торжественной церемонии открытия прошла яркая презентация весенне-летней коллекции такого известного кутюрье с мировым именем, как Стефани Карреро, на первом постоянном помосте в главном городе нашей республики. Не обошлось и без удивления, поразившего астанинскую элиту, когда на этом помосте, словно спустившийся с небес красавец, появился и сам сияющий, стройный и обаятельный Стефани. Все, кому удалось увидеть красоту и изящество зарубежной коллекции, пребывали в приподнятом настроении. Пусть эту радость Аллах обратит в общенародную радость!!!”

Увлечись ночью историей Дома моды Касии “Элит”, я, видно, засиделся допоздна, поэтому утром проснулся после семи. Встал, а Максута с Касией уже нет дома. Домашняя кухарка пригласила меня к чаю. Я расспросил ее и выяснил, что мои друзья неукоснительно соблюдают устоявшееся правило: поднявшись в 6.30, ежедневно в течение часа совер-

шают шестикилометровую пешую прогулку. Когда я выпил чашку чая, было уже 7.30, раздался дверной звонок, и с улицы ввалились вспотевшие и довольные Маха и Касия.

— Доброе утро!

В нашем народе бытует очень закономерная мудрость: “Говори о добрых делах хорошего человека — пусть его слава растет”. Чувствуется, что Маха смотрит на жизнь и жизненные обстоятельства своей семьи и детей, близких и родичей, друзей и товарищей не с точки зрения миропонимания простого, рядового человека, а с позиции государственного деятеля. То есть в его мыслях всегда общее положение, мир и единство народа нашей республики. Говоря обычным языком, он всю свою жизнь, все свое существо посвятил служению во благо государства. Это можно легко заметить по его отношению к любой вещи, по ходу его мысли, по психологическим ощущениям. Из его понимания, привычного распорядка давно уже исчезла даже мысль о том, что рабочий день завершается в 18 часов или что субботние и воскресные дни можно использовать в собственных интересах. Вообще для него, похоже, не существует собственного дома в обычном понимании этого слова. Дом он считает тем же рабочим местом, и наоборот, университет, где он работает, Дом правительства, здание Парламента как будто становятся для него родным домом. Поскольку на такое восприятие постепенно перестроился весь его внутренний мир, сознание и чувства, то он совершенно перестал считаться со временем. К примеру, в отличие от рядовых людей, которые в 13 часов или около того отправляются на обеденный перерыв, а ближе к 18 часам собираются домой, он об этом давно и напрочь забыл. По установившейся привычке, за последние десять лет ввевшейся в кровь, он ощущает себя свободным только после того, как завершит начатое дело.

Сколько раз я заставлял его вечерами в кабинете после семи, после восьми, сколько раз встречал в университете по субботам и воскресеньям! И если моей целью было изучение распорядка его жизни, то он в эти моменты всегда усердно предавался работе.

Если найдется хоть один человек, который засомневается в правоте моих слов, пусть посетит места, где он работал в прошлые годы, в крайнем случае, обязательно обнаружит там хотя бы одно его полезное начинание. И непременно признает, что он оставил много ясных и добрых следов. Я видел такие “следы” всюду, где ему довелось трудиться, и даже сказал Максуту:

— Да, дружище, отмечу справедливости ради, ты “перелопатил” столько дел, что они уже подобно горам возвышаются!

На что мой друг, прыснув по своей давней привычке, лаконично ответил:

— Если делаешь, то делай как следует, — это мое жизненное кредо!

Самая что ни на есть искренняя правда с его стороны, и в этом его безукоризненная преданность главе государства и руководителям правительства, которые верят ему и поручают серьезные и ответственные посты.

Внимательно изучая повседневную жизнь Махана, я убедился, что в создании условий для его спокойного и честного труда во благо каждого гражданина нашей Отчизны и всего народа огромную роль играет его супруга.

Касия — не просто жена Максута, она, похоже, и его советчик, и мудрый поводырь, и воспитатель. Касия лучше всех знает, что он не найдет покоя, пока не завершит начатое, она чувствует, что его заботит и печалит, душой понимает, как он устает и как порою огорчается. Именно поэтому, по моим наблюдениям, она, точно опытный психолог, старается уст-

роить так, чтобы хотя бы на мгновение взбодрить его, порадовать, рассеять хмурое настроение. А такая теплота, такая подлинная забота и нежное милосердие растопят и расплавят сердце любого сильного мужчины, даже если он крепок, как камень, даже если прочен, как сталь. А как необходимо человеку, чтобы его в нужный момент воодушевили, чтобы в нем вовремя укрепили веру, особенно, если он работает в среде, где много споров и вечная борьба!

Каждое утро Касия провожает мужа с пожеланием удачи, а вечером, когда он возвращается домой, встречает его с сияющим лицом и радостной улыбкой. Не зря слова выдающегося писателя Г. Мусрепова: «если женщина станет злиться — она проиграет, если будет ласкова — выиграет» — стали для нее неукоснительным правилом. Касия знает, когда побаловать, а когда самой приласкаться. Если утром она ждет, когда Маха чмокнет ее на прощанье в губы, то вечером сама встречает супруга поцелуем. Она постоянно проявляет нежность. Всегда к месту, всегда искренне. Их взаимоотношения как будто вобрали в себя все самые замечательные традиции народов Европы и Азии, став их причудливым, но гармоничным сплавом.

Касия — не просто одна из тех женщин, кто ведет домашнее хозяйство и растит детей, она крупный бизнесмен с перспективным мышлением и далеко идущими мечтами, который вовремя уяснил происходящие в жизни перемены и тонко ощущает пульс рыночной эпохи. Благодаря этой предприимчивости Касии, Маха даже не знает, как приобретаются необходимые для домашнего хозяйства продукты, мебель, предметы быта и другие подобные вещи. Все это с давних пор на плечах Касии. Ее занимают хлопоты не только о собственном счастливом шаныраке, она по-прежнему опекает своих взрослых сыновей и дочерей, которые уже завели семьи и живут отдельно.

То она находит и приобретает для них что-нибудь нужное, чего у них нет, а то учит уму-разуму, чтобы у них не возникало иждевенческих настроений, чтобы они честно трудились и жили собственной мудростью.

Касия ныне владеет состоянием в несколько миллионов долларов, но у пути к сегодняшнему благополучию есть своя замечательная и любопытная история...

Среда, 24 апреля 2002 года.

День пасмурный, небо в тучах. Воздух прохладен, до самого вечера то и дело моросил дождь. Временами пронизывающий ветер начинает гонять полчища пестрых, черно-серых туч, разрывает их в клочья и на несколько мгновений открывает синее небо. Но погода никак не хочет проясняться. Снова хмурится и сгущает тучи. Следом опять начинает накрапывать и сеять дождик.

Часов в 10 утра ко мне пришел сын Мурат, который здесь учится в дипломатической академии при Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева. Обменявшись с ним новостями, я поручил Мурату купить мне на воскресенье билет на поезд “Астана—Алматы”. Он записал номер телефона в кабинете, где я временно устроился, и ушел.

В 10.30 мы вместе с профессором Газизом Толеугалиевым приступили к редактированию и переводу письменных документов к предстоящему съезду гражданского движения “За правовой Казахстан”. В тот день у нас было много серьезной работы. Макен тоже весь день провел за бумагами. Домой мы поехали часов около восьми вечера.

Касия разогрела к нашему приходу сауну. После ужина мы с Максutom с удовольствием попарились в ней, искупались в бассейне и блаженно расслабились.

Четверг, 25 апреля 2002 г.

Максут с Касией встали, как обычно, в шесть тридцать и ушли на свою утреннюю прогулку. Я тоже поднялся, умылся и сел пить чай.

Около девяти Маха уехал на работу, а я отправился осматривать магазины Касии. Сначала мы поехали на товарные склады, которые расположены на окраине города возле железнодорожных путей. В огромном огороженном дворе длиной в дистанцию конной скачки склады располагаются по обе стороны. Большинство пустует, некоторые сданы кому-то в аренду. На обратном пути мы остановились у магазина “Канат”, названного по имени младшего сына Нарикбаевых, в котором торгуют простой повседневной одеждой. Рядом с магазином открыт и небольшой учебно-компьютерный центр, но туда мы не заходили. Вообще, поблизости отсюда находятся студенческие общежития, так что здесь перекресток улиц, на которых живет множество молодежи и подростков.

Наша следующая остановка — в центре, у бутика “VIP”. Здесь хозяйничает вторая дочь Максута и Касии — Жибек. Разнообразие одежды и тканей, которые продаются тут, просто поражает. Все сделано в Европе. Но и цены высокие: мужская сорочка стоит в среднем 55 долларов США, костюм — от 60 до 80 тысяч тенге, пара мужских туфель — свыше 15 тысяч тенге. Конечно, их внешний вид, расцветка сразу бросаются в глаза, и качество очень высокое. Но, если честно, тем, кто вроде меня получает зарплату порядка 60 тысяч тенге, в таком магазине делать нечего. Эта мысль так привязалась ко мне, что я не выдержал и спросил:

— А как расходуется ваш товар, особенно эта вот обувь?

Касия подозвала одну из продавщиц и попросила:

— Расскажи-ка нам об одном из постоянных покупателей, что он в основном берет?

Высокая красивая девушка с осиной талией и румяным приветливым лицом, приученная всегда улыбаться, учтиво и любезно, на французский манер, ответила:

— Такой человек в обязательном порядке приходит сюда раз в две недели. Придя, сбрасывает купленные пару недель назад туфли и надевает новые. То есть старые, приобретенные за две недели до этого, он оставляет здесь, а в новых идет прямо к кассе и сразу оплачивает названную нами их стоимость.

В основном посетители этого магазина интересуются, оказывается, не ценой вещей, а страной изготовления и торговой маркой. Другими словами, и в нашей стране все больше становится людей богатых.

Когда я, ознакомившись немного с торговым бизнесом Касии, пришел в кабинет Махана, уже перевалило за 11 часов. Задача, которую я поставил перед собой на сегодняшнюю повестку дня, — выяснить, сколько примерно человек бывает ежедневно на приеме у Максута Султановича, по каким вопросам, и на каком уровне они решаются.

Вообще-то, мне кажется, человек, который просто наблюдает за чьей-то работой, устает даже больше, чем тот, кто весь день занят делами. Пока Маха отвечал на звонивший телефон, решал текущие вопросы совместно проректором, деканами и заведующими кафедрами, пока встречался с отдельными делегатами, прибывающими со всех сторон на предстоящий съезд, и даже принимал неожиданно появившихся зарубежных гостей, я, наблюдая и слушая все это, совершенно вымотался. Не выпало побывать в начальниках, вот я и не знал, насколько тонким психологом должен быть руководитель: к нему приходят самые разные люди, и к каждому нужно найти свой подход, свой тон в разговоре, поэтому так заметны происходящие за короткий отрезок времени психологические перемены. Например, если подчи-

ненные из собственного университета не выполнили как следует данного им поручения, Маха хмурится, становится строгим и говорит приказным тоном; если разговор ведется с официальными лицами извне университета, он говорит на равных, но более мягок и стремится прийти к общему соглашению, ну а в беседе с иностранцами необходимо другое мастерство — умение в нескольких фразах рассказать как можно полнее о положении в стране, одновременно проявив культуру и гостеприимство.

Рассказывая об этих многогранных достоинствах Максута, я понимаю, что руководитель — это не просто начальник, но и педагог, психолог, труженик, дипломат и политик в одном лице, более того, он должен быть в придачу и одаренным актером, способным мгновенно освоить любую новую роль. Конечно, чтобы непринужденно нести на себе столь неподъемную ношу, требуется крепкое здоровье, а вместе с ним и ум, хватка, глубокие всесторонние знания, хорошая осведомленность о жизни общества и собственного коллектива. Кроме того, в его голове должно храниться множество фактов и сведений, которыми бы он мог в любой момент оперировать. А для этого необходимы смысленный ум и сообразительность. Но разве все это сравнится с самыми главными в Максуте достоинствами — с благородством и человечностью, которые проявляются в преданности друзьям и справедливости к врагам?

Что скрывать, многие наши сородичи, получив в руки власть, становятся чванливыми, как в той поговорке о бабе, которая не узнает земляков, среди которых росла. У Махана же есть одно замечательное качество — он никогда не оставляет без внимания обратившихся к нему с просьбой людей и, по мере своих возможностей, старается им помочь.

Недавно он принимал кандидата юридических наук Думана Мусурманова, который просился на

работу, позже в связи с этим вызвал проректора по науке Алькена Хайдаровича Мендигулова и посоветовался с ним. Переговорив по телефону со знаменитой скрипачкой, артисткой мирового класса Айман Мусаходжаевой, которая пригласила на свой завтрашний концерт, Маха на мгновение задумался, а затем, что-то вспомнив, прилип к телефону.

Судя по всему, на той стороне провода — президент НАН РК Серикбек Даукеев. Видимо, между ними издавна сложились хорошие отношения. Коротко рассказал ему о достоинствах своего старого друга Кайрата Мукановича Исламкулова, с которым учился в Днепродзержинске, — металлурга, доктора технических наук, возглавляющего в Шымкенте филиал одного из университетов.

— Мы с ним одногодки, Кайрат хочет переехать в Алматы, где покрепче научная среда, — завершил Маха свою просьбу помочь другу устроиться на работу.

В этот момент вошел помощник Максута Галымжан и сообщил, что госпожа Урсула Заарбек, представительница регионального бюро по обмену опытом немецкой академии в Казахстане просит уделить ей пять-десять минут времени.

Маха, который перед этим в перерывах между срочными делами перечитал свой доклад, подготовленный для предстоящего съезда движения, и теперь усердно занимался его правкой и совершенствованием, услышав слова помощника, сказал:

— Зарубежных друзей мы никогда не должны обижать. Галымжан, ты приготовь несколько чашек кофе и, когда мы начнем беседовать, занеси. С ней, наверное, сопровождающие есть — учти всех. Я приму ее через пять минут в зале заседаний.

Госпожа Урсула Заарбек пришла с предложением о взаимобмене опытом по углублению обучения молодого поколения юридическим наукам. Макен ее внимательно выслушал и, со своей стороны, сказал:

— Поскольку наша страна является правовым государством, мы тоже обдумываем, как улучшить знание гражданами законодательства и умение защищать свои права. Для этого создаем республиканское гражданское движение “За правовой Казахстан”. С другой стороны, это движение должно оказать поддержку нашему Президенту, правительству и парламенту! — и затем он перешел к сведениям из сегодняшней жизни университета.

Встреча длилась не больше 10-15 минут, госпожа Урсула Заарбек выразила признательность и осталась очень довольна ею.

На прощанье Маха выдал несколько фраз на чистейшем немецком языке: “до свидания!”, “заходите еще”, “передайте немецким друзьям горячий привет от крупного учебного заведения нашей молодой республики”, — чем по-настоящему растрогал молоденькую и хрупкую женщину.

Пообедал я во внутренней комнате кабинета Максута, где он обычно отдыхает и куда мне доставили мой заказ, потом около получаса просматривал свежие номера газет и журналов.

В 14.00 в университетском зале заседаний начал свою работу ученый совет. На нем были широко затронуты вопросы учебно-воспитательной работы со студенческой молодежью. Выступавшие поочередно ученые-преподаватели с большим удовлетворением радостно сообщали, что нынешняя молодежь меняется, более усердна в учебе, стремится к знаниям и научным достижениям.

— Мы преподаватели там, где есть студенты. Но мы не можем утверждать, что отдельная работа с каждым студентом у нас ведется на достаточном уровне. Нам следует расширить рамки воспитания, чтобы вырастить людей, полезных науке и обществу, — сказал Макен, дополняя выступление одного из ораторов.

Короче, растянувшись на два часа заседание ученого совета охватило все вопросы, касающиеся и образования студенческой молодежи, и ее духовного воспитания.

Когда ученый совет завершился, преподаватели после десятиминутного перерыва, отдохнув слегка, направились в актовЫй зал на концерт, посвященный дружбе народов. Одаренная молодежь, одетая в национальные костюмы разных народов, поддерживая лозунг “Где единство, там и жизнь”, выходила группами на сцену с песнями, плясками и играми, которые давали представление о традициях и обычаях каждого народа, чем вызвала у публики искренний восторг.

В начале этого рассказа я говорил, что моя задача — проследить процесс одного рабочего дня Максута Султановича. Я, конечно, своей цели достиг. Только не стал перечислять все до единого выполненные за день дела, а поведал лишь о самых значимых. Если подвести итог, то за время моего наблюдения, начавшегося в половине двенадцатого дня и завершившегося в семь часов вечера, он принял свыше 20 человек, переговорил по телефону с десятком людей, участвовал в заседании ученого совета и других мероприятиях.

Наблюдая, я сам выбился из сил, поэтому открыто сказал:

— Маха, нельзя так насиловать себя работой!

Он лишь рассмеялся.

Как обычно, мы вернулись в тот день с работы часов в восемь вечера. Вместе с нами был и приглашенный в гости заведующий кафедрой уголовного права и криминологии нашего университета (в Алматы) Узихан Суйкимбаевич Жекебаев со своим сыном. По университету я знал его в лицо, но близко мы не общались. Однако не зря говорят, что все до поры до времени: едва сели за дастархан, мы с Узе-

кеном быстро разговорились, словно люди, которых издавна связывает взаимное уважение.

Узекен глубоко разбирается не только в юридической сфере, но и в общей казахской истории, он много видел, ему есть что рассказать. Он из рода тобыкты, потомок Кишика, который ведет свой род от Туйте. Известные в истории тобыктинцы Санмурын, Беимбет, Айдос и Анет-баба приходятся ему прямыми предками. А о родстве с Максутом и Касией Узекен поведал мне так:

— В Чингистау тобыктинцы жили в пяти волостях, а на побережье Балхаша населяли одну волость. Если народу там насчитывалось 31 тысяча, то поголовье коней достигало 33 тысяч.

У старика Кадыра, отца Касии, был старший брат Мажий (Кабдулмажий). Их отец — Уали, а мой отец — Суйкимбай. Они братья.

Когда мы вдоволь наелись мяса молодого жеребенка, которого было сварено по заданию Касии в изобилии, Узекен раскинул перед собой ладони и произнес благословение, которому научился у старца по имени Байкабыл:

— Да одарит вас милостью Аллах и хранит милосердный пророк, да пребудет с вами богатство, счастье и благополучие, пусть исполнятся все ваши мечты, Аллах акбар!

Мы огладили свои лица в знак одобрения прозвучавшего пожелания.

Узекен все-таки хитрец — знает, чем притянуть. Когда мы провожали его, он, продолжая начатый за столом разговор, приоткрыл еще одну любопытную страницу из истории своих родичей:

— Оразбай, который поднял руку на Абая, тоже ведь был незаурядным человеком. А его сын Медеу — вообще сильная личность. Он взял одну из наших тетушек младшей женой. Так вот, этот Медеу возил на верблюде из Семипалатинска красный кирпич,

чтобы построить школу. Этот дом до сих пор стоит на своем месте, и называют его “школой Медеу”.

Я с сожалением расстался с Узекеном.

Пятница, 26 апреля 2002 г.

День ясный. Воздух чист. Деревья на улицах покрылись свежей листвой. Я приехал в университет вместе с Маханом и взял у Адила Мауленовича Жунисова, доктора наук, директора Института социально-политических исследований, который активно участвовал в подготовке съезда, выделенную для меня работу. Ее оказалось не так уж много, примерно за два часа я отредактировал то, что мне дали, и, предупредив Максута, отправился в сторону здания Верховного Суда РК. К моей радости, один из проректоров — Чингис Андабеков, составил мне компанию.

Прежде всего мы остановились возле сооруженного перед зданием Верховного Суда памятника трем мудрым биям — Толе, Казыбеку и Айтеке. Так как была пятница, я прочел суру из Корана, которую знал, и склонил голову перед аруахами прадедов. В основании памятника врезаны в камень дошедшие до нас их драгоценные слова:

*“Бірлігі мықты ел болса,
Барлығы бауыр болады.
Отқа иелік болмаса,
Жеріңді өрт шалады.
Әділ билік болмаса,
Халқың дертті болады”.*

перевод на русский язык это звучит примерно так:

*“Друг другу станут все как братья,
Если единством крепок твой народ.
Огонь захватит степь в объятья,
Коль пламя не возьмешь ты в оборот.
Цена несправедливой власти —
Несчастный, потерявший мощь народ”**.

* Перевод М. Жанузаковой.

Прочтя их, я еще раз склонил голову.

На тыльной стороне постамента прикреплена вылитая из бронзы четырехугольная табличка, на которой выгравированы имена членов авторской группы, принявших участие в создании памятника. Из нее я узнал, что возглавлял ее мой друг Максут Нарикбаев.

Благодаря организованному моим проводником и спутником пропуску, мы зашли внутрь здания Верховного Суда. В холле установлены в ряд бюсты многих наших прадедов, живших в XVIII-XIX веках, которые в дни испытаний, выпавших на долю нашего народа, мудро, не щадя своих сил и энергии, вершили власть, отважно бросались, наострив копья, в гущу врага, вели судьбоносные переговоры, удивляя всех красноречием. Увидев это, я невольно застыл от изумления. Смотрю, а в их числе и образы Ескельды-бия, Кабылисы — Кабан-жырау, святого Балпыка, чьи жизни я сам исследовал и выпустил свои труды небольшими отдельными книжками. Опять прочел Коран, адресовав молитву всем аруахам прадедов, запечатленных в бюстах, и до глубины души был признателен своему другу Максуту, который организовал эту славную галерею портретов, когда работал председателем Верховного Суда.

На одной стене просторного коридора второго этажа развешено множество музейных документов и портретов в рамках. Выяснилось, что до 2000 года в истории Казахстана 23 наших соотечественника занимали пост председателя Верховного Суда. Самым первым был Нигмет Нурмаков, а 23-м по счету — мой друг Максут Нарикбаев, его портрет тоже красуется на стене. Интересно, что фамилии первого и последнего председателей Верховного Суда нашей республики начинаются с одной буквы “Н” — Нурмаков и Нарикбаев. Я даже задумался на некоторое время, пытаюсь понять, случайно ли это совпадение.

Однако порадовался и внутренне ощутил гордость за Махана, разыскавшего и собравшего вместе все эти музейные документы, чтобы они сослужили пользу нынешнему и будущему поколениям.

Возвращаясь в университет, заглянул в музей Са-кена Сейфуллина, который встретился по пути, бегло осмотрел его и тоже прочел суру духу этого благородного человека. Расположенный на центральной улице Астаны, музей, как и литературный музей Ильяса Джансугурова в Талдыкоргане, занимает срубленный из сосны многокомнатный деревянный дом постройки конца XIX — начала XX веков. Поскольку экспонатов не очень много, в музее вышли из положения, выставив на всеобщее обозрение огромное количество литературы об исторической личности С. Сейфуллина, которого в свое время называли “трибуном революции”.

Пообедав вместе с Маханом в его кабинете, я отправился теперь в сторону Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Снова в сопровождении Чингиса. Шофер Максута Владимир, видимо, коренной житель города: лихо проехав по центральным улицам, он мгновенно очутился у большого моста, связывающего два берега Ишима, промчался по нему и вскоре подъехал с удобной стороны к зданию Евразийского университета, величественный облик которого я заметил еще издали. Оно очень красиво и построено в самых современных тенденциях архитектурного искусства. Зелень и искусное оформление прилегающей к университету территории притягивают глаз и радуют душу.

Мы вошли в университет через дверь в южном торце. От входа повернули налево и попали в просторное фойе с голубым куполообразным сводом, напоминающим шанырак юрты. Верхняя часть свода застеклена, поэтому солнечные лучи свободно льются сквозь стекло и согревают фойе. Пол выстелен по-

лированным белым мрамором, он так сверкает, что, если не будешь осторожным, не ровен час, поскользнешься и упадешь. Чистота и красота, видно, удерживают людей от вульгарных поступков — мы не заметили ни одного студента, который бы курил, пуская клубы дыма, или сплевывал там где стоит, как это можно увидеть в других вузах. Вся молодежь вокруг одета в красивую одежду, переговаривается вполголоса, без слов чувствуется воспитанность.

Я поспешил увидеть копию надгробного камня с письменами, установленного на могиле героического полководца Культегина — предводителя тюркского каганата, существовавшего на территории Монголии в V-VIII вв. Исторический памятник, полный поучительных назиданий, очень удачно вписан в интерьер. Выбитые на камне Орхоно-Енисейские письмена мне знакомы. В том смысле, что я видел их снимки и расшифровку в книге, даже переводить пробовал. А начинаются великие письмена со слов: “Бог может быть только Богом...” Я потрогал камень рукой, тысячу раз поблагодарил про себя датского ученого Вильгельма Томсена, который только в XIX веке отнес этот письменный памятник к тюркскому, и преклонил колени.

Радуясь в душе, что осуществил свою давнюю мечту, я вернулся в машину. По широкому проспекту, тянущемуся вдоль правого берега Ишима, мы доехали до дома Максута, где я отправил назад Володю со своим спутником Чингисом.

Отдохнул с часок. Маха выслал за мной машину, а потом, когда все собрались, повел нас — меня, Касию и Марию с сыном Дарханом — в Конгресс-холл, где должен был состояться концерт “артистки мира” Айман Мусаходжаевой, посвященный 25-летию ее сценической деятельности. Айман, естественно, знает все казахстанское общество. Она обладательница выдающегося таланта, популярная во всем мире, и

на скрипке играет виртуозно. Ее радость пришли разделить коллеги по сцене во главе с Гаухар Мырзабековой; среди них и Нагима Ескалиева, Макпал Жунусова, Роза Рымбаева и другие, они поздравили именинницу и “рассыпали” перед ней букет прекрасных песен.

Во время этого концерта я увидел среди зрителей своего любимого учителя, которого боготворю, — доктора филологических наук, профессора, ректора Евразийского национального университета Мырзатая Жолдасбекова Жолдасбекова. Со дня своего приезда в Астану я пытался с ним встретиться: приду — его нет на месте, а если застану — не могу попасть к нему в кабинет. Поэтому, заметив его в зале, я воодушевился и очень обрадовался.

Несмотря на то что концерт растянулся на три лишним часа, он получился очень зрелищным. Айман пригласила Махана, а вместе с ним и всех нас, на фуршет, который состоялся после концерта. Признаться честно, в первый раз в своей жизни увидел, что представляет собой фуршет.

В ходе этой вечеринки я познакомился, встретился и перекинулся словом с несколькими славными дочерьми и сыновьями казахского народа, которые сделали для него столько полезного. Среди них, например, выдающийся мастер казахского искусства Халык Кахарманы Азербайжан Мамбетов, глава правопорядка генерал Сат Токпакбаев, сенатор Куаныш Султанов и многие другие.

Я был очень признателен Махану за то, что смог насладиться искусством Айман, вкусил от ее дастархана и узнал, что такое фуршет.

Выйдя из Конгресс-холла, мы в том же составе отправились в уже знакомый мне ресторан Касии “Скрипка Страдивари” и там поужинали. Вместе с нами был и приглашенный Максутом заведующий кафедрой иностранных языков нашего университета

(в Алматы), доктор наук, профессор Жумагали Абуович Абуов. В народе говаривают: “будь скромн, если велик”, вот и Жумекен человек с очень мягким характером, вежливый, культурный. Он привез с собой большой портрет Махана с Касией на фоне новогодней елки, который по его заказу сделали, пересняв фотографию. Максут с Касией этим подарком остались очень довольны.

Вернувшись домой, мы опять увлеклись чаем и засиделись допоздна. Стрелки часов показывали больше часа.

Суббота, 27 апреля 2002 г.

Хоть и легли глубокой ночью, Маха не изменил своей ежедневной традиции, и, как обычно, они с Касией отправились на прогулку. Только я встал позднее, и утренний чай мы пили вместе после их возвращения.

Сегодня я вновь ощутил ответственность Максута к своей работе. Когда вошел в его кабинет, он вслух зачитывал доклад, с которым должен был выступить вскоре на съезде.

— Как считаешь, я выбрал правильный тон? — спросил Маха.

Я посоветовал не спешить, выразительно произносить каждое слово, чтобы привлечь внимание. Он кивнул в знак согласия.

Когда мы добрались до здания Театра казахской драмы имени К. Куанышбаева, которое находилось не так далеко от университета, практически все делегаты были уже на месте. Завершилась и регистрация.

С незапамятных пор стало закономерным явлением, что благородные дела в большинстве случаев исходят от людей, искренне болеющих за их суть. В течение короткого времени из разных уголков республики была выражена поддержка движению и свободно изъявленное желание стать его членами. В итоге

этого процесса делегаты региональных групп поддержки, стекаясь из западных и восточных, южных и северных областей нашей необъятной республики, оказались сегодня в просторном зале Театра казахской драмы имени К. Куанышбаева в столице страны Астане. Потому что именно здесь проходит съезд республиканского гражданского движения “За правовой Казахстан”. Зал до отказа заполнили делегаты и студенты высших учебных заведений, находящихся в Астане.

С докладом на съезде выступил председатель инициативной группы и организационного комитета съезда, ректор Казахского гуманитарно-юридического университета, доктор юридических наук, профессор и мой друг Максут Султанович Нарикбаев. В своем слове он сказал:

— Наш съезд — это не стремление собрать какую бы то ни было политическую силу, для того чтобы обрушить удар на известную группу, пытающуюся перехватить власть в государственных структурах. У нашего движения нет коммерческих или каких-либо других целей, наши помыслы направлены на то, чтобы, объединив усилия правоведов, интеллигенции и студенчества, оказать общественную помощь нашему молодому государству, которое находится в процессе становления, — ясно и емко изложил он интересы и задачи движения.

По-видимому, понимая, что докладчик очень точно поднимает те же вопросы, которые волновали сердца большинства собравшихся в зале, делегаты, приглашенные гости и те, кто пришел по собственной инициативе, замерли в абсолютной тишине, прислушиваясь к смыслу звучащих слов.

Выступившие в ходе прений один из старейших юристов республики карагандинец Султан Капарович Досмаганбетов, руководитель клуба “Молодые юристы” Шымкентского университета имени М.

Ауэзова Нуржан Альтаев, депутат парламента Зинаида Леонтьевна Федотова и другие, наряду с поддержкой, выразили идеи, пожелания и предложения, направленные на усиление деятельности движения. Особенно выигрышным оказалось слово академика Онолбая Аяшова — ректора университета “Сырдария” из города Жетысай Южно-Казахстанской области. Поднявшись на трибуну и пожелав успешной работы съезду, он искренне поделился своими мыслями:

— Как мне кажется, движения и партии создаются в основном в двух ситуациях. Первая — это время, когда начинаются выборы депутатов в Парламент; другая — это когда кто-то, лишившись депутатских полномочий или получив увольнение с государственной службы, выражает свой гнев и обиду. Движение “За правовой Казахстан”, членами которого мы являемся, не соответствует ни одной из двух названных ситуаций. Я бы назвал это движение, этот съезд союзом единомышленников, которые стойко придерживаются курса на совершенствование нынешнего законодательства. Цель движения — укрепление государственной независимости нашей родной республики, повышение ее авторитета в глазах мирового сообщества. Поддержка такого движения, думающего о единстве народа, о его целостности и солидарности, равноценна любви к Родине!

Правду говорят, что движущая сила жизни и общества — противоборство. В ходе съезда противоположного мнения не прозвучало. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Когда закончились прения, пришедший на съезд депутат сената господин К. Ескендилов, одно время являвшийся сторонником Максута, не выходя к трибуне, с места, бросил реплику:

— Предлагаемая программа государственно-правовой политики Республики Казахстан до 2010 года

не полностью соответствует Конституции и законодательству нашей страны. Поэтому эту программу следует переделать от начала и до конца.

Едва услышав этот отзыв, другой депутат — В. Землянов, сидевший как раз рядом с К. Ескендирировым, тут же вскочил с места и взволнованно заговорил:

— Это очень опрометчиво высказанное мнение, и я к нему никогда не присоединюсь. Проект программы подготовлен весьма грамотно и трезво, следует только внести несколько небольших поправок по отдельным направлениям и кое-что дополнить.

Маха, который вел работу съезда, поблагодарил В. Землянова, активного депутата и известного оратора, а господину К. Ескендирирову спокойно ответил:

— Программа, которая у вас в руках и с которой вы ознакомились, — всего лишь проект, поэтому, если у вас есть идеи, замечания и пожелания, нет никакой спешки, можете передать свои предложения в письменном виде, и мы с радостью внесем полезные изменения.

В ходе съезда также выступили в прениях и другие присутствовавшие, высказав ценные и разумные комментарии.

Азат Перуашев (лидер Гражданской партии):

— В проекте программы не учтен момент связи со средствами массовой информации. А я считаю это самым главным вопросом. Он особенно важен для вновь созданных гражданских движений, партий и объединений.

Нурлан Утешев (блок “Выбор молодых”):

— Я хочу сказать несколько слов от имени блока “Выбор молодых”. Мы, молодежь, — мощная сила, которую невозможно укротить. У нас полно сил и энергии, много и знаний.

Некоторые нас критикуют, называют “потерянным поколением”. Но на самом деле это не так. Мы

патриоты своей Родины. Мы всегда готовы приложить свои силы и знания для процветания нашей страны и торжества справедливости. Курс этого движения нам нравится, поэтому мы его поддерживаем!

Татьяна Григорьевна Квятковская (депутат мажилиса):

— Если говорить правду, партии и движения, которые появлялись до этого, жили своей жизнью, а народ жил своей жизнью, более того, разрыв между ними постепенно увеличивался. Глядя на программу данного движения, кажется, что этот недостаток будет истреблен. Подобная деятельность радует не только меня, она всех радует. Кому не согреют сердце такие строчки из программы, как “единство народа, согласие, взаимные связи и отношения”— Именно это и необходимо нам всем!

Если взять в общем, то со стороны участников съезда было внесено около 40 предложений по позиции, программе и уставу движения.

В съезде приняли участие около 150 делегатов, в основном представителей интеллигенции, из 9 областей и городов Казахстана. Форум завершил свою работу выборами Политического совета, состоящего из 35 человек. В него вошли депутаты Парламента РК: сенаторы К.С. Султанов и Б. Джусупов, мажилисмены С.М. Жалыбин, Ж.Н. Абдиев, З.М. Макашев, Р.К. Сарпенов, Т.У. Сыздыков и Т.Г. Квятковская.

Председателем Политического совета движения был избран М.С. Нарикбаев, его заместителем — известный государственный деятель З.Л. Федотова, секретарем — кандидат юридических наук, доцент Ж. Утенов.

На съезде была утверждена политическая позиция республиканского гражданского движения “За правовой Казахстан”, внесены дополнения и изменения в его устав, принято решение о направлении

проекта Государственно-правовой программы Республики Казахстан до 2010 года Президенту РК, парламенту, правительству, политическим партиям и движениям для согласования.

* * *

— Вот, братишка, часть из того, что я знаю и чем могу с тобой поделиться.

Максут: Кое-что из вашей беседы, Ораз, я невольно услышал. Этот молодой джигит — не просто корреспондент, он один из ярких представителей молодого поколения. Было бы хорошо, если б эта молодежь, которой предстоит взять эстафету дел у старшего поколения и двигаться вперед, знала, как появилось на свет движение, которое мы создали, и как продолжается его деятельность. Ты очень предметно и подробно рассказал обо всем — и об Обращении наших преподавателей-профессоров, и о программе движения, и о некоторых решениях первого съезда.

А это означает, что через сидящего сейчас рядом с нами своего представителя сегодняшнее молодое поколение сможет ясно понять направление, курс и цели движения “За правовой Казахстан”. Нам нечего скрывать от молодой поросли. И сегодня все еще немало животрепещущих вопросов во всех сферах общества, которые пока не решены и вынуждают наше независимое государство искать пути их решения. Один из институтов, призванный ускорить этот поиск, проявляющий искреннее желание способствовать быстрейшему развитию и расцвету нашей страны, — гражданское движение “За правовой Казахстан”, с этой целью оно и было создано.

Корреспондент: Как я понимаю, гражданское движение “За правовой Казахстан” призывает здоровые демократические и патриотические силы, все обще-

ство, которое желает стране блага и продвижения вперед, всех, кто мечтает о сильном и богатом народе, процветающей экономике и правовом обществе, сгруппироваться и объединиться для достижения общих целей. Расскажите, пожалуйста, хотя бы коротко, о поставленных перед собой задачах.

Максут: Наша цель — обобщив свои обычаи и традиции, огромный накопленный опыт и сохранив наше главное богатство — Свободу, Закон, Справедливость и Согласие, последовательно и неуклонно развивать страну не революционным, а эволюционным путем.

Мне думается, создание партий и общественных, а не правительственных организаций, учреждение свободных сообществ, чья деятельность исключает пустозвонство и направлена на подлинное развитие демократии, — это качество, свойственное настоящим гражданам своего Отечества.

Демократия — не политическая разнузданность, это, прежде всего, правовой порядок. Обеспечение гражданских прав и свобод. Наша идея — построить свободное и открытое гражданское общество, достичь торжества гуманизма.

Нынешняя внутренняя политика политической стабильности и международного согласия в Казахстане кое-кому в мире портит настроение. Если мы сравним ход правовой реформы у нас и в соседних государствах, то положение в нашей стране рождает в сердце каждого искреннюю радость. Единственная причина, по которой мы пришли к такому результату, — это наши базовые предпосылки и хорошо сохранившиеся, глубокие правовые традиции. Если мы взглядемся в нашу историю, то заметим, что понятиям “право”, “свобода”, “честь”, “совесть” в народе всегда придавался большой смысл и огромное внимание.

Для дальнейшего правового развития в нашей республике есть крепкая основа. Однако нельзя успо-

каиваться лишь ее наличием. Ее нужно умело использовать. “Мазар без присмотра зарастает травой, саблю, которую не достают из ножен, поедает ржавчина”, — говорит наш мудрый народ.

Мы считаем, настало время расстаться с пустыми словесными баталиями, взаимными упреками и обвинениями и перейти к конкретным делам, полезным для общества и народа. Потому что нашей главной общенациональной, общегосударственной идеей может и должна стать наша независимость, наш суверенитет!

Взяв за основу эту мысль, мы даже успели разработать один из вариантов общенациональной, общегосударственной идеи и предложили его для обсуждения общественности. Вот эта идея: **сохранение и укрепление независимости Республики путем строительства правового государства, опирающегося на подлинную демократию, межнациональное согласие, свободную рыночную экономику и нормы действующего законодательства.** Странники движения “За правовой Казахстан” полностью готовы обеспечить правовое содержание этой идеи.

Мы хотим особо подчеркнуть, что в Казахстане, с его огромными природными богатствами и обширной территорией, в связи с историческими традициями, отсутствием опыта многопартийности, многонациональным составом проживающих в нем народов, необходима президентская республика, возглавляемая всенародно избранным Президентом. Поэтому движение “За правовой Казахстан” поддерживает президентскую форму правления в качестве верховной власти в стране.

Однако это не означает, что мы принижаем роль Парламента в общественной жизни. Наше движение в этом направлении ради достижения будущих результатов поддерживает одновременное повышение ответственности и усиление эффективности предста-

вительной власти в системе государственного устройства республики.

В этой связи наше движение поднимает инициативу подготовки и предложения общественности и парламенту для более широкого обсуждения собственных вариантов законопроектов, необходимых для дальнейшего совершенствования парламентаризма в нашей стране.

Движение “За правовой Казахстан” обращает внимание исполнительной власти на появившуюся тенденцию нарушения законности. Ежегодная статистика показывает, что серьезному нарушению законов способствует, наряду с акимами разных уровней, и само правительство, которое в большинстве случаев опирается не на принцип законности, а на принцип целесообразности. Последующее за этим нарушение прав и свобод граждан и юридических лиц — это их традиция. Таких случаев в нашей стране не должно быть. Именно поэтому мы вышли с инициативой создания правовых механизмов привлечения к ответственности государственных чиновников за принятие незаконных актов.

Мне кажется, интеллигенция, на которую мы опираемся при решении задач дальнейшего прогрессивного развития общества, играет, бесспорно, особую важную роль. Естественный резерв, пополняющий состав интеллигенции, у нас обширен. Это, конечно, наша молодежь. Студенческая молодежь, получившая надлежащее образование, постоянно пополняет ряды интеллигенции, вливаясь в опорные силы нашего общества и непрерывный поток мощного развития. Таким образом, на плечи студенческой молодежи возлагается груз огромной ответственности за будущее нашей страны.

Если наша студенческая молодежь сегодня в полной мере ощутит престижность своих задач, будет стремиться стать высококвалифицированной интел-

лигенцией и активно включится в жизнь страны как сторонница и глашатай прогрессивных идей, тогда можно по-настоящему надеяться, что в государстве появятся реальные неистощимые силы, которые смогут претворить в жизнь идею создания в истинном смысле демократического, правового, гражданского общества.

Подводя итог высказанным мыслям, мне хотелось бы подчеркнуть, наши силы и энергию следует посвятить сокровенным проблемам каждого казахстанского гражданина. Движение “За правовой Казахстан” должно стать организацией всех наших соотечественников, независимо от национальных и политических различий, вероисповедания и пола. Оно только тогда будет по-настоящему мощным и передовым движением, если продемонстрирует, что является причудливым сплавом всевозможных интересов всех наших соотечественников. А это может реализоваться, если дружно и всей душой окунуться в работу, соединив энергию, умение и опыт.

Корреспондент: Максут Султанович, мой последний вопрос: полностью ли охвачена гражданским движением “За правовой Казахстан” наша республика, и сколько человек на сегодняшний день являются его членами?

Максут: Все 15 областей республики охвачены нашим движением. На нынешний день у нас свыше 80 тысяч активных членов.

Корреспондент: Ораз-ага, к вам у меня тоже есть один вопрос. Только что вы мне подробно рассказали, как в ходе организации движения вы после Южно-Казахстанской области побывали вместе с Максутом Султановичем в Актюбинской, Атырауской, Актауской, Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях. И везде Максута Султановича встречали с почетом. Пусть я и не записывал на диктофон, но все хорошо запомнил. Может, теперь рас-

скажете, как побывали на вашей родной земле — в Талдыкоргане?..

ПОЕЗДКА В ТАЛДЫКОРГАН

Вторник, 7 мая 2002 года.

Через своего секретаря Маха вызвал меня к телефону и предложил завтра, 8 мая, поехать с ним в Талдыкорган. Потом объяснил, что цель поездки — посещение Жетысуйской средней школы, где мы вместе учились, и поинтересовался, как я на это смотрю. Об этом мы уже как-то говорили, поэтому я сразу согласился и ответил, что всегда готов отправиться вместе с ним. Тогда Маха спросил: “А будет ли кто-нибудь из педагогов и учащихся в школе, ведь мы приедем накануне Дня Победы? — и тут же сам себя успокоил: — Ай, да ведь они все в одном ауле живут, вряд ли далеко уедут, в крайнем случае, хотя бы нескольких соберем, достаточно, чтобы пообщаться, вот только кто это организует?” Я сказал ему, что все можно устроить через Каиргали Алибаева — заведующего Ескельдинским районным отделом образования, и директора школы Каната Кудиярова. “В таком случае я попробую связаться с ними по телефону, — решил Максут и добавил: — только не завтра, а в четверг поедем — как раз 9 мая, я с тобой еще созвонюсь”.

Среда, 8 мая.

В 13 часов дня Маха открыл в актовом зале нашего университета торжественное культурное мероприятие, посвященное Дню Победы. В нашем коллективе все еще работали 11 преподавателей, которые принимали участие в Великой Отечественной войне. Всем им были вручены денежные подарки, несколько ветеранов отмечены юбилейными медалями в связи с 10-летием Вооруженных Сил РК, ряду преподавате-

лей объявлены благодарности. Торжественную церемонию завершил концерт с песнями, танцами и музыкальными номерами, час пролетел незаметно. В конце заседания Максута Султановича позвали для дачи телеинтервью, и я его больше не увидел. После концерта вернулся в свой небольшой коллектив, где наши девушки и женщины накрыли скромный, но аппетитный дастархан в честь Дня Победы. Сели, поздравили друг друга, подняли бокалы с вином и произнесли тост за тех, кто пал в великой битве, за счастливый сегодняшний день и за будущее. Когда разошлись, я еще около часа пробыл в своем кабинете, думая, что поступит какая-нибудь весть от Махана. Однако он не объявился. Несколько раз я пробовал найти его и по прямому телефону, и по сотовому, но связаться не удалось. Тогда я позвонил его помощнику Фархату, оставил свой домашний номер и ушел. Из дома вновь пытался найти Максута по мобильнику — связи не было.

Четверг, 9 мая.

Моя жена, узнав, что я, возможно, поеду в Талдыкорган, уже успела набрать примерно полдюжину подарков для наших тамошних внуков, поэтому я решил, если Маха не позвонит, отправлюсь туда сам на такси. Встал пораньше, умылся, побрился и только сел пить чай, как зазвонил телефон, и помощник Максута Фархат спросил меня:

— Ораз Исмаилович, вы в Талдыкорган поедете?

— Поеду.

— Тогда собирайтесь поскорее и приезжайте в университет.

— Ладно.

Я моментально собрался, вышел на улицу, поймал такси и скоро был в университете. Через несколько минут появился Фархат, который приводил в порядок командировочные документы. Поехали. По дороге заправились бензином. С заправки Фархат

двинул напрямик к дому старшего сына Максута — Асхата, который находится на проспекте Достык. Подъехали ровно в девять, как и договаривались. Асхат — участник войны в Афганистане, накануне он встречался со своими друзьями-афганцами, с теми, кто выжил, постоянно пополняют ряды интеллигенции слегка, видать, очень поздно вернулся домой, поэтому в Талдыкорган он решил не ехать. Вместо него собралась поехать жена Галия с детьми, Асаном и Аханом. Они задерживались: 10, 15, 20 минут прошло, уже и 25, а их все нет. Маха то и дело беспокойно интересовался по телефону: “Ну, где вы?” Сам, наверно, уже до Капшагая доехал. Он на джипе, за рулем — сын Талгат. Касия уехала в Талдыкорган еще вчера.

Наконец, когда прошло полчаса, подошла Галия с детьми.

— Извините, Асана радикулит прихватил, я даже перепугалась, хотела “скорую” вызвать... В общем, задержались мы, конечно, стыдно вышло, — искренне призналась Галия.

В этот момент вновь зазвонил мобильник, и Маха сообщил, что ждать нигде не будет, а поедет напрямик дальше.

Догнать Максута невозможно: он на одной из самых проходимых и скоростных машин современности — на джипе, а мы — на старенькой “Вольво”. Однако за Капшагаем, подзуживаемый мною, Фархат развил скорость 110-120 км/час, поэтому, когда проехали Шенгельды, бензиновая стрелка стала падать. Фархат тут же заканючил, мол, бензина даже до Сарыозека не хватит, а немного погода спросил:

— Перед Аркарлинским перевалом есть где-нибудь заправка?

В Алматы они на каждом углу, а на этой длинной дороге, даже на входе и выходе со сложного перевала, ни одной не встретилось. К чести Фархата, у него

была в качестве НЗ одна канистра бензина — пришлось ее использовать.

Чуть больше 12.30 дня мы доехали до аула Бахтыбай Ескельдинского района. На связь вышел сын Максута Канат, поинтересовался, в какой стороне мы находимся, и посоветовал ехать по кольцевой дороге — так проще добраться в Еркин. Но мы проехали через центр Талдыкоргана, где Галия купила три букета, а я — один ярко-красный цветок.

Примчавшись в Еркин, заметили у дома на окраине машину Махана и повернули к ней. Дом, видимо, принадлежал довольно близким родственникам. Дастархан накрыт, на столе — семь поминальных лепешек. Все в сборе: мать Максута — Зинаш-апай, его теща Батима-апай, Касия, дети. Я обошел всех и поздоровался, потом присел, отломил кусочек поминальной лепешки и выпил предложенную пиалу чая. Почти сразу встали и отправились на кладбище. Оно километрах в двух от аула, дошли довольно быстро. Год выдался дождливым, поэтому аул и внутри, и снаружи весь утопал в зелени. Кругом сочное и густое разнотравье, цветут тюльпаны.

Дед Максута Нарикбай и бабушка Гизатбану похоронены с северной стороны старого кладбища, похоже, здесь же покоится прах братишки Максута — Махмуда. Над всеми могилами — гранитные памятники. Еще один такой же посвящен отцу Султану. Все четыре изваяния стоят в ряд, а перед ними установлена общая трехугольная большая каменная плита, на которой выбита красивая, витиеватая надпись:

“Посвящаю арухам деда Нарикбая, бабушки Гизатбану, моего погибшего в бою за Родину отца Султана, земля с могилы которого достигла родной земли, и моего безвременно ушедшего братишки Махмуда.

Максут Султанович Нарикбаев. 1995 год”.

Все подошли ближе, я положил свой красный цветок у подножия памятника и склонил голову.

В этот момент вся династия Нарикбаевых во главе с Макеном подтянулась ближе к памятнику, все сели на корточки. Приглашенный из талдыкорганской мечети “Нур” имам Сержан Мажитханулы прочел Коран, посвятив молитву покоящимся старику Нарикбаю, его жене Гизатбану, их сыну Султану и внуку Махмуду. В качестве пожертвования Маха, его дети, внуки, невестки и родичи бросили перед Сержаном деньги. После этого Нарикбаевы, теперь уже под началом Касии, возложили к надгробиям привезенные цветы и букеты.

Маха подошел поочередно к могилам деда и бабушки, к памятнику отцу, взял везде с краю немного земли и сказал:

— Прах моего отца Султана покоится в братской могиле на воинском кладбище в Украине. Горсть земли оттуда я привез сюда и положил у могил его отца Нарикбая и матери Гизатбану. Вот поэтому рядом с памятниками над их надгробиями я поставил и памятник отцу. И своему младшему братишке Махмуду, который умер малолетним и покоится тут с краю, — а потом он рассказал, что на кладбище похоронены его близкие родственники: Оразбек-ата, Бигайша-аже, Жакып, Баймолда и другие.

— Ты сделал очень благородное дело, друг. Самое главное, в памятниках ощущается не крикливость, а учтливое почтение, — высказал я свое мнение.

Маха как будто ждал этого, с восхищением бросил взгляд в сторону гранитных изваяний, выполненных в форме древних балбалов, и пояснил:

— Эскизы к памятникам делал известный художник, покойный Бексеит Тюлькибаев, — он погладил рукой один из памятников и сказал: — Хоть и небольшие, а приятные, правда?

Кладбище тоже все скрыто в зелени, даже могил не видно. Воздух чистый, небо ясное. Такое ощущение, что мир вокруг только что умылся и похорошел, засиял, зацвел. Все это, бесспорно, благодаря нынешней обильной ливнями и дождями весне.

Вернувшись в аул, мы сели в машины и поехали в город. Там на окраине, в кафе-ресторане “Белое солнце пустыни”, Касия приготовила дастархан в память покойных родичей Максута и в честь Дня Победы. Нас уже ожидали группа людей преклонного возраста и ряд чиновников.

Как обычно, поприветствовали друг друга, потом один из чиновников стал въедливо расспрашивать о моих делах и положении. Похоже, таким замысловатым путем он хотел выведать, а не нанял ли меня Маха в борзописцы. Но на его плутоватые слова я ответил добродушным расположением, объяснив, что соскучился по родным местам, землякам, родичам, вот и последовал за ним. Видимо, тот решил, что я ни о чем не подозреваю, потому как приоткрыл “маску” со своего лица и произнес каким-то завистливым голосом: “слышали, вы у Махана работаете, это неплохо”. А немного спустя и вовсе разошелся:

— Еще с незапамятных времен рядом с батырами и ханами всегда были акыны, жырау или летописцы-историки, хорошо, что и ты нашел себе место подле Махана, — тонко съехидничал он.

Я мгновенно понял его подноготную, как говорится: по взгляду чую, что хочешь ударить. Посмотрел на него с жалостью. А в голове закружились приятные мысли: “Думаешь, я летописец одного человека? Разве наши давние предки Оракты-батыр, Ескельды-би, святой Балпык, Кабылиса-жырау, акын Бахтыбай, святой Жолбарыс, Нурмолда-ата — не вы-

дающиеся личности в истории рода жалаиров, одного из самых крупных в нашем народе? Как же можно считать меня чьим-то личным борзописцем, если я “воскресил” этих знаменитых и талантливых самородков, написав о них множество статей и отдельных книг, и продолжаю писать? Разве названные прадеды — не прямые корни всех, кто здесь находится? В таком случае, разве я, по крайней мере, не писатель-историк всего рода жалаиров? Это и правильно, и воистину так. Ради чего мой земляк-чиновник мутит воду? Правда, про себя он так не считает. Наоборот, думает, что ловко, не выдав себя, уколол, ушипнул, задел Ораза, другими словами, вне себя от радости за собственное коварство. В таких случаях наши прадеды говорили: “Накричу — сестренка расстроится, скажу мягко — цену себе потеряю”. Другие даже слов не тратили на подобных болтунов, пренебрегая их присутствием: “Собака лает — караван идет”. А что делать мне? Вразумить, если он умом тронулся, наорать во всю глотку, если ошибся, либо просто плюнуть и забыть?..”

Когда меня увлек этот возбуждающий клубок мыслей, у кафе появилась Марфуга, моя старшая сестра, которая живет в городе и пришла специально увидеться. Она заметила меня издали, поспешила навстречу, расцеловала и засыпала расспросами о доме, Хадише, моих детях Еркеке, Мурате, Жихаз и о внуках, а потом ушла.

Снаружи мы стояли недолго. Вскоре официанты пригласили за стол:

- Заходите внутрь, дастархан готов!

Вошли. Мне досталось место в одном ряду с имамом и членами семьи Нарикбаевых. Слева от меня сидела Зинаш-апай — мать Максута, рядом с ней — его теща Батима-апай, дальше — 78-летняя Курми-апай,

единственная сестренка отца Максута Султана, еще дальше — Бибинур, жена Жакып-агая, в талдыкорганском доме которых во время учебы несколько лет жил Максут, и в конце — его супруга Касияханум.

Ну а напротив, за столом, расположенным параллельно нашему, сидела группа интеллигентов во главе с Маханом и несколько стариков из аула Еркин.

Перед трапезой имам прочел Коран. Первое слово Маха взял сам. Не стал скрывать, что День Победы для него и для его семьи — грустный и горький праздник:

— ...потому что среди тех, кто отдал себя в жертву ради Великой Победы, как воздух необходимой всему народу, был и мой отец, погибший на этой войне, и тесть, который вернулся инвалидом и рано ушел из жизни.

Вы знаете, что семь лет назад я съездил на могилу отца в далекой Украине, привез горсть земли оттуда и смешал ее с землей, где лежат мой дед Нарикбай, бабушка Гизатбану и младший брат Махмуд. Потом установил каждому памятник. Хвала создателю, вразумил меня на этот верный поступок! Теперь, приезжая в аул, я прежде всего иду к родным могилам, чтобы поклониться им и освятить молитвой из Корана.

Хочу от имени всей нашей семьи при вас выразить нашу благодарность сидящему здесь акиму города Сакену Жылкайдаровичу.

От природы великодушный, Сакен совершил воистину гражданский поступок — возвел памятный мемориал погибшим в Великой Отечественной войне талдыкорганцам. В списке, выбитом на этом памятнике, есть и имя моего отца.

Тысячу спасибо тебе, Сакен! Я склоняю голову и перед другими своими земляками-братьями, кто не щадя сил занимался этим нужным и благородным делом!

Дорогие земляки, мои старшие и младшие братья и сестры, друзья и сверстники, с которыми я вместе рос! У меня в мыслях уже давно живет заветная мечта построить в центре родного аула дом святой веры — мечеть. Недавно городской акимат принял по моей просьбе необходимое решение и выделил участок под строительство.

Бог одарил меня удачей, участок оказался прямо на месте нашего родного дома, где я появился на свет и провел сладкую пору детства и юности. А напротив, на другой стороне улицы, стоял некогда клуб, в котором я работал заведующим. Теперь здесь развлекательное заведение, где многие любят отводить душу, — казино.

Если вскоре напротив поднимется ввысь Еркинская мечеть, я буду считать, что выполнил свой сыновний долг перед родным аулом, который вскормил и вспоил меня.

В нашем народе, как оказалось, не принято, чтобы возведением дома Аллаха занимался один человек. Поэтому я предлагаю учредить специальный фонд под названием “Еркинская мечеть”, основные расходы по которому берусь взять на себя. Я уверен, что аксакалы нашего аула во главе с Абекеном и Жамали-агаем, а также мои друзья Мусабай, Жанайбек, Шаймерден и молодые предприниматели, такие как мой братишка Темирхан, поддержат эту идею.

Что греха таить, все собравшиеся на поминальный обед люди горячо одобрили инициативу Максута и пообещали принять самое активное участие в этой затее.

С юных лет обладающий навыками организационной работы, Маха даже заранее оформил необходимые документы о создании фонда и на глазах у всех вручил их своему другу Жанайбеку, человеку деловому и расторопному, который легко справится с любым делом.

В завершение старшие благословили дастархан, и во имя спокойствия душ покойных был прочтен Коран.

Вышли наружу. Аулчане, земляки окружили нас со всех сторон: кто-то прощался, кто-то стремился переговорить с Маханом наедине, а кто-то даже успел и о помощи попросить.

Наконец, когда все разошлись, я спросил у Максута, напомнив о главной цели нашей поездки:

— Когда же мы в школу поедем?

— На этот раз не поедем, Ораз! Не хочется с пустыми руками, лучше приготовим, как в тот год, подарки и приедем специально только ради визита в школу. Возможно, к тому времени мы завершим работу и над своей книгой, устроим там презентацию — и школе будет приятно, и для нас честь.

Ну а сегодня мне нужно срочно уехать. Сам знаешь, я уже давно мечтаю построить научно-образовательный комплекс со студенческим городком для нашего университета в Астане. Обратился к Президенту с просьбой принять меня, чтобы показать ему проект этого городка. За обедом мне позвонили и сообщили, что Нурекен готов принять меня завтра. Так что хочу побыстрее вернуться в Алматы и вечерним рейсом улететь в столицу, — объяснил он мне и добавил, что в моем распоряжении несколько свободных дней для отдыха.

Я сильно обрадовался, потому что очень соскучился по внукам, искренне поблагодарил Ма-

хана. Прямо оттуда они с Касией уехали в Алматы.

Мой друг, который все свои силы и энергию направляет на то, чтобы возвысить авторитет родной страны и главы государства, снова спешил вперед, чтобы одолеть еще один из перевалов своего жизненного пути. Я бросил ему вдогонку:

— Где бы ты ни был, будь здоров и удачлив, дружище! — и несколько раз повторил это пожелание про себя.

Через мгновение машина Максута скрылась из виду.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Пролог.....	4
Моя бабушка Гизатбану	10
Неугасимые “маяки” и Калдыкыз	23
Наказ отца	37
“Соперник”	50
Покой нам только снился... ..	63
Ах какая была весна!	85
Вслед за мечтою в далекий край	109
И мы неслись навстречу мечте... ..	131
Возвращение в аул	139
Издержки характера, старое письмо и другое.....	156
История, рассказанная в горах	174
Не упusti свою удачу!	191
И печаль, и радость	210
Ступени счастья	228
Скачки карьеры	240
Лихолетья жизни	251
В стремнине судьбы	274

Часть вторая

Накануне президентских выборов.....	291
Правда об истории, взволновавшей общественность	309
Жизнь — это нескончаемый фронт.....	330
Этапы покоренной мечты	346
Торжественная инаугурация Президента	356
Жизнь — не торный путь	361
Идеи и реформы	372
У каждой поры свои достоинства	387
Народ — опора языка	427

Независимость суда — гарант правосудия	432
Благородство корней	440
В пучине мыслей	463
За правовой Казахстан	491
Поездка в Талдыкорган	563

**МАКСУТ НАРИКБАЕВ
ОРАЗ ИСМАИЛОВ**

ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ СЧАСТЬЯ

К н и г а д и а л о г о в

Перевод с казахского *М. Жанузаковой*
Редактор *М. Жанузакова*
Набор на компьютере *М. Жанузаковой*
Компьютерная верстка *Е. Огурцовой*
Корректор *Н. Ордагулов*

Подписано в печать . Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем 36,0 п.л. Тираж 1000. Заказ №2917.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация Атамұра» Республики
Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.